

DOUGLAS MURRAY

**THE MADNESS
OF CROWDS**

ДУГЛАС МЮРРЕЙ

БЕЗУМИЕ ТОЛПЫ

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 316.4
ББК 60.56
Д80

Перевод с английского Н. А. Ломтевой

Дуглас, Мюррей

Д80 Безумие толпы. Как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем / М. Дуглас ; [пер. с англ. Н. А. Ломтевой]. — М. : РИПОЛ классик, 2022. — 480 с.

ISBN 978-5-386-14286-5

В «Безумии толпы» Дуглас Мюррей исследует опасности «культуры отмены» и роста политики идентичности, которые все чаще становятся не способом защитить угнетенных, а инструментом наказания несогласных. Он обращается к таким противоречивым вопросам современности как сексуальность, пол, раса и влияние технологий на наше поведение в Интернете, где нам следует заново научиться прощению и состраданию.

Дуглас Мюррей один из немногих авторов, осмеливающихся опровергнуть преобладающее общественное мнение и поставить под сомнение драматические изменения в нашем обществе — от хирургической коррекции пола детям до того, как права трансгендерных людей влияют на женщин. Проницательная книга Мюррея возвращает здравый смысл в хаос сложных моральных дилемм современности.

**УДК 316.4
ББК 60.56**

Copyright © Douglas Murray, 2019
Afterword © Douglas Murray, 2020
© Ломтева Н. А., перевод
на русский язык, 2021
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2021

ISBN 978-5-386-14286-5

Особенность современного мира не в том,
что он скептичен, а в том, что он догматичен,
сам того не зная.

Гилберт Кит Честертон

'Oh my gosh, look at her butt,
Oh my gosh, look at her butt,
Oh my gosh, look at her butt,
(Look at her butt),
Look at, look at, look at,
Look at her butt'

Ники Минаж

ВВЕДЕНИЕ

Мы проходим через великое безумие толпы. На публике и в частной жизни, как в Интернете, так и вне его, люди ведут себя все более иррационально, лихорадочно, стадно и попросту неприятно. Ежедневный поток новостей полон последствий этого поведения. Тем не менее, хоть мы и видим повсюду симптомы, мы не видим причин.

Этому давались различные объяснения. Они, как правило, предполагают, что любое безумие является следствием президентских выборов или референдума. Но ни одно из объяснений не проникает в суть того, что происходит. Поскольку за всеми этими ежедневными событиями стоят гораздо более крупные движения и гораздо более масштабные события. Пришло время встретиться лицом к лицу с истинными причинами всего того, что идет не так.

Даже истоки этого состояния редко осознаются. А в истоках — тот простой факт, что мы уже более четверти века живем в состоянии, когда все наши великие нарративы рухнули. Один за другим они опровергались, становились непопулярными

Безумие толпы

и сложными для поддержания. Первым пало объяснение причин нашего существования, которое давала религия — оно разрушалось с XIX века и далее. Затем, в XX веке, вслед за ней последовали секулярные надежды политических идеологий. В конце XX века мы вступили в эпоху постмодерна. Эта эпоха определяла сама себя и определялась другими через ее подозрительное отношение ко всем великим нарративам¹. Однако, как это знают даже школьники, природа не терпит пустоты, и в постмодернистский вакуум начали влезать новые идеи — с намерением привнести свои собственные объяснения и смыслы.

Было неизбежно, что некто сделает шаг на эту пустынную территорию. Люди, живущие в богатых западных демократических обществах сегодня, не могли бы попросту оставаться первыми людьми за всю историю человечества, у которых не было бы совершенно никакого объяснения тому, что мы здесь делаем, и никакой истории, которая придала бы жизни смысл.

Несмотря на свое несовершенство, великие нарративы по крайней мере наделяли жизнь смыслом. Вопрос о том, что именно мы должны делать теперь — помимо того, чтобы богатеть, когда есть возможность, и веселиться, когда есть возможность — должен был получить какой-то ответ.

Ответ, который представился в последние годы, заключается в том, чтобы вступать в новые битвы, ввязываться во все более ожесточенные кампании и высказывать все более изощренные требования. В том, чтобы найти смысл, ведя постоянную войну против любого, кто, кажется, принимает неверную

позицию в вопросе, который, возможно, сам только что был переформулирован и ответ на который только что изменился. Невероятная скорость, с которой шел этот процесс, была в основном вызвана тем, что несколько компаний в Кремниевой Долине (в частности, Google, Twitter и Facebook) теперь не только властны управлять тем, что большинство людей в мире будет знать, о чем будет думать и говорить, но и имеют в своей основе бизнес-модель, которая точно была описана как полагающаяся на поиск «клиентов, готовы платить за то, чтобы изменить чье-то поведение»². И все же, несмотря на то, что нас раздражает мир технологий, который развивается быстрее, чем мы, эти войны ведутся не бесцельно. Они последовательно ведутся в одном направлении. И у этого направления есть масштабная цель. Эта цель — не осознаваемая одними людьми и преднамеренно преследуемая другими — состоит в том, чтобы внедрить в наше общество новую метафизику: новую религию, если хотите.

Хотя основы закладывались в течение нескольких десятилетий, только начиная с финансового кризиса 2008 года произошло погружение в поток идей, которые до этого, как известно, существовали только в самых отдаленных закоулках академических кругов. Привлекательность этого нового набора убеждений довольно очевидна. Непонятно, почему поколение, не способное накапливать капитал, должно испытывать любовь к капитализму. И нетрудно понять, почему для поколения, которое убеждено, что никогда не будет способно приобрести собственный дом, может быть привлекателен

Безумие толпы

идеологический образ мышления, который обещает расправиться со всем неравенством не только в их собственных жизнях, но и с любым неравенством в мире. Интерпретация мира сквозь призму «социальной справедливости», «политики групповой идентичности» и «интерсекциональности», вероятно, является самой смелой и всеобъемлющей попыткой создать новую идеологию со времен окончания холодной войны.

Из них трех «социальная справедливость», потому что она кажется — а в некоторых версиях и является — привлекательной. Даже сам термин не подразумевает оппозиции к себе. «Вы против социальной справедливости? Вы что, хотите социальной несправедливости?»

«Политика идентичности» между тем стала тем местом, где социальная справедливость нашла свое воплощение. Она разделяет общество на различные группы интересов в соответствии с полом (гендером), расой, сексуальными предпочтениями и так далее. Она предполагает, что такие характеристики являются главными или единственными релевантными атрибутами своих носителей, а также то, что они приносят с собой некий дополнительный бонус. Например, как выразился американский писатель Коулман Хьюз, предполагается, что существует некое «высокое моральное знание», которое приходит вместе с чернокожестью, или женским полом, или гомосексуальностью³. Это является причиной склонности людей начинать свои вопросы или утверждения со слов «Я как... хочу сказать...» И это вопрос, в котором и живые, и мертвые люди должны занимать пра-

вильную сторону. Это та причина, по которой люди взывают к сносу памятников историческим личностям, которые воспринимались как принявшие неверную сторону, и это то, почему прошлое должно быть переписано для тех, кого вы хотите спасти. Это то, почему для сенатора от политической организации «Шинн Фейн» стало совершенно нормальным утверждать, что участвовавшие в голодной забастовке 1981 года члены ИРА бастовали за права геев⁴. Политика идентичности — это то, где группы меньшинств должны одновременно разделяться, организовываться и провозглашаться.

Наименее привлекательно в этой троице звучит понятие «интерсекциональности». Оно является приглашением к тому, чтобы провести остаток наших жизней в попытке выделить в себе и других каждую идентичность и каждое уязвимое место, а затем организовать в соответствии с той системой справедливости, которая вырастет из постоянно сдвигающихся иерархий, которые мы обнаруживаем. Это система, которая является не просто неосуществимой, но и сводящей с ума, она выдвигает невозможные требования и стремится к недостижимым целям. Но сейчас интерсекциональность вырвалась за пределы отделений социальных наук в гуманитарных колледжах, из которых она выросла. Теперь она воспринимается всерьез молодыми людьми и — как мы увидим — закрепляется путем трудового законодательства (в частности, через «приверженность разнообразию») во всех крупных корпорациях и правительствах.

Безумие толпы

Для того чтобы заставить людей принять новые предположения, потребовалась новая эвристика. Скорость, с которой она внедрялась, поражает. Как заметил математик и писатель Эрик Вайнштейн (и как показывает поиск по Google Books), слова и словосочетания вроде «ЛГБТК», «белая привилегия» и «трансфобия» из практически неиспользуемых превратились в мейнстримные. Как он писал в комментарии к графику, описывающем эту картину, вся эта «прогрессивность», которую миллениалы и другие сейчас используют для того, чтобы «разорвать тысячелетия угнетения и/или цивилизации... была придумана около 20 минут назад». Он продолжал: в то время как нет ничего плохого в том, чтобы пробовать применять новые идеи и фразы, «чертовски опрометчиво так серьезно полагаться на такое большое количество неиспробованных эвристик, которые были придуманы вашими родителями в непроверенных областях знаний, которым нет и 50 лет»⁵.

Точно так же Грег Лукьянофф и Джонатан Хайдт отметили (в своей книге 2018 года «Лелеяние американского создания»), насколько новыми оказались средства контроля и насаждения этой новой эвристики. Слова и словосочетания вроде «триггерить» и «ощущать себя не в безопасности», а также утверждения о том, что слова, которые не вписываются в эту новую религию, наносят «вред», начали по-настоящему часто употребляться только начиная с 2013 года⁶. Как будто, определившись с тем, чем она хочет, эта новая метафизика в течение еще 50 последующих лет вырабатывала способ запугать своих последователей и тем самым заста-

вить их войти в мейнстрим. Но ей это удалось — с большим успехом.

Результаты этого можно увидеть в ежедневных новостях. Эта метафизика стоит за новостями о том, что Американская психологическая ассоциация считает нужным инструктировать своих членов о том, как искоренять «традиционную маскулинность» из мальчиков и мужчин⁷. Она является причиной того, почему в прошлом совершенно не известный программист Google, Джеймс Дамор, мог быть уволен за то, что написал заметку, в которой говорил, что некоторые рабочие места в сфере технологий больше подходят мужчинам, а не женщинам. И она является причиной того, почему число американцев, которые считают расизм «большой проблемой», увеличилось вдвое за временной промежуток с 2011 по 2017 год⁸.

Теперь, когда мы смотрим на все сквозь новые линзы, которыми нас снабдили, все превращается в оружие, и это влечет за собой ненормальные и сводящие с ума последствия. Это — та причина, по которой газета «The New York Times» решила опубликовать статью, написанную чернокожим автором и озаглавленную «Могут ли мои дети дружить с белыми людьми?»⁹ И почему даже статья, посвященная смертям велосипедистов в Лондоне и написанная женщиной, может иметь заголовок «Дороги, спроектированные мужчинами, убивают женщин»¹⁰. Такая риторика обостряет существующие разногласия и создает все новые. И с какой целью? Вместо того, чтобы показать, как мы все можем ладить друг с другом, уроки, преподнесенные последним минувшим десятилетием, похоже, обо-

Безумие толпы

стряют ощущение того, что в действительности мы довольно плохо друг с другом уживаемся.

Для большинства людей некоторая осведомленность об этой новой системе ценностей стала очевидной не столько путем проб, сколько путем очень публичных ошибок. Поскольку одна вещь, которую все начали по меньшей мере ощущать в последние годы, заключается в том, что во всей культуре расставлены подножки. Вне зависимости от того, были ли они расставлены отдельными людьми, группами людей или каким-то божественным сатириком, они ждали, пока люди один за другим не споткнутся о них. Иногда нога человека невольно задевает подножку, и тогда все взрывается. В других случаях люди наблюдали за тем, как какой-нибудь храбрый безумец заходил прямо на ничейную территорию, отлично осознавая, что делает. После каждого последующего за этим взрыва начинается некий спор (включающий в себя иногда и возгласы восхищения), а затем мир движется дальше, смиряясь с тем, что еще одна жертва была побеждена этой странной и, похоже, изобретаемой на ходу системой ценностей нашего времени.

Потребовалось некоторое время на то, чтобы эти подножки стали различимыми, но теперь они ясно видны. Среди самых ранних были те, которые были связаны с гомосексуальностью. Во второй половине XX века шла борьба за равные права для геев, которая оказалась чрезвычайно успешной и обратила вспять ужасные несправедливости истории. Затем, когда война была выиграна, стало очевидно, что борьба не прекращается. Вместо этого она видоизменяется. ГЛБ (Геи, Лесбиянки,

Бисексуалы) стали ЛГБ (Лесбиянки, Геи, Бисексуалы), чтобы не уменьшать видимость лесбиянок. Затем добавилась буква Т (что произошло гораздо быстрее). Затем — буква К и несколько звезд и звездочек. По мере того, как дополнялся гей-алфавит, что-то менялось внутри движения. Оно начало вести себя в состоянии успеха так, как когда-то вели себя его оппоненты. Когда ситуация изменилась в пользу движения, произошло нечто неприятное. Десять лет назад почти никто не поддерживал идею о легализации гей-браков. Даже такие группы по защите прав гомосексуалов, как «Stonewall», не поддерживали ее. Но прошло несколько лет, и гей-браки стали одной из фундаментальных ценностей современного либерализма. Не поддерживать однополые браки — спустя всего несколько лет после того, как почти никто их не поддерживал (включая группы по защите прав геев) — означает выйти за рамки дозволенного. Люди могут соглашаться с требованием права на однополые браки или не соглашаться, но для того, чтобы так быстро изменить нравы, нужно действовать с невероятной осторожностью и глубокой осмысленностью. Однако мы, похоже, стремительно мчимся мимо — ни осторожно, ни осмысленно.

Вместо этого по аналогичной схеме решались другие проблемы. Права женщин, как права гомосексуалов, неуклонно накапливались на протяжении XX века. Они тоже, казалось, приближались к какому-то урегулированию.

Затем, как только поезд, казалось, достиг желаемого места назначения, он вдруг набрал скорость и с грохотом покатился по рельсам. То, что еще

Безумие толпы

вчера едва обсуждалось, сегодня стало тем, что способно разрушить жизнь человека. Целые карьеры были сметены с пути и отброшены в сторону, пока поезд мчался по своему пути.

Карьеры, подобные той, которая была у 72-летнего нобелевского лауреата, профессора Тима Ханта, были разрушены из-за одной неудачной шутки, произнесенной на конференции в Южной Корее — шутки о мужчинах и женщинах, влюбляющихся друг в друга в лабораториях¹¹. Такие словосочетания, как «токсичная маскулинность», вошли в обиход. Какая польза от того, чтобы отношения между полами были настолько опасными, что к мужской половине человеческого рода относились бы как к прокаженной? Или от развития идеи того, что у мужчин не должно быть права говорить о женщинах? Почему, когда женщины пробили больше «стеклянных потолков», чем когда-либо в истории, разговоры о «патриархате» и «менсплейнинге» просочились от задворков феминистских дискурсов в самое сердце таких мест, как австралийский сенат¹²?

Похожим образом движение за права человека в Америке, которое началось с попыток исправить одну из величайших исторических несправедливостей, казалось, приближалось к какому-то долгожданному разрешению. Но опять же, ближе к моменту победы все начало портиться. Как только все стало казаться лучше, чем когда-либо прежде, риторика сменилась: согласно ей, дела никогда еще не обстояли хуже. Внезапно — после того, как большинство из нас надеялось, что проблема уже решена — все свелось к вопросу расы. Как и с другими

вопросами-подножками, только дураку или сумасшедшему придет в голову даже подвергать сомнению — не говоря уже о том, чтобы оспаривать — такой поворот событий.

Затем, наконец, мы все, сбитые с толку, наткнулись на самую неизведанную территорию. То было утверждение о том, что среди нас существует значительное число людей, которые живут в неправильных телах, и что, как следствие, все однозначные понятия, оставшиеся в нашем обществе (включая понятия, укоренившиеся в науке и в языке), должны быть полностью переформулированы. В некотором смысле споры вокруг трансгендерности дают наибольшую пищу для размышлений. Несмотря на то, что самый новый из вопросов прав также затрагивает меньшее число людей, за него, тем не менее, борются с почти несравненной свирепостью и яростью. Женщины, которые приняли неверную позицию по этому вопросу, преследуются людьми, которые в прошлом были мужчинами. Пригодность родителей, которые озвучивают то, что еще вчера было распространенным обсуждением для того, чтобы быть родителями, подвергается сомнению. В Великобритании и в других местах полиция интересуется людьми, которые не признают, что мужчины могут быть женщинами и наоборот¹³.

Все эти новые проблемы начинали свое существование как законные кампании по защите прав человека. Это та причина, почему они так далеко продвинулись. Но в какой-то момент эти кампании преодолели некий водораздел. Недовольные равенством, определенные группы стали выбирать

Безумие толпы

нестабильную позицию, основанную на том, что они «лучше». Многие могут возразить, что цель состоит в том, чтобы попросту оставаться какое-то время на позиции своего превосходства, чтобы сравнить историческое игровое поле. На заре движения #MeToo такие высказывания можно было услышать часто. Как сказал один ведущий канала CNN: «Возможно, это чрезмерная компенсация, но ничего страшного. Нам нужна компенсация»¹⁴. К сегодняшнему дню никто не сказал, когда эта чрезмерная компенсация будет завершена и кому мы можем доверить объявление о ее завершении.

Что известно всем, так это то, как будут называть людей, если их ноги лишь слегка зацепятся за эти новенькие подножки. «Ханжа», «гомофоб», «сексист», «мизогин», «расист» и «трансфоб» — и это только начало. Борьба за права, происходящая в наше время, сконцентрировалась вокруг этих токсичных и взрывных проблем. Но в процессе эти проблемы прав превратились из продукта системы в основание для новой системы. Чтобы продемонстрировать принадлежность системе, люди должны доказать свои полномочия и свою приверженность. Как можно продемонстрировать свою добродетельность в современном мире? Будучи «анти-расистом», конечно. Будучи «союзником» ЛГБТ-сообществу, разумеется. Подчеркивая, насколько сильно ваше желание — будь вы мужчиной или женщиной — уничтожить патриархат.

Это создает проблему «прослушивания», когда публичные признания в лояльности системе должны многословно озвучиваться — вне зависимости

от того, есть в этом необходимость или нет. Это — продолжение известной проблемы либерализма, которая осознавалась даже теми, кто однажды вел благородную борьбу. Это тенденция, выявленная ныне покойным австралийским политическим философом Кеннетом Миноугом и названная синдромом «Святого Георгия на пенсии». Убив дракона, храбрый воин обнаруживает, что бродит по земле в поисках новых славных сражений. Ему нужны его драконы. В конце концов, утомившись в погоне за все более мелкими драконами, он даже размахивает мечом в воздухе, воображая, что борется с драконами¹⁵.

Если это является искушением для Святого Георгия, то представьте, что может сделать человек, который не является святым, у которого нет ни лошади, ни копыя, и которого никто не замечает. Как бы они могли убедить людей в том, что, будь у них исторический шанс, они бы тоже без лишних вопросов убили дракона?

В тех заявлениях и в поддерживающей их риторике, которые будут цитироваться в этой книге, можно увидеть множество тому примеров. Наша общественная жизнь сейчас полна людей, страстно желающих занять места на баррикадах уже после того, как революция завершилась. Или потому, что они принимают баррикады за свой дом, или потому, что возвращаться домой им некуда. В каждом из случаев демонстрация добродетели требует преувеличения проблемы, что приводит к тому, что она и впрямь увеличивается.

Но во всем этом есть еще одна проблема, и в этом и состоит причина того, почему я не просто

Безумие толпы

разбираю все эти основы новой метафизики не только всерьез, но и одну за другой. В случае каждого из этих вопросов растущее число людей, имея закон на своей стороне, притворяется, что и их вопрос в отдельности, и все они, вместе взятые, являются решенными, и по ним достигнуто всеобщее согласие. Но все обстоит совершенно противоположным образом. Природа того, по поводу чего все должны были достичь единогласия, такова, что согласие по этому поводу не может быть достигнуто. Каждая из этих проблем бесконечно более сложна и нестабильна, чем готово признать наше общество. Поэтому, собранные вместе как фундамент для новой морали и метафизики, они формируют основу всеобщего безумия. Действительно, сложно себе представить более шаткую базу для социальной гармонии.

Ибо, хотя расовое равенство, права меньшинств и права женщин относятся к одним из лучших достижений либерализма, они представляют собой самые непрочные основы. Попытка превратить их в фундамент сродни тому, чтобы перевернуть барный стул вверх ногами и попытаться балансировать, стоя на нем. Плоды системы не могут воспроизвести стабильность системы, которая их создала.

Хотя бы поэтому каждый из этих вопросов сам по себе является глубоко нестабильным компонентом. Мы представляем каждый из них как решенный и получивший ответ. И тем не менее, хотя бесконечное число противоречий, фальсификаций и выдумок в каждой из них очевидны для всех, их признание не только поощряется, но и буквально

контролируется. И вот нас просят согласиться с вещами, в которые мы не можем поверить.

В этом состоит главная причина того, почему и онлайн-, и офлайн-дискуссии столь уродливы. Поскольку нас просят выполнить целый ряд прыжков и скачков, которые мы не можем сделать, и которые, возможно, делать неразумно. Нас просят верить в то, во что невозможно поверить, и нам говорят не протестовать против того, против чего многие люди сильно возражают. Например, речь идет о том, когда детям выписывают лекарства, нацеленные на остановку у них полового созревания. Боль, возникающая из-за того, что от вас ожидают, что вы промолчите в связи с одними важными темами и выполните невозможные трюки в связи с другими, огромна — не в последнюю очередь потому, что проблемы (включая внутренние противоречия) столь очевидны. Как может подтвердить любой, кому доводилось жить при тоталитаризме, в этом есть нечто унижающее и в конечном итоге разрушающее душу — в том, чтобы соглашаться с утверждениями, в которые вы не верите и которые не можете считать правдивыми. Если речь идет о вере в то, что каждый человек должен иметь в глазах других равнозначную ценность, и к нему нужно относиться с равносильным достоинством, то это может быть хорошо. Если вас просят поверить в то, что не существует разницы между гомосексуальностью и гетеросексуальностью, мужчинами и женщинами, расизмом и антирасизмом, то это со временем приведет вас к сумасшествию. Это сумасшествие — или безумие толпы, — то, в центре чего мы оказались, и то, из чего нам нужно найти выход.

Безумие толпы

Если у нас это не получится, то направление дальнейшего движения уже очевидно. Мы столкнемся с будущим, не только полным еще большего разобщения, гнева и насилия, но и будущим, в котором возможность ответной реакции против всех предложений по улучшению прав — включая хорошие — становится более вероятной. Это будущее, в котором на расизм отвечают расизмом, на очернение по признаку пола отвечают очернением по признаку пола. На каком-то этапе унижения у большинства попросту не будет причин не ответить тем же, что так хорошо сработало на них самих.

Эта книга предлагает несколько способов выйти из этой ситуации. Однако лучший способ начать — это не понять основу того, что происходит сейчас, а иметь возможность свободно обсуждать это. Когда я писал эту книгу, я узнал, что у британской армии есть устройство для разминирования, которое теперь называется «Питон», а в более ранней версии было известно как «Гигантская гадюка». Когда эта система, установленная на прицепе, стреляет по минному полю, она выпускает ракету, за которой разворачивается похожий на шланг след длиной в сотни метров, весь начиненный взрывчаткой. Когда все это укладывается поперек минного поля (видео о том, как это выглядит, можно, как и многое другое, увидеть в Интернете), оно вызывает то, что называется «симпатической детонацией». Это означает, что весь этот шланг взрывается, взрывая также мины в пределах значительного радиуса от ракеты и ее хвоста. Хотя этот метод не может очистить минное поле целиком, он может очистить путь через минное поле, позволив лю-

дям, грузовикам и даже танкам безопасно перемещаться через пространство, которое до этого было непроходимым.

Я скромно считаю эту книгу своей «Гадюкой». Я не стремлюсь расчистить целое поле, и я не мог бы сделать этого, даже если бы захотел. Но я надеюсь, что эта книга поможет расчистить некий проход, по которому впоследствии люди смогут ходить с большей безопасностью.

1. ГЕИ

В один из морозных февральских дней 2018 года в Лондоне прямо напротив кинотеатра на площади Пикадилли состоялась небольшая демонстрация. Тепло укутанные протестующие молча держали в руках транспаранты с написанным на них крупными буквами словом «Заглушенные». Большинство лондонцев, спешащих к автобусной остановке неподалеку или пересекающих улицу по направлению к бару, едва обращали на них внимание. Пожилая пара, проходя мимо, заметила, что протестующие в основном среднего возраста или старше. Прохожие переговаривались: «Наверное, какой-то протест ПСНК». Но это было не так. Десятки людей собрались здесь, чтобы посмотреть фильм под названием «Голоса заглушенных» («Voices of the Silenced»). Но, как указывали их транспаранты, и сами «голоса заглушенных» были подавлены.

Организаторы забронировали билеты за три месяца до показа, и, как они сами утверждают, соблюли все требования кинотеатра, касающиеся закрытых показов, включая предварительную отpravку в кинотеатр фильма, который они собира-

лись смотреть. Но за день до показа онлайн-издание «Pink News» — одно из немногих сохранившихся британских гей-изданий — узнало о показе и призвало к тому, чтобы его немедленно отменить. Этот призыв увенчался успехом. Сеть кинотеатров «Vue» мгновенно оградила себя от любой критики, заявив, что оставляет за собой право отменять частные кинопоказы в том случае, если фильм, готовящийся к показу, «напрямую противоречит ценностям» сети. Представители кинотеатра также сообщили организаторам показа, что в случае, если показ все же состоится, это может расцениваться как «угроза порядку» или даже «угроза безопасности» кинотеатра.

Поэтому в вечер премьеры, когда все 126 зрителей, приехавшие на показ фильма — среди них были даже те, кто прибыл из Голландии — собрались для просмотра, организаторы были вынуждены подыскивать другое место для того, чтобы осуществить показ. Главным среди них был доктор Майкл Дэвидсон из организации «Core Issues Trust». Дэвидсон — доктор, но не медик. У него есть докторская степень в сфере образования, но, как и многие видные деятели, приставляющие слово «доктор» к своему имени, он бы не сильно обиделся, если бы кто-то решил, что он и впрямь врач.

Дэвидсон стал известен шестью месяцами ранее благодаря своему участию в программе «Good Morning Britain» на канале ITV, темой которой в тот день была гомосексуальность и так называемая «репаративная терапия». Дэвидсон заявил, что и сам был геем — или, во всяком случае, имел гомосексуальный опыт. Но в какой-то момент он осоз-

Безумие толпы

нал, что это не для него. Со своей женой он провел вместе уже 35 лет и завел двоих детей. Он считает, что путь, который он прошел, доступен каждому, и теперь он предлагает добровольные консультации в своей терапевтической группе тем людям, которые хотели бы стать гетеросексуалами, как и он — признавая, однако, что порой возникают некие «желания», у которых он не идет на поводу.

Когда обо всем этом его напрямую спросили на британском телевидении, Дэвидсон спокойно и вежливо объяснил, что, по его мнению, гомосексуальность — это отклонение, а также подчеркнул, что гомосексуалами не рождаются, а становятся. На вопрос о том, можно ли перестать быть гомосексуалом, он утверждал, что «в некоторых случаях гомосексуальность обратима — для тех, кто хочет выбрать такой жизненный путь». Доктор Дэвидсон успел произнести это прежде, чем его интервьюер, Пирс Морган, обвинил его на глазах у всех студии: «Знаете, как мы называем таких людей, доктор Майкл? В современном мире мы называем их маленькими отвратительными гомофобами. Гомофобами, которые несут полную ахинею и которые, по-моему, являются опасной и злобной частью нашего общества. Что с вами не так? Как вы можете считать, что геями не рождаются, что их развращают для этого и что их можно от этого вылечить? Вы вообще кто такой, чтобы нести такую чушь?»

Не слишком смущенный, Дэвидсон попросил Моргана привести доказательства того, что геями рождаются, заметив при этом, что ни Американская психологическая ассоциация, ни британский

Королевский колледж психиатров не считают, что гомосексуальность является врожденным и неизменным свойством. В этот момент интервьюер велел ему «помолчать минуточку» и «перестать трепаться о всяких обкуренных американских ученых». Затем он продолжил, крича: «Заткнитесь, старый гомофоб», пока наконец не завершил интервью со словами «С меня хватит. Доктор Майкл, заткнитесь»¹⁶. И вот интервью закончилось. Машина от ITV заехала за гостем программы ранним утром и отвезла его на национальное телевидение только для того, чтобы там ему велели заткнуться.

Шесть месяцев спустя Дэвидсона по-прежнему не занимает эта шумиха. Стоя снаружи кинотеатра на площади Пикадилли, он делает телефонный звонок и с облегчением сообщает собравшимся, что нашел новое место для показа фильма. После этого толпа направляется к Эммануэль-центру в Вестминстере — это прямо за углом от здания парламента.

Входные двери в Эммануэль-центр плотно закрыты, но, если вы назовете свое имя у черного входа и обнаружите себя в списке приглашенных, перед вами откроется самая суть мероприятия. Действительно, войдя внутрь, можно увидеть, что это довольно веселая вечеринка. Каждый получает бокал просекко и пакет попкорна, которые можно взять с собой на киносеанс. Ко мне подходит пожилая женщина и благодарит за то, что я пришел. «Конечно, я в курсе вашего происхождения, — говорит она, и я понимаю, что речь идет не о том, где я родился, после чего она добавляет рассудительно: —

Безумие толпы

Ведь вы об этом часто говорите». Но, по ее словам, поэтому она только еще больше рада видеть меня здесь. Действительно, я, похоже, единственный открытый гей, присутствующий на показе фильма, предназначенного для излечения геев. Но я подозреваю, что я здесь не единственный гей.

Фильм «Голоса заглушенных» оказался менее связным, чем можно было ожидать. Его основная суть (как объяснял сам Дэвидсон в начале фильма) заключается в том, чтобы «объединить древнюю идеологию с современной идеологией». Было неясно, как именно это нужно сделать, и создавалось впечатление, будто фильм состоял из двух разных пленок, неловко склеенных вместе на завершающем этапе монтажа. Первая пленка посвящена древнему миру и полна устрашающих апокалиптических образов. Вторая же состоит из очень подробных признаний докторов и пациентов, рассказывающих о том, как они были, а потом перестали быть геями. Вместе с доктором Дэвидсоном там есть и доктор Стивен Баскервилль, а также эксперт из Техаса по имени (не могу сдержать смехок) Дэвид Пикап.

Всякий раз, когда в фильме показывают что-то про разрушенный в нашу эру храм или Триумфальную арку Тита, повествование резко переключается на геев. Или бывших геев. Нам рассказывают, что «новое учение поощряет гомосексуальность». Затем, наряду с различными «экспертами» — преимущественно из США — начинаются признания. Совершенно неясно, как все это связано с Триумфальной аркой Тита. Возможно, гомосексуальность ведет к разрушению цивилизации? Если это

и подразумевается, то ни разу не произносится. В фильме показывалась «бывшая лесбиянка» — теперь замужняя и с пятью детьми — которая утверждала, что ее «слабость» вновь всплыла наружу десять лет назад, но ей помог священник. Несколько очевидцев говорят о суицидальных мыслях, злоупотреблении алкоголем и «эгоцентризме». Один из них (по имени Джон) упоминает, что его мать была иудейкой — слово, которое нечасто можно услышать сегодня. Во многом признается 29-летний привлекательный немец по имени Марсель. Он описывает свои собственные невзгоды. Он рассказывает о том, как, когда он был ребенком, его мать избивала его, голого, на глазах у его сестры, и это — предположительно — могло быть одной из причин того, почему в прошлом его привлекали мужчины. Некоторые из интервьюируемых в фильме росли в семьях, где родители развелись. Некоторые — нет. Некоторые из интервьюируемых имели очень теплые отношения со своими матерями. Некоторые — нет.

Доктор Джозеф Николози — одна из звезд фильма — предложил идею о том, что многие его «пациенты» на самом деле ненавидели своих матерей, не знали, как вести себя с мужчинами и в результате развили в себе некие фантазии. Он полагает, что одним из способов побороть гомосексуальные устремления для тех, кого они беспокоят, является здоровый подход, такой, как «поход в спортзал». Из этого, наверное, следует, что доктор Николози никогда не был в спортзале.

Конечно, над этим всем легко посмеяться, а кого-то это способно и взбесить. Однако эти исто-

Безумие толпы

рии реальны. Джон и Линдси говорят, что оба страдали от ВСП (Влечение к Собственному Полу), но оказались в силах перебороть это, и теперь они борются вместе как гетеросексуальная пара с пятью детьми. «Не только мы такие, — говорит Линдси зрителям, — мы знаем еще нескольких людей [кто испытывал ВПС], счастливых в браке. Это — тяжелый труд», — говорит она, в то время как Джон неловко сидит рядом с ней. «Это не для слабохарактерных. И я думаю, вам нужно просто продолжать бороться. Особенно в современную эпоху, когда медиа и культура принуждают нас к тому, чтобы делать нечто иное».

Печальнее, чем эта пара, выглядят другие герои фильма, которые однажды были геями и которых показали с замазанными лицами. Возможно, это было бы слишком великодушно — задуматься о том, что все эти замазанные лица и кадры «с затылка» не так давно применялись в совершенно противоположных случаях.

Ближе к концу фильма ирландский пастор подводит итоги. Он объясняет, что не возражает, чтобы люди считали гомосексуальность врожденной и неизменяемой. Он лишь хотел бы иметь возможность придерживаться своих собственных взглядов на это. В то же время доктор Баскервилль повторяет, что только одна точка зрения по этому поводу считается признанной в сфере образования и в медиа, и эта точка зрения — «продвижение» гомосексуальности. «Сексуальная ориентация политизирована», — говорят нам под конец фильма. И затем, после очередной необъяснимой отсылки к древним евреям, фильм заканчивается драматическим, но

осторожным утверждением: «Пришло время принимать различия».

Предсказуемым образом зрители положительно отреагировали на фильм. А затем произошло нечто унижительное. Некоторые из интервьюируемых героев фильма оказались в зале, и их пригласили на сцену, чтобы им поаплодировать. Среди них — молодой британец по имени Майкл. Он кажется дерганым и нервным, полным страдания. Его лоб бороздят морщины, несвойственные человеку его возраста. По многим причинам, которые он уже изложил в фильме, он не хочет прожить жизнь как гей и потому идет по саморазрушительному пути жизни в качестве гетеросексуала, чтобы потом стать (как стал доктор Дэвидсон) «бывшим геем» — возможно, однажды даже завести жену и детей. Вечер заканчивается молитвой.

На пути домой и в последующие дни я размышлял о вечере, проведенном с репаративными терапевтами. В частности, я думал о том, почему они меня не слишком беспокоят.

Во-первых, необходимо отметить, что я не боюсь этих людей и уж точно не могу достичь того уровня злости на них, какую продает теряющая смысл к существованию гей-пресса. Если тому и есть причина, то она заключается в том, что события развиваются не тем образом, как того хотели бы посетители Эммануэль-центра в тот вечер. Сегодня и в обозримом будущем они — проигравшие.

Когда они появляются на телевидении, к ним относятся с пренебрежением — пожалуй, слишком большим. Им не удастся создавать внятные доку-

Безумие толпы

ментальные фильмы, и им еще сложнее подбирать площадки для их воспроизведения. Их вынуждают таиться в скрытых местах, и в ближайшее время они навряд ли будут атаковать.

Конечно, если бы я был молодым геем, растущим в деревенской среде Америки или Великобритании — даже сегодня — я бы мог думать иначе. Безусловно, если бы я жил в одном из мест, входящих в американский Библейский пояс, или прошел бы однажды (или был бы запуган тем, чтобы пройти) принудительную репаративную терапию, которая проводилась там — и до сих пор проводится в некоторых частях мира — я мог бы увидеть Майкла (доктора) Дэвидсона и его друзей в совершенно ином свете.

Но здесь в этот вечер они — проигравшие. И зная о волнении, возникающем, когда расстановка сил меняется, я не желаю относиться к ним в случае их победы так, как их коллеги относились бы ко мне, если бы мы встретились раньше и при других обстоятельствах. Поведение, которое люди и социальные движения демонстрируют в зените своей славы, может многое о них рассказать. Позволите ли вы сопернику использовать те же инструменты, которые привели вас к победе? Терпимость и толерантность — это принципы или лишь фиговые листки? Будут ли те, кто подвергся цензуре, цензурировать других, если у них будет такая возможность? Сегодня кинотеатр «Vue» — на одной стороне. Несколько десятков лет назад он мог быть на другой. А «Pink News» и прочие, кто преследовал фильм «Голоса глухонемых» тем февральским вечером, похоже, готовы иметь столь

большое влияние на судьбу одного мероприятия. Делая это, они нарушают принцип, принятый активистами за права геев еще в начале борьбы за равноправие, а именно — что никого не касается, чем занимаются взрослые люди добровольно и за закрытыми дверями. Если этот принцип применим к гей-сообществу, то он, безусловно, применим и к христианским фундаменталистам, и к другим группам.

Есть еще два замечания. Первое: для того, чтобы события того вечера стали пугающими, необходимо экстраполировать их. Необходимо заподозрить Дэвидсона в том, что его слова о том, как люди приходят к нему за помощью — лишь прикрытие. Нужно поверить в то, что это — лишь видимая часть более обширного плана по превращению чего-то добровольного во что-то принудительное, а из принудительного для некоторых людей — в принудительное для всех. Сделать это — значит погрязнуть один из основных принципов политической толерантности. Это означало бы не только присвоить себе право делать выводы о людях, но и додумывать мотивы, которыми люди руководствуются — они не видны глазу, но вы подозреваете, что они таковы. Что приводит к вопросу, который любой член по-настоящему мультикультурного и плюралистического общества может в какой-то момент задать: «Будем ли вы судить о людях, какие они есть, или будем пытаться считать тайный смысл их слов и поступков, утверждать, что можем заглянуть к ним в головы, а затем проникнем в истинные мотивы их речей и действий, которые пока еще этих мотивов не обнаруживали?»

Безумие толпы

Если бы мы сделали нечто подобное в похожей ситуации, то как бы мы сделали это? Стали бы мы настаивать на том, что у наших соперников — самые мрачные из всех возможных мотивов, до тех пор, пока не убедимся полностью в том, что они стремятся к противоположному? Или научились бы некоторой доле терпения и доверия? Даже ответы на эти вопросы непостоянны. Они колеблются под влиянием времени, места, обстоятельств и удачи. Некий семидесятилетний человек, которого некогда вынудили пройти репарационную терапию (не говоря уже об аверсивной терапии), будет иметь больше причин для подозрительности, чем любой из представителей более поздних и удачливых поколений. Тревожные сирены завоюют раньше, если они были заведены раньше или в более суровые времена.

Возможно, эти поколенческие и географические различия со временем уменьшатся, и сглаживающий эффект социальных медиа сделает всех одинаково оптимистичными. Или, возможно, эффект будет обратным, и гей, живущий в 2019 году в Амстердаме, будет убежден, что его жизнь под угрозой, как если бы он жил в Алабаме 1950-х. Никто не знает. Мы живем в мире, где любой страх, любая угроза и любая надежда, какие только можно представить, всегда доступны.

Тем не менее, одно обязательное условие во избежание постоянной конфронтации — это умение слышать слова людей и доверять им. Действительно, в некоторых пограничных случаях, когда мы встревожены, что может происходить нечто странное, возможно, есть необходимость в том, чтобы

искать скрытые смыслы в словах и убеждаться таким образом, что ничего страшного не происходит. Но если это уже было проделано и ничего жуткого не было обнаружено, значит, этим словам можно верить. Ни одно издание из тех, которые стремились подавить «Голоса заглушенных», не доказало, что Дэвидсон или его коллеги заставляли упирающихся пациентов проходить гетеросексуальную репарационную терапию. Никто не заинтересовался деталями, включенными в фильм, или тем, как проходили «консультации». А потому был сделан ряд предположений и слова получили различные интерпретации из-за того, кто именно их произносил. В этой парадигме «добровольно» означало «принудительно», «консультация» означала «преследование», а каждый, кто приходил к нему, был однозначным, необратимым геем.

Последнее предположение и является единственным вызовом, который несут в себе Дэвидсон и его коллеги. В книге «О свободе», впервые опубликованной в 1859 году, Джон Стюарт Милль изложил четыре причины, почему свобода слова необходима свободному обществу: первая и вторая причины — это то, что противоположное мнение может быть верным или частично верным, и должно быть услышано, чтобы можно было откорректировать свои ошибочные мнения; третья и четвертая — то, что, даже если противоположное мнение ложно, озвучивание его поможет людям помнить об истине и предотвратит скатывание в невежественную догму, которая, не зная себе противоречий, со временем рискует превратиться в бессмыслицу¹⁷.

Безумие толпы

Следование принципам Милля на сегодняшний день может показаться затруднительным для многих людей. Даже более трудным, чем просто изменить догму. В последние годы общепринятое мнение по поводу прав геев в Америке, Британии и в большинстве других западных демократий невообразимо изменилось, причем к лучшему. Но оно изменилось так быстро, что стала видна замена одной догмы другой. Смещение от позиции морального порицания к высказыванию порицания любому, чьи взгляды хоть немного выступают за рамки новоприобретенного мышления. Проблема заключается в том, что мы рискуем не только не услышать ошибочные мнения, но и упустить частично верные.

В это же время запутанные, как и их фильм, и сварливые, как, должно быть, и весь их мир, Дэвидсон и его коллеги ступают на территорию природы сексуальной ориентации. Это опасная и токсичная территория. Но бессмысленно, видя такую глубину, не пытаться погрузиться.

Там, где дело касается сексуальной ориентации, был принят ряд предположений, которые оказались не менее догматичными, чем представления, которым они пришли на смену. В июне 2015 года тогдашний министр образования Великобритании Ники Морган объявила, что гомофобные взгляды можно расценивать как экстремизм среди учеников британских школ. Действительно, как сообщил ВВС, Морган сказала, что «атака на главные ценности Великобритании или крайняя нетерпимость по отношению к гомосексуалам может привести к увеличению тревоги». Это — свидетельство того,

что ученика могли «обрабатывать экстремисты», и об ученике, который заявил бы, что гомосексуальность — «зло», возможно, нужно было бы сообщить полиции¹⁸. Интересен также факт, что в мае 2013 года Морган голосовала против закона, разрешающего гей-браки в Великобритании. Годом позднее, в 2014 году, она объявила, что теперь поддерживает гей-браки и проголосовала бы за них, если бы они уже не были узаконены. Еще год спустя, в 2015, она заявляла, что взгляды, подобные тем, которые она имела еще два года назад, — не только свидетельство экстремизма, но и кардинальным образом небританская позиция.

В 1990-х Хиллари Клинтон поддерживала предложенный ее мужем «Закон о защите брака», который стремился не допустить узаконивания однополых браков в США. Она видела, как он защищал политику «Don't Ask, Don't Tell» для геев в американской армии, которая означала, что любой солдат-гей, рассказавший хотя бы одному человеку о своей ориентации, мог быть немедленно исключен из армии. Как писал Роберт Сэмюэлс в «The Washington Post», «У Хиллари Клинтон был шанс вписать права геев в историю. Она отказалась»¹⁹. Однако в 2016 году, когда она участвовала в гонке за президентское кресло во второй раз, и взгляды общества кардинально поменялись, ЛГБТ-сообщество (частью которого стали геи) было одной из особых частей страны, для которых, как заявила Клинтон, она особенно усердно вела кампанию. Политики часто меняют свои взгляды. Но скорость, с которой сменились эпохи, произвела поразительно резкие изменения в положении политического класса.

Безумие толпы

Другие люди и страны произвели еще более быстрый и привлекающий внимание разворот на 180 градусов. Почти сразу после того, как в Германии были легализованы однополые браки, поддержка их стала обязательным условием для получения гражданства на федеральной земле Баден-Вюртемберг. Вчера догма была одна. Сегодня — другая.

Не только политики столь резко изменили взгляды. Газеты, которые еще недавно негативно отзывались об однополых браках, теперь освещают гей-союзы наряду с любыми другими новостями. Колумнисты, которые ругали идею об уравнивании возраста согласия для гетеросексуальных и гомосексуальных пар, теперь отчитывают тех, кто еще не до конца определился со своей позицией относительно гей-браков. В 2018 году Джой Рейд, ведущая канала MSNBC, была публично пристыжена и вынуждена извиниться после того, как были обнаружены ее твиты десятилетней давности, в которых она осуждала гей-браки — в те времена, когда практически все вокруг их осуждали. Когда изменения происходят так быстро, многое из упущенного приходится наверстывать, и для плетущихся позади жалости не остается.

Делать все гейским

Таким образом, некоторые люди, правительства и корпорации, похоже, считают, что их обязанность — наверстывать упущенное. Они продвигают обсуждение проблем гомосексуалов в несколько неприемлемой манере из категории «Это пойдет тебе на пользу».

В 2018 году BBC решило, что новостные сюжеты, посвященные исключительно темам ЛГБТ, должны не просто транслироваться, но и помещаться на первую полосу как особо важные. Один из подобных сюжетов рассказывал о том, что водолаз Том Дэйли ощущал себя неполноценным из-за своей ориентации, но это дало ему стимул добиться успеха²⁰. Эта история была опубликована пять лет спустя после того, как Дэйли объявил, что он гей. В промежутке между этими двумя событиями он не скрывал свою личную жизнь. И тем не менее, этот сюжет оказался на главной странице сайта BBC среди новостей о землетрясении и цунами в Индонезии, которые повлекли за собой смерти более чем 800 человек. Еще день спустя на главной странице сайта появилась новость о том, что звезда реалити-шоу второго плана, Олли Лок, объявил, что он и его жених Гарет Лок собрались взять двойную фамилию и стать, таким образом, Лок-Локами после свадьбы²¹. Рядом с этой новостью был помещен сюжет о значительном увеличении количества жертв землетрясения в Индонезии.

Возможно, это должен сказать гей, но бывают моменты, когда такие «новости» совсем не ощущаются как новости. Они скорее выглядят как некие сообщения, предназначенные для аудитории или для тех людей, которые расцениваются медиа как обладающие властью. Это уже выходит за рамки того, что «пойдет тебе на пользу», и приближается к «как тебе такое, гомофоб»? В некоторые дни задаешься вопросом о том, что думают гетеросексуалы о той возрастающей настойчивости, с какой гей-сюжеты вламываются во все категории новостей.

Безумие толпы

Возьмем обыкновенный день в «The New York Times». 16 октября 2016 года читатель международного издания газеты мог бы захотеть прервать чтение авторских колонок и перейти к чему-то более существенному. Он мог бы перейти к страницам, посвященным бизнесу. Там, на первой полосе раздела «Бизнес», он обнаружил бы статью «Гей в Японии — и больше не невидимый». Возможно, среднестатистический читатель раздела «Бизнес» в «The New York Times» вообще никогда особо не задумывался о видимости или невидимости геев в Японии. Это — его возможность узнать что-то новое. В частности, историю Шунсуке Накамуры, который недавно использовал утреннее совещание с коллегами по страховой компании для того, чтобы сообщить, что он гей. И это — в стране, где отношение к гомосексуальности скорее (как, судя по статье, выразился один профессор одного из токийских университетов) «безразличное, нежели нетерпимое». Итак, «The New York Times» решил посвятить этому сюжету две страницы как главному в разделе «Бизнес» — сюжету о том, как мужчина признался в своей гомосексуальности, и это не имело негативных последствий в стране, у которой не было особых проблем с отношением к геям. Должно быть, на бирже тот день был особенно спокойным, если такая история стала для раздела «Бизнес» главной.

Переверните страницу — и история продолжится, на этот раз под заголовком «Компании в Японии становятся более дружелюбными к геям». К этому моменту среднестатистический читатель, должно быть, уже удовлетворил свой интерес к вопросу

о положении геев в японских компаниях и начал поглядывать на следующую страницу и раздел «Культура». И какова же первая полоса и главная новость там? «Большее пространство для любви».

О сути статьи нетрудно догадаться по фотографии двух мужчин, артистов балета, с переплетенными руками и телами, занимающей половину страницы. «Балет меняется медленнее, чем другие виды искусства, — заявляет газета и радостно продолжает: — Но за последние две недели „Нью-Йорк Сити балет“, одна из крупнейших в мире трупп, показала два представления, задействовав однополые дуэты».

Причиной этого большого всплеска послужило балетное представление под названием «Времена бегут» («The Times Are Racing») в постановке «Нью-Йорк Сити балет», которое включало исполнение мужчиной роли, первоначально написанной для женщины-балерины. «The New York Times» пишет, что преимущественно гетеросексуальный мир балета наконец «откликнулся современному миру и поместил его на балетную сцену». Мужчина-хореограф, который ставил этот балет, обещал «исследование гендерной нейтральности» в своем посте в Instagram с хэштегами «любовьестьлюбовь», «гендернонейтральный», «равенство», «разнообразие», «красота», «гордость» и «гордый». Был также один-единственный хореограф-еретик, отстраненный и раскритикованный за свое мнение, что «в традиционном балете есть гендерные роли» и, в то время как «мужчины и женщины равны», у них «разные задачи». «Нью-Йорк Сити балет» и «The New York Times» не были согласны с этим.

Ни для кого не оказалось сюрпризом, что некоторые исполнители главных ролей в «Нью-Йорк Сити балете» — геи, и один из них рассказал «The New York Times», как на одной из первых репетиций его танцевальный партнер повернулся к нему и сказал: «Приятно войти в роль, в рамках которой я чувствую, что теоретически мог бы влюбиться в того, с кем танцую, а не притворяться принцем, влюбленным в принцессу». На что можно было бы ответить, что, если кому-то кажется скучным изображать принца, влюбленного в принцессу, возможно, ему просто не подходит балет. Но в случае, если этого всплеска разнообразия на балетной сцене недостаточно, этот же новостной сюжет может на целых пять дней насытить вас своей степенью морализаторства с помощью новости о том, что постановка «исследует не только однополые отношения, но и вопросы расы». Описывая эффект от зрелища танцующих вместе мужчин, хореограф заявила, что она «прямо обалдела». «Внезапно они просто смогли быть собой», — говорится в заключении. На этом этапе читатель «The New York Times» может перейти к чтению главной новости раздела «Культура»: история о том, что женщины-комики с их шутками о беременности и материнстве наконец завоевывают популярность²².

Нет ничего плохого в том, чтобы обозначенная газета посвятила разделы «Бизнес» и «Культура», а также личные колонки и новостные разделы историям о том, каково быть геем. Но порой кажется, будто здесь происходит что-то еще. Использование сюжетов, посвященных исключительно

гомосексуальным отношениям, с иными целями, нежели просто донесение новостей: может, навerstывание упущенного времени, а может, просто стремление ткнуть этим в лицо тем, кто не поспевает за стремительно изменяющимися устоями. В любом случае, в воздухе витает нечто странное и отдающее карательными настроениями.

Конечно, люди меняются, учатся и часто меняют свое мнение. Многие делают это тихо, часто — уже вслед за большинством. Но одна проблема со столь резкой переменой мнений заключается в том, что многие неисследованные, даже неразорвавшиеся, проблемы и вопросы остаются позади. Когда Пирс Морган потребовал от своего гостя ответа на вопрос «Как вы можете думать, что геями не рождаются?», ответ заключался в том, что многие люди по-прежнему так думают, и это может быть правдой или частично правдой. Никто пока не знает наверняка. И вне зависимости от того, рождаются ли геями, и того, все ли геи родились таковыми, из этого вовсе не следует, что гомосексуальность — это точка невозврата.

Путь в один конец?

Эта идея — любопытное заключение, к которому пришла наша культура. В целом в обществе принято считать, что когда люди объявляют себя геями, они приходят к своему естественному состоянию. Для большинства людей это честное признание их обществом и принятие себя: они достигли естественного и правильного для себя состояния. Но странность здесь состоит в том, что каждый из

Безумие толпы

тех, кто являлся геем, а затем стал называть себя гетеросексуалом, становится не только объектом остракизма и подозрительного отношения, но и распространенного сомнения в том, что он или она по-настоящему честны с собой. С гетеросексуалом, ставшим геем, проблем нет. Но на гея, ставшего гетеросексуалом, ложится бесконечное подозрение. Из преимущественно склонной к гетеросексуальности культура стала больше склоняться к гомосексуальности.

После написания сценария к ставшему знаковым телесериалу «Близкие друзья» («Queer as Folk») в конце 1990-х сценарист Рассел Т. Дэвис работал над телесериалом «Боб и Роуз» («Bob and Rose») в 2001 году. В нем рассказывалось о гее, влюбившемся в женщину. Это было вызвано, как рассказывал прессе Дэвис, осознанием того, что геи, становившиеся гетеросексуалами, вызывали большее негодование у своих друзей, чем гетеросексуалы, которые становились геями²³.

Возможно, это и есть причина, по которой этой проблеме уделяется так мало внимания. Для многих геев и лесбиянок идея о том, что сексуальная ориентация пластична, и что то, что направлено в одну сторону, может развернуться в другую — это атака лично на них. И у их беспокойства есть основания. Многие геи слышат в этом предположении отголоски страшных слов «Это всего лишь такой период». Геи считают такое предположение чрезвычайно оскорбительным и разрушительным для их отношений с родителями, родственниками и другими людьми. И поскольку фраза «Это всего лишь период» является оскорбительной для неко-

торых, сама идея о том, что это может быть и правдой, не должна произноситься вслух.

Со своей стороны, миллениалы и поколение Z сделали попытку совладать с этой проблемой, сделав упор на флюидности сексуальной ориентации. Опросы показывают, что эти люди, сейчас находящиеся в позднем подростковом возрасте, отстраняются от идеи, что в сексуальной ориентации есть однозначные варианты, а исследование 2018 года показало, что только две трети представителей поколения Z называют себя «исключительно гетеросексуалами»²⁴. И хотя они все еще составляют большинство, заметен значительный сдвиг в настроениях относительно предыдущих поколений.

Для поколений, предшествующих поколению миллениалов, вопрос о флюидности сексуальной ориентации — сложный и даже болезненный. Для многих из них люди, которые присоединяются к клубу, а затем покидают его, с большей вероятностью будут осуждаться, чем те, кто никогда в клуб не вступал. Их могут не включать в опросы, у них нет национальных представителей или «лидеров», но многие геи знают подобные случаи. Друзья, которые так и не нашли себе места в мире геев, которым не понравилось сообщество, которые не обрели партнера. Люди, которые попробовали погрузиться, но выпрыгнули. Или те, кто стремился в жизни к чему-то другому. Например, те, кто хотел завести детей или оказаться в стабильном браке, кто прекратил или отодвинул жизнь в качестве гея ради того, чтобы быть кем-то другим. Или (и никто не знает, какое число людей

Безумие толпы

входит в эту категорию) те, кто практически всю жизнь вступал в отношения с людьми своего пола, внезапно — как главный герой сериала «Боб и Роза» — встретил человека противоположного пола и влюбился в него.

Уменьшится ли количество случаев такого поведения теперь, когда существует институт партнерства, однополые браки, не говоря уже об усыновлении детей геями и их воспитании однополыми родителями? Станут ли люди все больше принимать более свободные сексуальные идентичности, свойственные поколению Z? Возможно. А возможно, нет. Потому что каждому знакомы люди, которым это не подходит. Те, у кого был случайный поцелуй — или несколько — с человеком того же пола, но кто продолжил быть гетеросексуалом после этого. И все же культура, которая еще в недавнем прошлом воспринимала гомосексуальный поцелуй как аномалию — отклонение от нормы — сейчас стала культурой, в которой гомосексуальный поцелуй стал моментом разоблачительной истины.

Сегодня человек, который однажды в прошлом делал нечто гомосексуальное, считается живущим во лжи. Потому что каким-то образом восприятие этого развилось во мнение, что один раз побыть геем — значит войти в свое естественное, истинное состояние, в то время как вернуться к гетеросексуальности — нет. Это отличается от того, чтобы называть себя бисексуалом. Это — предположение, что чаши весов сексуальной ориентации нагружены неравномерно и фактически склоняются к гомосексуальности. И что если в предыдущие эпохи ве-

сы склонялись в пользу гетеросексуалов, то в нынешнюю эру они склоняются в противоположную сторону. Возможно, с целью исправить предшествующие ошибки (в надежде, что в какой-то момент весы достигнут равновесия). Но что люди будут делать, когда весы достигнут правильного положения, невозможно предсказать. Поскольку, как и с любыми другими вещами, мы разбираемся с этим на ходу.

На сегодняшний день представители поколений, предшествующих поколению миллениалов, сохраняют свою убежденность в том, что у сексуальной ориентации есть строгие границы. Возможно, не в последнюю очередь потому, что понимание того, как определяют себя другие люди, вносит ясность в текущие и возможные отношения с партнерами. Но тот факт, что одна строгая идентичность может смениться другой, а затем — и флюидностью, говорит о том, что произошло нечто большее, чем скачок от одной догмы к другой. Это говорит о глубокой неуверенности насчет одного основополагающего и редко упоминаемого факта, а именно — что мы по-прежнему не имеем понятия о том, почему некоторые люди — геи. Спустя десятилетия исследований этого важного и несущего в себе потенциальную опасность вопроса об идентичности, находящейся среди ключевых тем современности, ответа все еще нет.

Чувствительность, вызываемая такими вопросами, понятна. В конце концов, только в 1973 году Американская ассоциация психиатров решила, что для того, чтобы продолжать считать гомосексуальные наклонности расстройством, не хватает на-

Безумие толпы

учных данных. В тот год гомосексуальность была вычеркнута из списка психических расстройств, который вела Американская ассоциация психиатров (редкий случай, когда из этого вечнорастущего тома что-либо удаляется). Всемирная организация здравоохранения сделала то же самое в 1992 году. Все это было не так давно, и в этом заключается веская причина, почему в дискуссии о гомосексуальности сохраняется подозрительность по отношению к медицинскому языку, медицинским практикам и психиатрии.

Однако из того, что гомосексуальность не является психическим расстройством, не следует, что она — полностью встроенное и неизменное состояние. В 2014 году Королевский колледж психиатров в Лондоне выпустил увлекательное «заявление о сексуальной ориентации». Они были похвально непреклонны в своем осуждении всего, что могло бы стигматизировать тех, кто называет себя геями. А также объяснили, что в любом случае ККП не верит, что терапия, направленная на изменение сексуальных предпочтений пациента, работает — хоть в ту, хоть в другую сторону. ККП был одинаково бессилён и в том, чтобы сделать гея гетеросексуалом, и в том, чтобы сделать гетеросексуала геем. И все же они делают довольно важное заявление, а именно — что «Королевский колледж психиатров считает, что сексуальная ориентация определяется комбинацией биологических и постнатальных культурных факторов»²⁵. Они цитируют ряд источников, обосновывающих это заявление, а затем продолжают: «Нет никаких данных, выходящих за рамки этого и вменяющих какому-

либо выбору возможность определять сексуальную ориентацию»²⁶.

Но, тревожась из-за мнимых сеансов «репарационной терапии», создающих среду, в которой «расцветают предубеждение и дискриминация», как «полностью неэтичных» и стремящихся излечить что-то, что «не является расстройством», ККП заявляет следующее:

«Не совсем верно, что сексуальная ориентация является неизменной или не может варьироваться в течение жизни. Тем не менее, для многих людей сексуальная ориентация тяготеет к тому, чтобы быть преимущественно гетеросексуальной или гомосексуальной. У бисексуальных людей в этом смысле есть некоторая степень выбора, в рамках которого они могут сосредоточиться на своей гетеросексуальной или гомосексуальной стороне.

Также это касается людей, недовольных своей сексуальной ориентацией — будь то гетеросексуальная, гомосексуальная или бисексуальная — похоже, есть некое поле для исследования терапевтических возможностей для оказания им помощи в том, чтобы жить с ней в гармонии, уменьшить количество переживаний и достичь большей степени принятия своей сексуальной ориентации»²⁷.

Американская ассоциация психологов согласна с этим утверждением. Ее новейший совет по этому поводу звучит так:

«Среди ученых нет консенсуса в вопросе о том, по каким конкретно причинам человек развивает гетеросексуальную, бисексуальную или гомосексуальную ориентацию. Несмотря на то, что были проведены многие исследования, посвященные

Безумие толпы

изучению возможных генетических, гормональных, связанных с развитием, социальных и культурных причин влияний на сексуальную ориентацию, не было обнаружено ничего, что позволило бы ученым прийти к выводу, что ориентацию определяет один конкретный или несколько факторов. Видимо, социогенетизм и биогенетизм оба играют важную роль; многие люди почти или вовсе не ощущают возможность выбора своей сексуальной ориентации»²⁸.

Все это достойно восхищения с точки зрения того, чтобы сократить количество дискриминации или извилистых и безуспешных попыток «огетеросексуальность» геев. Однако это лишь подчеркивает тот факт, что вопрос о том, что именно делает геев геем, остается без ответа. Закон может быть изменен. Но сейчас мы обладаем ненамного большим количеством сведений о том, почему и действительно ли человек является и выбирает стать гомосексуалом.

Однако были и полезные открытия. В 1940-х годах сексолог Альфред Кинси провел то, что на тот момент было самой изощренной и обширной полевой работой в области сексуальных исследований. Несмотря на некоторые уязвимости в методологии, результаты его работы в течение многих лет признавались довольно точными. В научных работах, которые и были продуктом его исследования («Сексуальное поведение человека мужского пола», 1948, и «Сексуальное поведение человека женского пола», 1953), Кинси и его коллеги объявили, что обнаружили, что как минимум 13% мужчин были «преимущественно гомосексу-

альны» в течение как минимум трехлетнего периода в возрасте от 16 до 55 лет и что примерно у 20% женщин был некий опыт с человеком своего пола. Знаменитая «шкала сексуального опыта», изобретенная Кинси, стала основой для сенсационного открытия — около 10% людей в мире гомосексуальны. В последующие после работы Кинси годы эта цифра — как и многое другое, связанное с темой гомосексуальности — была предметом споров. Религиозные группы поощряли любые исследования, которые показывали, что эта цифра на самом деле ниже. К примеру, они уцепились за проведенный в 1991 году «Американский национальный опрос мужчин», который утверждал, что только 1,1% мужчин «исключительно гомосексуален», и в Национальную статистическую службу Великобритании, которая назвала такую же цифру двадцать лет спустя. В 1993 году опрос, основанный на личных интервью и проведенный американским институтом Гутмахера, назвал сенсационную цифру: лишь 1% человеческой популяции гомосексуален. Эта цифра — на тот момент самая маленькая — и стала взята на вооружение этими же религиозными группами. Председатель Коалиции традиционных ценностей радостно объявил, что «правда наконец выплыла наружу». А один радиоведущий с правыми взглядами сказал: «Наконец наша правота получила подтверждение»²⁹.

Но в то время как есть люди, которые будут счастливы увидеть преуменьшенную статистику по количеству геев, найдутся также и те, кто будет рад увидеть преувеличенную. Группа активистов за права гомосексуалов «Stonewall» считает разумной

Безумие толпы

оценку в 5–7%, но это даже меньше, чем называл Кинси. Новые технологии позволяют прийти к некоему заключению по этому вопросу или по меньшей мере прояснить ситуацию. У них есть свои проблемы в методологии, как, например, в случае с «опросами домохозяйств» Национальной статистической службы Великобритании (которая упускала из виду скрытых геев). Но, поскольку очень немногие люди систематически врут своим поисковым системам, информация, почерпнутая из анализа подобных данных, может быть принята в расчет. Бывший аналитик данных в «Google Set» Стивенс-Давидовиц выявил, что около 2,5% пользователей Facebook мужского пола выразили интерес к представителям своего пола.

В исследованиях, связанных с изучением интернет-порнографии, Стивенс-Давидовиц приблизился к тому, чтобы включить в выборку и тех, кто не готов говорить вслух о своей сексуальной ориентации. В этих цифрах поразительно то, что они примерно одинаковы во всех штатах США. К примеру, в то время как гомосексуальных пользователей Facebook в штате Род-Айленд вдвое больше, нежели в Миссисипи (что может частично объясняться миграцией гомосексуального населения), количество интернет-запросов, связанных в порнографией, в обоих местах примерно совпадает. И в то время как в Миссисипи примерно 4,8% от интернет-запросов, связанных с порнографией, направлены на поиск гей-порно, в Род-Айленде из количества составляет 5,2%. Со всеми необходимыми оговорками (например, включающими людей, которые смотрели гей-порно просто из любопытства)

Стивенс-Давидовиц пришел к выводу, что численность геев в США составляет около 5%³⁰.

Как и многие другие результаты статистики, эта цифра используется в «игре» двух противоборствующих команд. В 2017 году Национальная статистическая служба Великобритании заявила, что число геев, лесбиянок, бисексуалов и трансгендеров в Великобритании впервые достигло одного миллиона. Британское издание «Pink News» назвало это число «эпохальным для ЛГБТ-сообщества», добавив также, что это число «большое, но недостаточное»³¹. Что наталкивает на вопрос о том, насколько большим они хотели бы его видеть.

Несмотря на все это, в последние десятилетия люди развили свои собственные взгляды на этот вопрос. И взгляды эти кардинально изменились. В 1977 году чуть более 10% американцев считали, что геями рождаются. Но в 2015 году в этом была уверена почти половина жителей США. В течение того же периода число американцев, считавших, что гомосексуальность — «результат воспитания и окружающей среды», сократилось вдвое по сравнению с 60% в 1977-м. Не является совпадением и то, что моральные настроения американцев относительно гомосексуальности невероятно изменились в течение того же периода. Опросы, проведенные институтом Гэллапа в промежутке с 2001 до 2015-го, показали, что в 2001 году 40% американцев считали гомосексуальные отношения «морально приемлемыми», а в 2015 году так думали уже 63%. Количество тех, кто считал такие отношения «неправильными», в течение того же периода сократилось с 53% до 34%³². Опрос показал, что

Безумие толпы

единственным фактором, повлиявшим на перемену настроения, стало то, что многие опрошенные лично были знакомы с каким-то геем — то мог быть член семьи, друг или коллега по работе. Этот фактор имел значительные последствия для других движений за гражданские права. Вторым очевидным фактором было повышение видимости геев в публичной сфере.

Однако моральным фактором, который переменял общественные настроения, был переход от идеи, что гомосексуальность является приобретенным свойством, к идее, что она врожденная. Осознание того, что этот факт применим к геям, сыграл значительную роль для движений за права других групп. Здесь мы можем увидеть один из основополагающих для современной морали тезисов: осознание того, что нельзя наказывать, унижать и смотреть свысока на людей за те их характеристики, над которыми они не властны. Эта идея может показаться очевидной, однако в течение многих лет человеческой истории неизменные черты людей зачастую играли против них самих.

Природа vs. воспитание и необходимость того, чтобы «быть рожденным таким»

Как бы там ни было, современный мир начал укрепляться в системе ценностей, родившейся из спора «природа или воспитание?».

Природа — или «встроенные» свойства — это что-то, что люди не могут в себе изменить и, следовательно, что-то, за что их нельзя осуждать. Воспитание — или «приобретенные» свойства — с другой

стороны, может осуждаться и требовать осуждения, включая моральное. Неизбежным образом такая система мышления будет подталкивать возможно «приобретенное» в категорию «встроенного», не в последнюю очередь для того, чтобы вызвать сочувствие к людям, проблемы которых на самом деле могут иметь «приобретенное» происхождение.

К примеру, если человек является алкоголиком или имеет наркотическую зависимость, люди будут склонны считать, что в этом — его неудача, и для ее преодоления нужно научиться владеть собой. Эта неудача — результат его собственной слабости, неумения расставлять приоритеты и в целом моральной распушенности. С другой стороны, если человек не может исправить свое поведение, то его нужно не винить, а рассматривать как жертву обстоятельств, которой он и является. Беспробудный пьяница может быть головной болью для всех окружающих, однако, если утверждается, что он родился со склонностью к алкоголизму — или даже имеет некий «ген алкоголика» — его можно увидеть в ином свете. Вместо критики он получит всякого рода сочувствие. Если бы алкоголизм был приобретенным свойством, этого человека воспринимали бы как слабого или даже плохого. В целом мы, современные люди, с большим сочувствием относимся к поведению, которое не может поддаваться изменению, но мы все еще довольно критичны или находим сомнительным стиль жизни, который считаем свободным выбором человека — особенно если это поведение причиняет неудобства окружающим. Гомосексуальность могла бы восприниматься как неудобство для общества

Безумие толпы

с репродуктивной точки зрения, и поэтому вопрос о том, что она из себя представляет, является вполне обоснованным.

Единственный фактор, повлиявший на изменение мнения западного общества о гомосексуальности — это решение, что гомосексуальность является «врожденным», а не «приобретенным» свойством. Некоторые — главным образом консервативные, религиозные люди — продолжают отстаивать противоположную точку зрения по этому вопросу. Например, некоторые из них все еще описывают гомосексуальность как «выбор» — намекая таким образом, что гомосексуалы сами выбрали то, какими их «запрограммировали».

В некоторых странах те времена, в которые такая точка зрения являлась преобладающей, приходились на периоды действия репрессивных законов против гомосексуальной активности. В них существует понятное стремление отвергать гомосексуальность как выбор и поощрять признание гомосексуальности как «врожденное» свойство. Как сказала бы Леди Гага, эти люди «были рождены такими».

Фактически гомосексуальность считалась морально приемлемой в течение слишком короткого промежутка времени и в слишком маленьком числе стран для того, чтобы делать о ней далеко идущие выводы, не говоря уже о том, чтобы выстроить вокруг нее моральную теорию. Несомненно, вопрос о врожденности гомосексуальности или о гомосексуальности как о свободном выборе — «встроенность» или «приобретенность» — имеет глубокое влияние на сочувствие, которое люди готовы выра-

зить по этому поводу. Если люди «выбирают» быть гомосексуалами — или если это вид поведения, которому они научились — тогда, должно быть, есть какой-то способ разучиться быть таковыми или даже преподнести это в таком свете, что никто бы не захотел становиться таковым по своей воле.

Идея о том, что гомосексуальность является не предметом свободного выбора, а вместо этого люди «были рождены такими», в последнее время получает много ненаучной стимуляции. Присутствие в жизни каждого из нас все большего количества открытых геев означает, что утаивание своей ориентации становится все менее популярным. В то же время истории знаменитых геев — в частности страх, травля и дискриминация, которые им довелось испытать — однозначно убедили многих людей в том, что никто по своей воле не выбрал бы это. Какой ребенок захотел бы подвергаться нападкам сверстников за то, что он гей? Какой взрослый человек захотел бы усложнить таким образом свою и без того сложную жизнь?

Похоже, дух времени укрепился в понятии «были рождены такими» — пусть и избегая признания того факта, что наука пока не готова подтвердить теорию Леди Гаги.

В области эпигенетики была проведена восхитительная работа по поиску генов, которые могли быть связаны с пробуждением в человеке гомосексуальности. Последняя работа была сосредоточена на метильных группах, добавленных к молекулам генов. В 2015 году ученые из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе объявили, что обнаружили форму модификации ДНК, части генома

Безумие толпы

которой различались у гомосексуального и гетеросексуального из двух братьев. Но это исследование было небольшим и в результате было оспорено, несмотря на все надежды и громкие заголовки, которые оно породило. Был также проведен ряд похожих исследований, и все они были безрезультатными.

Пока что «гомосексуальный ген» остается неуловимым. Это не означает, что однажды он не будет найден. О многом говорят распри, которые идут вокруг него. В целом христиане-фундаменталисты и многие другие хотели бы, чтобы «гомосексуальный ген» не был бы найден, поскольку обнаружение его могло бы серьезно пошатнуть их картину мира («Бог делает людей геями?») и повлияло бы на их позицию в этом вопросе. Люди гомосексуальной ориентации, с другой стороны, конечно, заинтересованы в том, чтобы этот ген был обнаружен, поскольку это могло бы навсегда оградить их от любых намеков на то, что их гомосексуальность — приобретенное поведение. Поэтому работа продолжается — главным образом сфокусированная на парах близнецов, ориентация которых, что любопытно, идентична, если идентичны сами близнецы.

Возможно, стоит уделить больше внимания вопросу о том, что произойдет, если все окажется так, как того хотят ярые поборники идеи о «гене гомосексуальности». Не все предзнаменования — добрые. Несколько лет назад исследователь в области нейронауки Чак Роселли из Орегонского университета науки и здоровья провел исследование над самцами овец, которые предпочитали спариваться

с такими же самцами, а не с самками. Когда об его исследовании стало известно широкой аудитории (вследствие того, что благотворительные организации, защищающие права животных, в своих целях привлекали внимание к этому вопросу и подначивали гей-активистов), было объявлено, что исследование было направлено на евгенические попытки искоренить гомосексуальность среди людей. Десятки тысяч электронных писем и жалоб, требующих увольнения Роселли, переполняли почтовый ящик его работодателя, а известные геи и лесбиянки, включая известную теннисистку Мартину Навратилу, критиковали его через медиа. Не ожидалось, что исследование овец приведет к такому результату³³. Однако если люди реагировали таким образом на исследование гомосексуальности овец, что же будет, когда обнаружат ген гомосексуальности у людей? И если такой ген будет обнаружен, будет ли родителям позволено редактировать ДНК своих детей? Какие будут обоснования для того, чтобы запретить им это?

Накал страстей, окружающий каждый аспект генетических исследований в этой области, является причиной, почему другие аспекты гомосексуальности были так мало изучены. К примеру, практически не было исследовано то, какую роль играет гомосексуальность в ходе эволюции, если вообще играет. В 1995-1996 годах американские и британские академические сообщества вступили в дискуссию по этому поводу³⁴. Гордон Г. Гэллап из Университета штата Нью-Йорк в Олбани и Джон Арчер из Университета Центрального Ланкашира публиковали свой обмен мнениями в академическом изда-

Безумие толпы

нии. Он был посвящен обсуждению того, является ли негативное отношение к гомосексуальности частью процесса естественного отбора или же предубеждением, распространяемым в культуре. Этот увлекательный спор выстраивался вокруг утверждения Гэллапа о том, что «в самом примитивном виде родители, которые выказывали озабоченность сексуальной ориентацией своего ребенка, могли оставить после себя больше потомков, чем те, которые демонстрировали безразличие». Также Гэллап утверждает, что то, что известно нам как гомофобия, могло быть следствием родительской обеспокоенности тем, что раскрывшаяся сексуальная ориентация их ребенка могла быть усвоена под чьим-то влиянием. Двумя примерами этого заявления может послужить, например, тот факт, что гомосексуалы, задействованные в работе, подразумевающей близкий контакт с детьми, вызывают беспокойство, а также то, что родители повзрослевших детей уже не так тревожатся о том, будут ли те проводить много времени среди гомосексуальных людей.

Все, ничего или часть этого может оказаться правдой. Данные, на которых Гэллап основывал свои утверждения, были собраны несколько десятков лет назад, когда отношение к гомосексуальности было — как мы уже видели — совсем не таким, какое оно сегодня. Что интересно, исследования о том, какую эволюционную роль гомосексуальность играла или не играла, в чем могла состоять ее эволюционная задача и чем, с точки зрения эволюции, объяснялась подозрительность большинства к гомосексуалам, испарились из соответствующей литературы.

щих областей исследований в биологии. В частных беседах некоторые биологи готовы согласиться, что это — неудача их науки. Однако воды, окружающие эту тему для исследования, на сегодняшний день столь глубоки и столь опасны, что академики, рассчитывающие сохранить работу в университете, предпочитают не связываться с ней. Если мы уже решили для себя, какие ответы мы не хотим получить — и с какими не можем смириться — то, кроме разве что любви к истине, смысла задавать вопросы нет.

Философское замешательство

Если ученые не способны или не хотят отвечать на вопрос о происхождении гомосексуальности, то ответ стоит поискать где-то еще. Как правило, в таких случаях можно обратиться к философии. Но ничего нового касательно этой темы в философии не обнаруживалось уже много лет. Если точнее, то уже даже пару тысяч лет.

Аристотель лишь вскользь упоминает гомосексуальность в своей «Никомаховой этике». Он включает гомосексуальность в список, который мало кому понравился бы сегодня. В своем описании «нездоровых» и «патологических» состояний в 7-й книге «Никомаховой этики» он говорит о таких обычных ситуациях, когда одна женщина вскрывает беременный живот другой женщины и пожирает ребенка, или когда человек приносит в жертву и поедает свою мать, или когда раб поедает печень другого раба. Такое поведение Аристотель считает следствием «болезни», включающей «безумие».

Но другие состояния происходят из «привычки» — например, выдирать волосы, грызть ногти и предаваться гомосексуальным связям. Или содомии. Возможно, педерастии. Есть некоторые разногласия по поводу того, что именно Аристотель имел в виду (сбивают с толку его противоречивые взгляды на природу однополых отношений). Но если мы возьмем за основу воззрения Аристотеля на гомосексуальность, то поразительным будет то, что его позиция в III веке до нашей эры аналогична позиции Американской ассоциации психологов и Королевского колледжа психиатров в XXI веке. Он считал, что гомосексуальность — свойство, которое является врожденным у одних людей, а у других — следствием «условий жизни». Единственная разница состоит в том, что достоверный источник в XXI веке вряд ли приведет в качестве примера то, что Аристотель назвал «условиями жизни». Он приводит пример: «Как у тех, кто с детства подвергался насилию»³⁵.

Более современные философы так же, как и Аристотель, не смогли подобраться к корню проблемы. На сегодняшний день Мишель Фуко является одним из самых цитируемых западных философов³⁶. Даже с учетом той репутации достоверности и неприкосновенности, которую он приобрел, в одной из наиболее известных и влиятельных своих работ — «История сексуальности» (1976) — его взгляды на гомосексуальность довольно запутанные. Фуко подчеркивает, что говорить о гомосексуалах так, будто они являются какой-то особой группой, с точки зрения истории неверно. Те люди, которых обвиняли в гомосексуальных действиях в прош-

лом, не являлись некоей обособленной категорией людей — такой, какой их начали видеть в XIX веке. Как пишет Фуко, говоря об изменении, произошедшем в XIX веке, «содомит считался временным отклонением; гомосексуал стал отдельным видом»³⁷.

Не считая того, что Фуко выпала возможность распространить и дальше свои взгляды на власть и секс, его мнения о гомосексуальности весьма спорны. Временами кажется, что он считал ее роль центральной для идентичности человека. В других фрагментах (даже в рамках той же работы) он видел ее незначительной. Те, кто пришел ему на смену, кто цитировал его и стал его последователем, использовали гомосексуальность — как и все остальное — в качестве возможности создать групповую идентичность в противовес гетеросексуальной норме. Последователь Фуко в Массачусетском технологическом институте, Дэвид Халперин, произнес однажды знаменитую фразу: «Не бывает неидеологического оргазма»³⁸. Эта цитата, помимо того, что предполагает уныние в постели, также указывает на то, что люди, которые смотрят на гомосексуальность через такую призму, делают шаткие построения на зыбкой почве.

Одна из немногих вещей в работе Фуко, которая кажется очевидной — это то, что он, похоже, сам понимал, что сексуальная идентичность не является хорошей основой для построения формальной идентичности. Действительно, ближе к концу последнего тома «Истории сексуальности» он дивится тому, как что-то, что веками считалось разновидностью какого-то «безумия», должно было стать центральным элементом нашей «ясности», и что

Безумие толпы

наша «идентичность» должна теперь стать источником того, что раньше «воспринималось как непонятное и безымянное побуждение». Секс стал, как он утверждает, «более значимым, чем наша душа, почти более значимым, чем наша жизнь». Сделка Фауста, «искушение которого было привито нам», заключается в том (как он утверждает), чтобы «обменять жизнь во всей ее полноте на секс как таковой, на правдивость и суверенность секса. Секс стоит того, чтобы за него умереть»³⁹. Несмотря на то, что его последователи, похоже, считали иначе — и несмотря на то, что Фуко не слишком глубоко погрузился в эту тему — кажется, будто и он заметил, какое непрочное основание для построения идентичности представляет собой секс и даже сексуальная ориентация.

Геи vs. квиры

Несмотря на все это, сегодня гомосексуальность является одним из основных элементов для построения идентичности, политики и «политики идентичности». ЛГБТ теперь является одной из групп, о которой привычно говорят и к которой обращаются мейнстримные политики — как если бы те действительно представляли собой некое расовое или религиозное сообщество. Это — форма абсурда. Даже на своих собственных условиях эта композиция крайне неустойчива и противоречива. У геев и лесбиянок нет практически ничего общего. Прозвучит довольно примитивно, но геи и лесбиянки не всегда состоят в теплых отношениях друг с другом. Геи часто характеризуют лесбиянок как не

обладающих вкусом и занудных. Лесбиянки часто называют геев глупыми и инфантильными. Эти группы не представляют интереса одна для другой и нечасто пересекаются в местах проведения досуга. Есть места, где геи подыскивают себе партнеров, есть места, где лесбиянки подыскивают себе партнерш, но в течение десятков лет с момента обретения гомосексуалами прав практически не было мест, где геи и лесбиянки собирались бы на постоянной основе.

Геи и лесбиянки в то же время известны большой долей подозрения к тем, кто называет себя бисексуалами. Представители категории «Б» в аббревиатуре «ЛГБТ» — источник периодических всплесков тревоги в гей-медиа. Но бисексуалы продолжают восприниматься не столько как часть того же «сообщества», сколько как предатели в его рядах. Геи склонны верить, что мужчины, называющие себя «би», на самом деле — геи, отрицающие свою природу («Сейчас — би, потом — гей»). И в то время как женщина, которая время от времени спит с женщинами, вызывает повышенное внимание у гетеросексуальных мужчин, немногие женщины положительно относятся к партнерам-мужчинам, которые спят с другими мужчинами. Вопрос о том, какое отношение все эти люди — геи, лесбиянки и бисексуалы — имеют к людям, которые пытаются изменить пол, мы зададим в следующей главе.

Имеет смысл держать в уме все эти внутренние трения и противоречия, когда речь заходит об ЛГБТ-сообществе и когда кто-то пытается использовать его в своих политических целях. Даже за ка-

Безумие толпы

ждой буквой этой аббревиатуры стоит еле существующее сообщество. И у каждого сообщества нет практически ничего общего с другим. До декриминализации гомосексуальности в 1960-х ситуация, возможно, была немного другой. Но сегодня «Л» не нуждается в «Г», «Г» наплевать на «Л», а оба «Л» и «Г» могут объединиться в своей подозрительности к «Б». И ведутся большие споры о том, является ли категория «Г» такой же, как другие, или скорее представляет собой оскорбление для них. Никто не знает, откуда все это происходит. Однако это остается средством, с помощью которого люди готовы идентифицировать большие группы населения и строить одно из определяющих обоснований для либерального общества.

Неудивительно и то, что объединение людей со столь разнящимися взглядами и происхождениями может иметь серьезные трения внутри каждого из движений. От истоков гей-активизма до сегодняшнего дня всевозможные причины для раздора все еще существуют. Все сводится к вопросу, который так и не получил ответа, а именно — являются ли геи точно такими же, как все другие люди, за исключением одной-единственной характеристики? Или делает ли эта характеристика совершенно непохожими на все остальное общество? Есть два противоположных взгляда на этот вопрос.

Одного взгляда придерживаются те, кто считает, что геи являются — и должны быть — как все. Они завоюют любые и все недостающие им права, продемонстрировав, что ничто не отличает их от их гетеросексуальных друзей и соседей. Как и гетеросексуалы, геи могут жить в домах с красивым бе-

лым заборчиком, могут жениться, состоять в моногамных отношениях и в конце концов обзаводиться детьми и растить их. По сути, они могут быть добропорядочными. Это как минимум один из вариантов, изложенный в таких работах, как книга Хантера Мэдсена и Маршала Кирка «После бала. Как Америка преодолет свой страх и ненависть к геям в 90-е» (1989)⁴⁰. Но такие работы, проповедующие геям путь к принятию обществом через нормализацию, всегда находят противодействие со стороны другого элемента того же предполагаемого «общества».

Эта сторона может быть описана (и самоописана) не как «геи», а как «квиры». Это была — и есть — группа людей, которая считает, что влечение к людям своего пола означает нечто большее, чем влечение к людям своего пола. Эта группа людей считает, что влечение к своему полу должно стать только началом огромного пути. Первым шагом к тому, чтобы не просто научиться жить, но и нарушать привычные правила жизни. В то время как геи могут хотеть просто быть принятыми в обществе, квиры хотят, чтобы их воспринимали как принципиально отличающихся от всех остальных, и стремятся к разрушению того порядка, к которому пытаются приспособиться геи. Это — редко замечаемое, но центральное для сообщества разделение, существующее столько, сколько существует сама гей-идентичность.

В начале гей-революции были такие люди, которые ратовали за создание объединенного «фронта освобождения», которые мог бы увязать «гей-фронт освобождения» с другими движениями. Под влия-

Безумие толпы

нием таких активистов, как Джим Фуратт, альянсы расширились (и в то же время не были ограничены) до таких национальных движений, как «Черные пантеры», и зарубежных — вьетконговцы, режим Мао в Китае, режим Кастро на Кубе и другие. Тот факт, что эти движения заявляли вслух о своей варьирующейся степени вражды с гомосексуалами (в маоистской Китае, к примеру, были готовы публично кастрировать «сексуальных дегенератов»), был просто одним из противоречий, которое необходимо было принять. Движение за права геев идентифицировало себя с движениями, которые не просто были революционными, но и противопоставляли себя обществу, в которое оно стремилось быть принятым⁴¹. В каждое последующее десятилетие начиная с 1960-х это разделение воспроизводится в гей-сообществе.

Во время эпидемии СПИДа в 1980-е стала нарастать существенная (и понятная) радикализация среди геев Европы и Америки. Группы вроде «Act Up» заявляли, что их избранные представители делали недостаточно для того, чтобы распознать невероятное страдание, которое появилось с распространением «чумы». Такие группы переходили к прямым действиям, но другие «геи» ощущали, что это происходило за счет движения в целом. В одной важной книге, вышедшей в начале 1990-х, американский автор Брюс Боуэр, сопротивляясь поглощению движения за права геев «квирами», вспоминал «бескомпромиссные» настроения групп вроде «Act Up». В книге «Место за столом» он вспоминает ответ на письмо, критиковавшее методы, используемые группой, в ныне несуществующем

гей-еженедельнике «QW»: «Ты, ненавидящий себя, лицемерный, дезинформированный кусок говна, — говорилось в одном из типичных ответов. — Ты — позор для всей квир-нации»⁴². Что такое «квир-нация»? Был ли у нее лишь один голос и лишь одна цель? Стремилась ли она к обособленной жизни или к такой же, как у всех? Тогда, как и теперь, на этот вопрос не было ответа. Были ли геи такими же, как все, или же они были группой иных людей, которые хотели осознанно и намеренно отделиться как город-государство, если и вовсе не как гей-нация, сами по себе?

«Геи» и «квир-нация» пребывали в конфликте в течение всех 1990-х. В Британии те, кто стремился к тому, чтобы пользоваться продолжительным принятием и уважением, были в ужасе от действий таких групп, как «Outrage». В пасхальное воскресенье 1998 года Питер Тэтчелл и другие члены его группы атаковали кафедру Кентерберийского собора, прервав пасхальную проповедь архиепископа Кентерберийского и начав размахивать плакатами с надписями об отношении английской церкви к правам геев. Был ли это разумный способ выдвинуть права геев на передний план, или же это несло в себе риск оттолкнуть людей, напуганных явным «фундаментализмом» этих геев? Такие же споры возникли (и в некоторой степени еще продолжаются) повсюду. Законопроект, созданный в противовес закону о запрете дискриминации геев, предлагался, но не принимался в штате Нью-Йорк в течение 21 года. Один из тех, кто над ним работал, сказал в 1992 году, что «многие законодатели контактировали с гей-сообществами во время

Безумие толпы

яростных столкновений», таких, как то, когда члены радикальной группы «Queer Nation» «совершила шествие с чучелом лидера сенатского большинства Ральфа Дж. Марино», которое затем сожгла. Другие группы продвигали свои интересы более эффективно, избрав более «мягкий» подход⁴³.

Но радикальные настроения сохранялись. Как сохранялся и раскол между геями, которые хотели равенства, и геями, которые использовали свою сексуальную ориентацию в качестве первого шага к разрушению старого порядка или формированию нового общества. Редко когда это демонстрировалось более открыто, чем во время «марша на Вашингтон» 25 апреля 1993 года. Планировалось, что этот марш сделает для прав геев то же, что сделал марш Мартина Лютера Кинга для движения за права человека тремя десятилетиями ранее. Но марш 1993 года превратился в хаос, включивший в себя «неприличных комиков» и «огнедышащих радикалов, которые говорили лишь от лица небольшой части гей-сообщества». По словам Бауэра, все выглядело так, будто «организаторы марша задумали подтвердить самые ужасные стереотипы о гомосексуалах»:

«Я все продолжал сравнивать этот марш с маршем на Вашингтон 1963 года, проведенным в защиту прав чернокожих. По этому случаю Мартин Лютер Кинг-младший произнес главную речь своей жизни и заставил проникнуться не только своих последователей, но и каждого добросовестного американца пониманием серьезности своей миссии и верности своих действий. Он не призывал к революции, не осуждал американскую демокра-

тию и не стоял на одной сцене со стендап-комиками... В тот день в 1963 году он озвучил видение расового равенства, поразившее сознание Америки, пробудив все лучшее в своих последователях и воззвав к наиболее добродетельным качествам своих противников»⁴⁴.

И это — другой аспект движения за права геев, который продолжает беспокоить. Как писал в 1990-х годах Эндрю Салливан, другой писатель-гей: «Посетите любой марш за права геев, и вы увидите невозможность объединения в согласованную группу: такие попытки всегда подрываются иронией, эксгибиционизмом или безответственностью»⁴⁵.

На почти каждой современной демонстрации за права геев — главным образом на «гей-прайдах», проводимых по всему миру — призыв к равенству перед законом (на данный момент достигнутому в большинстве европейских стран) перемешан с вещами, которые заставляют краснеть как гомосексуалов, так и гетеросексуалов. Нет ничего плохого в том, чтобы люди получали удовольствие от своих фетишей у себя дома за закрытыми дверями. Но не обязательно быть ханжой, чтобы считать, что колонны людей, одетых в фетиш-одежду на таких протестах, отталкивают своим видом от любой из тех целей, которые они преследуют. Если бы участники движения за права чернокожих нарядились так, их правоту было бы проще игнорировать.

Но геи не будут загнаны в угол. Ни самостоятельно, ни кем-либо еще. Среди тех, кто призывает к равенству, всегда будут люди, путающие эксгибиционизм с активизмом, считающие, что никто до конца не свободен и не равен, пока не облада-

Безумие толпы

ет правом надеть собачий ошейник и поводок и идти на четырех конечностях, сопровождаемый «хозяином», по полной людей улице. Либеральный мыслитель вспоминает празднование «священного дня» «Стоунволла» и то, как оно проходило в 1990-е. Как «суровые геи-политики» проходили мимо тех, кто призывал к гражданским правам, а за ними следовали танцующие эротические танцы «молодые мужчины с голыми торсами», женщины с обнаженной грудью, фетишисты, облаченные в кожу, фетишисты, бичующие друг друга посреди улицы, и их слоганы: «анальная гордость», «вагинальная гордость». Оправданием этому (как, среди прочих, заявила интерсекциональный социолог Арлен Стайн) служило то, что, если бы геи выглядели как все, они бы исчезли. Только будучи кричащими и заметными, они могут быть уверены, что этого не произойдет. Стайн завершила эти слова тем, что назвала себя, помимо прочего, «экспертом». Это — тот титул, который, по словам Бермана, «хотел бы носить каждый, разве что, может быть, не 24 часа в сутки»⁴⁶. Те, кто отстаивает «квир»-сторону гомосексуальности, склонны к тому, чтобы преподносить гомосексуальность как полноценную занятость. Те же, кто называет себя геями, их недолюбливают.

Равный или лучший?

Даже в самых консервативных из требований в борьбе за права человека остаются безответные и рискованные вопросы. К примеру, если геи достигли равных прав со всеми, то нужно ли подчи-

нять их таким же стандартам, каким подвергаются другие? Или в гей-равенство заранее встроена их неприменимость? Теперь, когда существуют гей-браки, следует ли ожидать от них такой же моногамии, какая обязательна для гетеросексуальных пар? Если у них нет детей, которые связывали бы их вместе, имеет ли смысл ожидать от этих двоих мужчин или двух женщин, познакомившихся, когда им было около двадцати лет, что они поженятся и будут заниматься сексом исключительно друг с другом в течение следующих шестидесяти или более лет? Захотят ли они? Если нет, то каковы будут последствия со стороны общества? Какие-то последствия должны быть, разве нет? Среди первых однополых пар, отпраздновавших свадьбу в США, была одна, в которой супруги сразу признались, что состоят в открытых отношениях. Что должны другие люди — включая гетеросексуалов — думать об однополых браках в такой ситуации? Вопрос остается без ответа. В Великобритании одна заметная пара геев, состоящих в браке, приложила множество усилий, чтобы скрыть тот факт, что супруги в ней состоят в открытых отношениях. Предположительно, они делали это потому, что осознавали, какой ущерб могут нанести, если гетеросексуальное большинство прознает о «неверности» в столь известной паре.

Среди всех разговоров о «равенстве» все же нет ничего, что говорило бы о том, что геи хотят абсолютного равенства. Выглядит так, будто многие из них хотят быть равными, но с небольшим «гей-бонусом». Когда звезда американского телевидения Эллен Дедженерес совершила каминг-аут в 1997 го-

ду, она подвергла себя существенному риску. Тот факт, что этот риск окупился и значительно увеличил заметность лесбиянок в обществе, сделал ее уважаемой персоной. Но что — накопленный социальный капитал, полученный с помощью этого действия, или какое-то лесбийское преимущество — обеспечивает ей такую свободу действий, которую не может себе позволить ни один гетеросексуальный мужчина? Вроде игры «Кого бы ты хотел?», в рамках которой Эллен показывает гостям своего шоу (мужчинам и женщинам) фотографии двоих знаменитостей и спрашивает, «кого бы они хотели».

В начале движения «MeToo» в 2017 году у каждого мужчины, который не только когда-либо дотрагивался до женщины неприличным образом, но и хотя бы когда-либо объективировал женщину, были неприятности. Однако казалось, что Дедженерес не обязана играть по тем же правилам. В конце октября, в тот месяц, когда пал Харви Вайнштейн, она опубликовала в социальной сети свое совместное фото с Кэти Перри. На поп-звезде было надето довольно обтягивающее платье, сильно подчеркивающее ее грудь. На фото Дедженерес обнимала Перри одной рукой, грудь которой приходилась ей на уровень глаз, и гладела на ее грудь с открытым ртом. «С днем рождения, Кэти Перри! — говорилось в сопровождающем это фото сообщении в официальном Twitter Дедженерес. — Время доставать большие шарики!»⁴⁷ Поскольку к тому моменту было достигнуто общепринятое согласие насчет того, что мужчины не должны объективировать женщин, выглядело так, будто для знаменитых лесбиянок существует исключение.

Воспитание детей в гей-парах

Успех движения за права геев может быть по понятным причинам тепло встречен всеми западными либеральными демократиями. Но у этого события есть и обратная сторона, а именно — моральная власть, которую оно имеет над другими проблемами. Какие сегодня существуют проблемы похожего рода, на которые в будущем люди будут смотреть с таким же стыдом, с каким сейчас смотрят на криминализацию гомосексуальности в прошлом? Есть ряд кандидатов на это место. Однако в случае с гей-правами декриминализация послужила толчком к развитию событий. Из-за того, каким грубым нарушением прав была криминализация гомосексуальности, теперь все, что связано с правами геев, легко проходит дальше без попытки оспаривания.

Появление однополых браков в США и Европе привело к росту последующих требований прав, и эти требования были связаны с воспитанием детей в гей-парах. Причем это касалось права не просто усыновлять детей, но и иметь своих собственных. Такие звездные гей-пары, как Элтон Джон и Дэвид Ферниш, Том Дейли и Дастин Лэнс Блэк часто преподносят это так, будто сделать это проще простого: «Мы решили завести семью». В феврале 2018 года Дейли и Блэк опубликовали фото, на котором они вместе держат УЗИ-фотографию. Заголовки газет писали: «Том Дейли объявил, что у него с его мужем будет ребенок»⁴⁸. Старая шутка, популярная в гомосексуальных кругах, звучит так: «У нас пока нет ребенка, но это не значит, что мы

Безумие толпы

не можем пытаться его зачать». Но эта история символизировала гей-прорыв. И очень скоро стало ясно, что каждый, кто думал: «Могут ли двое мужчин завести ребенка?», получал ответ: «А почему нет? Гомофоб».

Естественно, некий колумнист из «Daily Mail» наступил на поджидавшую его мину. Но вопрос «А как именно это было возможно?» не был столь уж неоправданным. Во-первых, потому, что в последние годы считалось, что умалчивать об участии женщины в чем-либо — моветон. Однако вот перед нами два гея, которые полностью вычеркнули женщину — которая, скорее всего, все же сыграла некую роль в этом деле — из этой истории. Более того, вычеркнули женщину из, наверное, самого важного события, в котором вообще можно принять участие. Во-вторых, потому, что старательно прилизанная история о ребенке пары Дейли-Блэк обманывает целое поколение молодых геев. Фактически, в то время как лесбиянкам это удастся значительно проще, двоим геям невероятно тяжело завести биологических детей, и даже если у них это получится, все равно ребенок будет носить биологический отпечаток лишь одного из отцов, что, в свою очередь, тоже может породить вопросы и споры. Самая простая часть этой лжи состоит в том, что даже эта ситуация, в которой два гея производят на свет ребенка с ДНК одного из них — для большинства геев недоступна. Она доступна только богатым геям. Яйцеклетка и услуги суррогатной матери стоят недешево. Но до того, как пара Дейли-Блэк стала получать сдержанную критику того, как была пре-

поднесена беременность, эти вопросы не поднимались. Группа активистов под названием «Перестаньте спонсировать ненависть» («Stop funding Hate») составила список компаний, которые публиковали свою рекламу в «Daily Mail», стремясь таким образом заставить их не помещать рекламу в газету, которая «все больше расходится со взглядами большинства британцев»⁴⁹. И все это — из-за того, что газета сказала «погодите минуточку» в ответ на заявление о том, что двое мужчин могут просто завести ребенка.

Но философия «не просто равный, но лучший» продолжает жить не только в спорах, связанных с вопросом о геях, но и во многих других. В 2014 году исследователи из Мельбурнского университета опубликовали исследование, которое показывало, что дети однополых пар — более здоровые и счастливые, чем дети, выросшие у гетеросексуальных пар. Главный исследователь, работавший над этим проектом, доктор Саймон Крауч, заявил, что причиной этого превосходящего уровня счастья было то, что однополые пары не подвержены традиционным «гендерным стереотипам», и это приводит к формированию «более гармоничного семейного союза»⁵⁰. Такое заявление нередко можно услышать. В 2010 году ВВС транслировало короткий фильм, снятый Реверенд Шерон Фергюсон (которая также являлась генеральным директором Лесби-гей-христианского движения), в котором она заявила, что лесбиянки вроде нее не просто были такими же хорошими родителями, как гетеросексуальные пары⁵¹. Согласно ее словам, лесбиянки — даже лучшие родители, чем гетеро-

Безумие толпы

сексуальные пары⁵². Похожие утверждения, основанные на аналогичных двусмысленных данных, больше похожих на пропаганду, чем на анализ, возникают со значительной регулярностью.

К примеру, в марте 2018 года исследователи из Института Уильяма в Юридической школе Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе опубликовали результаты исследования 515 пар в Вермонте, которое велось 12 лет. Согласно этому исследованию, гей-пары с большей вероятностью оставались вместе, чем лесбийские пары или гетеросексуальные пары. Это быстро попало в гей-прессу и распространилось повсюду под заголовками «Гей-браки менее склонны распасться, чем гетеросексуальные браки, как показывает исследование»⁵³.

Может показаться, что вопрос о воспитании детей в однополых семьях целиком относится к «стороне геев» в споре о геях и квирах, однако мы можем услышать эхо одного из самых отвратительных голосов, какие всегда существовали на периферии движения за права квиров. И это — утверждение о том, что равенства недостаточно, потому что геи всегда в некотором смысле «лучше» гетеросексуалов. Американский радикальный гей-активист Роберт Рафски однажды был запечатлен на киноплёнке кричащим своим коллегам по гей-активизму о гетеросексуалах: «Мы важнее, чем они!» Это позиция, которая, как писал Брюс Боуэр, «не менее мерзкая, чем принятие гетеросексуалами как должного того, что они — важнее гомосексуалов»⁵⁴. Но здесь есть путаница, как и во многом другом.

Еще одно заблуждение, достойное упоминания, — вопрос о том, является ли гомосексуальность влечением к представителям своего пола или же частью большого политического проекта.

Политична ли гомосексуальность?

Накануне референдума о Брексите в 2016 году в Великобритании актера сэра Йена Маккеллена спросили о том, как он собирается голосовать. Вынесенная в заголовок цитата из интервью утверждала, что «Брексит для вас бессмыслен, если вы — гей». В этом тексте сэр Йен, который очень многое сделал для обеспечения геев фундаментальными правами в течение десятилетий — сказал, что, если смотреть на референдум с точки зрения гея, то «есть лишь одна опция — остаться. Если вы — гей, то вы — интернационалист»⁵⁵. Предположительно, люди, которые считали себя гомосексуалами и которые собирались голосовать за выход Великобритании из Евросоюза, в течение всех этих лет делали все неправильно. И уже неоднократно похожие войны разыгрывались на территории США.

21 июля 2016 года должно было стать большим днем для всех, кто поддерживал права геев в США. В этот день Питер Тиль поднялся на сцену Республиканского национального съезда в Кливленде, штат Огайо, и обратился к собравшимся. Геи и раньше выступали на сцене республиканской платформы, но не в одиночестве и не признавая открыто свою ориентацию. Для контраста — сооснователь сервиса «PayPal» и ранний инвестор

Безумие толпы

в Facebook сделал очевидную и прямолинейную отсылку к своей ориентации, когда поддержал Дональда Трампа в качестве кандидата в президенты от Республиканской партии. Во время своей речи Тиль сказал: «Я горжусь тем, что я гей. Я горжусь тем, что я республиканец. Но больше всего я горжусь тем, что я — американец». Все сказанное было встречено аплодисментами и возгласами одобрения среди зрителей. Похожую ситуацию невозможно было себе представить еще несколько электоральных циклов назад. Сеть NBC была среди мейнстримных медиа, осветивших это событие в положительном ключе. «Питер Тиль создает историю на Республиканском национальном конвенте», — гласили заголовки.

Гей-пресса не была так воодушевлена. Главный американский гей-журнал «Advocate» атаковал Тилля в длинном и любопытном материале, состоявшем из его «отлучения» от «гей-церкви». Заголовок гласил: «Питер Тиль показывает нам: есть разница между тем, чтобы заниматься однополым сексом, и быть геем». Подзаголовок перед статьей, состоящей из 1300 слов и написанной Джимом Даунсом, профессором кафедры истории в Коннектикутском колледже, был такой: «Когда вы отказываетесь от многочисленных аспектов квир-идентичности, остаетесь ли вы по-прежнему частью ЛГБТ?»

В то время как Даунс признавал, что Тиль — «мужчина, который занимается сексом с другими мужчинами», он задавался вопросом о том, действительно ли тот является во всех других смыслах геем. «Вопрос может показаться узким, — признавал автор, — но он действительно является [sic]

поднимает вопрос широкого и важного разделения, которое мы должны произвести в своем представлении о сексуальности, идентичности и обществе». После насмешек над теми, кто славил речь Тиль как некий момент «водораздела» — не говоря уже о моменте «прогресса» — Даун озвучил свою анафему: «Тиль — пример мужчины, который занимается сексом с другими мужчинами, но не является геем. Потому что он не принимает борьбу людей за то, чтобы принять свою особую идентичность».

Первым поводом для этого основателя концепции гей-ереси послужило то, что в своей речи на Республиканском национальном конвенте Тиль оставил без внимания бесконечные диспуты из-за туалетов для транс-людей, в которых вопрос состоял в том, какие туалеты им стоит посещать и какие там должны быть установлены предметы сантехники. Несмотря на то, что Тиль сказал, что «не с каждым элементом нашей платформы согласен», он заявил, что «фальшивые культурные войны только отвлекают нас от нашего экономического спада». Он продолжал: «Когда я был маленьким, предметом большого спора было то, как нам победить Советский Союз. И мы победили. Теперь нам говорят, что предметом большого спора является то, кому какой туалет использовать. Это отвлекает нас от реальных проблем. Какому какое дело?» Это заявление было тепло принято в Кливленде. И, если верить опросам, оно было бы тепло встречено во всей Америке. Это демонстрирует нам то, что людей, которых беспокоит состояние экономики, больше, чем тех, кого беспокоят туалеты. Но для

Безумие толпы

журнала «Advocate» это было слишком большим отклонением от курса.

Утверждая свои «сексуальные предпочтения», Тиль был виновен в том, что «отделил себя от гей-идентичности». Его мнение по поводу относительной незначительности трансгендерных туалетов для широкой культуры «фактически отвергает концепцию ЛГБТ как культурной идентичности, для защиты которой нужна политическая борьба». Тиль обвинялся в том, что был частью движения, которое с 1970-х годов «не вносило вклада в создание культурной идентичности в той же мере, в какой вносили их предшественники». Успешное обретение гей-сообществом прав, очевидно, остановило их осуществления такой «культурной работы». Но это было опасно, как показало каким-то неочевидным образом связанное с этим недавнее массовое убийство в ночном гей-клубе. Автор статьи оставил своим читателям напоминание о том, что «движение за освобождение геев оставило нам мощное наследие, и для защиты этого наследия необходимо понимать значение слова «гей» и не использовать его в качестве синонима для одних лишь однополого секса и близости»⁵⁶.

Фактически массовое убийство в ночном клубе «Pulse» в Орландо в июне 2016 года было совершено юным мусульманином, поклявшимся в верности Исламскому государству (ИГИЛ)⁵⁷. Однако эта деталь не смогла удержать внимание журнала «Advocate» и сдержать гей-парад, прошедший в Нью-Йорке позднее в том же месяце. По этому поводу парад проводили под знаменем большого радужного флага, украшенного словами «Нена-

висть республиканцев убивает!», очевидно, забывая, что Омар Матин не был членом Республиканской партии.

Дело не только в том, что самопровозглашенные организаторы «гей-сообщества» имеют определенные политические взгляды. У них также есть специфические взгляды на то, с какой предполагаемой ответственностью сопряжена жизнь в качестве гея. В 2013 году писатель Брет Истон Эллис получил выговор и не был допущен на ежегодный ужин, где вручались награды за достижения в области медиа, проводимый гей-организацией ГЛААД (GLAAD). Он обвинялся в том, что написал в Twitter о своих взглядах на «дебильность» телевизионных персонажей-геев, на что, по словам ГЛААД, «гей-сообщество отреагировало отрицательно»⁵⁸. Этот строгий тон — тон чопорной школьной учительницы — был схож с тем, с которым издание «Pink News» со всей серьезностью в 2018 году опубликовало список того, «что можно, а чего нельзя гетеросексуальным людям делать в гей-барах»⁵⁹. Во всех этих случаях нормальной реакцией было бы сказать: «Да вы кем вообще себя возомнили?» Но, получив выговор, Эллис-мыслепреступник смог выразить словами то, что стало большой частью гей-дискурса. А именно, как он сказал, то, что нам довелось жить во времена «царствования Гея в качестве Волшебного Эльфа, который, когда бы ни совершил каминг-аут, предстает перед нами как какой-то святой инопланетянин, единственное предназначение которого — только напоминать нам о Толерантности, о наших Собственных Предрассудках, Гордиться Собой, а также — чтобы быть символом».

Безумие толпы

Царствование волшебного гея-эльфа действительно установилось на сегодняшний день как один из приемлемых обществом путей жить в ладу с гомосексуальностью. Геи теперь могут сочетаться браком, как и все, могут притворяться, будто заводят детей тем же путем, что и все, и в целом доказывают, как это делают Дастин Лэнс Блэк и Том Дейли на своем YouTube-канале, что геи — безобидные люди, которые и впрямь проводят всю жизнь, будучи миленькими и готовя капкейки. Как писал Эллис, «Милый, Не Несущий в Себе Сексуальной Угрозы и Суперуспешный Гей предположительно предназначен судьбой для того, чтобы превратить Гетеросексуалов в доблестных геелюбивых защитников — до тех пор, пока вышеуказанный гей не ведет беспорядочную жизнь, не демонстрирует сексуальность и не доставляет проблем»⁶⁰. Бывший *enfant terrible* американской художественной литературы смог вскрыть и назвать проблему своим именем.

Каковы вероятные причины «гомофобии»?

Ничто не оправдывает ненависти или насилия по отношению к людям, не говоря уже о группах людей. Но существует множество стадий между легкостью нахождения рядом с людьми и желанием жестоко расправиться с ними. Геи заставляют гетеросексуалов по-настоящему нервничать. Возможно, многие, большинство или даже все гетеросексуалы испытывают нечто подобное, очень далекое от неприязни, но все же нервирующее. В то время

как многие из публицистических и научных работ, написанных о том, что стало известным как «гомофобия», фокусировались на неверных предпосылках для этого, вероятные причины гомофобии игнорировались. Это больше касается мужской гомосексуальности, чем женской. По многим историческим и социальным причинам женская гомосексуальность редко воспринималась атакой на социальный порядок такого масштаба, как мужская гомосексуальность. И это могло происходить потому, что в природе мужской гомосексуальности есть нечто такое, что задевает самую суть одного из важнейших аспектов сексуальности не просто некоторых людей, а всех людей.

В корне практически всех женских и мужских влечений к противоположному полу есть целый ряд вопросов, на которые нет ответа и, возможно, никогда не будет. Есть загадки и неразбериха, которые возникают на всех этапах ритуала свиданий. Они являют собой сюжет практически для всех комедий и трагедий с древнейших времен до наших дней. Но важнейшие и непреходящие вопросы скрываются под поверхностью ритуалов ухаживаний и свиданий и часто становятся очевидными, когда дело доходит до ритуала спаривания. Женщины хотят знать, что привлекает мужчин, чего они хотят и что чувствуют — если вообще чувствуют что-то — во время сексуального акта. Эти вопросы — классические для разговора между друзьями или подругами и источник невероятной озабоченности и беспокойства на каком-то из этапов (а иногда и на всех) жизни большинства людей начиная с подросткового возраста.

Безумие толпы

Если и есть в обществе что-то, что может хотя бы сравниться с замешательством и беспокойством женщин из-за мужчин, то это — вопросы, которые есть у мужчин про женщин. Предмет практически любой драматической комедии — неумение мужчины понять женщин. О чем они думают? Чего хотят? Почему так сложно трактовать их действия? Почему каждый из полов ожидает от другого умения декодировать их слова, действия и молчание, если ни один из представителей одного пола никогда не давал инструкцию по интерпретации для противоположного пола?

В корне набора переживаний и вопросов, свойственных гетеросексуальному мужчине — те же вопросы, которые есть у женщин к мужчинам. Как для них ощущается акт любви? Что чувствует другой человек? Что они из этого получают? И как уживаются два пола? В древности люди, конечно, размышляли над этим. Такие вопросы озвучиваются Аристофаном в диалоге «Пир» Платона. Но ни один из них не получил ответа. Тайна сохраняется и, вероятнее всего, будет сохраняться всегда.

До момента появления операций с правдоподобными результатами для людей, которые считали, что родились в другом теле (о них поговорим позже), вызывающими наибольшую тревогу среди тех, кто «путешествовал» между двумя полами, были гомосексуальные мужчины. Не из-за сильно выраженной женской части своей природы, а потому, что они знали секрет, который женщины хранили с помощью секса. Это вопрос — и обеспокоенность — которые существовали тысячелетиями.

Рассмотрим легенду о Тиресии, которая называется в «Метаморфозах». Там Овидий излагает историю о Зевсе и Гере, праздно шутящих о процессе соития. Зевс сказал Гере: «Вы, женщины, получаете от него больше удовольствия, чем мы, мужчины, я уверен». Гера не соглашается, и они привлекают Тиресия, чтобы тот рассудил их: «Он — тот, кто знает обе стороны любви». История Тиресия сложна. Овидий рассказывает, как Тиресий однажды наткнулся на пару огромных змей, спаривающихся в позеленевшем теле трупа. Он ударил их посохом и немедленно превратился из мужчины в женщину. Проведя семь лет в качестве женщины, на восьмой год он опять обнаружил змей и вновь их ударил. «Если побивание вас несет в себе волшебную силу \ Переменить пол побивающего, \ Я ударю вас вновь», — говорит он. Он бьет их и вновь обращается в мужчину.

Зевс и Гера призывают Тиресия, поскольку хотят, чтобы он вынес суждение в споре о том, кто получает больше удовольствия от соития — мужчины или женщины. «Путешественник между полами» объявил, что Зевс был прав: женщины получают больше удовольствия. Оскорбленная, Гера ослепляет Тиресия, и, чтобы компенсировать его слепоту (так как ни один бог не способен отменить деяние другого бога) Зевс наделяет его даром предвидения — даром, который позже позволит Тиресию предсказать судьбу Нарцисса⁶¹. Отставив в сторону богов, змей и посохи, легенда о Тиресии поднимает — и предлагает ответ — на глубочайший вопрос. Гомосексуальные мужчины тоже играют в нем роль.

Безумие толпы

Удивительно малое число людей поднимало этот вопрос. Один из немногих, кто делал это в последние годы — писатель и (что не является совпадением) эксперт по античности Дэниел Мендельсон в своей книге 1999 года «Неуловимое объятие: желание и загадка идентичности». В этой семейной истории-мемуарах он погружается глубоко в тему. Спрашивая, на что похож секс между двумя мужчинами, он пишет:

«В некотором смысле это похоже на опыт Тиресия; это — та причина, почему гомосексуальные мужчины кажутся жутковатыми, почему мысль о гомосексуальных мужчинах — подрывная и некомфортная. Все гетеросексуальные мужчины, которые принимали участие в физическом акте любви, знают, каково это — проникать в партнера во время совокупления, быть внутри другого человека; все женщины, которые занимались сексом, знают, каково это, когда в тебя проникают, каково иметь другого человека внутри себя. Но мужчина-гомосексуал в тот самый момент, когда он проникает в партнера или когда партнер проникает в него, в точности знает, что ощущает и испытывает его партнер, даже если сам испытывает нечто противоположное — взаимодополняющий акт. Секс между мужчинами растворяет инаковость и превращает в схожесть в идеальном смешении: нет ничего, что одна сторона не знает о другой. Если эмоциональная цель полового акта состоит в том, чтобы целиком узнать другого, то гомосексуальный акт в этом смысле идеален, поскольку в нем наконец возможно полное узнавание опыта

другого. Однако, поскольку объект этого знания уже полностью известен обеим сторонам, акт также в некотором смысле избыточен. Возможно, в этом и есть причина того, почему многие из нас постоянно хотят повторения — будто глубина недостижима».

Мендельсон продолжает, описывая стихотворение, написанное его другом, о молодом геи, который смотрит, как играют в футбол мужчины, которых тот тайно и ревниво желает. Стихотворение заканчивается похотливым, изобретательным описанием того, как игроки занимаются сексом со своими девушками, и один из них «проваливается сквозь нее в свою собственную страсть». Мендельсон описывает свои собственные ранние гетеросексуальные опыты, и, признавая, что в них не было ничего неприятного, они были похожи, по его словам, «на участие в виде спорта, для которого я не подходил телосложением». Но он добавляет:

«Из этих безучастных совокуплений я помню вот что: когда мужчины занимаются сексом с женщинами, они в женщину „проваливаются“. Она — то, чего они страстно хотят, или порой боятся, но при любом случае она — конечный пункт, то, куда они отправляются. Она — пункт назначения. Гомосексуальные мужчины — те, кто во время секса „проваливаясь“ в партнера, попадают в самих себя снова и снова».

Он продолжает:

«Я занимался сексом со многими мужчинами. Большинство из них выглядит определенным

Безумие толпы

образом. Они — среднего роста и, как правило, милостивы. У них, как правило, голубые глаза. Изда- лека — на расстоянии ширины улицы или из про- тивоположного угла комнаты — они кажутся немного мрачными. Когда я обнимаю их, я словно проваливаюсь сквозь зеркало в мое желание, в то, что определяет меня — мою сущность»⁶².

Это — выдающийся анализ, также вызывающий тревогу. Поскольку он предполагает, что в го- мосексуальных людях — особенно в мужчинах- геях — всегда будет что-то странное и внушающее потенциальную угрозу. Не потому, что гомосексу- альность — непрочный компонент для построения индивидуальной идентичности и ужасно неста- бильный путь для формирования любой группо- вой идентичности, но потому, что геи всегда будут представлять собой вызов чему-то врожденному у группы, которая составляет большинство в об- ществе.

У всех женщин есть что-то, чего хотят гетеросек- суальные мужчины. Они — владелицы, обладатель- ницы какого-то волшебства. Но вот какая штука: похоже, мужчины-геи тоже в курсе их секрета. Ко- му-то от этого свободнее. Некоторым женщинам всегда будет нравиться говорить с геями о пробле- мах — в том числе сексуальных — мужчин. Точно так же, как гетеросексуальным мужчинам нравится говорить с немного билингвальным другом, кото- рый мог бы помочь им выучить язык. Но есть и те, кому это всегда будет внушать тревогу. Поскольку для них гомосексуалы всегда будут теми — особен- но мужчины-геи — кто слишком много знает.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Марксистские основания

‘CREDO QUIA ABSURDUM’
 (ВЕРУЮ, ИБО АБСУРДНО) —
 ТЕРТУЛЛИАН (ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО)

В 1911 году появился знаменитый постер под названием «Индустриальные рабочие мира», изображающий то, что, как утверждалось, являлось «Пирамидой капиталистической системы». Внизу пирамиды находились храбрые мужчины, женщины и дети рабочего класса. Своими гордо расправленными, крепкими и тем не менее напряженными изо всех сил плечами они поддерживают все сооружение. «Мы работаем за всех» и «Мы кормим всех» — эти подписи сопровождали самую нижнюю, но самую фундаментальную часть системы. На этаж выше над ними, попивая вино за обедом, в смокингах и вечерних платьях, расположился благополучный капиталистический класс, поддерживаемый рабочими и имеющий возможность наслаждаться жизнью благодаря их труду. «Мы едим за вас», — написано на их ярусе. Выше них — ярус военных («Мы стреляем в вас»). Над ним — ярус духовенства («Мы дурачим вас»). Еще выше — ярус монарха («Мы правим вами»). И наконец, балансирующий на самом верху пирамиды, даже выше монарха, расположился большой мешок денег с нарисованными на нем знаками американского доллара. Самый верхний ярус государства был подписан: «Капитализм».

Безумие толпы

На сегодняшний день вариация этой старой картинки оказалась в самом центре идеологии социальной справедливости. Одна из примет, указывающих на то, что эта новая система базируется на марксистских основаниях, — это тот факт, что капитализм все еще находится на вершине пирамиды угнетения и эксплуатации. Но другие верхние ярусы этой иерархической пирамиды теперь наполнены другими группами людей. На ее вершине — люди с белой кожей, мужского пола и гетеросексуальной ориентации. Им не обязательно быть богатыми, но если они богаты, так даже хуже. Ниже, под этими тираническими мужчинами-повелителями, расположились все меньшинства: главным образом геи, все, у кого цвет кожи отличается от белого, женщины и трансгендерные персоны. Эти люди принижены, угнетены, сдвинуты на второй план и всячески сделаны незначительными этой белой, патриархальной, гетеросексуальной, «цис»-системой. Точно так же, как марксизм должен был освободить рабочего и разделить богатство между людьми, так и в этой новой версии старого заявления сила патриархальных белых мужчин должна быть у них отобрана и справедливо поделена между значимыми группами меньшинств.

На ранних этапах своего развития эта идеология не воспринималась слишком уж всерьез ее оппонентами. Некоторые ее утверждения были настолько смехотворны, а ее неотъемлемые противоречия — столь очевидны, что внятная критика практически отсутствовала. Это было ошибкой. У этой идеологии есть очень ясные идеологические предпосылки, но она все еще является идеологией,

которая — что бы о ней ни говорили — предоставляет способ понимания мира и смысл для действий человека и его жизни в мире.

Совершенно неудивительно, что у академиков, возившихся с идеями, которые выросли в эту теорию о пересечении групп, есть общие исторические интересы. Ни один академик из тех, которые пропагандировали политику идентичности и интерсекциональности, не принадлежит к консервативному правому крылу. И есть ряд причин того, почему это неудивительно. Одна из них — это идеологический уклон, существующий в академической среде. Одно исследование американских университетов, проведенное в 2006 году, показало, что 18% профессоров социальных наук радостно идентифицировали себя как «марксистов». И несмотря на то, что есть кафедры, на которых работает относительно небольшое количество марксистов, любая область знаний, в которой одна пятая часть от общего числа профессоров, как выяснилось, верит в чрезвычайно спорную (мягко говоря) догму, может вызвать вопросы. Тот же самый опрос показал, что 21% профессоров социальных наук могли бы назвать себя «активистами», а 24% — радикальными⁶³. Это значительно больше, чем количество профессоров, готовых назвать себя «республиканцами», в любой области наук.

Даже если они сами не считают себя таковыми, марксистских и постмарксистских мыслителей всегда можно распознать по набору философов, которых они цитируют и почитают и чьи теории они пытаются применить ко всем областям и граням жизни. Начиная с Мишеля Фуко, эти филосо-

Безумие толпы

фы впитали идею того, что общество — это не бесконечно сложные системы доверия и традиций, развивавшиеся с течением времени, а что-то, что воспринимается исключительно через призму «власти». Видение всех человеческих взаимоотношений в таком свете искажает, а не делает более различимым, и дает нам нечестную интерпретацию наших жизней. Безусловно, власть как сила существует в этом мире, но также существуют милосердие, прощение и любовь. Если вы спросите большинство людей о том, что для них является важным в жизни, очень немногие скажут «власть». Не потому, что они плохо читали Фуко, а потому, что это извращение — смотреть на все в жизни сквозь такую маниакальную линзу.

Как бы там ни было, человеку, который нацелен на то, чтобы найти виноватых, а не прощать, Фуко поможет все объяснить. И то, что Фуко и его обожатели пытаются объяснить на уровне личных отношений, они также пытаются объяснить и на уровне большой политики. Для них абсолютно все в жизни — политический выбор и политический акт.

Постмарксисты, стремящиеся объяснить окружающий нас мир сегодня, не только поглотили искажающую призму Фуко и Маркса. Начиная с Антонио Грамши они также впитали в себя концепцию культуры как «гегемонии», контроль над которой как минимум так же важен, как рабочий класс. От современника Фуко Жюлья Делеза они взяли идею того, что роль индивида — увидеть насквозь и размотать сеть, которой его опутала культура, в которой он родился. И всегда и везде стоит цель —

взятая из французской критической теории — «деконструировать» все. «Деконструировать» в академическом сообществе столь же важно, сколь важно «конструировать» во всех остальных частях общества. Действительно, любопытным свойством академического сообщества в последние годы стало то, что не было такой вещи, которую оно не пожелало бы деконструировать — за исключением себя самого.

Процесс деконструкции возникал в некоторых областях знания, но нигде это не происходило столь быстро и всеобъемлюще, как в распространяющихся метастазы ответвлениях социальных наук. Такие дисциплины, как «квир-исследования», «фем-исследования», «black studies» и другие каждая в своей области везде и всегда были направлены на то, чтобы достичь одних и тех же целей. Всегда со ссылками на одних и тех же, по-видимому, незаменимых, философов. Важнейшая задача этого сегмента академического сообщества в течение последних десятилетий — первое, что нужно «расплести», — это атаковать, подорвать и, наконец, свергнуть все, что до этого казалось нерушимыми определенностями, включая законы биологии. Итак, знание того факта, что существуют два различных пола, превратилось в предположение, что есть два различных гендера. А оттуда все было подведено к тому, что оказалось — по меньшей мере в университетах — популярным в широких кругах суждением, что фактически такой вещи, как гендер, не существует. Гендер не реален, он лишь является «социальным конструктом». Работа Джудит Батлер из Калифорнийского университета

Безумие толпы

в Беркли была особенно популярна в этой дискуссии. По мнению Батлер (в особенности — в книге «Гендерное беспокойство», 1990), феминизм совершил ошибку, допустив, что существуют категории «мужчина» и «женщина». На самом деле «мужское» и «женское» — это «культурные предположения». Действительно, гендер — это не более чем «повторяющийся социальный перформанс» и точно не результат «уже существующей реальности». В то же время похожий процесс проходил в «black studies», где проделывалась такая же работа — со ссылками на тот же ряд философов — чтобы утвердить, что, как и гендер, раса фактически является социальным конструктом, «культурным предположением» и «повторяющимся социальным перформансом».

Только после этого «расплетения» началось «плетение» новой идеологии. Здесь в игру вступили основополагающие тексты о социальной справедливости и интерсекциональности. Расчистив пространство, они, как оказалось, освободили его для своих идей.

В 1988 году Пегги Макинтош из колледжа Уэллсли (чьей специализацией было поле фем-исследований), опубликовала работу «Белая привилегия: распаковывая невидимый рюкзак». Работа сама по себе была не то чтобы статьей — скорее списком заявлений длиной в несколько страниц. В нем Макинтош перечисляет 50 явлений, которые называет «повседневными проявлениями белой привилегии». Среди них — такие, как «если я захочу, я всегда могу оказаться в компании людей своей расы» и «я могу пойти по магазинам одна, будучи уверена

в том, что не подвергнуться преследованию или домогательствам»⁶⁴. Многие из заявлений, которые делает Макинтош в 1988 году, на сегодняшний день выглядят абсурдными и неактуальными. Большинство не является применимым исключительно к белым людям, и ни одно не служит доказательством тому выводу, который пытается сделать Макинтош. Но «Белая привилегия» на удивление ясно написана и делает понятное заявление — что люди должны признать привилегии, присутствующие в их жизнях. Она говорит, что люди, получающие выгоду от существующих структур власти, не «заработали» эту власть. И, что самое главное, она утверждает, что множество групп (включая людей, обладающих различными сексуальными ориентациями и относящихся к разным расам) страдают от «взаимосвязанных видов угнетения». Будто бы все представители «кафедр исследования обид» собрались на одном большом семинаре.

С точки зрения Макинтош, а также Кимберли Креншоу и других, кто делал похожие заявления, необходимо выявить природу этих взаимосвязанных видов угнетения. Всегда есть ощущение, будто, когда мы их разберем, случится что-то чудесное, хотя, как это часто бывает с утопиями, карта не прилагается. Как бы там ни было, Макинтош убеждает людей в том, что нужно «повышать уровень повседневной осознанности» по поводу природы привилегий и пытаться использовать «нашу власть, которой мы произвольным образом были наделены, в более широких масштабах». Из этого можно предположить, что Макинтош не против власти — скорее за то, чтобы иным образом ее пе-

Безумие толпы

перераспределить. Все это настолько расплывчато сформулировано, что в любые нормальные времена подобный список не вышел бы за стены колледжа Уэллсли. И в течение многих лет он точно не выходил за пределы академического мира. Но «Белая привилегия» выжила в очень необычные времена — времена, когда люди спешат давать новые определения вещам. И, как оказалось, сколь бы ни был он прост, этот призыв к осознанности и перераспределению был действительно весьма эффективен во времена интеллектуально-го хаоса.

Одновременно с этим другие делали такую же работу, но немного иным образом. Один ведущий постмарксист, уроженец Аргентины Эрнесто Лакло (умер в 2014-м), провел 1980-е в попытках решить некоторые проблемы, которые, как он считал, возникли. Вместе со своей супругой и соавтором Шанталь Муфф он создал то, что потом стало одной из ранних основ будущей политики идентичности. Свою работу 1985 года «Гегемония и социалистическая стратегия» они начинают с того, что благородно отмечают, что социализм столкнулся с «возникновением новых противоречий». «Традиционный дискурс марксизма», по их словам, «фокусировался на классовой борьбе» и «противоречиях капитализма». Однако понятие классовой борьбы теперь необходимо изменить. Они спрашивают:

«До какой степени необходимо изменить понятие классовой борьбы, чтобы можно было работать с новыми политическими субъектами — женщинами, национальными, расовыми и сексуальными меньшинствами, антиядерными и антиинституци-

ональными движениями и т. д. — явно антикапиталистического характера, но идентичность которых не сконструирована вокруг конкретных «классовых интересов»?»⁶⁵

Необходимо отметить, что это — не какая-то непонятная книга, а регулярно цитируемая. Действительно, Google Scholar показывает, что ее цитировали более 16 000 раз. В «Гегемонии и социалистической стратегии», как и в других работах, включая «Социалистическая стратегия: куда дальше?», Лакло и Муфф предельно честны относительно того, что, по их мнению, должно быть достигнуто и как.

Тот факт, что капиталистическая система пока не рухнула, не означает, что этого не случится. Неудача их проекта на сегодняшний день лишь предоставляет Лакло и Муфф еще больше противоречий, которые необходимо преодолеть. Среди них — тот факт, что «условия политической борьбы при развитом капитализме становятся все более далеки от модели XIX века»⁶⁶. Политическая борьба в наше время должна включать другие группы людей.

Естественно, они осознают, что эти новые движения могут привнести и новые противоречия. К примеру, они говорят, что «классовая политическая субъектность белых рабочих» может быть «определена расистскими или антирасистскими настроениями», которые «очевидным образом важны для борьбы рабочих-иммигрантов»⁶⁷. Оба автора являются исключительно многословными, и совершенно непонятно, как продрагаться через такие сложные формулировки. Они постоянно пи-

Безумие толпы

шут об «определенных занятиях», «организационные формы», а временами почти каждое слово — слово «частично»⁶⁸. Несмотря на то, что целый ряд выводов в работе Лакло и Муфф довольно расплывчат, есть то, о чем они говорят четко, а именно — о полезности новых социальных движений, таких, как женское движение, для социалистической борьбы.

Полезность таких групп очевидна — их «крайне разнообразная борьба: городская, экологическая, антиавторитарная, антиинституциональная, феминистическая, антирасистская, этническая, региональная или за права меньшинств» придает смысл и драйв социалистическому движению, которое нуждается в новой энергии. Более того, до тех пор, пока они не согласуются между собой, эти группы могут просто следовать своей собственной повестке и удовлетворять свои собственные нужды. Необходимо собрать все эти движения воедино под одним зонтом: зонтом социалистической борьбы. Лакло и Муфф пишут о том, что их интересует в этих новых движениях, и объясняют, как это «приводит нас к созданию этих движений как продолжению демократической революции, ведущей к появлению новых видов социальных отношений. Благодаря новизне эта цель возлагается на новые движения тем фактом, что они ставят под сомнение новые формы субординации»⁶⁹.

В статье «Марксизм сегодня», которую Лакло и Муфф написали в период подготовки к изданию своей книги, они еще яснее выразились о полезности этих движений. Поскольку, хотя они могут быть против вещей, против которых выступают социа-

листы, эти «новые политические субъекты» («женщины, студенты, молодежь, расовые, сексуальные и региональные меньшинства, как и участники разнообразных видов антиинституциональной и экологической борьбы») имеют непосредственное преимущество. Основное преимущество звучит так:

«Их враг определяется не своей функцией эксплуатации, но обладанием определенной властью. И эта власть также не проистекает из отношений производства, но является результатом особенности формы социальной организации в современном обществе. Это общество — капиталистическое, но это не единственная его характеристика; оно также сексистское и патриархальное, не говоря уже о том, что и расистское»⁷⁰.

Лакло и Муфф четко подробно описали свою попытку найти или создать новый вид «эксплуатируемого» человека. Рабочие классы могли быть эксплуатируемы, но не способны осознать этот факт; они подвели своих теоретиков и в целом не смогли проследовать путем прогресса, изложенным перед ними. Для Лакло и Муфф этот прогресс был очевиден: он проходил через II интернационал, ленинизм, Коминтерн, Антонио Грамши, Пальмиро Тольятти и сложности еврокоммунизма. Но не все действовали согласно им. В любом случае, можно если не заменить разочаровавших рабочих кем-то, то добавить к ним кого-то еще.

К тому времени, когда Лакло и Муфф писали свои книги, они знали о деморализации, поразившей большую часть левого движения. Наследие Будапешта, Праги, Вьетнама и Камбоджи (лишь не-

Безумие толпы

сколько примеров, приводимых ими) оставило многих социалистов в растерянности. Но в этом «целом ряде новых позитивных феноменов» могла быть задействована новая энергия. Однако для Лакло и Муфф она, очевидно, срочно нуждалась в «теоретическом переосмыслении»:

«Подъем нового феминизма, протестные движения этнических, национальных и сексуальных меньшинств, антиинституциональная и экологическая борьба, ведущиеся маргинализированными слоями населения, антиядерное движение, нетипичные формы социальной борьбы в странах капиталистической периферии — все это подразумевает расширение социальной враждебности в большое количество областей, что создает потенциал, но не более того, для прогресса в сторону более свободных, демократических и эгалитарных обществ»⁷¹.

Смысл в том, что эти новые группы людей могут быть полезными.

Естественно, те, кто последовал совету и попытался собрать все эти группы воедино, столкнулись с рядом проблем. Помимо предполагаемого расизма, присущего рабочему классу, практики деконструкции 1980-х и 1990-х предоставили новые виды напряжения. К примеру, после того, как критическая расовая теория и гендерные исследования сделали свое дело, было ли нетрудно объяснить, почему некоторые вещи, которые казались устойчивыми (особенно пол и раса), стали, по сути, социальными конструктами, а другие, которые казались более изменчивыми (не в последнюю очередь — сексуальная ориентация) стали выглядеть полностью неизменными?

Если эти вопросы и остановили кого-то, то ненадолго. Одной из черт марксистских философов всегда было то, что они, столкнувшись с противоречиями, не спотыкаются и не задают себе вопросов, как это сделал бы любой, кто стремится узнать правду. Марксисты всегда устремлялись к противоречиям. Гегельянская диалектика продвигается только посредством противоречий и, стало быть, всех видов сложностей — кто-то мог бы назвать их абсурдностями — которые встречаются на пути и которые приветствуются и почти принимаются, как если бы они были полезными, а не причиняющими вред делу. Любой, кто надеется, что теория интерсекциональности растворится в условиях всех присущих ей противоречий, не знает, какие мириады противоречий марксист может держать в голове одновременно.

Идеологические дети политики идентичности и интерсекциональности, похоже, счастливы занимать идеологическое пространство, заваленное противоречиями, абсурдностями и лицемерием. К примеру, одним из основополагающих принципов в фем-исследованиях является то, что жертвам сексуального насилия необходимо верить. Дискуссия об изнасилованиях, жестоком обращении, домашнем насилии и злоупотреблении властным положением лежит в основе фем-исследований. Однако когда студент, посещавший занятия, которые вела Авиталь Ронелл из Нью-Йоркского университета, подал на нее жалобу в 2017 году и обвинил в сексуальных домогательствах, академики-коллеги вступились за обвиняемую. Вместе со Славоем Жижекком и другими Джудит Батлер

Безумие толпы

подписала письмо, которое осуждало расследование против Ронелл, в качестве показания ссылавшееся на ее характер («изящество, остроумие») и делающее попытку тем же манером проехать по репутации обвиняющего⁷². В частности, они требовали, чтобы было «утверждено достоинство Ронелл, по праву заслуженное ее международным статусом и репутацией». Из этого следует, видимо, что обвинения в насилии действительно всегда должны приниматься всерьез, если только жертвой насилия не является мужчина, а обвиняемой — преподавательница феминистской литературной теории. Во всех делах такие противоречия просто должны быть преодолены.

Ради контраста: каждый, кто стоял на пути такого развития событий, был разбит с поразительной энергией. Оружием (обвинения в расизме, сексизме, гомофобии и, наконец, трансфобии) было слишком легко завладеть, а наказания за несправедливое, необоснованное и даже легкомысленное его использование не было. Критики этой новой ортодоксии, включая ученых, обвинялись в том, что ими двигали самые примитивные мотивы. Как писал Стивен Пинкер в 2002 году, «многие писатели страстно хотят дискредитировать любое предположение о врожденном устройстве человека, что выкидывают логику и цивилизованность в окно... Анализ идей теперь часто заменяется политической клеветой и личными выпадами... Отрицание человеческой природы распространилось за пределы академического сообщества и привело к разрыву между интеллектуальной жизнью и здравым смыслом»⁷³.

Конечно, это так. Поскольку целью большого количества академических кругов перестали быть исследования, обнаружение и распространение истины. Целью стало создание, взращивание и пропаганда конкретного — и любопытного — вида политической деятельности. Целью стало не знание, а активизм.

Этот факт скрывается несколькими способами. В первую очередь путем притворства, будто эти академические политические заявления есть не что иное, как наука. Десятилетиями, в течение которых социальные науки разрабатывали основы интерсекциональности, они постоянно преподносили свои заявления так, будто слово «социальный» в их названии не было, зато слово «наука» было истинным. Опять же, здесь они следовали путем, который отсылает к Марксу через Николая Бухарина, Георгия Плеханова и II интернационал. Во всех этих случаях утверждения преподносились как научные, в то время как они представляли собой не столько даже политику, сколько магию. Это было притворство, маскирующееся под науку.

Другой любопытной особенностью интерсекционального движения является маскировка, которую оно использует. Не считая самой популярной работы Маквнтош, одной особенностью, которой обладают и которую разделяют все распространители идеологии социальной справедливости и интерсекциональности, является то, что их работы совершенно нечитабельны. Их письмо обладает умышленно запутанным стилем, используемым тогда, когда автору нечего сказать или когда ему

Безумие толпы

нужно скрыть тот факт, что то, что он пишет, не является правдой. Вот одно предложение из книги Джудит Батлер во всей своей полноте:

«Переход от структуралистского взгляда, согласно которому капитал формирует социальные отношения относительно гомологичным образом, к точке зрения гегемонии, в которой властные отношения подвергаются повторению, конвергенции и реартикуляции, подняли вопрос о темпоральности в размышлениях о структуре и обозначили сдвиг от формы альтюссеровской теории, которая считает структурные тональности теоретическими объектами, к той, в которой понимание условной возможности структуры знаменует новую концепцию гегемонии как связанную с условными объектами и стратегиями реартикуляции власти»⁷⁴.

Такой плохой язык применяется только тогда, когда автор пытается что-то скрыть.

Физик-теоретик вроде Шелдона Ли Глэшоу не может себе позволить писать нечитабельным стилем социальных наук. Он должен передать чрезвычайно сложные истины как можно более простым и понятным языком. Взвешивая последние данные в области теории струн, он заключает, что это «не отвечает ни на какой из наших вопросов, ничего не предсказывает и не может быть опровергнуто». «Если ваша теория ничего не может предсказать, — заметил Питер Уойт с некоторой суровостью, — она неверна, и вам следует попробовать что-то другое»⁷⁵. Эта ясность и эта честность еще могут существовать в науке. Но они мертвы — если и вообще существовали — в социаль-

ных науках. Кроме того, если бы практики фем-исследований, квир-исследований и расовых исследований, когда их теории ничего не могли предсказать, попробовали бы что-то другое, здания их факультетов опустели бы.

Тем не менее, популяризаторы теорий социальной справедливости сделали свое дело, предоставив целую библиотеку работ, которые (какими бы они ни были нечитаемыми) представляют интеллектуальную парадигму, с высоты которой можно принимать политические позиции и делать политические заявления. Любой, кто считает нужным утверждать, что гендер или раса — социальные конструкты, может процитировать целую библиотеку материалов, подкрепляющих его позицию, и процитировать бесконечное количество академиков, которые могут «доказать» это. Обожествляется персона X, которая потом становится объектом изучения со стороны персоны Y, и уже вскоре появляется персона Z, чтобы написать о реартикуляции темпоральности, демонстрируемой любым альтюссеровским сравнением их работ. Любому студенту, размышляющему о том, действительно ли мир таков, может быть мгновенно представлена библиотека устрашающих свидетельств того, что абракадабра, которую он никак не может понять, — его вина, а не вина автора абракадабры.

Конечно, иногда, когда практически невозможно сказать, что написано, может быть написано почти все, что угодно, и исключительно нечестные аргументы могут быть втиснуты в текст под маской сложности. Это — одна из причин, почему

Безумие толпы

Батлер и другие пишут так плохо. Если бы они писали яснее, они вызвали бы больше возмущения и насмешек. Также это причина того, почему в этом поле исследований так сложно понять, где искренность, а где — сатира. Утверждения, которые выдвигались в социальных науках в последние годы, стали настолько оторванными от реальности, что когда их стены были атакованы извне посторонними, оказалось, что у них нет никакой обороны, позволившей вычислить и отпугнуть незваных гостей.

Одной из наиболее прекрасных вещей, случившихся за последние годы, была работа «Концептуальный пенис как социальный конструкт». Это была академическая статья, опубликованная в 2017 году, в которой говорилось:

«Пенис по отношению к мужественности — бесвязный конструкт. Мы заявляем, что концептуальный пенис более понятен не как анатомический орган, но как гендерно-перформативный, в высшей степени изменчивый социальный конструкт»⁷⁶.

Это исследование было отрецензировано и опубликовано в академическом журнале под названием «Cogent Social Sciences». Проблема была лишь в том, что это был розыгрыш, устроенный двумя учеными — Питером Богоссяном и Джеймсом Линдси — которые погрузились в академическую литературу нашего времени. Как только авторы розыгрыша сознались в том, что пошутили, журнал удалил их статью. Но злоумышленники успешно повторили свой трюк с другими академическими изданиями в последующие годы.

В 2018 году те же ученые вместе с Хелен Плакروز смогли опубликовать статью под названием «Человеческие реакции на культуру насилия и квинперформативности в городском парке для собак города Портленд, штат Орегон» в журнале, посвященном «феминистской географии». В этой статье говорилось, что приставания возбужденных собак в портлендских парках являлись свидетельством «культуры изнасилования», которую многие академики и студенты к тому моменту начали называть самой перспективной линзой, сквозь которую можно смотреть на наше общество. Другая статья, опубликованная в журнале, посвященном «феминистской социальной раб»оте», называлась «Наша борьба — Моя борьба». В ней обманщики успешно соединили отрывки из «Mein Kampf» с пастишами из жаргона феминистской теории социальной справедливости и выдали полученный текст за академическое исследование. В третьей статье, опубликованной в издании «Sex Roles», авторы утверждали, что использовали «тематический анализ застольных бесед» для того, чтобы провести двухлетнее исследование того, почему гетеросексуальные мужчины предпочитали обедать в ресторане «Hooters»⁷⁷. Кроме нескольких быстрых отказов в публикации, в основном после разоблачения розыгрыша рецензенты авторов отворачивались от них и пытались снять Богоссяна с занимаемой им должности в университете.

Шутка, которую разыграли Богоссян и его коллеги, доказывала несколько чрезвычайно серьезных вещей. Оказалось, что не только эти поля исследований оказались площадкой для мошенни-

Безумие толпы

чества, но и не было ничего, что нельзя было бы сказать, исследовать или заявить — до тех пор, пока сказанное укладывалось в рамки уже существующих теорий и предположений в этих исследовательских полях и использовало их ужасный язык. До тех пор, пока люди готовы говорить, что мы живем в патриархальном обществе, «культуре насилия», в гомофобной, трансфобной и расистской культуре; до тех пор, пока они предъявляют обвинения своему собственному обществу и рассеиваются в восхищении любым другим обществом (из списка одобряемых), утверждать можно будет все что угодно. До тех пор, пока верят в пирамиду угнетения и пропагандируют ее другим, практически все что угодно может попасть в канон нечитательной и нецитируемой академической литературы.

Тем не менее самая большая ошибка состояла не в том, чтобы позволять всему этому происходить в финансируемых государством институтах в течение десятилетий. Настоящая ошибка заключалась в непонимании того факта, что в один прекрасный день плоды этих процессов достигнут и остальных частей общества. В инструкции 2018 года, выпущенной Американской психологической ассоциацией и посвященной тому, как ее члены должны вести себя с проявлениями «традиционной маскулинности» у мальчиков и мужчин, было написано:

«Осознание привилегии и вредоносных влияний убеждений и поведений, которые несут в себе патриархальную власть, доказанным образом снижает уровень сексистских настроений у мужчин

и взаимосвязано с участием в деятельности, направленной на достижение социальной справедливости»⁷⁸.

Действительно. Если бы мальчики просто могли осознать, что их гендер — не природный, а «перформативный», они смогли бы однажды сыграть более важную роль в достижении социальной справедливости — именно так, как Лакло, Муфф и поколение других радикалов и мечтали.

2. ЖЕНЩИНЫ

В своей книге 2002 года «Чистый лист» Стивен Пинкер отметил, что гендер уже стал одним из самых актуальных вопросов сегодняшнего дня. Тем не менее он был уверен в том, что научный взгляд победит. На протяжении нескольких страниц он перечислял некоторые биологические различия между мужчиной и женщиной, такие, например, как тот факт, что в то время как у мужчин «мозг большего размера и с большим количеством нейронов (даже с поправкой на размер тела)», у женщин «большой процент серого вещества», а также то, что многие физиологические различия между мужчиной и женщиной сейчас ровно такие, какие предсказал бы эволюционный биолог (самцы в среднем крупнее самок из-за того, что в течение эволюционной истории человека процветало жестокое соперничество за партнерш)⁷⁹. И, делая шаг в сторону того, чему в скором времени суждено было стать отдельной проблемой, он отметил расхождение в развитии между мозгом мальчиков и девочек и эффекты, которые оказывают на мозг тестостерон и андрогены. Это — стимулирующий научный

ответный удар людям, заявляющим, что биологических различий между полами не существует. Как сказал Пинкер, «у теории о том, что девочки и мальчики рождаются идентичными во всем, не считая гениталий, а все остальные их различия происходят из того, как обращается с ними общество, дела идут не очень хорошо»⁸⁰.

Однако спустя почти двадцать лет дела у этой теории пошли на лад. Факты однозначно на стороне Пинкера, но самые громкие голоса — нет. В результате с тех пор, как Пинкер написал «Чистый лист», наши общества вдвое сильнее уверовали в заблуждение о том, что все биологические различия — включая различия в предрасположенностях — могут отодвигаться в сторону, отрицаться или игнорироваться. Схожий процесс происходил в сфере социальных различий. Любой родитель может заметить разницу между своими сыновьями и дочерьми, но культура говорит им, что этой разницы нет, а если и есть, то это — проблема «перформативности».

Осадок от этого весьма неприятен. Большинство людей — не гомосексуалы. Мужчинам и женщинам нужно как-то ладить между собой. И все же самообман общества насчет биологической действительности — всего лишь один из той череды самообманов, которые оно решило принять. Хуже всего то, что мы начали пытаться перестроить наши общества, и не в соответствии с биологическими фактами, а основываясь на политических фальсификациях, продвигаемых активистами из области социальных наук. Из всех вещей, разрушающих наше общество, все, что связано с полами — и в особенности отношениями между пола-

Безумие толпы

ми — возможно, является самым разрушительным. Факты постоянно здесь, прямо у нас перед глазами. Просто мы не должны их замечать, а если заметили, то должны хранить молчание.

На дворе 2011 год, и пришло время для вручения кинопремии «Независимый дух» в Санта-Монике. Поздним вечером многословных самовосхвалений на сцену поднимаются Пол Радд и Ева Мендес — для того, чтобы вручить приз за лучший киносценарий. Мендес (которой на тот момент 36 лет) говорит, что они с Раддом (которому 41 год) договорились сделать кое-что забавное на сцене, но шоу уже и без того вышло за рамки намеченного графика. Мендес объясняет публике: «Пол собирался схватить меня за грудь. Вы бы все были в шоке, в ужасе, вы бы все хохотали в истерике. Но, похоже, этого нельзя сделать, потому что времени уже нет. Так что...»

Затем Радд многозначительно смотрит на грудь Мендес, кладет свою руку на ее правую грудь и сильно хватает, прежде чем невозмутимо сказать: «Номинанты на приз за лучший киносценарий...» Публика смеется, вздыхает, издает радостные возгласы и аплодирует. Мендес преувеличенно изображает шок. Пока Радд держит ее правую грудь, она использует свою свободную руку, чтобы откинуть волосы назад. Важно выглядеть хорошо, в конце концов.

Все это продолжалось какое-то время, а затем на сцену поднялась еще одна женщина. Актриса Розарио Доусон (31 год) вспрыгнула на трибуну и сильно ухватила Радда за промежность. Аудитория сно-

ва вскрикивает, аплодирует и смеется. «О боже, что происходит», — пару раз произносит Мендес в неправдоподобном замешательстве из-за мизансцены, в которой участвует. Она открывает конверт с именем победителя. Все это время Доусон решительно сжимает промежность Радда и машет другой рукой в победном или триумфальном жесте. Хотя Радд уже не держит ни одну из грудей Мендес, Доусон продолжает держать его за пах. Публика продолжает смеяться и кричать от восторга. Потому что это 2011 год, и сексуальные домогательства — это все еще уморительно смешно.

В своем закулисном интервью позже Доусон объяснила свой импульс к равноправному тисканию:

«Я люблю Пола. Я была большой фанаткой Пола еще со времен фильма „Бестолковые“ и все такое. Но он прямо сильно ухватил за грудь, и я такая: „Окей, смешно, типа, ха-ха, окей“ — на какое-то время. Но потом это все продолжалось и продолжалось, уже и свет погасили, и ролик стали показывать, а он ее все держит... И я такая: „Ну ладно, тогда я возьму его за причиндалы“. Почему нет? Было даже приятно. Было неплохо. Вообще-то, неплохие причиндалы. Мне, когда я смотрела подростком фильм „Бестолковые“, было любопытно, как там у него. Ну да, а потом он перестал... Просто я активистка за права женщин, и мне начало немного надоедать, что он держит ее за грудь на сцене в течение получаса. Ничего страшного, было забавно».

Мужчина-интервьюер убеждает ее: «Это был один из... На это последовала огромная реакция». «Окей, хорошо», — отвечает она и продолжает:

Безумие толпы

«Я схватила его за причиндалы на сцене. Было довольно круто. Почему мужчины всегда лапают? Женщины тоже хотят полапать. Вы знаете, о чем я. Я просто вот что хочу сказать. Просто соблюдаю равноправие»⁸¹.

Это было в те времена. Праздник тисканий на церемонии вручения наград «Независимый дух» не был из ряда вон выходящим и не осуждался. Идея тисканья, хватания и обнажения себя перед людьми противоположного пола могла восприниматься с некоторым презрением в широких слоях общества в течение долгих лет. Но в Голливуде это было частью развлечения. В профессии, для которой нагота нормальна и в которой появился термин «кастинг на кушетке», нелегко выявить границы допустимого. Это — одна из причин, почему Голливуд — неподходящее место ни для создания нравственной этики, которой следует придерживаться, ни для создания морального кодекса, показательного для всего, что выходит за рамки индустрии развлечений.

В Голливуде всегда были другие стандарты. Это — единственная индустрия в XXI веке, в которой человек, находящийся в бегах из-за дела по изнасилованию малолетней, приветствовался, почитался и даже считался жертвой по мнению своих коллег. Если бы бухгалтер, социальный работник или сорокалетний священник изнасиловали 13-летнюю девочку, они, может быть, избежали бы наказания, как Роман Полански. Они могли бы найти заступников среди своих друзей. Но это было немыслимо — даже в католической церкви — чтобы кому-то аплодировали на телевидении

в прайм-тайм как мастеру своего дела, в то время как этот кто-то находился бы в бегах, преследуемый правосудием. Голливуд и публика, состоящая из коллег Полански, во время вручения «Оскара» в 2003 году не ощущали импульса, который удерживал бы их от этого.

Это всегда был немного отдельный мир — какими всегда были центры мира искусства и мира развлечений — а также самое неподходящее место из всех возможных для того, чтобы установить нормы поведения в обществе. Особенно такие сложные нормы поведения, как отношения между полами. Только в Голливуде знаменитый режиссер вроде Вуди Аллена съедет от жены из-за того, что был пойман на том, что имел отношения со своей приемной дочерью. Однако это тот же город и та же индустрия, которые породили Глорию Грэм в 1940-х годах. Из четырех ее мужей четвертый (Тони Рэй) был сыном второго мужа (Николас Рэй) и его первой жены. Отношения между Грэм и Тони Рэем стали достоянием общественности после того, как она была обнаружена в постели с ним — в то время ей было почти тридцать, а Рэю — всего 13 лет.

Поэтому было бы ошибкой создавать из Голливуда и актеров моральные ориентиры. Но, когда в 2017 году разразился скандал вокруг Харви Вайнштейна, была попытка сделать именно это. Каким-то особым образом странность индустрии развлечений является зеркалом. И если она — не пример того, как следует себя вести, то она — зеркало, отражающее замешательство эпохи. В особенности — замешательство на тему того, какие

роли могут играть женщины — и какие роли от них ожидает общество. Особенно в эпоху, которая колеблется между развратом и ханжеством и не находит равновесия.

Рассмотрим ту теплоту, с которой зрители восприняли появление актрисы Дрю Бэрримор на «Вечернем шоу с Дэвидом Леттерманом» в апреле 1995 года: 12 апреля был день рождения Леттермана, Бэрримор была гостьей программы и описывала среди прочего свое новое пристрастие к обнаженному танцу. Несмотря на то, что ей тогда было 20 лет, Бэрримор в течение всего интервью меняла роли то уверенной сексуальной женщины, то озорной маленькой школьницы.

Наконец, представив это как подарок на день рождения, прямо на глазах у зрителей в студии (которые кричали, смеялись и улюлюкали), Бэрримор спросила Леттермана, хотел бы он увидеть такой танец. Не дожидаясь ответа, она крикнула группе музыкантов, чтобы те начали играть, забралась на стол ведущего и исполнила танец для Леттермана — женатого мужчины вдвое старше ее самой. Двигаясь вверх-вниз, с руками, поднятыми над головой, и открытым животом, Бэрримор подвела танец к кульминации, задрала свой короткий топ и показав голую грудь заметно шокированному Леттерману. Публика не видела грудь, однако камера запечатлела то, что позорная колонка издания «Mail Online's» обозвала «боковой частью сиськи». Но публике все было мало. Им все очень понравилось, они хохотали, кричали в течение всего представления и одобрительно взревели, когда Бэрримор оголилась перед ведущим.

Сделав это, Бэрримор сразу же повернулась к аудитории, раскинув руки, чтобы насладиться одобрением аудитории, затем вернулась на стол, встав на четвереньки, и поползла к Леттерману, поцеловала его в щеку и потрепала по затылку. Вернувшись на свое место, она отбросила маску оторвы и перевоплотилась вновь, сев с ногами в кресло и прижав колени к подбородку, как маленькая девочка, которая знала, что плохо себя вела.

Конечно, прозвучало бы правдоподобно, если бы мы сказали, что 1995 год был другой эпохой. Но это не совсем так. Этот эпизод вспоминали с такой же теплотой в 2018 году, когда Бэрримор вернулась — на этот раз на «Вечернее шоу со Стивеном Кольбером». Так Бэрримор, старше, если не мудрее, размышляла о том, какой «реально, типа, чокнутой» она была раньше. В частности, она вспомнила тот эпизод на шоу Леттермана. «Прямо в этой студии я сделала кое-что с мистром Леттерманом», — сказала она. Аудитория одобрительно посмеялась над этим воспоминанием. Кольберт, который придерживался строгой линии поведения во время обвинений в рамках движения «MeToo», появившихся всего несколько месяцев назад и продолжавшихся по сей день, разбудил воспоминания в Бэрримор. «В его день рождения. В его день рождения, — напоминал он. — Знаменитый случай».

Бэрримор подхватила тему о воспоминаниях. «Я была типа: „Чего?“», — начинает она:

«Иногда я думаю. Что это, типа, не похоже на меня. Это как бы далекое воспоминание, не похожее на меня. Но это я. И это довольно круто. Мне это

Безумие толпы

все еще нравится. Я — мать двоих детей. Я полностью, типа, понимаете, ну, не знаю. Я теперь настолько другой человек, что это уже не похоже на меня, но мне это все еще, типа, нравится».

И все это было встречено смехом и аплодисментами от аудитории и одобрением от Кольберта, который затем перешел к разговору о том, что Бэрримор была одной из первых знаменитых женщин в Голливуде, которая создала собственную продюсерскую компанию. Он использует этот момент для того, чтобы спросить, чему это может нас научить о женской эмансипации в Голливуде и о «том, что происходит сейчас»⁸². Ни в какой момент на эпизод, произошедший в 1995 году, не смотрели ни с чем, кроме теплоты.

А почему бы и нет? Годами никто не подвергал сомнению, что оголяться перед мужчинами, заставляя их чувствовать себя неудобно, трогать и приставать к ним — это особенно «феминистично». Как это и знал Кольберт на собственном опыте.

Он был еще новичком на телевидении, когда брал интервью у Джейн Фонда в 2007 году. Это произошло спустя пару лет после того, как Фонда возродила свою актерскую карьеру, сыграв свекровь героини Дженнифер Лопез в нашумевшем фильме «Если свекровь — монстр». Но Фонда пришла на шоу Кольберта, чтобы разрекламировать новый фильм «Крутая Джорджия», который вскоре провалился в прокате. В свои 69 лет Фонда явно стремилась продемонстрировать публике, что она «еще ничего». И поэтому она устроила целое шоу во время интервью, начав проявлять сексуальный интерес к ведущему. Тот факт, что фильм, который

она рекламировала, был о сексуальном насилии, не подсказал ей, что она выбрала не лучшее время для своих действий.

В самом начале интервью она забралась на колени к Кольберту. Там она просидела все время. Также в какой-то момент она «по-взрослому» поцеловала его в губы и сказала, что знает, что он фантазировал о ней. «Это не совсем то, как я представлял себе ход этого интервью», — сказал ведущий. Кольберт несколько раз пытался сменить тему и даже пытался свести ее к вопросу антивоенных протестов. Но Ханойская Джейн была непреклонна. Она продолжала ласкать Кольберта, целовать его в щеку и тискать. Затем она заговорила о преждевременной эякуляции. Это тянулось вечно.

В то время медиа, похоже, не считали эту ситуацию в чем-либо непристойной или тревожной. Сказать по правде, они хотели еще. «Да, Джейн Фонда все еще ничего», — гласил заголовок газеты «Huffington Post». «Шоу Кольберта в среду также включало уморительный — и, мы бы сказали, чувственный — сегмент, в котором Джейн Фонда, похоже, была заинтересована в вовлечении, ну, чувственного сегмента Стивена Кольберта («Это у вас чувственный сегмент в кармане или вы просто рады меня видеть?»). Газета «Huffington Post» продолжала в том же духе и потом связала этот материал с текстом из «Salon», который, как она заявила, «попадает в точку», по-видимому, «давая некоторый контекст крутизне Фонды»⁸³. Потому что в 2007 году нежелательные сексуальные действия были не только уморительными и чувственными. Они были еще и крутыми.

Безумие толпы

Годы спустя, в 2014 году, Кольберт рассказал, как «однозначно некомфортно» ему было в той ситуации. Однако он рассказал все это, включая детали видимого неудовольствия его жены от этого интервью, залу, полному еще большего числа смеющихся и аплодирующих людей⁸⁴. Потому что в 2014 году нежелательные сексуальные действия все еще были очаровательными.

Конечно, все это изменилось с первыми заявлениями против Харви Вайнштейна в рамках движения «MeToo». На этом этапе был быстро достигнут консенсус о том, что любые сексуальные действия, направленные против других людей, являются недопустимыми, и что для них нет никакого оправдания. Новые модели поведения были заложены очень глубоко и очень быстро. Но они оставили за кадром некоторые неприятные вещи, случившиеся в очень недавнем прошлом. После дела Вайнштейна все, что было связано с взаимоотношениями между полами в Голливуде и в остальном мире, было представлено прессе как невероятно простое и очевидное. Однако оно, очевидно, таковым не было — ни в Голливуде, ни где-либо еще.

Одной из тех немногих, кто немного воспротивился четким контурам, ограничивающим новые линии поведения, была актриса Маим Бялик. В октябре 2017 года, когда прогремело движение «MeToo», она получила некоторое количество критики в свой адрес за то, что выразила свое мнение в «The New York Times» и честно рассказала об индустрии, в которую она, по ее словам, впервые вошла «носатой, неловкой, гиковатой 11-летней еврейкой». Она сказала, что у нее «всегда были

сложные отношения с тем, что она работает в индустрии, где зарабатывают на объективации женщин». Также она рассказала, как, будучи молодой актрисой, совершала «консервативные» поступки, и, наставляемая своими родителями, американцами в первом поколении, всегда была осторожна с людьми, работавшими в индустрии шоу-бизнеса. Это, в совокупности в соблюдением ею религиозных предписаний, означало, что она была человеком, как она объяснила, редким среди голливудских женщин.

Жизненный путь Бялик действительно нельзя назвать обычным. Она оставляла актерскую карьеру на несколько лет для того, чтобы заняться получением докторской степени в области нейронаук. Затем, вернувшись в индустрию, она снялась в ситкоме «Теория Большого взрыва». В 2017 году она сказала: «Будучи 41-летней актрисой, я каждый день принимаю решения, которые я считаю защищающими меня и мудрыми. Я решила, что моя сексуальная жизнь должна сохраняться для частных ситуаций с теми, с кем я наиболее близка. Я скромно одеваюсь. Я не заигрываю с мужчинами на постоянной основе»⁸⁵.

Все сказанное создало ей некоторое количество проблем с другими женщинами в Голливуде, заявившими, что она занимается «виктимблеймингом» — в частности за то, что перекладывает вину за поведение мужчин на то, как женщины одевались. Бялик вынуждена была извиниться и выразить сожаление за то, как интерпретировали ее слова в статье. Но более странным было то, что ска-

Безумие толпы

занное Бялик в статье было в прямом противоречии с тем, что она сделала годом ранее.

В феврале 2016 года Бялик была на «Шоу с Джеймсом Корденом». Среди других гостей программы был Пирс Морган. В одной из сцен Корден попросил своего соотечественника-британца объяснить недавний хештег «cleavagegate» — «скандал с декольте». Морган сказал, что между ним и Сьюзан Сарандон произошла ссора из-за его твита. Во время недавней церемонии вручения Премии Гильдии киноактеров 69-летняя Сарандон представила секцию «В память», одетая в топ с глубоким вырезом, открывающем декольте. Морган пожаловался в социальных сетях, что в том, чтобы представлять секцию, посвященную умершим друзьям и коллегам, в столь откровенном наряде, есть что-то непристойное. В рамках последовавшей за этим ответной критики — которую Морган не ожидал и внимание от которой, должно быть, было для него невероятно болезненным — Сарандон отметила Моргана в Twitter под фото, на котором она, стоя в бюстгальтере, показывает пальцем на статую Давида с его маленьким пенисом. Морган рассказал в студии Кордена, как тысячи других самопровозглашенных «феминисток» также ответили, отправив ему фотографии своих декольте в качестве протеста.

В течение этого рассказа Бялик сидела между Корденом и Морганом в зеленом платье с глубоким вырезом. В этот момент она положила ладонь на руку Моргана и прервала его. «Знаете что — я считаю себя феминисткой. Я это докажу вот так». И она встает, повернувшись спиной к зрителям, раскры-

вает свое платье и показывает Моргану грудь. Аудитория в студии сходит с ума, смеясь и аплодируя. И ведущий, и приглашенный вместе с Бялик гость хлопают и смеются так громко, как только могут. Вообще-то, в течение секунды видно, что Морган, похоже, краснеет и даже кажется смущенным. Он вновь подчеркивает, что ему нравятся декольте, но он не считает, что их нужно демонстрировать в тот момент, когда отдается дань уважения умершим коллегам, но, опять же, ему нравятся декольте... В этот момент Бялик опять встает. «Вы хотите опять это увидеть?» — говорит она и снова (в этот раз на более короткое время) снимает перед ним верхнюю часть своего платья⁸⁶.

Не могло получиться и лучше. Все это было проглочено зрителями в студии и зрителями, смотревшими шоу дома. В 2016 году показ голых груди был особенно «феминистским» поступком. И даже женщина, которая называла себя «скромной» по религиозным и социальным причинам, могла добровольно и легко порадовать публику, показав грудь — о чем ее не просили — мужчине.

Ничто из этого не означает, что женщины не должны делать со своими телами то, что считают нужным. Ничто из этого не означает, что знаменитости не могут показывать людям грудь ради смеха или чтобы получить внимание, или что женщина, показывающая грудь мужчине — это ровно то же самое, что мужчина, показывающий женщине свой пенис. Но было бы честным сказать, что женщины — в особенности, возможно, самые знаменитые и прославленные женщины — посылают сбивающие с толку сигналы. Слово «запутанные»

Безумие толпы

для этого совсем не достаточно. Более того, эти запутанные сигналы сосуществуют даже в рамках одного человека вроде Бялик, которая во всех остальных смыслах кажется держащей себя в руках во время этой бури.

Люблю вас

Одна причина, по которой любой человек может быть сбита с толку сигналами, посылаемыми всему миру индустрией развлечений, — это то, что и она сама чрезвычайно сбита с толку происходящим. Всего пару десятилетий назад все еще существовало представление о сложности отношений между мужчиной и женщиной. В фильме «Индиана Джонс и последний крестовый поход», вышедшем в 1989 году, есть знаменитая сцена. В начале фильма Индиана Джонс, которого играет Харрисон Форд, преподает основы археологии в аудитории, полной молодых девушек. Большинство студенток довольно мечтательно смотрит на него, и среди них есть одна, которая сбивает Индиану с мысли тем, что на одном верхнем веке у нее написано «люблю», а на другом — «вас». Она моргает, глядя на него, медленно и значительно, чтобы он мог прочитать слова и понять стоящий за ними смысл.

В этой сцене есть два сюжета, которые были нам отлично знакомы — до тех пор, пока недавно мы не стали притворяться, будто не знаем их. Первый заключается в том, что отношения между учителем и учеником могут нести в себе скрытые сексуальные чувства. Древние греки знали это, хотя тогда, как и сейчас, было известно, что

такому сексуальному напряжению всегда нужно сопротивляться. Однако оно может присутствовать. И вторая тема — более важная для нашей цели — это тема хищных женщин, даже женщин-вамп, охотящихся на старшего, более уязвимого, возможно, даже беспомощного мужчину. Это был распространенный сюжет в течение большей части вплоть до 1989 года. Это — осознание того, что мужчины могут не только преследовать женщин, но также и становиться объектами преследования с их стороны. Каждый мужчина знает о таком опыте, даже если никогда сам ему не подвергался — хотя большинство однажды подвергнется. Его более мягкие варианты — это те, которые продемонстрировала Дрю Бэрримор, когда вновь обращалась к образу маленькой озорной девочки: это сигнал «я вела себя глупо, возможно, шалила». Но есть и более жесткие варианты, когда женщина может буквально преследовать мужчину, чтобы взять у него то, что она хочет.

Если дело не в том, что женщины ведут себя подобным образом, то просто подумайте о рынке одежды и аксессуаров, которые предназначены для того, чтобы представить женщин в еще более сексуальном виде, чем обычно. Подумайте о моде на фальшивые самоклеящиеся соски. Компании вроде «Just Nips» («Просто соски») часто представляют свои товары на их вебсайтах как предназначенные для женщин, перенесших мастэктомию. Но более широкая маркетинговая кампания и знание широкой публики о тренде основаны на том, что ношение женщинами одежды без бюстгалтера, как известно, невероятно возбуждает мужчин.

Безумие толпы

В 1990-х в одном из эпизодов сериала «Секс в большом городе» Миранда надела накладные соски на вечеринку и получила именно то внимание, которое хотела получить, поскольку мужчины, которые были на вечеринке, видели торчащие из-под ее платья соски и притягивались к ней. Так как знаменитости заставили образ «без бюстгальтера» выглядеть более желанным, изготовители стали производить более доступные накладные соски. В 2017 году компания «Just Nips for All» («Просто соски для всех») рекламировала товары, в числе которых были соски «замерзшие» и «чуть меньшего» размера, которые заставляли «идеально торчать» «обвисшие» соски. Как говорилось на веб-сайте, «когда вашему образу нужно нечто особенное, добавьте пару вот этих штучек! „Замерзшие Соски“ — все, чего бы вам хотелось от накладных сосков... и даже больше! Что больше, спросите вы? Они утонченные. Они сексуальные. Они чертовски очаровательные!»

Конечно, они могут быть представлены как созданные для потребностей женщин. Все для того, чтобы женщины чувствовали себя увереннее: это совершенно не связано с мужчинами; не будь мужчин, женщины все так же ходили бы с наклепленными на них ледяными фальшивыми сосками. Но реклама таких изделий четко дает понять, для чего — или кого — они предназначены на самом деле. Изготовители похваляются опцией «ледяных сосков»:

«Эти детки дешевле имплантов, это уж точно! Как бы сказать... „Ледяные Соски“ — это ОМУ [оружие массового уничтожения] среди средств подня-

тия сосков. Они мощные. Они смертельно опасные. Они способны резать стекло, сталь, тефлон, что угодно — и у всех будет что обсудить за вашей спиной на вечеринке — в хорошем смысле, естественно (просто завидуют). Сочетайте это со своей любимой красочной майкой, чтобы получить тот самый образ сексуальных без всяких усилий моделей, но давайте начистоту — надевайте их под свой самый обтягивающий свитер для самого „горячего“ холодного образа из всех возможных».

Действительно. Почему бы женщины захотели оружие массового уничтожения среди средств поднятия сосков, кроме как для того, чтобы чувствовать себя увереннее в целом? Есть еще какие-то причины?

Хотя они не получают — и не ищут — такого внимания от мужчин, рынок переполнен подобными товарами. Более распространены предметы вроде пушап-бюстгальтеров. Но нет никакого ограничения в возможностях рынка, потому что нет никакого предела для женщин, если они хотят чего-то достичь.

В последние годы рынок породил «трусы-верблюжье-копыто». Как писала одна журналистка:

«Одной из важнейших причин для переживаний, связанных с модой, является то, что женщины переживают, что их вагины недостаточно упругие. Недостаточно заметные взгляду со стороны. У вас может быть хорошая задница, хорошая грудь... и мозги, но если у вас недостаточно выпуклые половые губы, то какой в этом смысл? Но есть хорошие новости, мои плоскогубые сестры. Если вы когда-либо переживали, что ваша вагина недостаточно

Безумие толпы

выдается сквозь шорты или штаны для йоги, то больше нет причин для беспокойства»⁸⁷.

Действительно, в 2017 году был открыт «пушап-бюстгальтер для ваших половых губ». Предмет нижнего белья различных оттенков под разные цвета кожи, «который выглядит так, будто ваши штаны впиваются прямо в ваши большие половые губы»⁸⁸. Опять же, можно сказать, что это никоим образом не связано с мужчинами и что это просто вещь, которую женщины надевают дома под халат, или под мешковатые штаны, или носят под юбкой на работе. Все это — о том, как женщина сама к себе относится. Но есть другие более очевидные причины того, почему некоторые женщины хотели бы, чтобы казалось, будто их штаны впиваются в их большие половые губы.

В последние годы даже намек на подобное суждение подводил людей очень близко к полному разрушению их карьеры. В феврале 2018 года канадский академик, автор и психиатр доктор Джордан Питерсон давал интервью Джею Каспиану Кангу для новостной рубрики журнала «VICE». Канг сделал ряд утверждений, на которые Питерсон возразил и отметил, что серьезные вопросы не прозвучали. К примеру, Питерсон спросил своего интервьюера: «Могут ли мужчины и женщины работать вместе в одном офисе?» Интервьюер выглядел пораженным тем фактом, что такой вопрос вообще должен задаваться, и ответил, что он знает ответ на этот вопрос и что да, они могут, поскольку «я работаю со многими женщинами». Но Питерсон заметил, что так обстоят дела лишь в течение примерно последних 40 лет, и поэтому это — довольно

новое явление, для которого люди все еще пытаются выработать правила. «Бывают ли сексуальные домогательства на рабочем месте? Да. Должны ли они прекратиться? Хорошо бы. Прекратятся ли они? Ну, не в данный момент, нет, поскольку мы не выработали правила». И тут Питерсон ступал на очень опасную территорию.

«Вот вам правило. Как насчет того, чтобы макияж не носили в офисе?» — предложил он. Джей Канг начал смеяться и ответил: «Зачем такое правило?» Тогда Питерсон спросил: «А зачем носить макияж на рабочем месте? Разве это не провоцирует сексуально?» Канг не согласился. «Каково предназначение макияжа?» — спросил его Питерсон. «Ну, некоторым просто нравится наносить макияж. Я не знаю почему». Тогда Питерсон объяснил ему, что смысл помады и румян заключается в том, чтобы стимулировать сексуальное возбуждение. Затем — еще хуже — он заметил, что высокие каблуки — это инструмент для повышения сексуальной привлекательности. Питерсон объяснил, что вовсе не имел в виду, что женщины не должны носить туфли на каблуке и макияж на рабочем месте. Он имел в виду, что у нас не должно быть иллюзий по поводу того, какие реакции должны вызывать эти вещи. Это игра, которую ведут женщины, носящие макияж и высокие каблуки⁸⁹. Во время интервью Канг иногда выглядел озадаченным, иногда — скучающим, как будто вопросы, которые задавал Питерсон, были невероятно простыми и очевидными. Чего он ни разу не сделал, так это не попытался побороться с ужасающим ящиком Пандоры, который открыл его гость.

Безумие толпы

Возможно, это была разумная стратегия со стороны интервьюера. В конце концов, реакция на это интервью была еще более бурной, чем привычные отклики на интервью Питерсона. Форумы онлайн-чатов были полны людей, утверждающих, что он сказал, что женщины, носящие макияж и высокие каблуки на работе, напрашиваются на сексуальные домогательства. Некоторые медиа присоединились к ним. И такие моменты интересны. Некоторые люди заявляют, что обсуждать внешний вид женщин на работе в таком контексте — значит запрещать им носить то, что они захотят. Многие ошибочно воспринимают речь Питерсона именно в таком ключе — якобы он оправдывает сексуальные домогательства. Похоже, что-то в обществе идет не так. Дело не в том, что люди неправильно поняли Питерсона. Более вероятно, что такие люди преднамеренно и лениво усваивают упрощенные искажения того, что другие люди говорят, чтобы избежать сложных разговоров, которые в ином случае возникли бы.

Нет предела тому, сколько серьезных разговоров можно вести вокруг этой темы. Если культура утверждается в мысли о том, что женщине всегда нужно верить не только в случае сексуального насилия, но и в случаях нежелательных предложений сексуального характера, то это может породить некоторое замешательство в обществе. Что думать людям и как им реагировать на те случаи, когда они на себе испытывают те женские штучки? Как им согласовать тот факт, что женщинам всегда нужно верить, с тем фактом, что существуют целые индустрии, позволяющие женщинам дурачить мужчин?

Или — в самом оптимистичном случае — соблазнять их. В конце концов, о чем говорят все эти летние рекламные кампании, призывающие женщин «приковывать взгляды этим летом»? Чьи взгляды их призывают приковывать? Проходящих мимо женщин, желающих купить, скажем, такое же платье или бикини? Или мужчин?

Сделай так, чтобы у него слюнки потекли

Та манера, в которой маркетологи обращаются к женщинам, говорит многое о том, чем на самом деле мотивируются женщины, когда думают, что мужчины за ними не наблюдают. Подумайте о бесконечных множествах рекламных кампаний и объявлений в женских журналах, посвященных мотивам вроде «сделай так, чтобы у него слюнки потекли». Если бы рекламные кампании автомобилей или средств для бритья создавались с утверждением, что рекламируемый объект, как только будет куплен, заставит женщин истечь слюной, то они бы не только осуждались, но и могли бы и вовсе не справиться с задачей привлечь внимание мужчин. Здесь может многое поведать поиск в Google. Поиск по словосочетанию «у него слюнки потекут» выдает множество статей, рекламных объявлений и онлайн-обсуждений. Словосочетание «у нее слюнки потекут», для сравнения, выдает массу статей — начиная со статей о том, как перестать пускать слюни во сне, и заканчивая тем, почему у некоторых кошек капает изо рта.

Все это предполагает, что наше общество достигло этапа отрицания, похоже, промышленных мас-

штабов. Мы решили забыть или полностью устранить вещи, которые казались обоснованными еще вчера. И мы, похоже, решили, что отдельные трудности, которые существуют не только между мужчинами и женщинами, но и среди мужчин, и среди женщин, могут быть просто отодвинуты в сторону с предположением, что они все преодолены.

Или, возможно, вся эта аргументация стоит на огромной пороховой бочке. В конце концов, мужчина, пытающийся понять, чего хочет женщина сегодня, может быть прощен за то, как сильно он ломает над этим голову. Молодой человек, делающий попытки начать понимать противоположный пол, теперь должен столкнуться с миром, который говорит ему, что он должен посещать «уроки согласия» в школе и в университете, диктующие ему точные правила того, что является и что не является неприемлемым поведением. И все же он может залезть в Интернет или отправиться в книжный магазин рядом с домом — если таковой есть — и увидеть, что книги, ставшие бестселлерами у женщин (включая ровесниц его матери), — это книги, в которых все построено вокруг фантазий о сексуальном насилии. Фантазии, которые никак нельзя обсуждать или пытаться понять, но которые являются столь публичными, что на основе таких книг были сняты фильмы, которые показывались в кинотеатрах и сборы которых составляют на сегодняшний день около полумиллиарда долларов. Разве это мужчины идут в кино, чтобы посмотреть, как Кристиан Грей связывает свою подружку, чтобы заняться с ней сексом, а затем искупает перед ней свою вину? Или это скорее женщины?

У Ники Минаж есть песня, которая, возможно, непроизвольно суммирует всю запутанность нынешней ситуации. Песня называется «Анаконда», и она была выпущена в 2014 году. Если не смотрели — обязательно посмотрите. Сказать, что видео Минаж сексуализированны — все равно что сказать, что ее тексты банальны. Текст этой песни начинается со слов «Моя анаконда не, моя анаконда не / Моя анаконда не захочет тебя, если у тебя нет булок, дорогуша». Каждый из тех, у кого есть сомнения по поводу того, о каких булках идет речь, обо всем догадается из того факта, что первые три минуты клипа практически полностью состоят из кадров Ники Минаж в бикини, на фоне джунглей, трясущей задницей перед камерой. Иногда с ней в кадре появляется группа других женщин, одетых похожим образом и тоже трясущих задницей перед зрителем. Тряска продолжается. Если кто-то не понял смысл, то его можно извлечь из припева:

О боже, посмотрите на ее попу,
О боже, посмотрите на ее попу,
О боже, посмотрите на ее попу,
(Посмотрите на ее попу),
Посмотрите, посмотрите, посмотрите,
Посмотрите на ее попу!

Не считая тряски попой рядом со своими подружками и игр с попами друг друга, единственное, что делает Ники Минаж в первые три минуты видео — это с намеком ест банан, затем поливает свою зону декольте взбитыми сливками, затем стирает сливки по своей груди и слизывает крем

Безумие толпы

в такой последовательности, которую очевидным образом невозможно интерпретировать.

Но это не самая значительная часть видеоклипа на песню «Анаконда». Все это — абсолютно нормальные и банальные изображения из мира попсовых видеоклипов, в которых женщины часто одеваются и танцуют как стриптизерши. Важная часть — это последние полторы минуты видео, в начале которых Минаж крадется на четвереньках в комнате, полной сексуального полумрака. Она ползет по направлению к стройному молодому человеку, сидящему в кресле. Текст, звучащий во время этой сцены, начинается так: «Это посвящается моим сучкам с толстой жопой в чертовом клубе / Я говорю, где мои толстожопые большие сучки в клубе?» Одетая только в бюстгальтер и пару кружевных дырявых леггинсов, она, вертясь, двигается вокруг мужчины. Она закидывает ногу через его плечо. Она наклоняется перед ним, тыча своей знаменитой задницей ему в лицо и качая ею вверх-вниз. Она принимает позы стриптизерши, скользя перед ним вверх и вниз. В течение всего этого времени он сидит смирно, как примерный посетитель клуба частных танцев. Наконец, когда ее зад раскачивается перед его лицом в сотый раз, он выглядит очевидно неудовлетворенным. В какой-то момент, вытирая рот рукой, он колеблется, прежде чем аккуратно положить одну руку на ее зад. И в этот момент все заканчивается. Звучит вокал: «Эй!» Минаж отталкивает его руку и уходит, откидывая назад волосы. Пока она идет, мужчина наклоняется вперед в кресле и прячет лицо в ладонях, очевидно в ужасе от своего непростительного поведения.

Путаница, которую устраивает в этом клипе Ники Минаж, является репрезентативной для целой системы вещей в нашей культуре. Она содержит неразрешимую проблему и невозможное требование. Требование состоит в том, чтобы женщина могла исполнять приватные танцы, вешаться на мужчину и трясти задом перед лицом любого, кто ей нравится. Она может заставить его пускать слюнки. Но если мужчина кладет хотя бы одну руку на нее, ситуация кардинально меняется. Она может превратиться из стриптизерши в мать-настоятельница в мгновение ока. Она может перескочить с «Посмотри на мой зад, качающийся перед твоим лицом» на «Как ты смеешь трогать зад, которым я все это время трясла перед твоим лицом?» И это ему нужно понять, что он был не прав. Что за требование тут выдвигается? Невозможное требование, которое не может быть выполнено, но которое стало частью современной морали. Оно состоит в том, что женщине должно быть предоставлено право быть настолько сексуальной и эротичной, насколько ей хочется, но это не значит, что ее можно сексуализировать. Сексуальная, но не сексуализируемая.

Это — невозможное требование. И не просто неразумное, но и доводящее мужчин до безумия. Но никто не хочет исследовать этот вопрос. Потому что поднять его означает вскрыть целый мир неправимых, неразрешимых сложностей.

Такие же или лучше?

Уверенность в том, что можно быть сексуальной, но при этом не быть сексуализированной — это лишь

Безумие толпы

одно из противоречивых утверждений, с которым согласна наша культура. Но в воздухе витают и другие. К примеру, одно из них гласит, что женщины во всех значимых смыслах — такие же, как мужчины, обладают теми же свойствами и умениями и могут посоревноваться с ними на одних условиях в любое время. Однако в то же самое время — как по волшебству — они лучше мужчин. Или лучше них каким-то конкретным образом. Похоже, все это может уместиться в одной голове, каким бы противоречивым ни было. Так что нынешний общепринятый способ воспринимать женщин таков: такие же, как мужчины, но другие, когда это полезно или лестно.

Пример этого парадокса часто проявляется в случае Кристин Лагард, которая являлась директором-распорядителем Международного валютного фонда бóльшую часть десятилетия. В 2018 году, в десятую годовщину финансового кризиса, Лагард описала на сайте МВФ уроки, которые преподавал ей кризис 2008 года, и поразмышляла о том, что было исправлено — а что нет — в последующее десятилетие. Лагард использовала эту публикацию как возможность поговорить о нехватке женщин в рядах сотрудников банков и агентств, контролирующих финансовые институции. Также она использовала возможность повторить одну из самых своих любимых и часто повторяемых мантр за последнее десятилетие. «Как я говорила много раз, — писала она, — если бы вместо братьев Леман были сестры Леман, мир мог бы выглядеть сегодня совсем иначе»⁹⁰. Это было не просто очередное воспроизведение проблемы группового мышления, которое так

поспособствовало событиям 2008 года. То, о чем говорила Лагард, было важнее. Дело было не только в том, что финансовые институты нуждались в женщинах. Практически никто в этом не сомневался. Она говорила о том, что, если бы женщины были более заметными в этой рабочей сфере — или, даже лучше, если бы руководили ею — тогда результаты и итоги были другими. И Лагард была не единственной, кто утверждал это. Действительно, разные версии этого высказывания звучали в течение десятилетия, последовавшего за финансовым кризисом. И они были сосредоточены на финансовой сфере, как и другие стороны социальной жизни.

Вскоре после кризиса телеведущая Ферн Бриттон появилась на главном политическом ток-шоу ВВС, «Время вопросов», и прокомментировала финансовый кризис, получив аплодисменты от зрителей в студии: «Кажется, огромное количество мужчин работало в финансовой сфере, и все кончилось плохо. Если бы только там работали женщины и вели свое старомодное хозяйство, в котором они традиционно были довольно хороши, и следили бы за тем, чтобы деньги откладывались на оплату электричества, газа и еды. Мы их не похищали, не воровали, не ставили на лошадей, чтобы посмотреть, приумножатся ли деньги через неделю»⁹¹. Министр по делам женщин и равных возможностей в 2010–2015 годах, либеральная демократка Линн Фэзерстоун, была образцовым приверженцем этой же теории. На заседании партии, членом которой она являлась, она обвинила мужчин в принятии «ужасных решений» в области мировой экономики и заявила, что мужчины в целом

Безумие толпы

были главной причиной того «бардака, в котором находится мир».

Это — первый парадокс современного предположения насчет позиции женщин, противопоставляемой позиции мужчин, в нашем обществе. Женщины в точности такие же, как мужчины — такие же способные, такие же компетентные, такие же пригодные для того же набора задач. И заодно — лучшие. То, как же так вышло, не очень понятно, поскольку этот вопрос еще плохо обдуман. Тем не менее мы решили внедрить именно этот образ мышления так глубоко в наше общество, насколько это возможно.

Женщины это бизнес

В погожий день в лондонском Сити более четырехсот очень умных женщин собрались в элитном отеле, стоящем южнее от реки. Умные — необходимо уточнить — в любом смысле этого слова. Все присутствующие — не только владелицы бизнесов и наиболее успешные представительницы своих профессий, но и, входя в крутящуюся дверь, они заставляют почувствовать себя как на модной фотосъемке. Туфли на высоком каблуке, развевающиеся шарфы, наряды международной бизнес-элиты; никто — абсолютно никто — не подводит единомышленников. И уже с самого начала очевидно, что единомышленники тут есть.

Конференция «Женщины это бизнес» была собрана изданием «The Daily Telegraph». Самые крупные из ее спонсоров — банк «NatWest» и сеть телекоммуникаций BT. День начинается выступлением Мини-

стра по делам женщин и равных возможностей и продолжается секцией «Как работа должна начать работать для женщин». Здесь присутствуют многие из самых успешных и самых знаменитых женщин из мира бизнеса, вместе с ними — некоторые из самых известных женщин-телеведущих страны. Ведется «беседа у камина» с «главой предприятия» банка «NatWest» и первой женщиной-парламентским представителем в Палате общин. За этим следуют другие секции: «Каковы реальные препятствия на пути женщин к успеху?», «Преодолевая гендерный разрыв», «Находятся ли женщины в невыгодном положении в мире инвесторов, где доминируют мужчины?» Секции, посвященные мужской половине человечества, носили названия вроде «MenToo: важная роль мужчин как союзников женщин».

Нужно отметить, что, поскольку все это было направлено на женщин и поскольку все, кроме разве что пары человек, присутствующие были женщинами, женский взгляд на все это был неизбежен. Было также неизбежно то, что большая часть дискуссии была посвящена проблемам женщин на работе, включая вопросы об уходе за детьми. Но в помещении четко присутствовал дух союзничества. Всякий раз, когда кто-то стремился получить одобрительные кивки или аплодисменты в ответ на свою речь, он или она могли подчеркнуть, что нам необходимы «уверенные женщины». А самым верным способом вызвать неодобрительные переговоры было рассказать историю о плохом поведении «альфа-самца». Примеры поведения таких «альфа-самцов» включали истории о том, как мужчины доминировали в чем-то или слишком много

Безумие толпы

разговаривали. Чувствовалось, что присутствующие едины в мнении о том, что вместе с необходимостью получить больше «уверенных женщин» присутствует также необходимость иметь «менее уверенных мужчин». Как будто вместе с этим два пола достигнут какого-то равновесия.

Был один гарантированный способ склонить зрителей на свою сторону. И он заключался в том, чтобы выступающая женщина выразила обеспокоенность, нервозность или чувство «синдрома самозванца». Одна впечатляющая, умная и яркая молодая женщина, работающая в некоем стартапе, начала свою речь с этих слов. Она нервничала, и ей казалось, будто она вообще не должна быть здесь, среди всех этих восхитительных женщин, достигших столь многого. Ей сердечно аплодировали, приветствуя ее храбрость. Женщины должны быть уверенными. Но кажется, будто хорошей стратегией для расположения к себе других женщин является представление себя совсем не уверенной. Почти как будто вам страшно, будто вас другие же женщины и застрелят. Когда подходит время для секции вопросов и ответов, одна из присутствующих задает ведущей вопрос о том, есть ли здесь такие женщины, для которых величайшей проблемой на работе были другие женщины. Она задает свой вопрос анонимно.

Как один из немногих мужчин, которых приглашали высказаться в тот день, я поучаствовал в секции под названием «Является ли особое внимание к проблемам женщин сдерживающим для мужчин?» Вел эту секцию журналист из «The Daily Telegraph». Другие участники — член британского парламента Крейг Трэйси, возглавляющий парла-

ментскую группу, поддерживающую женщин, женщина, возглавляющая отдел кадров в «The Daily Telegraph», и «глава отдела по работе с клиентками» в банке «J.P.Morgan». Выводы, к которым пришли тогда, были стандартными для всех подобных публичных дискуссий, и их явно стоит подвергнуть сомнению.

Самым поразительным было то, что там, похоже, образовалась некоторая путаница вокруг проблемы «власти». Каждая из предшествующих дискуссий была основана на предположении о том, что практически все отношения на рабочем месте и где-либо еще выстроены вокруг некой власти. Осознанно или нет, эти женщины впитали присущий Мишелю Фуко взгляд на мир, согласно которому власть — это самая значительная призма, сквозь которую можно смотреть на человеческие отношения. Что поражает, так это даже не то, что все на словах поддержали эту идею, но то, что эти женщины сосредоточены только на одном виде власти. Эта та власть, которая, как считается, исторически принадлежала только главным образом старым, главным образом богатым, всегда белым мужчинам. Поэтому всем так нравится шутки и ругань по поводу поведения «альфа-самцов». Считается, что если «альфовость» и мужественность могли бы быть вытравлены из этих людей при помощи какого-нибудь чудесного социально-справедливого блендера, то власть, полученная из них таким образом, могла бы быть выпита собравшимися в тот день женщинами. Что она напитает их и способствует их росту — тех, кто больше заслуживает иметь эту власть.

Здесь начинается территория бурных вод. Но, как я предполагаю, мой вклад в нашу дискуссию в тот день был ограничен этим недопониманием. Даже если мы допустим — чего не следует делать — что власть (а не любовь, например) — это самая значимая сила, направляющая человеческие отношения, то почему мы сосредоточиваемся только на одном виде власти? Безусловно, есть виды власти — такие, например, как изнасилование — которые есть у мужчин над женщинами. И есть виды власти, которые есть у пожилых, по большей части белых, мужчин над менее успешными людьми, включая менее успешных женщин. Но в мире есть и другие виды власти. Историческая власть пожилого белого мужчины — не единственная разновидность. Разве нет такой власти, в конце концов, которой обладают женщины? «Например, какой?» — спросит кто-то. Раз уж мы уже забрались в своих рассуждениях так далеко, имеет смысл продолжить.

Среди тех видов власти, которыми женщины безраздельно обладают, самый очевидный заключается в том, что многие женщины — не все, но многие — имеют способность делать то, что мужчинам не дано. Это способность сводить с ума представителей противоположного пола. Лишать их разума. Не просто разрушать их, а сделать так, чтобы они разрушили себя сами. Это такой вид власти, который позволяет молодой женщине в позднем подростковом возрасте или в свои двадцать с чем-то взять мужчину, обладающего всем на свете, на пике его расцвета, измучить его, заставить его вести себя как идиот и полностью развалить его жизнь за считанные секунды.

Ранее на конференции мы слышали от привлекательной молодой женщины, возглавляющей стартап, что, пока она находилась в поисках денег на свой проект, бывали случаи, когда ей поступали неприемлемые предложения от потенциальных спонсоров. Слушатели предсказуемым образом выразили свое неодобрение. Поскольку то, о чем идет речь, безусловно, является злоупотреблением властью. Но есть некое знание, о котором не говорят вслух — и лицемерие, о котором не говорят вслух — за всем этим неодобрением. Были ли все присутствующие, включая тех, кто возмущался, уверены в том, что выступавшая в тот момент женщина не обладала какой-нибудь властью? Уверены ли они в том, что она могла бы нарастить точно такой же капитал, выглядя при этом не как сногсшибательная топ-модель (оставаясь при этом умной и здравомыслящей), но скорее как Джабба Хатт? Или как неухоженный белый старик? Я не умаляю способностей этой женщины (и не дам спуску мужчинам, ведущим себя неприемлемо), если скажу, что даже перспектива оказаться в будущем рядом с такой, как она, работает ей на пользу. Исследования вновь и вновь показывают, что — с учетом равноправия — привлекательные люди все же поднимаются выше по карьерной лестнице, чем их непривлекательные коллеги. Разве внешняя привлекательность в сочетании с молодостью и женственностью — это несущественный набор? Разве не мог один (или несколько) из мужчин, входящих в число ее инвесторов, подумать в какой-то момент, что даже если у него с ней ничего не могло, не будет и не должно быть, то хотя бы их деловые

Безумие толпы

встречи он будет ожидать с бóльшим нетерпением, чем деловые встречи с пожилыми белыми мужчинами? Разве это — как бы это ни было неприятно признавать — не своего рода власть? Такая власть, которая либо отрицается, либо используется за скобками современного дискурса, но тем не менее существует?

Эти слова не были тепло приняты слушателями. Это было определено не тем, что присутствующие хотели услышать. Прежде чем я смог перейти к своему следующему непопулярному высказыванию, глава отдела кадров из «The Daily Telegraph» взяла разговор в свои руки. Недопустимое поведение на рабочем месте — это проблема, требовавшая особого внимания. У многих женщин были ужасные истории об этом. Многие из присутствовавших женщин, несомненно, тоже проходили через это. Но предполагалось, что весь вопрос отношений между полами имеет однозначный ответ. Особенно все стало ясно на заре движения «MeToo». Мужчины должны были осознать, что существует допустимое и недопустимое поведение. И, допуская, что определение и первого, и второго совсем недавно изменилось вновь, предполагалось также, что нравы были в некотором смысле безвременны и всегда очевидны.

Я подозреваю, что каждый, кому доводилось работать в офисе, знает, что все обстоит отнюдь не столь однозначно. «Позволительно ли пригласить коллегу выпить вместе чашку кофе?» — спросил я вслух. Похоже, это был пограничный случай. Если человек приглашал выпить кофе более одного раза, то это становилось очевидной проблемой. «Мужчи-

ны должны усвоить, что „нет“ значит „нет“, — прозвучало там. Фраза «не делайте ничего, чего бы не стали делать на глазах у своей матери» предлагалась как основа для выстраивания нравственной нормы, а тот факт, что для взрослых существует еще множество совершенно легальных, приемлемых и очень приятных способов провести время, которые они, однако, не стали бы практиковать на глазах у своей матери, игнорировался. Это уже звучало как придирки. «Это не так сложно», — повторяла глава отдела кадров.

Однако это сложно, разве нет? И каждая присутствовавшая там женщина — как и большинство вне этой аудитории — знала, что это так. К примеру, они знали, что значительный процент мужчин и женщин встречают своего будущего спутника жизни на рабочем месте. Даже после того, как Интернет изменил многое в романтических отношениях, многие исследования последних лет показывают, что около 10-20% людей все так же встречают своих будущих супругов на работе. Учитывая, что успешные люди вроде тех, которые находились в аудитории, — это те, кто в вопросе о балансе «работа-жизнь» отдают предпочтение работе, а не всему остальному, они будут проводить больше времени с коллегами, чем с друзьями. Так ли мудро отгораживаться от этого значительного притока потенциальных партнеров? Или сводить его к крошечному ручейку, одобренному главой отдела кадров? Сделать это — значит потребовать, чтобы каждый мужчина за свою жизнь мог подойти с романтическими намерениями только к одной женщине за всю свою карьеру. Чтобы эту женщину

Безумие толпы

можно было пригласить выпить кофе или что-нибудь покрепче только один раз. И эта одна-единственная попытка должна иметь стопроцентную точность. Разве это разумный или человечный способ организовать взаимоотношения между полами? Конечно, все присутствующие смеются на этом предположением. Потому что это смешно. Это смешотворно. А еще это — одно из правил современного рабочего пространства.

Расследование, проведенное «Bloomberg» и опубликованное в декабре 2018 года, рассказало о настроениях среди наиболее значимых фигур в финансовой сфере, являющейся, несомненно, средой, где доминируют мужчины и где мужчины составляют большинство в самых важных отраслях, не считая обслуживающего персонала⁹². Настроения эти оказались поразительными. В рамках интервью с тридцатью высшими руководителями-финансистами выяснилось, что мужчины больше не хотят обедать со своими коллегами-женщинами. Они также отказываются занимать с ними соседние места в самолете. Заселяясь в отель, они настаивают, чтобы им с их коллегами-женщинами давали номера на разных этажах, и избегают с ними любых деловых встреч с глазу на глаз⁹³.

Если настроения среди мужчин на работе действительно таковы, то это не говорит о том, что рабочая система этикета честна или прозрачна. Правила, которые считаются утвержденными, появились лишь недавно. Нормам, которые должны быть универсальными, не следовали еще вчера. И под этим всем скрывается смысл, вынесенный из отчета «Bloomberg»: дело не в том, что люди не

доверяют себе (хотя и это возможно), а в том, что они не доверяют честности заявлений других людей, включая заявления женщин, оставшихся наедине с коллегой-мужчиной. Если рабочий этикет настолько прост, то удивительно, что он столь сложен.

В тот день на конференции в Лондоне самым поразительным оказалось то, что дискуссия кончилась тем, что еще недавно ограничивалось пределами гуманитарных колледжей. Конференция «Женщины это бизнес» неизбежным образом завершается разговором о «привилегии». Кто ею обладает, кто должен ею обладать, и как она может быть распределена более честно?

Одной из немаловажных странностей этой дискуссии, когда бы она ни возникла — а это происходит часто в наши дни — является то, что привилегии чрезвычайно сложно дать определение. Кому-то, возможно, досталась «привилегия» унаследовать денежный капитал. Для другого же та же самая привилегия может оказаться проклятием, делая его избалованным и лишая стимулов к развитию. Является ли человек, унаследовавший денежный капитал и обладающий с рождения ограниченными возможностями, более привилегированным или менее привилегированным по сравнению с тем, кто не получил наследства, но является полностью трудоспособным? Кто может разрешить этот вопрос? Кому мы можем доверить его решение? И как могут различные слои этой системы быть настолько гибкими, чтобы не просто рассматривать каждого сквозь эту призму, но и принимать к вниманию относительные измене-

Безумие толпы

ния к лучшему или к худшему, возникающие в течение любой человеческой жизни?

Другая проблема, связанная с привилегией, заключается в том, что мы можем увидеть ее у других, но не можем или не желаем обнаружить ее у себя. Как ни крути, все женщины, присутствовавшие тогда в аудитории, принадлежат к небольшому проценту наиболее успешных людей не только среди тех, кто когда-либо жил на Земле, но и в своей стране, в своем городе и в своем районе. У них внушительные зарплаты и значительные контракты, и в течение следующего месяца у них будет больше возможностей, чем у большинства белых мужчин будет за всю жизнь. И тем не менее привилегия — это вопрос, который поднимается снова и снова, поскольку предполагается, что ею обладают другие люди.

Урок о бессознательных предубеждениях и интерсекциональность

Мы неизбежно — и как по заказу — подходим к главному месту назначения этого невозможного процесса бесконечных расслоений и обобщений: вопросу о важности «интерсекциональности». Глава отдела кадров в «The Daily Telegraph» достигает этого момента раньше, чем я. Она подчеркивает: важно принимать во внимание интерсекциональное наслоение. Поскольку мы должны помнить, что не только женщины должны раскрепоститься и получить подмогу в этой иерархии. Есть и другие маргинализованные группы, также нуждающиеся в помощи. Кто-то из присутствующих напоми-

нает остальным, что некоторые люди являются беженцами, и важно не дать из голосам затеряться. Так можно продолжать бесконечно. У некоторых людей — ограниченные возможности. У некоторых — депрессия. Не все люди красивы. Некоторые люди гомосексуальны. И так далее.

Женщина из банка «J.P.Morgan» сообщила нам, что это — именно та причина, по которой в ее фирме организовали принудительные «уроки о бессознательных предубеждениях». Многие согласились с тем, что такие занятия должны учреждаться повсеместно. Наши мозги устроены таким образом, что мы порой не осознаем предубеждений и предрассудков, дремлющих у нас в глубине сознания. Эти укоренившиеся предрассудки могут заставлять нас предпочитать в качестве партнеров мужчин, а не женщин (или, возможно, наоборот), или предпочитать людей с одним цветом кожи людям с другим цветом кожи. Некоторые люди могут не захотеть нанять человека на работу из-за его религиозных убеждений или сексуальной ориентации. И поэтому «уроки о бессознательных предубеждениях» доступны в банке «J.P.Morgan» и в расширяющемся кругу других банков, финансовых институций и других частных и государственных компаний — для того, чтобы перенастроить наши взгляды и позволить тем, кто им подвержен, изменить, подчистить и откорректировать свои врожденные предубеждения.

Одна из странностей этой дискуссии заключается в том, что можно быть уверенным: читатели «The Daily Telegraph» были бы в ужасе от сказанного. В Великобритании «The Daily Telegraph» счита-

Безумие толпы

ется газетой правоконсервативного толка. Было бы справедливым сказать, что ее читатели меньше любят изменения, чем постоянство вещей, в то время как «уроки о бессознательных предубеждениях», вероятно, находятся в самом верху списка вещей, которые изменяют все. В этом состоит их смысл. Они предназначены для того, чтобы все изменить. И они занимают центральное место не только в консервативных газетах и крупнейших фирмах Уолл-стрит и лондонского Сити, но и в самом сердце правительства. В 2016 году отделение по работе с кадрами американского правительства объявило, что планирует отправить всех своих сотрудников на «уроки о бессознательных предубеждениях». Это 2,8 миллиона человек⁹⁴. Британское правительство взяло на себя обязательство провести схожие уроки «о предубеждениях» и «о разнообразии» для всех.

Их структуры незначительно отличаются, но в своей основе имеют то, что Гарвардский университет создал и назвал «Тестом на скрытые ассоциации». С тех пор, как он попал в Интернет в 1998 году, его прошли более чем 30 миллионов человек, желающих узнать, являются ли они носителями бессознательных предубеждений⁹⁵. «Тест на скрытые ассоциации» пытается выяснить, кого люди считают «принадлежащими к своей группе», а кого — «чужаками». Упомянутый в академических работах тысячи раз, этот тест, несомненно, стал самым главным инструментом для измерения «бессознательных предубеждений».

Он также породил целую индустрию. В 2015 году Королевское общество искусств в Лондоне объяви-

ло, что обучает людей мастерству отбора и назначения персонала, чтобы решить их проблему бессознательных предубеждений. Эта организация выпустила видео, показывающее, как это происходит. Оно выделяло четыре главных шага: намеренно замедлить свой процесс принятия решений; обдумать причины, по которым принимается то или иное решение; задать себе вопросы о том, принимаются ли решения на основе культурных стереотипов; проверять друг друга на предмет бессознательных предубеждений. Все это подразумевает определенный результат. К примеру, после того, как кто-то задался вопросом о том, принимается ли решение на основе культурных стереотипов, может ли он и дальше считать этот стереотип верным? Скорее всего, нет. Если люди проверяют друг друга на предмет бессознательных предубеждений и не находят таковых — это успех или неудача? Это признак невероятной добродетели, признак того, что симптомы бессознательных предубеждений не заметны людям, или признак того, что все притворяются? Когда речь идет о том, чтобы «задаться вопросом» о чем-либо и рассмотреть это явления сквозь призму «уроков о бессознательных предубеждениях», имеется в виду не то, что люди должны «задаться вопросом». Подразумевается, что их нужно изменить.

Каждый, кому доводилось проводить собеседование на любую должность со многими людьми, знает, что важную роль в этом деле играет «первое впечатление». Причиной тому, почему слоганы вроде «у вас есть только один шанс, чтобы произвести первое впечатление» популярны, является

Безумие толпы

тот факт, что они общепризнанно правдивы. Важно даже не то, как люди выглядят, как они одеты или насколько у них сильное рукопожатие. Дело в целом наборе других сигналов и впечатлений, производимых человеком. И ответ на них действительно включает в себя предубеждение и принятие быстрого решения. Не все они являются негативными.

К примеру, у большинства людей есть естественное предубеждение против тех, у кого бегают глаза. Является ли это «предрассудком» или имеет под собой обоснование, выстроенное на эволюционном инстинкте, который было бы неразумно отбрасывать? Более подходящий по теме пример: что должен ощущать владелец небольшого бизнеса во время собеседования с женщиной за тридцать, которая, как ему кажется, в ближайшие несколько лет может забеременеть? Безусловное, закон о найме запрещает проводящему собеседование углубляться в этот вопрос. Но можно сказать, что наниматель будет иметь инстинктивное предубеждение против такого кандидата. И закон может стремиться изменить это. Но предубеждение владельца небольшого бизнеса против женщины, которая, возможно, проработает небольшое количество времени, прежде чем уйти в декретный отпуск — что, в свою очередь, будет оплачено компанией и после чего она может вовсе не вернуться на работу — не совсем безосновательно.

Проверка себя на наличие предубеждений может произрастать из некоего укоренившегося недоверия к людям определенного происхождения, или к властным женщинам, или к чему-то еще. Она

также может заставить вас перестать доверять своему чутью. И точно так же, как чутье может повести человека по неверному пути, оно также очень часто является верным.

Более того, завтра вы можете начать думать иначе, и люди, прошедшие тест, убедились именно в этом. Действительно, негативное отношение к самому явлению скрытых предрассудков столь сильно, что даже те люди, которые разрабатывали этот тест, ставший столь важной вехой, выражали свое беспокойство по поводу того, для чего используется их изобретение. Начиная с момента внедрения теста в корпоративную сферу, в правительство, в академическое сообщество и расширяющийся круг других мест двое из троих создателей теста публично признали, что он не может давать достаточно точные результаты для того, для чего он используется. Один из троих ученых — Брайан Нозек из Виргинского университета — объявил, что та степень точности, с помощью которой можно измерить что-либо значимое, этому тесту не свойственна. Он отметил, что его работа была «неверно интерпретирована». О попытках доказать наличие предубеждений у людей он выразился так: «Некоторая последовательность присутствует, но не слишком высокая. Наше сознание не настолько неизменно»⁹⁶. Более того, растет количество доказательств того, что ничто из этого на практике не работает. Например, увеличение количества женщин среди проводящих собеседование не увеличивает шансы женщины на получение работы⁹⁷.

Итак, существует целый набор норм, которые были недостаточно изучены, но уже были внедре-

Безумие толпы

ны в правительство и бизнес. Будет ли это иметь благоприятные последствия и будут ли затраты на это касаться только огромных денег, потраченных на найм экспертов в этой области, где ничто не точно? Или попытки перенастроить мозг каждого работника государственной или бизнес-сферы будут иметь последствия, которые никто пока даже не осмеливаться представить? Кто знает.

Но если уроки о бессознательных предубеждениях, выглядящие как недоработанная теория, превратились в полноценный бизнес-план, значит, догма, лежащая в их основе, стоит на ступень выше. На конференции «Женщины это бизнес» именно глава отдела кадров из «The Daily Telegraph» настаивает на важности интерсекционального подхода как в бизнесе, так и в обществе в целом. Это является ответом на вопрос женщин в аудитории о том, нужно ли помещать этнические меньшинства и беженцев в список тех, кто заслуживает немножко выжатой из сильных мира сего власти. Необходимо, наверное, сказать сразу, что, несмотря на то, что она представляется как «уроки о бессознательном предубеждении» — как полноценная наука, интерсекциональность от этого далека. Ее основатели, такие, как феминистские авторы и академики Пегги Макинтош и bell hooks (она же Глория Джин Уоткинс), утверждают, что западные демократии включают широкий круг групп (женщины, этнические меньшинства, сексуальные меньшинства и другие), которые структурно подавляются в «матрице угнетения». Здесь борьба интерсекционалистов из академической дисциплины превращается в политический проект. Интересы одной из этих групп

изображаются как предмет интереса и озабоченности всех остальных групп. Если они объединятся против общего врага — людей на вершине пирамиды, в чьих руках сосредоточена власть — случится что-то хорошее. Сказать, что теория интерсекциональности не была толком продумана — значит не сказать ничего. Она — со всеми своими недостатками — ни разу не подвергалась никакой осмысленной проверке на протяжении какого-либо значительного периода времени. У нее самая неустойчивая философская основа, и ей не была посвящена ни одна выдающаяся научная работа. Кто-то может возразить, что существует множество вещей, которые еще не были опробованы и за которыми не стоит полностью проработанная теория. Но в подобных случаях, как правило, считалось бы самонадеянным, если не вовсе неразумным, внедрять такие концепции во все сферы жизни общества, включая каждое образовательное учреждение и каждый прибыльный бизнес.

Несмотря на то, что многие люди, работающие на значимых, хорошо оплачиваемых должностях, сейчас выступают в защиту этой теории, где эта «интерсекциональность» и впрямь работает? И как это возможно? Просто взгляните на ряд неразрешимых вопросов, которые она провоцирует даже в рамках конференции «Женщины это бизнес». Все присутствовавшие женщины преуспели за счет своего карьерного роста. Многие из них вряд ли могли бы получить еще больше благ. Кто из них был бы готов передать свое место человеку другого цвета кожи, сексуальной ориентации или классовой принадлежности, когда и как они бы сделали это?

Безумие толпы

Когда и как вы должны суметь определить тот факт, что другой человек, которого предпочли вам — если бы можно было сделать шаг назад протолкнуть его вперед — не жил жизнью, в которой ему все доставалось бы проще, чем вам?

В последние несколько лет, когда теория интерсекциональности стала распространяться, работодатели, которые пытались ее внедрить, порождали все более и более странные парадоксы. Порядок их обнаружения иногда различается, но сами они — нет. В фирмах во всех больших городах ведется целенаправленная кампания за продвижение женщин и людей с более темным цветом кожи на более высокие позиции. Но в то время как растет число компаний и государственных учреждений, принимающих во внимание разницу в оплате труда для женщин и мужчин и для людей с различными расами, возникают новые поразительные проблемы. В Великобритании все компании, в штате которых числится более 250 работников, должны публиковать информацию о средней разнице в оплате труда для мужчин и для женщин. В 2018 году члены парламента предложили распространить это же правило на все компании, где работает более 50 человек⁹⁸. Это означает, кроме прочего, что для новых проблем должна быть создана новая бюрократическая система.

Я не буду раскрывать личность человека, который рассказал мне эту историю, но она говорит о многом. Мой знакомый из Великобритании недавно получил работу в большой корпорации. При найме была оговорена довольно неплохая зарплата. Некоторое время спустя его руководители

обратились к нему с неудобной просьбой. Был бы он согласен получать более высокую зарплату, чем та, о которой они договорились изначально? В организации, в которой он работал, приближался конец финансового года, и руководителям необходимо было заполнить некоторое количество отчетов о расовых и гендерных квотах. К своему ужасу, они обнаружили, что «разрыв» между величиной зарплаты преобладающего этноса и зарплатой представителей расовых меньшинств был слишком мал. Не был бы мой знакомый против того, чтобы ему значительно подняли зарплату, чтобы необходимая для отчетности разница была соблюдена? Будучи мудрым и здравомыслящим человеком, мой знакомый любезно согласился получать более высокую зарплату, чтобы помочь своему руководителю выйти из этой щекотливой ситуации.

Это мог бы быть особенно смехотворный пример того, как далеко помешательство на квотах может завести людей. Но одна компания за другой демонстрируют еще более прозаические примеры подобного рода. К примеру, каждая фирма, которая делает целенаправленное усилие повысить чернокожих работников, женщин и представителей сексуальных меньшинств, рано или поздно обнаруживает: люди, которые таким образом были повышены, скорее всего, тоже относительно привилегированны. Во многих, хоть и не во всех, случаях они являются людьми, у которых и без того неплохо идут дела. Это могут быть женщины из обеспеченных семей, которые обучались в частных колледжах и посещали лучшие университеты. Нуж-

Безумие толпы

на ли им помощь в продвижении по карьерной лестнице? Возможно. Но за чей счет?

Аналогичным образом было обнаружено, что во время первых волн так называемой «позитивной дискриминации», которая помогала сексуальным и этническим меньшинствам и привносила «разнообразие» в офисную среду, представители этих групп не принадлежали к самым угнетенным слоям населения. Похожего рода феномен можно наблюдать и в политических партиях. Когда Консервативная партия задалась целью повысить количество представителей этнических меньшинств в своих рядах, она смогла нанять некоторых очень талантливых людей. Среди них был как минимум один чернокожий член парламента, который посещал Итон, и еще один, дядя которого был вице-президентом Нигерии. Что касается Лейбористской партии, среди их кандидатов в парламент была женщина, тетя которой была премьер-министром республики Бангладеш.

Так же как и в политике, это происходит в частных и государственных компаниях. Ускоренное внедрение разнообразия может способствовать продвижению людей, которые и без того были близки к желанной должности. И очень часто они являются самыми привилегированными людьми в любой группе, включая ту, к которой они принадлежат. В компаниях по всей Европе и США, которые взяли на вооружение похожий подход к найму, разворачивается похожая история, хоть о ней и говорят лишь шепотом. Поскольку люди в таких компаниях уже начали постепенно осознавать, что все это не пройдет даром. В то время как эти компа-

нии смогли увеличить мобильность женщин и этнических меньшинств в продвижении по карьерной лестнице, уровень классовой мобильности в них низок как никогда. Все, что им удалось, — это построить новую иерархию. Иерархии не статичны. Они не всегда были таковыми в прошлом и вряд ли останутся такими в будущем. В свою очередь сторонники интерсекциональности, уроков о бессознательных предубеждениях и прочего невероятно быстро достигли успеха. И проникновение этих идей прямо в корпоративный мир демонстрирует тот факт, что была установлен новый вид иерархии. В ней есть — как и во всех иерархиях — класс угнетающих и класс угнетенных. В ней есть те, кто стремится быть добродетельными, и те, кому положение позволяет просвещать непросвещенных. На данном этапе этот новый священнический класс успешно работает над объяснением законов, по которым, с их точки зрения, работает мир.

Но главной проблемой является не только то, что эти теории укореняются в институции, не будучи толком продуманными или не имея под собой доказательства своего успеха. Главная проблема заключается в том, что эти новые системы продолжают строиться на групповых идентичностях, к пониманию которых мы еще не приблизились. Это системы, построенные на основаниях, по поводу которых люди еще не пришли к согласию. Среди них — проблема взаимоотношений между полами и вопросы, которые мы когда-то называли «феминистскими».

Эта феминистская волна

Отчасти вся эта путаница происходит из огромного успеха первой и второй волн феминизма, а также того факта, что последующие волны страдали от тяжелых симптомов синдрома «Святой Георгий на пенсии». Точно датировать возникновение волн феминизма сложно, поскольку понятно, что они возникли в разное время в разных местах. Но принято считать, что первая волна феминизма — это та, которая началась в XVIII веке и продолжилась, по некоторым оценкам, повсеместно вплоть до 1960-х годов. Она была точна в своих устремлениях и глубока в заявлениях. От Мэри Уолстонкрафт до кампании суфражисток требования первой волны феминизма определялись потребностью в равных гражданских правах. Не разных правах, а равных правах. Речь идет о праве голосовать, само собой. Но также о праве требовать развода, иметь равное право на опеку над детьми и равное право на наследование имущества. Борьба за эти права была долгой, но они были завоеваны.

Волна феминизма, начавшаяся в 1960-х, была направлена на решение проблем, которые оставались неразрешенными после получения основных прав — право женщины на работу в выбранной ею профессии и на то, чтобы быть поддержанной в этом устремлении. В Америке Бетти Фридан и ее союзницы отстаивали права не только на образование для женщин, но также на декретный отпуск и на пособие по уходу за ребенком для работающих женщин. Эти феминистки отстаивали репродук-

тивные права на контрацепцию и аборты — и для замужних, и для незамужних женщин. Они стремились помочь женщинам достичь того положения, в котором у них были бы такие же шансы на успех в жизни и в карьере, как у мужчин.

Разобравшись с этими вопросами к моменту между второй и третьей волной (зависит от того, где вы и как их считаете) впервые за столько веков, к 1980-м годам феминистское движение раскололось и рассорилось из-за узких вопросов вроде того, как феминистки должны относиться к порнографии. Эти женщины, которых называли феминистками третьей волны — как и вскоре последовавшие за ними феминистки четвертой волны, возникшей в 2010-х годах — отличались яркой риторикой. От них, имеющих за своей спиной крупные сражения за равноправие, можно было бы ожидать, что они быстро решат оставшиеся проблемы, а также того, что, раз дела никогда не обстояли так хорошо, как сейчас, они, возможно, соотнесли бы свою риторику с реальностью.

Однако ничего подобного не произошло. Если что-то и ускорилось в своем движении после поворота не туда, то это феминизм в последние десятилетия. Начиная с 1970-х и далее в феминистских лагерях укоренился новый уклон с некоторыми характерными особенностями. Первая из них заключалась в том, что поражение было неизбежно, когда успех уже казался достижимым.

В 1991 году Сьюзан Фалуди опубликовала книгу «Ответная реакция: необъявленная война против женщин Америки». Годом позднее Мэрилин Френч (автор бестселлера «Женская комната»), опублико-

Безумие толпы

ванного в 1977 году) повторила свой успех с публикацией книги «Война против женщин». Эти чрезвычайно успешные книги были выстроены вокруг идеи о том, что, несмотря на обретение прав, сейчас ведется согласованная кампания по откату этих достижений назад. Равенство не было достигнуто, заявляли Фалуди и Френч, но возможность того, что оно может быть достигнуто, неизбежно подталкивает мужчин к тому, чтобы отнять уже полученные права. Любопытно возвращаться к этим книгам спустя четверть века, поскольку они одновременно стали абсолютно нормальными в своей области и при этом являются очевидно сумасшедшими в своих утверждениях.

В своем международном бестселлере Фалуди находила «необъявленную войну против женщин» почти в каждом аспекте жизни в западном обществе. Она видела ее в медиа и в фильмах. Она видела ее на телевидении и в одежде. Она видела ее в сфере образования и в политике. Она видела ее в экономике и в популярной психологии. Все это складывалось, по ее словам, в «возрастающее принуждение прекратить и даже обратить» миссию по достижению равноправия. Эта «ответная реакция» имеет множество очевидных противоречий. Она одновременно организована и при этом «не является организованным движением». По сути, именно «отсутствие управления» способствует тому, что ее «сложнее увидеть, а потому она, возможно, более эффективна»⁹⁹. В течение предыдущего десятилетия, в рамках которого мы столкнулись с сокращением государственных расходов на общественные нужды, как, например, это было

в Великобритании (что было спровоцировано, конечно, премьер-министром женского пола), «ответная реакция двигалась потайными ходами, перемещаясь путем лести и страха». С помощью этих и схожих средств война против женщин постоянно была у всех прямо перед глазами и в то же время была столь неуловима, что для того, чтобы ее заметить, нам потребовалась Фалуди.

Со своей стороны, Френч заявила в начале своей книги, что «есть свидетельство» того, что около трех с половиной миллионов лет человеческий род жил в условиях, при которых мужчины и женщины были равны. На самом деле даже более чем равны, поскольку в то время у женщин, очевидно, был более высокий статус, чем у мужчин. Затем в течение последних 10 000 лет или около того наш вид якобы жил в «эгалитарной гармонии и материальном достатке», в рамках которых представители обоих полов неплохо ладили. Но начиная с четвертого тысячелетия до нашей эры, пишет Френч, мужчины начали строить «патриархат», систему, которую она определяет как «мужское превосходство, подкрепленное принуждением». Для женщин с тех пор «все пошло под откос». Нас информируют о том, что женщины, «возможно», были первыми рабами и с тех пор становились все более «бесправными, страдающими и порабощенными». В течение последних четырех столетий, пишет Френч, все это вышло из-под контроля, а мужчины («главным образом на Западе») пытаются «усилить свой контроль над природой и над теми, кто ассоциируется с природой, — чернокожими людьми и женщинами»¹⁰⁰.

Установив свое определение феминизма как «любой попытки улучшить положение любой группы женщин посредством женской солидарности и женского взгляда», Френч утверждает, что мужчины «как класс... продолжают искать способы победить феминизм». Они стремятся отнять их достижения (в качестве примера Френч приводит «легализованные аборты»). Также они стремятся воздвигнуть над работающими женщинами «стеклянный потолок» и создать движения, направленные на то, чтобы вернуть женщин в «полностью подчиненное положение». Все это и многое другое составляет «глобальную войну против женщин»¹⁰¹.

Игнорируя большое количество свидетельств совершенно другого положения дел и не испытывая угрызений совести по поводу грубых обобщений о мужской половине человечества, Френч заявляет, что «единственная почва для мужской солидарности — это оппозиция женщинам»¹⁰². Она считает требования феминисток столь же прямолинейными. Вызов феминисток «патриархату» — это простое требование того, чтобы «к ним относились как к людям, обладающим правами», включая требование того, чтобы «мужчины не ощущали себя вправе бить, насиловать, калечить и убивать их»¹⁰³. Какой монстр стал бы спорить с этим? И кто эти члены патриархата, которые ощущают себя вправе бить, насиловать, калечить и убивать женщин?

По словам Френч, как ни крути, проблема в мужчинах. Каждый раз, когда женщины продвигаются вперед, мужчины «аккумулируют все свои силы, чтобы одолеть эту угрозу». Мужское насилие по отношению к женщинам — это не случайность и не

следствие какого-то другого фактора (не говоря уже о многих возможных факторах). На самом деле это связано с тем, что «все мужское насилие по отношению к женщинам является частью целенаправленной кампании», включающей «избиения, лишение свободы, уродование, пытки, мор голодом, изнасилование и убийство»¹⁰⁴.

Достаточно того ужасного факта, что мужчин к таким действиям подталкивает действующая кампания по одолению женщин, но еще хуже то, что, если верить Френч, мужчины организуются другими способами для того, добиться невыгодного положения для женщин во всех сферах жизни. Очевидно, мужчины добиваются этого с помощью методичной войны против женщин в любом аспекте жизни, какой можно себе представить, включая сферу образования, карьеры, здравоохранения, законодательства, секса, науки, а также «войну против женщин-матерей».

Финальное оскорбление, по словам Френч, заключается в том, что женщинам приходится переживать не только из-за войны, которая ведется против них, но еще и из-за войны, точка. Буквальная, реальная, неметафорическая война также является проблемой и также является по своему характеру направленной против женщин¹⁰⁵. Начиная с военного языка и заканчивая военными действиями, война — это мужское действие, созданное, чтобы противостоять женщинам. В то же время женщины — это становится очевидно ближе к концу книги Френч — являются олицетворением мира. В то время как мужчины развязывают войны, женщины организуют ряд движений — таких,

Безумие толпы

как «Женский поход на Пентагон» в 1980 году, в рамках которого женщины окружили Пентагон, декларируя, что «милитаризм — это сексизм», или мирного женского лагеря «Гринэм Коммон» в Великобритании. Это — хорошие новости, пишет Френч в воодушевляющей концовке своей книги: «Женщины ведут ответный бой на каждом из фронтов»¹⁰⁶.

Многие утверждения, сделанные Френч в ее книге, тенденциозны и неверны с точки зрения истории. Как только она очертила рамки своей парадигмы, она смогла втиснуть в нее почти все, что угодно. Но больше всего поражает эта удивительная дихотомия, на которой она настаивает на протяжении всей книги. Все хорошее — женское. Все плохое — мужское.

Френч, Фалуди и другие были чрезвычайно успешны во внедрении этой идеи. Они также утвердили модель мышления, в которой успех феминистских тезисов начал зависеть от искажения и преувеличения заявлений. Постепенно самые экстремальные утверждения стали нормой. Это проникло во все аспекты деятельности феминисток новой волны. К примеру, в своей чрезвычайно успешной книге «Миф о красоте», написанной в 1990 году, Наоми Вульф утверждала, что, несмотря на то, что польза от феминистских достижений и феминистского анализа и впрямь означают, что женщины сейчас находятся в как никогда хорошем положении, во всех остальных смыслах они буквально умирают. Стало известным ее заявление в «Мифе о красоте», в рамках которого она пыталась утверждать, что в одной только Америке около

150 000 женщин в год умирали от связанных с анорексией расстройств пищевого поведения. Как впоследствии показали несколько ученых, включая Кристину Хофф Саммерс, Вульф преувеличила реальные цифры в несколько сотен раз¹⁰⁷. Преувеличение и драматизация стали обыкновенной валютой, которой платили феминистки.

Еще одной вещью, укоренившаяся на данном этапе развития феминизма, стала форма мизандрии — мужененавистничества. Это было присуще различным людям из более ранних волн феминизма, но это никогда не было столь повсеместно и триумфально. В какой-то момент в 2010-х годах стали считать, что феминизм третьей волны перерос в феминизм четвертой волны из-за появления социальных медиа. По большому счету, феминизм четвертой волны — это феминизм третьей волны с электронными приложениями. Эти волны непреднамеренно показали, какое разрушительное воздействие социальные медиа могут оказать на только на общественную дискуссию, но и на движение в целом.

Подумайте о том случае, когда в феврале 2018 года самопровозглашенные «феминистки» в очередной раз распространяли в Twitter свои любимые слоганы. «Мужчины — мусор» — новейшее словосочетание из придуманных ими, которое должно убедить людей перейти на их сторону. Феминистки четвертой волны пытались добиться попадания словосочетания «Все мужчины — мусор» или просто «Мужчины — мусор» в тренды социальных сетей. Одной из тех, кто этим занимался, была британская писательница-феминистка четвертой волны Лори

Пенни, автор разнообразных книг на основе статей из блога, включая книгу с очаровательным названием «Доктрина суки» (опубликована в 2017 году). В феврале 2017 года Пенни писала в Twitter: «„Мужчины — мусор“ — это фраза, которую я обожаю, потому что она говорит о растрате»¹⁰⁸. Далее она продолжает писать о том, что красота этой фразы связана с тем фактом, что «токсичная маскулинность растрчивает столько человеческого потенциала... я надеюсь, что мы находимся на грани большой программы по переработке мусора». Эти слова сопровождалось хэштегом «MeToo» и эмодзи с изображением поднятых вверх рук.

Как это часто бывает, нашелся кто-то, кто предположил, что, возможно, у Пенни были какие-то проблемы во взаимоотношениях с отцом, которые заставили ее использовать подобные выражения. В этот момент, как это часто бывает, Пенни развернулась на 180 градусов. «Вообще-то, мой отец был потрясающим и был большим источником вдохновения. Он умер несколько лет назад. Мы все по нему скучаем». Оппонент продолжал гнуть свое: «Он был токсичным?» Тогда Пенни отчитала его за «грубость». Она продолжила свой выговор: «Некрасиво шутить над чьим-то умершим отцом». Что означало, что ее первоначальная фраза превратилась в следующую: «Все мужчины — мусор, не считая моего умершего отца, которого вам упоминать нельзя». В течение часа ее поза жертвы стала еще более ярко выраженной. Пенни вновь зашла в Twitter, чтобы написать: «В данный момент я получаю целый шквал оскорблений, угроз, антисемитских высказываний, фантазий на тему моей

смерти и ужасных слов о моей семье. Это очень быстро стало пугающим. Все это происходит потому, что я сказала: «Мне нравится фраза „Мужчины — мусор“, потому что она несет в себе возможность изменений». Вообще это было не то, что она сказала. Она сказала, как она любит фразу, описывающую половину человечества как «мусор». И после того, как она повела себя как грубиянка, она спряталась под защитой слов о том, что ее оскорбляют. Как будто за тем, чтобы списать со счетов половину человеческого рода, не могла последовать ответная реакция.

Вообще, если бы Пенни подождала немного, в беседе могла бы появиться еще одна феминистка — чтобы объяснить, что вне зависимости от того, хотела Пенни оправдать свое высказывание или нет, это не требуется. Слова Пенни находятся в увеличивающемся списке волшебных слов, которые означают не то, что, казалось, должны были означать.

Война против мужчин

Есть колумнистка «Huffington Post» Сальма Эль-Урдани, подпись которой описывает ее как «наполовину египтянку, наполовину ирландскую мусульманку, путешествующую по миру, поедающую пирожные и разрушающую патриархат». В качестве части этой программы по разрушению Эль-Урдани тоже любит использовать фразу «Все мужчины — мусор». Но она объяснила, «что имеют в виду женщины, когда говорят, что „мужчины — мусор“». По ее словам, «это может быть напрямую

Безумие толпы

переведено как: «Маскулинность находится в процессе перестройки, которая, черт возьми, недоста-точно быстро происходит».

Эль-Урдани утверждала, что фраза «мужчины — мусор» звучит повсеместно в ее кругу «как тихий гул, резонирующий по всему миру. Гимн... призыв к оружию и боевой клич». Она заявляла, что стоит вам зайти «в любую комнату, на любое мероприя-тие, званый обед, творческую встречу — и вы услы-шите эту фразу как минимум из одного угла комна-ты, и вас естественным образом потянет к той группе женщин, в которой это прозвучало, потому что мгновенно поймете, что нашли единомышлен-ниц. Это, по сути, пароль для входа в клуб тех, кто зол на мужчин». Получается, что эти слова — след-ствие сконцентрированной «злости, фрустрации, обиды и боли». И по мнению Эль-Урдани, эти оби-да и боль происходят из того факта, что, в то время как женщин постоянно спрашивают о том, какой девушкой или женщиной они хотят стать, мужчин, похоже, никогда не спрашивают — и их никогда не нужно спрашивать — какими бы мужчинами они хотели быть. В то время как к женщинами постоянно предъявляют требования, «маскулинность пере-дается от отца к сыну, с незначительными отклоне-ниями или вовсе без отклонений от типичной роли добытчика и защитника».

Если подвести итог, получается, что, когда жен-щины говорят «мужчины — мусор», они на самом деле имеют в виду вот что: «Ваши идеи о мужест-венности уже не соответствуют поставленной цели, и отсутствие у вас развития вредит всем нам». Это означает, что мужчины — все равно что отстающие

дети в классе, и им нужно, по словам Эль-Урдани, «догонять быстрее»¹⁰⁹.

В то же время фразы «все мужчины — мусор» и «мужчины — мусор» находятся на более мягкой стороне риторики феминисток четвертой волны. Один из в прошлом популярных хэштегов в Twitter, используемых феминистками, звучит как «Убейте всех мужчин». К счастью, журналист и автор Эзра Кляйн из издания «Vox» смог разъяснить эту формулировку. Признавая, что ему было неприятно было ни видеть хэштег «Убейте всех мужчин», ни видеть воплощение этой фразы в реальной жизни, эти слова означали не то, что кажется. Как объяснил Кляйн, когда люди, которых он знал «и даже любил», начали использовать эту фразу в повседневных разговорах, он поначалу отшатнулся и занял оборонительную позицию. Но, по его словам, он понял, что *«это было не то, что они имели в виду»* (курсив его). Он понял, что они не только не хотели убивать его или убивать каких-либо мужчин. Вообще-то, все было гораздо лучше. «Они не ненавидели меня, они не ненавидели мужчин». Его открытие состояло в том, что фраза «Убейте всех мужчин» была всего лишь «другим способом сказать: «было бы здорово, если бы для женщин мир не был таким ужасным»». Чертовски хороший способ сказать это; но Кляйн продолжал: «Это выражение фрустрации от всепроникающего сексизма»¹¹⁰.

Использование фразы «Убейте всех мужчин» было бы чересчур дерзким способом призвать женщин присоединиться к движению суфражисток в те времена, когда у них не было права голоса. Для фе-

Безумие толпы

министок первой волны использование фразы «Убейте всех мужчин» в рамках борьбы за равенство была бы сумасшествием. Но спустя сто лет это, похоже, стало нормальным и приемлемым для женщин, наделенных с рождения правами, за которые боролись их предшественницы — реагировать столь грубым образом по сравнению с тем, как реагировали женщины, когда ставки были значительно выше.

Также эта кампания не ограничивается использованием хэштегов в Twitter. В течение последнего десятилетия мы могли наблюдать проникновение ряда словосочетаний в повседневные разговоры — таких, например, как «мужская привилегия». Как и большинство слоганов, это словосочетание легко произнести, но трудно дать ему определение. К примеру, можно сказать, что преобладание мужчин на позициях генеральных директоров — это пример «мужской привилегии». Но никто не знает, что может означать преобладание случаев суицида среди мужчин (согласно данным благотворительной организации «Самаритяне», в Британии мужчины втрое чаще совершают суицид, чем женщины), преобладание среди мужчин случаев смерти на опасном месте работы, бездомности и многого другого. Является ли это признаком явления, противоположного мужской привилегии? Уравновешивают ли они друг друга? Если нет, то какие для этого понадобятся системы, метрики и какое количество времени? Похоже, никто не знает.

Другие формы нового мужененавистничества представляются более безобидными. Например,

существует термин «мэнсплейнинг» — он нужен для того, чтобы порицать каждый случай того, когда похоже, что мужчина заговорил с женщиной в покровительственной или высокомерной манере. Безусловно, каждый может вспомнить примеры того, как мужчины говорили именно таким тоном. Но многие люди могут также вспомнить моменты, когда женщины говорили с мужчинами точно так же. Или когда мужчина в покровительственном тоне обращался к другому мужчине. Тогда почему одной из таких ситуаций нужен свой особый термин? Почему не существует — и не используется — термин вроде «вумансплейнинг»? Или представление о том, может ли мужчина «мэнсплейнить» другому мужчине? Каковы обстоятельства, при которых можно считать, что мужчина свысока говорит с женщиной, потому что она женщина, а не потому, что она свысока говорит с ним? В настоящий момент нет никакого способа разобраться в этом — только женщина может кинуть этот снаряд в любое время.

Также существует концепция «патриархата» — идея того, что люди (главным образом в западных капиталистических странах) живут в обществе, устроенном в угоду мужчинам с целью подавить женщин и их умения. Эта концепция внедрилась столь глубоко, что всякий раз, когда о ней упоминают, она принимается как должное, словно идея о том, что современные западные общества построены вокруг — и существуют только ради удобства — мужчин, даже не нуждается в обсуждении. В статье 2018 года в женском журнале «Grazia», посвященной празднованию столетия с того момента, как

Безумие толпы

женщины старше 30 лет в Британии получили право голоса, написано: «Мы живем в патриархальном обществе — вот и все, что мы знаем». Подтверждением этому факту служили «объективация женщин» и «нереалистичные стандарты красоты» — как будто мужчины никогда не подвергались объективации, а их внешность не подчинялась стандартам (заявление, с которым способны поспорить мужчины, которые были сфотографированы тайком в метро и фотографии которых оказались выложены в инстаграм-аккаунт «Читающие красавчики»). Согласно журналу «Grazia», «для нас патриархат скрыт», хотя его видимыми симптомами являются «отсутствие уважения, из которого проистекают разрыв в оплате труда и украденные карьерные возможности»¹¹¹. Мужские журналы с радостью перенимают подобные идеи. Рассуждая о событиях 2018 года, мужской журнал «GQ» с одобрением заявил, что в этом году «впервые в истории нас всех призвали к ответу за грехи патриархата»¹¹².

Худшим из мужененавистнических слоганов в новом лексиконе является словосочетание «токсичная маскулинность». Как и любое другое из подобных понятий, «токсичная маскулинность» зародилась на задворках гуманитарного академического сообщества и социальных медиа. Но к 2019 году она проникла в серьезные организации и общественные институты. В январе Американская ассоциация психологов (ААП) опубликовала свою первую инструкцию, посвященную тому, как ее члены должны обращаться с мальчиками и мужчинами. ААП утверждала, что 40 лет исследований показали, что «традиционная маскулинность, которой

присущи стойкость, соревновательность, доминирование и агрессивность, подрывает мужское благополучие». Для устранения этих «традиционных» аспектов маскулинности ААП разработала новую инструкцию, направленную на то, чтобы помочь практикующим врачам «распознавать эту проблему у мальчиков и мужчин». ААП дала следующее определение традиционной маскулинности: «Особая совокупность стандартов, присутствующая у большей части населения, включающая в себя: неприятие женственности, амбициозность, нежелание показаться слабым, авантюризм, поведение, связанное с риском, и насилие»¹¹³. Это был лишь один из признаков того, что «токсичная маскулинность» проникает в повседневный дискурс.

При ее проникновении, опять же, даже не допускалась мысль о том, что аналогичная проблема может существовать и среди женщин. К примеру, существует ли «токсичная феминность»? Если да, то в чем она заключается и как ее можно уничтожить в женщинах навсегда? Точно так же до укоренения концепции «токсичной маскулинности» не было никакого представления о том, как она работает и существует ли вообще. Например, если соревновательность и впрямь является исключительно мужской чертой — как, видимо, утверждает ААП — в каких случаях эта соревновательность токсична и вредоносна, а в каких — полезна? Позволительно ли мужчине-бегуну использовать свои соревновательные инстинкты на беговой дорожке? Если да, то как убедиться в том, что вне беговой дорожки он настолько кроток, насколько это возможно? Можно ли критиковать мужчину, у ко-

торого неоперабельный рак, за то, что он переносит это со стойкостью, и перевести его из этой вредоносной позиции в ту, в которой он будет демонстрировать меньшую стойкость? Если «авантюризм» и «поведение, связанное с риском» действительно являются мужскими чертами, то когда и где мужчинам лучше отказаться от них? Должен ли мужчина-первопроходец стать менее авантюрным, должен ли мужчина-пожарный научиться рисковать меньше? Должны ли мужчины-солдаты отказаться от ассоциации с «насилием» и стать более заинтересованными в том, чтобы показать свою слабость? Если да, то когда? Какой будет программа перепрограммирования мужчин-солдат, с помощью которой они продолжают использовать свои важные черты и умения в конкретных опасных ситуациях, когда общество в них нуждается, но для всех остальных аспектов жизни эти черты будут удалены из них?

Конечно, если маскулинности присущи токсичные черты, то велика вероятность, что они столь глубоко укоренены (а именно — что они присутствуют во всех культурах вне зависимости от обстоятельств), что стали неискоренимы. Или, может быть, дело в том, что существуют определенные аспекты мужского поведения, которые нежелательны в некоторых ситуациях. Если правдиво последнее утверждение, почти точно существуют особые способы решить эту проблему. Но в любом случае создание концепций вроде «мужская привилегия», «патриархат», «мэнсплейнинг» или «токсичная маскулинность» и близко не подходит к преодолению проблемы, поскольку они или доказывают слиш-

ком немногое, или заявляют чересчур многое. Более очевидное для постороннего взгляда объяснение звучит так: эти действия направлены не столько на улучшение мужчин, сколько на их стерилизацию, на демонизацию их достоинств и превращение мужчин в полные сомнения и отворачивания к себе объекты для жалости. Это выглядит в каком-то смысле как возмездие.

Почему так происходит? Почему эта война и эта дискуссия стали настолько накаленными, в то время как представления о равноправии настолько улучшились? Происходит ли это потому, что ставки понизились? Или потому, что людям скучно, и они хотят встать в героическую позу на фоне безопасной и комфортной жизни? Или попросту потому, что социальные медиа, дающие возможность вести беседу с самим собой или даже со всем миром, делают честную дискуссию невозможной?

В чем бы ни заключалась причина, очевидно влияние, оказываемое всем этим на репутацию феминизма. Мужененавистничество разрушительно. В 2016 году благотворительная феминистская организация «Fawcett Society» опросила 8000 человек, чтобы выяснить, сколько из них идентифицирует себя как «феминистов» и «феминисток». Опрос показал, что только 9% британских женщин называют себя феминистками. Среди мужчин таковых оказалось 4%. Большинство людей указали в опросе, что поддерживают гендерное равноправие. Вообще-то, среди мужчин было больше тех, кто поддерживает гендерное равноправие, чем среди женщин (86% против 74%). Но большинство противилось

ярлыку «феминистов» и «феминисток». Со своей стороны, «Fawcett Society» смогли преподнести эти разочаровывающие с точки зрения феминистской организации результаты в положительном ключе. Представительница организации заявила, что Великобритания является «нацией скрытых феминистов». Объясняя, почему большинство опрошенных не идентифицировали себя как «феминистов» и «феминисток», она сказала: «Все просто: если вы хотите большего равенства для женщин и мужчин, то вы, по сути, являетесь феминистом»¹¹⁴. Однако, когда опрошенным задали вопрос о том, что всплывало у них в голове, когда звучало слово «феминистка», самым популярным словом-ассоциацией среди более чем четверти респондентов было слово «озлобленная»¹¹⁵.

В США дело обстоит похожим образом. Когда в 2013 году в рамках опроса был задан вопрос о том, должны ли мужчины и женщины быть «равными в социальном, политическом и экономическом смысле», большинство американцев — 82% — сказали «да». Но когда их спросили о том, могут ли они назвать себя «феминистами» или «феминистками», обозначился заметный спад. Только 23% женщин и 16% мужчин в США идентифицировали себя как «феминисток» и «феминистов». Большинство — 63% — сказали, что они ни феминисты, ни антифеминисты¹¹⁶.

Что бы ни было причиной этому, неясно, как мужчины должны на это реагировать. Перспектива перепрограммирования естественных инстинктов всех мужчин и всех женщин довольно далека. В течение трех лет между 2014 и 2017 годом ученые в Ве-

ликобритании проводили исследование того, какие образы мужчины и женщины считают привлекательными. Результаты, опубликованные в академическом журнале «Feminist Media Studies», показали тревожную тенденцию. Журнал «Newsweek» суммировал результаты в заголовке «Мускулистые и обеспеченные мужчины более привлекательны для женщин и геев, и это доказывает, что гендерные роли не улучшаются»¹¹⁷. Действительно. «Улучшение» будет достигнуто только тогда, когда женщины сочтут привлекательными тех, кого они сейчас таковыми не считают. Что тут сложного?

Врожденное пытается стать приобретенным

Когда дело касается различий между мужчинами и женщинами, а также того, как внести в отношения между ними порядок, всегда есть многое, чего мы не знаем. Но есть и многое, что нам известно. Или было известно. И, как показывают примеры из популярной культуры, описанные выше, это была не узкая область знания, а нечто широко известное. Но что-то случилось. В какой-то момент все отношения между полами перемешались. Что-то спровоцировало огромный всплеск гнева и отрицания — как раз в тот момент, когда почти были достигнуты консенсус и согласие.

Без сомнения, то, что запутало отношения между полами, и сводит с ума больше всего. Для этого требуется невероятное количество перемен в поведении, к которым нужно приспособиться, и даже после этого невозможно достичь нужного резуль-

Безумие толпы

тата, не причиняя огромных страданий отдельным личностям и обществу в целом. К этому все сводится. Борцы за права геев в течение 1990-х годов и далее пытались убедить мир в том, что гомосексуальность является врожденным свойством человека, но, как мы уже убедились, это, возможно, так, а может, и нет. Но их желание преподнести все именно так довольно очевидно. Идея врожденной гомосексуальности хороша, потому что она защищает ваш статус. Но пока в гей-сообществе шла эта борьба, случилось нечто по-настоящему ошеломляющее. Благодаря усилиям некоторых людей — включая тех, кого ошибочно принимали за ратующих за феминизм — движение борьбы за женские права в то же самое время отправилось по совершенно противоположному пути.

До предыдущего десятилетия считалось, что пол (или гендер) и хромосомы относятся к наиболее фундаментальным особенностям нашего вида. Факт нашего рождения мужчиной или женщиной был одной из главных и неизменных данностей нашей жизни. Принимая эту данность, мы учились справляться — как мужчины, так и женщины — со связанными с ней аспектами жизни. Поэтому абсолютно все — не только то, что связано с каждым из полов, но и то, что происходит между ними — перемешалось, когда укоренилась идея приобретённой, основополагающей и врожденной характеристики. Так было заявлено — а спустя пару десятков лет эта идея укоренилась в обществе, и внезапно каждый стал обязан верить в то, что пол — это не биологическая реальность, а лишь «повторяющийся социальный перформанс».

Эта идея заложила под феминистскую повестку бомбу замедленного действия с совершенно предсказуемыми последствиями — этой проблемы мы коснемся в четвертой главе. Она оставила феминизм практически безоружным перед лицом мужчин, утверждающих, что они могут стать женщинами. Но попытка выдать «врожденное» за «приобретенное» причинила — и продолжает причинять как мужчинам, так и женщинам — больше боли, чем любая другая проблема. Она лежит в основе современного безумия. Поскольку она требует от нас веры в то, что женщины — не такие, какими мы их представляли. Она предполагает, что все, что женщины и мужчины наблюдали — и знали — до сегодняшнего дня, было просто миражом, и что все полученные знания о наших различиях и о том, как нам поладить друг с другом, неверны. Весь этот гнев, включающий в себя дикое, разрушительное мужененавистничество, двоемыслие и самообман — происходит из следующего факта: нас всех не просто просят — от нас ожидают, что мы кардинально изменим свои жизни и свои общества, следуя заявлениям о том, что наши инстинкты обманывают нас.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Влияние технологий

Если основания новой метафизики неустойчивы, а положения, которым предполагается следовать, кажутся немного неправильными, то, добавив к ним революцию в области коммуникаций, мы получим все условия для безумия толпы. Если мы уже

Безумие толпы

движемся в неверном направлении, то технологии помогают нам двигаться в разы быстрее. Это — тот самый ингредиент, который создает ощущение, будто беговая дорожка под нашими ногами движется быстрее, чем нас несут ноги.

В 1933 году Джеймс Тэрбер опубликовал свой рассказ «День, когда лопнула плотина», в котором он вспоминал события 12 марта 1913 года — в этот день целый город в штате Огайо пустился в бега. Тэрбер вспоминал, как начал распространяться слух о прорыве плотины. Около полудня «вдруг один человек побежал. Он, может быть, просто вспомнил в тот миг, что обещал жене не опаздывать, и понял, что уж безнадежно опоздал». Очень скоро кто-то еще побежал, «может быть, мальчишка-газетчик от хорошего настроения. Тут поскакал трусцой плотный конторский джентльмен».

«...и через десять минут уже всё на улице Высокой понеслось. Громкое бормотание постепенно приняло форму ужасного слова: „плотина“. „Плотину прорвало!“ Так кто же первый облёк этот страх в слово — старушка в котиковом пальто, регулировщик или мальчишка — как знать и какая разница? Две тысячи человек понеслись. „На восток! — вздымался крик: — Прочь от реки! На восток, там безопасней! На восток! На восток! На восток!“»

Пока весь город, охваченный паникой, бежит на восток, никто не останавливается, чтобы подумать о том, что плотина находится так далеко от города, что ни один ее ручеек не мог бы достичь улицы Высокую. Точно так же никто не замечает, что вокруг нет никакой воды. Самые резвые горожане,

убежавшие на мили прочь от города, в конце концов вернулись домой, как и все остальные. Тэрбер пишет:

«На следующий день город занимался своими обычными делами, будто ничего не случилось, но на счет шуточек — Боже упаси! Только года через два с лишком можно было обвиняком упомянуть плотину в разговоре. И даже теперь, двадцать лет спустя, еще много тех, кто вроде доктора Мэллори, хранят каменное молчание, если кто-то ненароком намекнет в разговоре на тот День Великодо Дёра»¹¹⁸.

Сегодня наше общество постоянно находится в бегах и постоянно находится под угрозой быть пристыженным не только за наши собственное поведение, но и за то, как мы обращались с другими. Каждый день появляется новый предмет ненависти и морального осуждения. Это может быть группа школьников, надевших не те бейсболки не в том месте и не в то время¹¹⁹. Или кто-нибудь еще. Как показала работа Джона Ронсона и других¹²⁰, посвященная «публичному порицанию», Интернет позволил новым формам травли под прикрытием социального активизма стать лейтмотивом нашего времени. Желание найти людей, которых можно обвинить в «неправильном способе мыслить», работает, потому что оно вознаграждает задиру¹²¹. Компании, работающие с социальными медиа, поощряют этот феномен, поскольку он является частью их бизнес-модели. Но изредка — если это вообще происходит — люди в паническом бегстве пытаются понять, почему они бегут в том направлении, в котором бегут.

Исчезновение приватного языка

Есть одна фраза, приписываемая то датскому специалисту в области компьютерных наук Мортену Кингу, то американскому футурологу Рою Амара, которая гласит: единственное, что мы можем сказать с уверенностью о появлении новых технологий — это то, что люди переоценивают их влияние в краткосрочной перспективе и недооценивают их влияние в долгосрочной перспективе. Не остается практически никаких сомнений в том, что после первоначального воодушевления мы значительно недооценили то, что Интернет и социальные медиа сделают с нашим обществом.

Среди множества вещей, которые мы не предвидели, но теперь осознали, есть тот факт, что Интернет и социальные медиа ликвидировали то пространство, которое существовало между публичным и приватным языком. Социальные медиа оказались непревзойденным средством для укоренения новых догм и подавления противоположных мнений — именно тогда, когда их просто необходимо услышать.

Мы провели первые несколько лет XXI века в попытках осмыслить революцию в коммуникациях — столь огромную, что по сравнению с ней изобретение печатного станка выглядит всего лишь заметкой на полях в книге истории. Нам пришлось учиться жить в мире, где в любой момент мы можем разговаривать с одним человеком и при этом — с миллионами других людей в мире. Границы частного и публичного были размыты. То, что мы говорим в одном месте, может быть

опубликовано в другом — и не только в любом месте в мире, но и в любое время в будущем. И поэтому нам необходимо найти способ говорить и вести себя онлайн так, как если бы мы говорили и вели себя перед всеми — зная, что стоит нам оступиться, следы наших ошибок будут доступны везде и всегда.

Одним из неприятных свойств здесь является то, что стало практически невозможно соблюдать эти публичные принципы. Поскольку, если только эти принципы не идентичны для всех в любое время, всегда будут люди, которые будут получать от этого выгоду, и люди, которые окажутся в относительно невыгодном положении из-за этого. И хотя когда-то те люди, которые находятся в невыгодном положении, были довольно далеко от нас, сейчас они находятся прямо перед нами. Сегодня говорить публично — значит искать способ обращаться или хотя бы иметь в виду представителя каждой возможной группы, заявляющего о чем угодно, в том числе о его или ее возможных правах. В любой момент нас могут спросить о том, почему мы забыли, ущемили, оскорбили или отрицали существование конкретного человека и других таких, как он. Понятно, что поколения, взрослеющие в этих гипервзаимосвязанных с помощью социальных сетей обществах, беспокоятся о том, что они говорят, и ожидают подобного беспокойства от других. Также понятно, что перед лицом критики со стороны всего мира практически безграничное количество саморефлексии — включая осмысление своих собственных «привилегий» и прав — может выглядеть одной из немногих выполнимых и до-

Безумие толпы

стижимых вещей. Сложные и спорные вопросы требуют серьезного осмысления. А серьезное осмысление, в свою очередь, требует того, чтобы теории пробовались на практике (это включает неизбежное совершение ошибок). Однако размышление вслух на наиболее спорные из тем стало настолько рискованно, что в соотношении «риск/результат» второе не оправдывает первого.

Если кто-то, кто является мужчиной, говорит, что он является женщиной и хочет, чтобы к нему обращались как к женщине, вы можете взвесить свои возможности. С одной стороны, вы можете просто пройти этот тест и продолжить жить своей жизнью. С другой стороны, вы можете быть названы «-фобом», а ваши репутация и карьера могут быть разрушены. Как выбрать?

Несмотря на то, что ряд философов оказывал влияние на происходящее, свирепые ветры современности дуют не со стороны академической философии или отделений социальных наук. Они происходят из социальных медиа. Именно там укрепляются предположения. Именно там попытки взвесить факты переупаковываются в моральные прегрешения или даже в акты насилия. Требования социальной справедливости и интерсекциональности приходятся весьма к месту в этой среде, поскольку вне зависимости от того, насколько эти требования необходимы, люди могут говорить, что стремятся к их удовлетворению. Социальные медиа — это система, которая утверждает, что может рассмотреть любые проблемы, в том числе любое недовольство. И она это делает, поощряя людей практически полностью фокусироваться на

себе — а это что-то, в чем не всегда следует поощрять пользователей социальных медиа. Еще лучше, если вы чувствуете себя не на все 100% удовлетворенными своей жизнью: вот вам тоталитарная система, способная объяснить все, с целой базой данных разъяснений о том, что именно удерживает вас от успеха.

Кремниевая Долина не морально нейтральна

Каждый, кто, как и я, успел провести там время, знает: политическая атмосфера в Кремниевой Долине на несколько градусов левее той, что царит в каком-нибудь колледже свободных искусств. Предполагается — причем верно — что активизм за социальную справедливость является настройкой по умолчанию для всех работников крупных компаний, а большинство из них, включая Google, заставляют потенциальных работников проходить тесты, чтобы отсеять всех носителей нежелательных идеологических взглядов. Те, кто проходил подобные тесты, вспоминают, что в них содержится множество вопросов, связанных с «разнообразием» — сексуальным, расовым, культурным — и что «правильные» ответы на эти вопросы являются непременным условием для получения работы.

Возможно, здесь идет речь об ощущении вины, поскольку технологические компании редко способны практиковать то, что они стремятся проповедовать. К примеру, среди работников Google лишь 4% являются латиноамериканцами и 2% — афроамериканцами. Составляющие 56% белокожие

Безумие толпы

работники представлены в малом по сравнению со всем населением числе. А вот азиаты составляют 35% работников Google и стабильно вытесняют белых коллег, несмотря на то, что составляют лишь 5% населения США¹²². Возможно, именно когнитивный диссонанс, который возникает из-за этой ситуации, заставляет Кремниевую Долину стремиться к тому, чтобы скорректировать мир, поскольку она не может скорректировать сама себя. Большие технологические компании нанимают тысячи людей, которые получают за свою работу шестизначные суммы и работы которых заключается в формулировании и регулировании контента — в такой форме, которая знакома любому студенту исторического факультета. На недавней конференции, посвященной модерации контента, главы Google и Facebook сообщили, что в их компаниях модерацией контента занимаются 10 000 и 30 000 человек соответственно¹²³. И эти цифры, вероятнее всего, будут расти. Конечно, это не то, чем Twitter, Google и Facebook изначально планировали заниматься. Но, раз они поняли, что должны этим заниматься, то неудивительно, что правила Кремниевой Долины стали распространяться на весь остальной онлайн-мир (за исключением стран вроде Китая — Кремниевая Долина осознает, что там ее принципы не работают). Но в остальных случаях все, что касается наиболее «горячих» проблем современности, не является местной традицией или даже фундаментальной ценностью существующих обществ — это лишь специфические взгляды, существующие на самой одержимой социальной справедливостью части суши.

По поводу любой из сводящих с ума современных проблем — касающихся пола, сексуальности, расы и трансексуальности — Кремниевая Долина имеет свое «правильное» мнение и призывает всех разделить его с ней. Это — та причина, по которой Twitter способен забанить женщину за твиты «Мужчины — не женщины» и «В чем разница между мужчиной и транс-женщиной?»¹²⁴. Если люди принимают «неправильную позицию» в вопросе о трансгендерности, Кремниевая Долина сделает все для того, чтобы их голоса не транслировались на ее платформах. Twitter настаивает, что твиты, упомянутые выше, например, «разжигали ненависть». В то время как аккаунты, атакующие так называемых «ТЭРФ» (транс-экссклюзивных радикальных феминисток), могут остаться. Одновременно с тем, как Twitter велел фем-активистке Меган Мёрфи удалить два вышеуказанных твита, Тайлер Коутс, редактор журнала *Esquire*, просто сказал: «К черту ТЭРФ!» и легко получил тысячи ретвитов¹²⁵. В 2018 году политика Twitter относительно «поведения, разжигающего ненависть», изменилась, и теперь Twitter смог навсегда банить людей, которые называли транссексуалов их «старым» именем, которое те носили до перемены пола, или тех, кто использовал по отношению к ним неправильные местоимения¹²⁶. Начиная с момента, когда человек заявляет, что он трансгендерная личность, и объявляет о смене имени, у каждого, кто называет его «старым» именем или использует по отношению к нему его «прежнее» местоимение, деактивируется аккаунт. Twitter решил, что является, а что не является поведением, разжигающим нена-

Безумие толпы

висть, и посчитал, что трансгендерные люди нуждаются в защите от феминисток больше, чем феминистки нуждаются в защите от транс-активистов.

Технологические компании неоднократно придумывали жаргон, позволяющий защитить их решения, всегда ангажированные в пользу только одной стороны. У спонсорского вебсайта «Patreon» есть «Команда доверия и безопасности», предназначенная для отслеживания и анализа приемлемости «авторов», использующих «Patreon» как краудфандинговый ресурс. Генеральный директор компании «Patreon» Джек Конте заявил:

«Мониторинг контента и решение удалить „автора“ с платформы не имеют ничего общего с политикой и идеологией и целиком завязаны на концепте „наблюдения видимого поведения“. Смысл „наблюдения видимого поведения“ состоит в том, чтобы команда, изучающая контент, отстранилась от своих ценностей и убеждений. Это — метод изучения, полностью основанный на видимых фактах. На том, что зафиксировала камера. На том, что записало звукозаписывающее устройство. Не важно, каковы ваши намерения, ваша мотивация, не важно, кто вы, какова ваша идентичность, ваша идеология. „Команда доверия и безопасности“ смотрит только на „видимое поведение“»¹²⁷.

По словам Конте, это — «отрезвляющая ответственность», потому что «Patreon» знает, что забанить человека на платформе означает отнять у него источник дохода. Но это то, что его компания проделывала неоднократно, и в каждом из случаев это было направлено на людей, чье «видимое пове-

дение» было «неправильным» и было связано с «неверной» позицией по поводу одной из современных догм. Технологические компании постоянно транслируют такие догмы, и порой — самыми странными способами.

Машинное обучение справедливости

В последние годы Кремниевая Долина не просто приняла идеологические взгляды сторонников интерсекциональности и борцов за социальную справедливость. Она укоренила их в себе на таком глубоком уровне, что каждое общество, перенимающее их, открывает для себя совершенно новый вид безумия.

Для того, чтобы скорректировать свои предубеждения и предвзятые мнения, недостаточно просто пройти процедуры, описанные в главе «Женщины». «Уроки о бессознательных предубеждениях» могут заставить нас перестать доверять своим инстинктам, могут даже показать, как перестроить наше уже существующее поведение, позицию и мировоззрение. Они могут заставить нас обратить внимание на наши привилегии, сравнить с привилегиями и обездоленностью других, и назвать место, которое мы занимаем в любой из существующих иерархий. Уделяя внимание пересечениям систем угнетения, люди узнают больше о том, когда им следует промолчать и когда они могут говорить. Но все это — корректирующие меры. Они не могут заставить нас начать с нуля более справедливыми людьми. Они могут лишь исправить нас, когда мы идем по «неверному» пути.

Безумие толпы

Именно поэтому технологические компании возлагают столь большие надежды на «Машинное обучение справедливости» (МОС). МОС не просто отнимает у порочных, полных предубеждения и нетерпимых людей процесс вынесения суждений. Оно также передает право суждения компьютерам, которые точно не смогут перенять наши предвзятые мнения. Это происходит за счет встраивания в компьютеры таких наборов мнений и суждений, которых, наверное, никогда не придерживался ни один человек. Это — разновидность справедливости, на которую не способен никто из людей. Только после того, как пользователи стали замечать, что с результатами поиска в поисковых системах происходит что-то странное, технологические компании посчитали нужным объяснить, что такое МОС. Понятное дело, они постарались рассказать о нем как можно более спокойно, словно ничего особенного не происходило. Однако это было не так. Совсем не так.

Google с перерывами выложил, затем удалил, а затем вновь выложил доработанное видео, в котором рассказывалось о МОС самым понятным образом из возможных. В видео, которое представляет собой лучшую из этих попыток на сегодняшний день, дружелюбный женский голос говорит: «Давайте сыграем в игру», а затем предлагает зрителям закрыть глаза и представить себе обувь. На экране появляются кроссовок, стильный мужской ботинок и туфля на высоком каблуке. «Хоть мы и не знаем, почему, — говорит закадровый голос, — мы все склонны представлять себе один предмет обуви, а не иной». Если вы попытаетесь

научить компьютер тому, что такое обувь, возникнет проблема. И заключается она в том, что вы расскажете компьютеру о том, что является обувью по вашим меркам. Поэтому, если для вас лучшей обувью являются туфли на каблуке, вы научите компьютер ассоциировать с обувью именно их. На экране появляется сложная сеть из линий, дающая понять зрителю, как сложно все это устроено.

Машинное обучение помогает нам «перемещаться» онлайн. Оно позволяет Интернету рекомендовать нам что-то, советовать нам маршруты и даже переводить тексты. Для того, чтобы это стало возможным, люди раньше вручную вводили код, позволяющий пользователям решать их проблемы. Но машинное обучение позволяет решать проблемы при помощи «нахождения закономерностей в данных»:

«Легко подумать, будто человеческая предвзятость тут ни при чем. Однако тот факт, что нечто основано на данных, не делает его автоматически нейтральным. Даже имея лучшие намерения, невозможно сепарироваться от наших собственных человеческих предубеждений. Поэтому наши человеческие предубеждения становятся частью технологии, которую мы создаем».

Вновь рассмотрим обувь. В рамках недавнего эксперимента людей попросили нарисовать обувь, чтобы потом обучить с помощью рисунков компьютер. Поскольку многие нарисовали нечто похожее на кроссовок, компьютер, обучающийся в процессе, не распознал туфли на высоком каблуке как обувь. Эта проблема известна как «предвзятость взаимодействия».

Но «предвзятость взаимодействия» — не единственный вид предвзятости, беспокоящей Google. Существует также «латентная предвзятость». Покажем на примере: представьте, что вам нужно научить компьютер тому, как выглядит ученый-физик, и для того, чтобы это сделать, вы показываете компьютеру изображения физиков прошлого. На экране показаны восемь белых ученых-физиков, начиная с Исаака Ньютона. В конце показана Мария Кюри. Это доказывает, что в данном случае компьютер будет иметь скрытое предубеждение, когда будет искать физиков — в этом случае он будет «склоняться к физикам-мужчинам».

Третий и последний вид предвзятости (на данный момент) — «предвзятость выбора». В качестве примера предлагается ситуация, в которой вы учитесь компьютер распознавать лица. Зрителя спрашивают: «Берете ли вы фотографии из Интернета или из своей домашней коллекции, уверены ли вы в том, что учитываете каждого?» Среди фотографий, которые появляются в видео, есть люди в турбанах и без, люди всех цветов кожи и очень разных возрастов. Голос заверяет нас: поскольку большинство продвинутых технологических систем используют машинное обучение, «мы работаем над тем, чтобы предотвратить увековечивание негативных человеческих предубеждений в технологии». Среди вещей, над которыми они работали, — устранение «оскорбительной или явно неверной информации» из числа первых результатов поисковых запросов и предоставление инструментов для жалоб на «ненавистнические или неприемлемые» варианты автозаполнения поисковых запросов.

Нас уверяют: «Это сложная проблема, и не существует чудодейственного средства для ее решения. Но все начинается с нашего осознания проблемы — для того, чтобы мы все могли присоединиться к разговору о ней. Потому что технологии должны работать для всех»¹²⁸. Действительно, должны. Но таким образом в них встраивается очень предсказуемый набор ценностей, присущих Кремниевой Долине.

К примеру, если задать поисковой запрос «физики» по картинкам в Google, очевидно, что с нехваткой женщин-физиков вряд ли можно что-либо сделать. Механизм, видимо, обошел эту проблему, подчеркнув другие виды «разнообразия». Поэтому, несмотря на то, что первая картинка, появляющаяся по запросу «физики» — это изображение белого мужчины-физика, пишущего мелом на доске в Саксонском университете, на второй картинке запечатлен чернокожий кандидат наук из Йоханнесбурга. На четвертом фото мы видим Эйнштейна, на пятом — Стивена Хокинга.

Конечно, это требует каких-то объяснений. Очень немногие хотели бы, чтобы какая-нибудь молодая женщина решила, что не может стать ученой-физиком только из-за исторического преобладания мужчин в этой сфере. Точно так же немногие хотели бы, чтобы молодой юноша или молодая девушка той или иной расы решили, что эта сфера для них закрыта из-за небольшого количества представителей их расы в ней. Однако то, что выявляется при помощи поисковых запросов — это не «справедливый» взгляд на вещи, а серьезное искажение истории и преподнесение ее с точки зрения современных предубеждений.

Рассмотрим результаты простого поискового запроса вроде «европейское искусство». Существует огромное число разнообразных изображений, которые могут высветиться в результате этого запроса. Можно также ожидать, что среди первых результатов поиска будут «Мона Лиза», «Подсолнухи» Ван Гога или нечто подобное. В действительности же первое изображение, которое появляется в результате поиска, — это картина Диего Веласкеса. Это неудивительно; удивительно то, что это за картина. В качестве первой картины, появляющейся в результате поиска по словам «европейское искусство», выбраны не «Менины» и не портрет Папы Иннокентия X. Картина, которую мы видим, когда ищем «европейское искусство» — это портрет слуги Веласкеса, Хуана де Парехи, который был темнокожим.

Это потрясающий портрет, но, пожалуй, странный для помещения его первым в результате поиска. Среди первого ряда изображений остальные — это то, что мы и ожидали бы увидеть, ища «европейское искусство», и «Мона Лиза» тоже среди них. Затем впервые появляется «Мадонна с младенцем», и Мадонна на этой картине — темнокожая. Затем — портрет темнокожей женщины, отсылающий к материалу «цветные в истории европейского искусства». Этот ряд изображений заканчивается групповым портретом троих темнокожих мужчин. А следующий за ним ряд — двумя портретами темнокожих людей. Затем следует картина, написанная Ван Гогом — его картина здесь появляется впервые. И так далее, и так далее. Каждый ряд представляет историю европейского

искусства как состоящего по большей части из портретов темнокожих людей. Конечно, это интересно, а также точно является «репрезентативным» с точки зрения того, что хотели бы увидеть некоторые наши современники. Но это едва ли является репрезентацией прошлого. История европейского искусства не состоит ни на одну пятую, ни на две пятые и не наполовину из репрезентации темнокожих. Портреты, изображающие темнокожих людей и написанные темнокожими людьми, были редки до недавнего времени, когда население Европы стало меняться. И в таком изображении прошлого есть не только нечто странное, но и нечто зловещее. Можно увидеть, что, по мнению компьютера, это является надлежащей репрезентацией различных групп. Но это — попросту неправдивая репрезентация истории, Европы и искусства.

И это — не единичный случай. Поисковой запрос со словами «западное искусство» предлагает портрет темнокожего мужчины (из материала «Темнокожие люди в западном искусстве в Европе») в качестве первого изображения. Далее большинство картин изображают коренных американцев.

Если набрать в поисковой строке словосочетание «темнокожие мужчины», то все появившиеся картинки будут изображать портретные снимки темнокожих мужчин. Потребуется промотать на более чем дюжину рядов вниз, чтобы увидеть фотографию кого-то, кто не является темнокожим. Для контраста: если ввести в поисковой строке словосочетание «белые мужчины», первым высветится фото Дэвида Бэкхема — белого мужчины — но уже вторым изображением будет фото темноко-

Безумие толпы

жего мужчины-модели. Каждый последующий ряд из пяти картинок будет включать в себя одно или два изображения темнокожих мужчин. Многие из картинок, изображающих белых мужчин, — это фото белокожих преступников с подписями вроде «Остерегайтесь белых мужчин» и «Белые мужчины — плохие».

Чем дальше мы спускаемся в эту кроличью нору, тем более абсурдными становятся результаты поиска. Или, по крайней мере, они абсурдны, если вы ожидаете получить то, что искали, вводя поисковой запрос, хотя очень быстро вы сможете понять, в какую сторону вас направляет эта путаница.

Если ввести в Google запрос «гей-пара», то появятся целые ряды фотографий, изображающих счастливые гей-пары. Красивые гей-пары. Поищите, напротив, «гетеросексуальную пару», и как минимум одна или две картинки в каждом ряду будут изображать лесбийскую пару или пару геев. Еще на пару рядов ниже — и высвечивается уже больше фотографий гей-пар, нежели гетеросексуальных пар, несмотря на то, что запрос выглядел как «гетеросексуальная пара».

Добавив множественное число, можно получить еще более странные результаты. Первое фото среди результатов поиска по запросу «гетеросексуальные пары» изображает гетеросексуальную темнокожую пару, второе — лесбийскую пару с ребенком, четвертое — пару темнокожих геев, пятое — лесбийскую пару. И это все — первый ряд картинок. Уже на третьем ряду картинок, найденных по запросу «гетеросексуальные пары», все результаты изображают исключительно однополые

пары. «Пары учатся отношениям у гей-пар» — ссылка под фото смешанной (темнокожей и белой) пары геев. Затем: «Гетеросексуальные пары могут поучиться у гей-пар». Затем — пара геев с усыновленным ребенком. Затем — фотография милой гей-пары из элитного гей-журнала *Winq*. Почему спустя три ряда изображений, найденных по запросу «гетеросексуальные пары», все, кто на них запечатлен — геи?

Предсказуемым образом все становится еще более странным. Второе фото, найденное по запросу «гетеросексуальная белая пара», изображает фото кулака с написанной на нем надписью «Н А Т Е» («Ненависть»). Третье фото изображает темнокожую пару. Тот же запрос во множественном числе («Гетеросексуальные белые пары») предлагает столь странный ряд изображений, что становится очевидно, что тут что-то не так. На втором изображении среди результатов поиска — смешанная пара. На четвертом — смешанная пара геев, держащих двоих темнокожих детей. Ко второму и третьему ряду среди результатов поиска находятся главным образом гей-пары с тэгами, включающими «межрасовые пары», «милые гей-пары» и заголовком «Почему гей-пары обычно счастливее, чем гетеросексуальные пары».

Но стоит попробовать ввести эти поисковые запросы на других языках в поисковых системах Google в тех странах, где эти языки преобладают, — и результаты будут иные. Например, поиск по запросу «белые мужчины» на турецком языке в турецком Google просто выдает множество маленьких белых человечков или изображения мужчин по фа-

Безумие толпы

мили Уайт. Поиск в Google на французском языке выдает те же результаты, что и поиск на английском. В целом, чем дальше вы удаляетесь географически от европейских языков, тем больше шансов, что вы найдете то, что искали. Странные результаты появляются при поиске на европейских языках. И именно при поиске на английском языке результаты наиболее демонстративно, очевидно и назойливо предлагают не то, что вы искали. По факту, странность результатов для некоторых из этих англоязычных поисковых запросов столь велика, что становится ясно, что это уже не компьютер пытается навязать определенное количество разнообразия. Это уже не просто МОС.

В то время как поиск по запросу «белая пара» покажет среди первых пяти изображений смешанную пару и смешанную гей-пару, а затем — белую пару, родившую темнокожих детей путем использования эмбрионов темнокожих, поиск по запросу «азиатская пара» покажет пользователю именно то, что тот ищет. Поиск по запросу «азиатская пара» попросту выдает ряд фотографий с запечатленными на них азиатскими парами. Однако уже на четвертом ряду среди фотографий будет одна, на которой азиатка запечатлена вместе с темнокожим мужчиной. Есть еще одно похожее фото, однако практически все остальные фото изображают азиатские пары. Никто не пытается добавить гей-пары. Гей-пар среди результатов поиска нет вовсе.

Это очень загадочно. Если к поиску применяется только МОС, то поиск гетеросексуальных белых пар может показать несколько гей-пар. Но он не станет

приоритизировать изображения пар, которые не являются ни гетеросексуальными, ни белыми. Похоже, здесь было применено умышленное усилие — в отдельных случаях — добавить изображения пар, которые не соответствовали запросу.

Кажется, будто происходящее — это наслаение поверх МОС чего-то еще: это МОС плюс участие человека. И это участие человека, похоже, направлено на то, чтобы впихнуть все это тем людям, по отношению к которым программисты или компания ощущают гнев. Это может объяснить то, почему поиск темнокожих пар или гей-пар приведет вас именно к тому, что вы искали, в то время как поиск белых пар или гетеросексуальных пар будет преимущественно наполнен противоположными результатами. Это объясняет то, почему люди, которые ищут фото азиатских пар, не должны быть «переучены», а те, кто ищут «белые пары», должны. Аналогичным образом гетеросексуальным людям азиатского происхождения не обязательно показывать «разнообразие» смешанных пар или рассказывать о том, что такие пары не просто нормальны, а даже более нормальны, чем любые другие; им также не нужно подсовывать фото гей-пар. Если человек хочет увидеть азиатскую пару, ему покажут множество фотографий счастливых азиатских гетеросексуальных пар — молодых и старых. И Google не попытается изменить их взгляды на то, что такое «пара» или что из себя представляют обычные романтические отношения.

В то же время где-то на уровне кода существует вполне умышленная попытка расстроить, отбросить, дезориентировать или разозлить людей, ищущих

щих конкретные вещи. Похоже, что Google готов предоставить свои услуги некоторым людям — но не тем, кто ищет гетеронормативные или европеоидные пары; такие люди, очевидно, уже являют собой проблему, и им должно быть отказано в доступе к материалам, которые они ищут. Им нужно показать огромный технологический средний палец. В интересах справедливости, разумеется. Это — то же, что делает «The New York Times» со своими бесконечными историями о геях-бизнесменах и геях-танцорах балета. Но в Кремниевой Долине это делается на столь постоянной основе и с такой скоростью, что это гораздо труднее отрицать.

Поиск по запросу «темнокожая семья» выдаст вам множество улыбающихся темнокожих семей, среди которых не будет даже смешанных пар. С другой стороны, поиск по запросу «белая семья» выдаст уже в первом ряду картинки, три из пяти среди которых будут показывать либо темнокожие, либо смешанные семьи. Еще чуть ниже — и высвечиваются уже темнокожая семья за темнокожей семьей.

Похоже, для того, чтобы лишить компьютеры той разновидности предубеждений, от которой страдают люди, им пришлось создать новый тип антипредубеждений. Однако этот тип оказался искаженной версией истории с наложенным на него слоем ангажированности, предумышленно введенным в систему, и сделано это людьми, намеревающимися атаковать носителей, как им кажется, определенных предубеждений. Ради избавления от человеческих предубеждений люди отравили всю систему другими предубеждениями.

Проблема состоит не в том, что люди не получают от поисковых систем то, что ищут. Люди уже привыкли к такой медиа-обстановке. Читая «The New York Times» или «The Guardian», вы знаете, в какую сторону ангажированы или не ангажированы эти газеты, и можете выбирать, стоит вам их читать или нет. Точно так же, читая «The Daily Telegraph», «The Economist» или «The New York Post», вы знаете, каких взглядов может придерживаться та или иная газета, ее редакторы, спонсоры и, возможно, даже владельцы. Даже если вы не разделяете их взглядов и мировоззрения, читатель, знакомый с газетой, может выбрать из нее то, что полезно ему или ей и прочесть, поскольку знает, к какой позиции тяготеет та или иная публикация.

Но вплоть до недавнего времени поисковые системы считались «нейтральным» пространством. Они иногда могли вести себя странно, но они не придерживались редакционной политики — не говоря уже о редакционной политике, крайне ангажированной в конкретных направлениях. Как если бы какая-нибудь газета была достоверна в своем освещении зарубежных новостей, невероятно ангажирована в освещении внутренней политики, а в разделе «Спорт» давала понять, что каждый, кому нравится спорт, должен быть наказан, а его ошибочные взгляды должны быть исправлены.

Конечно, возможно такое, что люди станут мудрее в своих отношениях с социальными медиа и в итоге будут использовать поисковые системы, выкроенные специально под их нужды — так же, как они склонны предпочитать средства массовой

Безумие толпы

информации, созвучные с их потребностями и существующим взглядом на мир. Или, возможно, технологические компании будут успешны до какой-то степени, и их мировоззрение станет повсеместно и целиком общепринятым. Будет ли так уж плохо, если поколение или два спустя школьники будут думать, что их страна всегда выглядела так, как она выглядит сейчас? И что темнокожие и белокожие люди были довольно равномерно распределены по Европе XVII века? Будет ли какой-то вред от того, чтобы гетеросексуалы чувствовали большее расположение к гомосексуалам, включая изображения того, как те проявляют свои чувства друг к другу? Будет ли плохо, если молодые гетеросексуалы станут думать, что примерно 50% или больше среди людей — геи? Вы можете увидеть, как легко соскользнуть в эти убеждения. Если бы действительно была возможность уменьшить долю расизма, сексизма и гомофобии, кто бы не хотел воплотить ее при помощи любых возможных инструментов и механизмов?

Одна непреодолимая проблема, связанная с этой позицией, заключается в том, что она приносит правду в жертву политической цели. Более того, считается, что правда — это часть проблемы, препятствие, которое необходимо преодолеть. Проблему тех периодов прошлого, где разнообразия и репрезентации не хватало, можно легко решить при помощи изменения этого прошлого. Кто-то из пользователей самой популярной в мире поисковой системы заметит кое-что из происходящего. Кто-то заметит все это. Но большинство людей на повседневном уровне, используют ли они

Google, Twitter или любой другой крупный технологический продукт, будет просто ощущать, что происходит что-то странное, что им дают вещи, о которых они не просили, что они участвуют в проекте, на участие в котором они не подписывались — в стремлении к цели, которая может быть им не нужна.

3. ПАСА

Когда Мартин Лютер Кинг-младший обратился к толпе со ступеней мемориала Линкольну в Вашингтоне, округ Колумбия, 28 августа 1963 года, он апеллировал не только к основам справедливости в фундаментальных традициях и принципах Америки; он также сделал самое красноречивое заявление всех времен о том, как правильно обращаться с другими людьми. Он говорил это не только спустя сотни лет, в течение которых чернокожие американцы были рабами и людьми второго сорта, но и в эпоху, во время которой расистские положения все еще находились в законодательстве американских штатов. Законы о расовой сегрегации и законы, запрещающие смешение рас, работали и могли наказывать смешанные пары влюбленных.

Центральным и величайшим нравственным озарением Кинга было то, что в будущем, о котором он мечтал, его дети могли «однажды жить в нации, где о них будут судить не по цвету кожи, а по их личности». Несмотря на то, что многие люди предприняли попытку жить в соответствии с этим представлением — и многим это удалось, — в последние

годы развилось коварное течение, которое решило отвергнуть мечту Кинга и настаивать на том, что личность — ничто по сравнению с цветом чьей-то кожи. Оно решило, что цвет кожи — это все.

В последние годы мир оказался осведомлен об одном из все еще существующих подполий, где ведется опасная игра. Начиная с момента президентских выборов в Америке в 2016 году медиа уделяли большое внимание остаткам белого супремасизма и белого национализма, сохранившихся в США и Европе. Но в целом общество выработало единое мнение относительно таких людей. Игры с темнейшими пятнами истории вызывают мало одобрения в обществе. Мнение практически всех медиа и политиков относительно людей, исповедующих белый этнонационализм, — это безоговорочное осуждение.

Однако отказ от мечты Кинга происходит не отсюда. Он исходит от людей, которые почти наверняка уверены, что следуют тем же путем, какой очертил Кинг, стоя на ступенях мемориала Линкольну в 1963 году. В стремлении к антирасизму эти люди превращают вопрос расы из одной из важных тем в нечто более важное, чем все остальное. В тот самый момент, когда вопрос расы мог наконец быть сочтен решенным, они вновь решили сделать его самым важным.

Академический мир

Как это было в случае с другими специализированными дисциплинами, рост «черных исследований» (black studies) в американских университетах при-

Безумие толпы

шелся на десятилетия после 1960-х годов. Как и в других областях исследований, изучающих групповые идентичности, целью этих курсов изначально были дестигматизация этой группы людей и обучение студентов важнейшим аспектам ее истории. Как и «квир-исследования» и «женские исследования», «черные исследования» были направлены на то, чтобы подчеркнуть особую версию истории, политики, культуры и литературы. Благодаря этому курсы по «литературе чернокожих» смогут рассказать о чернокожих писателях, которых обходили стороной на других курсах по литературе. Чернокожие политические фигуры, которые не рассматривались в более широком контексте эпохи или места, будут освещены в курсе по «истории чернокожих». В том, что такие области изучения выросли после того, как чернокожие авторы и политики появились во всех других предметных областях, была одна странность. Это означало, что, когда расовые различия стали уменьшаться, они неожиданно превратились в разрозненные специализированные секции: теперь «литература чернокожих», как и «гей-литература» и «литература женщин», обзавелась своим собственным отделом в книжных магазинах и библиотеках.

Как это было и в случае с феминизмом, после того, как «черные исследования» достигли, казалось бы, победы, в тот момент, когда расовое равенство было большим, чем когда-либо в истории, в дисциплину вошли новая пылкая риторика и новый набор идей. Точно так же, как популярная ветвь феминизма вместо прославления женщин обратилась к демонизации мужчин, часть «черных

исследований» стала атаковать людей, цвет кожи которых не был темным. Дисциплина, направленная на дестигматизацию, начала стигматизировать. Расовый эквивалент феминизма четвертой волны появился с развитием «исследований белизны» — дисциплины, теперь преподающейся во всех университетах Лиги Плюща в США и в университетах от Англии до Австралии. Это ответвление критической расовой теории теперь есть и в Висконсинском университете в Мэдисоне — там ведется курс под названием «Проблема белизны», а в Мельбурнском университете в Австралии академики настояли на том, чтобы сделать «исследования белизны» обязательной частью обучения в совершенно не связанных областях. Каждый, кому уже навязывали учение об интерсекциональности, сразу узнает эту риторику.

Изданная Оксфордским университетом «Энциклопедия исследований» описывает «исследования белизны» так:

«Растущая область исследований, целью которой является обнаружение невидимых структур, воспроизводящих белый супремасизм и привилегии. Критические исследования белизны предполагают, что с белым супремасизмом связаны некоторые формы расизма».

Без сомнения, это «предполагается», однако автор этой статьи — профессор Сиракузского университета Барбара Эпплбаум — как и другие ученые, работающие в той же сфере, сделала из этого предположения источник своего дохода. В своей книге 2011 года «Быть белым, быть хорошим: соучастие белых, моральная ответственность белых и препо-

Безумие толпы

давание социальной справедливости» Эпплбаум объясняет, что даже те белые люди, которые открыто называют себя антирасистами, на самом деле могут быть расистами. Просто их расизм может проявляться теми способами, о которых они не догадываются. Среди прочего, Эпплбаум призывает белокожих студентов научиться слушать других людей, признать свое «соучастие» в расизме и научиться «создавать союзы». Ибо это, по-видимому, не просто исследовательская область. По мнению Эпплбаум — как пишет она в Оксфордской энциклопедии — это открытая кампания, несущая в себе знакомые нам признаки не образования, а перевоспитания. Как если бы «тест на неявные предубеждения» проводился кем-то, кто уже счел вас виновным.

Эпплбаум говорит о «повышении бдительности среди белых людей», об обучении их «значению белой привилегии», об обучении их тому, «как белая привилегия связана с соучастием в расизме». И, конечно, все это не существует просто в вакууме. Все это существует в ситуации, в которой расизм «угрожающ» и имеет «жестокие эффекты... как показали многочисленные акты расизма в медиа», — добавляет Эпплбаум с чуть меньшим энтузиазмом. Но Оксфордская энциклопедия все дает понять, какова цель этой дисциплины. В то время как «черные исследования» прославляют чернокожих писателей и «историю чернокожих», а «гей-исследования» выводят из тени истории фигуры гомосексуальных деятелей, «исследования белизны» далеки от статуса дисциплины, которая прославляет — если это вообще дисциплина. Цель «исследований белизны», как

гордо утверждает Эпплбаум, заключается в том, что они «посвящены разрушению расизма посредством проблематизации белизны». Это должно быть сделано «в качестве исправления». Поэтому, в то время как любое другое поле исследований, посвященное расе, несет в себе дух прославления, целью «исследований белизны» является проблематизация сотен миллионов людей.

Цитируя наблюдение Уильяма Эдуарда Бёркхардта Дюбуа, датированное 1903 годом, о том, что «граница цвета» — это основополагающая характеристика американского общества, она пишет, что «До тех пор, пока белые люди не научатся осознавать, а не отрицать, что белые являются соучастниками в расизме, и пока белые люди не разовьют в себе осознание, подвергающее сомнению рамки истины и концепции «добра», посредством которых они понимают социальный мир, идея Дюбуа будет оставаться истинной».

Конечно, можно сказать: еще более истинным останется тот факт, что описание целой группы людей, их мнений, ошибок и моральных установок на основе только лишь их расовой принадлежности само по себе является явным примером расизма. Чтобы «проблематизировать» «белизну», нужно, чтобы белые люди были проблемой. Причем не только на абстрактном академическом уровне, но и в практическом повседневном деле осуждения людей. И довольно часто переход идеи из академического мира в остальные сферы жизни общества находит наиболее яркое воплощение в мире знаменитостей, который, как и другие области жизни, из безразличных к вопросам расы превратился в одержимый ими.

Проблематизация Арми Хаммера

Рассмотрим пример актера Арми Хаммера. Его популярность выросла после выхода в прокат романтического фильма об однополых отношениях «Назови меня своим именем» в 2017 году. К несчастью для его собственной репутации, сам Хаммер не является геем. Но он является белым мужчиной, поэтому, когда фильм, в котором он снялся, стал получать оценки критиков, он был беззащитен. Издание «Buzzfeed» опубликовало статью, состоящую из 6000 слов и называющуюся «Десять лет навязывания Арми Хаммера». Раса и расовая политика теперь могли использоваться как оружие и способ отравить абсолютно все. «Главный автор в области культуры» в издании «Buzzfeed» в своем подзаголовке писала: «Как много вторых шансов получит красивый белый мужчина-актер?» Согласно Энн Хелен Питерсен, у него были «рост, профиль и старомодный лоск, который заставлял режиссеров сравнивать его с Гэри Купером. Он также вел себя так, как ведут себя люди, выросшие в достатке: с уверенностью и харизмой, или, если говорить строже, немного как мудак». Автор продолжала насмехаться на другими фильмами, в которых снялся Хаммер, но которые провалились, получили не лучшие оценки или были отменены. После того, как он был утвержден на роль юного Брюса Уэйна в адаптации комикса DC «Лига справедливости: Смертные», проект был отменен: «Неожиданно его путь к мгновенной славе был окончен». С нескрываемым удовольствием Питерсен перечислила «провалившиеся вестерны», «схлопнувшийся блок-

бастер», «престижные картины», которым не хватало полноты», «один из величайших летних хитов всех времен» и отмеченный премией «Оскар» фильм, который был не более чем «вспышкой на радаре сезона вручения премий». Несмотря на все это, она жаловалась, что PR-команда Хаммера «никогда не переставала навязывать его нам».

Смысл этого подрывного эссе, написанного белой женщиной, похоже, заключался в том, чтобы атаковать Хаммера не только за то, что он неудачник, но и за то, что он белый — в частности, за «привилегии», которые Питерсен усмотрела на каждом их этапах карьеры Хаммера. Ее объяснение того, почему Хаммер все еще был востребован — несмотря на то, что разочаровал автора колонки в «Buzzfeed» — было связано с тем, что «Голливуд никогда не бросит такого красивого, такого высокого, такого белого мужчину с такой квадратной челюстью». И, опять же, «никто не получает второго шанса в Голливуде, в отличие от белых гетеросексуальных мужчин». И, опять же, «в конечном счете, проблема не в том, что Арми Хаммер получил столько шансов. Проблема в системе, которая гарантировала, что он получит их — как и те, которые получают многие другие белые мужчины — и при этом не давала второго шанса, свободы действий и веры тем, кто нуждается в них и извлек бы из них наибольшую пользу»¹²⁹.

Хаммер написал свой ответ в Twitter: «Вы верно описали хронологию, но ваше отношение ко мне жутко токсично. Может, я просто парень, который любит свою работу и отказывается делать что-либо кроме того, что любит?..» После чего он удалился

из Twitter. Другие люди встали на его защиту. Один из пользователей сделал особый акцент на том, что Хаммер в последние два года продвигал «чернокожих и гей-режиссеров и их фильмы. Он — один из хороших парней». Но кино- и телекритик из журнала «Forbes» раскритиковал тех, кто вступился за Хаммера: «Спросите себя, защищаете ли вы так же активно цветных актеров и актрис. Если нет, то прошу вас заткнуться». Другие напоминали всем, что Лука Гуаданьино, режиссер фильма «Назови меня своим именем» (который как минимум является геем), ранее попал под шквал критики за то, что не снимал актеров-геев в роли героев-геев¹³⁰. В своем интервью Гуаданьино пытался объяснить, что хотел снимать тех актеров, между которыми на съемочной площадке возникнет «химия», а не тех, кто обладает «правильной» ориентацией. В свою собственную защиту он сказал, что «восхищен гендерной теорией» и что «очень долго» изучал работы американской исследовательницы в области гендера Джудит Батлер¹³¹. Похоже, это его и спасло. Но «проблематизация» одного белого актера оказалась очень распространенной ситуацией в наше время.

Несмотря на то, что найдутся люди, которые скажут, что такой актер, как Хаммер, это переживает и что, если он и не находится среди наиболее известных представителей своей профессии, он все же достиг большего успеха, чем большинство коллег, и зарабатывает неплохие деньги, — существует проблема того, что «проблематизация белизны» означает «проблематизацию белых людей». Вместо того, чтобы снять растущее напряжение, похо-

же, что, когда расовые игры вроде этой становятся повсеместными, они усугубляют ситуацию — и тогда все определяется не просто через термины «расы», но через наиболее агрессивные расистские термины.

Даже антирасизм становится расистским. Одним из основных принципов антирасизма в предыдущие десятилетия была идея «слепоты к цвету» — идея, о которой мечтал Мартин Лютер Кинг в 1963 году. Эта идея заключалась в том, что цвет кожи является настолько незначительной частью идентичности человека, что ее можно полностью игнорировать — возвыситься над понятием расы, и это, возможно, было единственным способом (как и красивой концепцией) избежать влияния расы на каждый аспект любых человеческих взаимодействий в будущем. Однако даже эта идея была раскритикована в последние годы. К примеру, Эдуардо Бонилла-Сильва, президент Американской социологической ассоциации, который также является профессором в Дьюкском университете, сказал, что сама идея «слепоты к цвету» — это часть проблемы. В рамках войны, которую он ведет против концепции «слепоты к цвету», Бонилла-Сильвия заявил, что само понятие «слепоты к цвету» является актом расизма. В своей книге «Расизм без расистов», вышедшей в 2003 году и с тех пор переизданной четыре раза, Бонилла-Сильвия даже опубликовал придуманный им термин «слепой к цвету расизм». Другие академики продолжили его мысль.

К 2018 году сотни преподавателей в Великобритании были вынуждены посетить мастер-классы, в рамках которых они должны были осознать свою

Безумие толпы

«белую привилегию» и понять, как белый цвет кожи может сделать их расистами, хотя они могут даже не осознавать этого. В университетах по всей стране им предлагали согласиться с тем, что белым людям выпало удовольствие наслаждаться незаслуженными преимуществами из-за их цвета кожи, в то время как чернокожий персонал, студенты и коллеги подвергались дискриминации на постоянной основе. Лектор на одном таком занятии, которое проводилось Консультативной группой по чернокожим, азиатским и этническим меньшинствам в Бристольском университете, пообещал, что его Консультативная группа будет приглашать университетских преподавателей для того, чтобы те «проанализировали и осознали деструктивную роль белокожести»¹³². Подобные идеи зародились в Америке, в которой была совершенно иная история взаимоотношений между расами. Однако одной из самых удивительных вещей в расизме антирасистов является то, что они считают, что состояние взаимоотношений рас везде и всегда одинаково и что институции, которые, наверное, являются наименее расистскими в истории, на самом деле стоят на пороге расового геноцида.

Как писали Грег Лукьянов и Джонатан Хайдт в своей книге 2018 года «Пеленание американского сознания», драматизация и преувеличение стали одними из отличительных черт современности. Точно так же, как женщинам могли сказать, что мы живем обществе, настолько переполненным насилием, что его можно справедливо назвать «культурой изнасилования», многие люди ведут себя так, словно живут в обществе, балансирующем на грани

фашизма. Странность обоих этих случаев состоит в том, что самые экстремальные заявления на этот счет звучат в местах, в которых подобные катаклизмы маловероятны. В то время как в мире существуют страны, культура которых могла бы быть описана словами «культура изнасилования» (это страны, в которых изнасилование не наказывается и санкционируется законом), западные демократии не могут быть обвинены в том, что находятся в их числе. Точно так же, хоть в мире и есть страны, в которых распространен расизм, и общества, способные вот-вот свалиться в расистское безумие, местом, которое с наименьшей вероятностью ударится в расовые чистки в стиле Германии 1930-х, скорее всего, и является какой-нибудь гуманитарный колледж в одном из либеральных штатов США. Странно, но именно в таких местах звучат наиболее экстремальные заявления и наблюдается наиболее экстремальное поведение.

«Деколонизация» Колледжа Вечнозеленого штата

Колледж Вечнозеленого штата в Олимпии, штат Вашингтон, в течение десятилетий соблюдал традицию под названием «День отсутствия». Название этого дня было позаимствовано из одноименной пьесы 1965 года, написанной Дугласом Тернером Уордом, и его смысл заключался в том, что один раз в году все чернокожие (позднее — все цветные) студенты и преподаватели покидали кампус на весь день — отчасти для того, чтобы встретиться и обсудить насущные проблемы, отчасти для того, чтобы

Безумие толпы

подчеркнуть своим отсутствием тот вклад, который они вносят в сообщество в целом. Эта традиция соблюдалась до 2017 года, когда было объявлено, что в этом году «День отсутствия» будет перевернут с ног на голову. В этот раз организаторы объявили, что хотели бы, чтобы в кампусе в этот день не появлялись белокожие люди.

Один из членов преподавательского состава — профессор биологии Брэт Вайнштейн — опротестовал это решение. Все 14 лет, в течение которых он и его жена преподавали в этом колледже, у него не было возражений по поводу проведения «Дня отсутствия». Однако вот что он написал в своем электронном письме, в котором обращался к тем, кто жил и преподавал в кампусе:

«Существует большая разница между тем, чтобы группа или коалиция добровольно решили устраниваться из общественного пространства с целью подчеркнуть их жизненно важные и недооцененные роли (что и являлось темой пьесы Дугласа Тернера Уорда «День отсутствия», как и аналогичное отсутствие женщин во время Международного женского дня), и тем, чтобы одна группа способствовала уходу другой. Первая ситуация — это мощный призыв к осознанности, который, конечно, наносит удар логике угнетения. Вторая ситуация — это демонстрация силы и акт угнетения сам по себе».

Вайнштейн сказал, что его ни при каких обстоятельствах не заставят держаться на расстоянии от кампуса в этот день. «Право человека говорить — и быть — никогда не должно основываться на цвете кожи». В этом заключалась его точка зрения.

Самопровозглашенный сторонник прогрессивной политики, приверженец левых взглядов и сторонник Берни Сандерса, Брэт Вайнштейн был не самой очевидной фигурой для обвинения в расизме. И тем не менее он был обвинен. Когда распространилась новость о рассылке им электронного письма, возле его кабинета собралась группа студентов. Там он пытался вести с ними цивилизованную дискуссию, обсуждать недопонимание и его причину. Результаты этих попыток были засняты на камеры телефонов некоторых из студентов. Вайнштейн пытался настаивать на том, что существует разница «между дебатами и диалектикой». По его словам, «дебаты означают, что вы пытаетесь победить. Диалектика означает, что вы используете несогласие для того, чтобы обнаружить истину. Я не заинтересован в дебатах. Я заинтересован только в диалектике, и это значит, что я буду слушать вас, а вы — меня». Это предложение не слишком понравилось собравшимся студентам. «Нам все равно, о чем вы хотите говорить, — закричала одна молодая девушка Вайнштейну, державшему руки у себя на голове. — Мы не будем разговаривать на условиях белой привилегии». Остальные шумели и кричали, пока обстановка накалялась. «Это не дискуссия, — кричал один студент, — вы ее проиграли».

Вайнштейн упорствовал: «Я говорю об условиях, которые служат истине». Его высказывание было мгновенно встречено насмешливым фырканьем и взрывами смеха. «Вы сказали расистскую хрень, — кричал один из студентов, — срать нам на то, что вы хотите сказать». Крики становились все громче,

и никто уже все равно никого не мог услышать. «Вы хотите услышать ответ или нет?» — спросил кто-то, обращаясь к студентам. Лишь для того, чтобы услышать оглушительное «нет». И так и продолжалось: «Перестаньте говорить цветным людям, что они ни на что на хер не годны, — закричала одна студентка Вайнштейну, — это вы ни на что не годны, выметайтесь, идите в жопу, вы, кусок говна»¹³³.

На территории всего кампуса ситуация все больше продолжала выходить из-под контроля. Вызвали полицейских, после чего тех оскорбляли студенты, группами преследовавшие их по территории кампуса. Одна группа собралась у кабинета Джорджа Бриджеса, ректора колледжа, скандируя «Власть чернокожим» и «Хей-хей, хо-хо, учителям-расистам пора уходить». На одном из видео запечатлен чернокожий студент с розовыми волосами, инструктирующий других студентов о том, как сделать так, чтобы Бриджес и другие работники колледжа не смогли покинуть кабинет ректора. Этот же студент позже объяснял, что «свобода слова не важнее, чем жизни, типа, чернокожих, трансгендерных людей, женщин и студентов в этом кампусе». В конце концов студенты оккупировали кабинет ректора, и любому стороннему наблюдателю то, что последовало за этим, покажется сюрреалистичным. К примеру, оказавшись внутри, студенты не позволили Бриджесу уйти. В какой-то момент он сказал, что ему нужно посетить уборную, но ему ответили, что ему нельзя. «Мне нужно в туалет», — умолял он. Студент сказал ему прямо: «Держите в себе». Наконец было решено, что его можно отпустить в уборную — при условии, что его

будут сопровождать двое студентов на пути туда и обратно¹³⁴. Для людей, обеспокоенных проблемой фашизма, эти студенты проявили себя поразительно хорошими организаторами и показали способность действовать как штурмовики.

На других более поздних видео, снятых на мобильные телефоны, был запечатлен ректор (который, будучи продуктом образования в области социальных наук, в течение всей своей карьеры ратовал за социальную справедливость), взывающий к студентам на большой площадке на территории кампуса. В то время как он пытается наладить с ними контакт, они кричат такие фразы, как «Пошел ты, Джордж, мы не хотим ни хрена от тебя слышать. Заткнись ты». Одна женщина пытается объяснить ректору, что «эти люди раздражены, и поэтому важно то, что они говорят, а не то, как они это говорят». Раздаются крики о «белой привилегии», и, в то время как ректор задумчиво кивает, его оскорбляют один студент за другим. Одна чернокожая студентка обвиняет его в том, что тот все слишком упрощает для них. «Мы не дурачки, — говорит она. — Мы — взрослые люди. И я скажу вам вот что: вы говорите со своим предком. Ясно? Мы здесь жили раньше вас. Мы строили города. У нас была цивилизация задолго до вас. До того, как вы вылезли из своих пещер. Окей?»

«И вам, черт возьми, хватает совести, черт возьми, дегуманизировать, как наши...» — говорит другая. Кто-то еще прерывает ее, чтобы упомянуть угнетение «трансов тоже», потому что «на трансов тоже нацелились». «Да, черт побери!» — говорят некоторые из присутствующих, но упоминание

Безумие толпы

«трансгов» вызывает не такую бурную реакцию, как обсуждение вопросов расы. В конце концов собрание срывается, когда несколько студентов встают рядом с Бриджесом и кричат ему в лицо, в то время как один рослый студент угрожающе размахивает руками. Вскоре после этого ректор смиренно жестикулирует, пытаясь выразить свою точку зрения. «Опусти руку, Джордж», — велит ему один из студентов. «Не тычь пальцем, Джордж». «Это невежливо», — говорит другой. К ректору подходит еще один студент, чтобы показать, как тот должен стоять, разговаривая с ними, — опустив руки по швам. «Ты должен опустить руки. Ты знаешь, что должен опустить руки», — кричат вокруг. Как только он делает то, что ему говорят, звучит смех. Это не звук облегчения от того, что миновала угроза тычущего в них пальца — это очевидное ликование людей, которым удалось заставить старшего и более опытного человека унижаться перед ними¹³⁵.

Во время другой встречи со студентами требования о том, чтобы ректор не делал движений руками, продолжились. «Опусти руку», — требует одна молодая девушка. «Это моя проблема, Джордж», — говорит другая молодая чернокожая девушка, вставая с места. — Ты все продолжаешь, типа, помахивать своими руками и все такое. А я деколонизирую это место. Я буду тут неподалеку бродить». Все аплодируют и одобрительно кричат. «Мои руки опущены», — говорит Бриджес и пытается продолжить диалог, заложив руки за спину, в то время как девушка ходит вокруг, «деколонизируя» пространство¹³⁶.

По мере того, как атмосфера бунта в кампусе росла, студенты колледжа убедили себя и друг друга

в том, что они столкнулись с откровенно расистским профессором и откровенно расистским учебным заведением. Вскоре была обнаружена банда студентов, вооруженных бейсбольными битами и другими видами оружия, которые рыскали по кампусу, преследуя, атакуя и унижая людей и, очевидно, планируя причинить вред профессору Вайнштейну и его семье, которые в то время жили напротив колледжа. Угроза насилия стала столь велика, что кампус подвергся строгой изоляции на несколько дней. Полицейским было запрещено следить за порядком; они заперлись в отделении полиции, хотя и звонили Вайнштейну по телефону и велели ему держаться подальше от кампуса и перевезти жену и детей в убежище для их собственной безопасности. На следующий день после сцены, разыгравшейся у кабинета Вайнштейна, полицейские сказали ему, что протестующие рыскали от машины к машине в их районе и спрашивали документы у водителей — искали его. Его собственные студенты и другие, кто был заподозрен в инакомыслии, также преследовались и подвергались нападкам со стороны толпы. После инцидента одна девушка, которая была среди нападавших, сказала, что причиной, по которой они схватились с жертвой, было написание им «разжигающего ненависть текста»¹³⁷.

Сказать, что Колледж Вечнозеленого штата стал одержим вопросом расы в тот период, — ничего не сказать. На последующем собрании попечительского совета колледжа один из студентов рассказал: «Несколько раз мне сказали, что я не имею права говорить, потому что я белый. Этот колледж

Безумие толпы

так заиклен на расовом вопросе, что это даже в каком-то смысле становится еще большим расизмом»¹³⁸. Но другие студенты смотрели на это иначе. Одна белая девушка (и она с розовыми волосами), у которой спросили ее мнение, сказала: «Мне теперь все равно, что будет с Брэтом. Он может пойти и быть расистом и куском говна везде, где захочет. Надеюсь, в долгосрочной перспективе мы сможем просто отсеять таких людей, как Брэт»¹³⁹.

После случившегося Вайнштейн никогда больше не преподавал в Колледже Вечнозеленого штата. Только один человек из числа его коллег и коллег его жены в этом колледже за все время публично высказался в защиту права Вайнштейна на его позицию. Спустя несколько месяцев он и его жена заключили с колледжем перемирие и покинули свои преподавательские места.

Можно написать целую диссертацию о том, что происходило в те дни в Колледже Вечнозеленого штата, а также о том, что там происходило по мнению студентов колледжа и других. В тот раз присутствовали все признаки современной акции протеста в кампусе. Драматизация, утверждения, не несущие в себе ссылок на реальные факты, высвобождение высокомерия под видом ведения честной игры, превращение слов в насилие, а насилие — в слова.

Но события в Колледже Вечнозеленого штата не являются чем-то необычным для американских образовательных учреждений. Они были лишь продолжением движения, которое впервые привлекло к себе внимание общественности двумя годами ранее в Йельском университете. Драматизация и пре-

увеличение инцидентов на расовой почве стали столь широко распространены, что неудивительна уверенность студентов Колледжа Вечнозеленого штата в способности раздуть их еще сильнее. Снова и снова — всегда, когда понимали, что взрослые вышли из комнаты или (если не вышли) были готовы подчиняться.

В 2015 году — за два года до событий в Колледже Вечнозеленого штата — преподавательница Йельского университета Эрика Кристакис разослала электронное письмо, в котором спрашивала, стоит ли администрации университета давать студентам советы относительно того, что им надевать на вечеринку по случаю Хэллоуина. Это было сделано вследствие очередного случая «хэллоуинских войн» в университете, в центре которых оказался страх, что студенты наденут на ежегодное празднование костюмы, сделанные с невнимательностью по отношению к другим и являющие собой пример культурной апроприации. В результате отправки этого письма десятки студентов окружили мужа Эрики, Николаса (который тоже был профессором), во дворе общежития, управляющим которого он был. В течение нескольких часов они окружали его, оскорбляли и обвиняли его и его жену в расизме. И вновь камеры телефонов у студентов оказались наготове. Еще в начале разговора с Николасом одна чернокожая студентка сказала ему, что «для нее теперь это место небезопасно», потому что его слова и письмо его жены были «актом насилия». В течение всей беседы Кристакис был мягок, пытался успокоить студентов и помочь им. Было заметно, что он стремится вступить с ни-

Безумие толпы

ми в диалог и пытается помочь им увидеть иную, отличную от их собственной, точку зрения. Это им не понравилось. Одна чернокожая студентка начала вопить и плакать во время диалога с ним. Все, что Кристакис пытался до них донести, было напрасно. Когда он пытался объяснить им, что у него есть представление об обыкновенной человечности, толпа захихикала, как это позже сделают и ее единомышленники в Колледже Вечнозеленого штата. Другие ожидали повода наброситься. Кристакис пытался донести до них свое мнение о том, что, даже если два человека не имеют в точности одинакового жизненного опыта, одинакового цвета кожи или одинакового гендера, они по-прежнему могут понять друг друга. Не сработало. В какой-то момент беседы он улыбнулся и был обруган студентами за это.

«Меня тошнит при виде вас», — кричала одна из молодых студенток Йеля. Один высокий чернокожий студент шагнул вперед и стал поучать Кристакиса: «Посмотри на меня. Посмотри. На. Меня. Ты понимаешь: ты и я — не один человек. Мы люди, отлично — хорошо, что это нам понятно. Но твой опыт никогда не пересечется с моим». На этом моменте присутствующие студенты начали щелкать пальцами («неагрессивная» замена аплодисментам). «Тебе не нужна эмпатия, чтобы понять, что ты не прав. Окей? — продолжал студент. — Даже если ты никогда не почувствуешь то, что чувствую я. Даже если никто никогда не был расистом по отношению к тебе, потому что, если другие не могут быть расистами по отношению к тебе, это не значит, что ты сможешь делать вид,

будто ты не расист». Затем тот же студент вновь объяснил Кристакису, что в этой ситуации тому «не нужно улыбаться». Когда тот вежливо сказал, что согласен с этим студентом, кто-то другой закричал профессору, что его согласие никому не нужно. «Это не дебаты. Это не дебаты», — кричал он. Еще одна чернокожая студентка набросилась на него: «Я хочу, чтобы у вас отняли работу. Окей? Поймите это. Для начала смотрите мне в лицо». Она продолжила говорить ему в лицо о том, каким «отвратительным» человеком он был, по ее мнению, и что сейчас она уйдет и оставит его — оставит с его «больными убеждениями, какими бы они ни были»¹⁴⁰.

Наконец Кристакис сказал студентам, что у других людей тоже есть права, как и у них. В этот момент — в то время как звучали фразы «Он не заслуживает того, чтобы его слушали» — другая молодая чернокожая женщина, чья речь в итоге стала популярной в Интернете, стала обвинять профессора в том, что он создает «небезопасное пространство». Он начал отвечать ей. Она подняла руку и крикнула: «Замолчите!», затем продолжила: «В вашем положении управляющего общежитием ваша работа — в том, чтобы создать пространство, в котором студентам, живущим в кампусе, будет комфортно, как дома. Вы этого не сделали. Вы отправили то письмо, которое противоречит вашей позиции учителя. Вы это понимаете?» Кристакис попытался сказать: «Нет, я с этим не согласен». Тогда студентка изо всех сил закричала в бешенстве: «Тогда нахрена вы приняли эту должность? Какой черт вас нанял?» Он вновь попытался ответить: «Потому

что у меня другая точка зрения». Это ее не успокоило. Она продолжила кричать: «Вы должны уйти. Если это то, что вы думаете о работе управляющего, то вы должны уйти. Работа управляющего — это не создание интеллектуального пространства. Во-все нет. Вы это понимаете? Это создание домашней атмосферы. Вы этого не делаете». Прежде чем уйти в гнев, она кричит: «Вы должны плохо спать ночью. Вы отвратительны»¹⁴¹.

Стоит упомянуть, что все это затеялось из-за костюмов для Хэллоуина и вопроса о том, должна ли администрация университета инфантилизировать студентов, указывая, что им носить, а что нет. Посмотрев демонстрацию в Йеле, многие люди, которые не учились в колледже, должно быть, задаются вопросом: как те студенты будут справляться с жизненными неурядицами, если они не смогли справиться даже с Хэллоуином?

В отличии от Вайншейна, Эрика и Николас Кристакисы получили некоторую поддержку со стороны коллег. Но несмотря на это, в конце того года, когда случился скандал, Кристакис оставил свою позицию управляющего общежитием, а его жена подала в отставку.

Тот факт, что студенты в Йеле могли публично ругать и оскорблять своих профессоров, даже заставлять тех делать то, что студенты хотят — а после этого и выживать их с рабочих мест — был значителен. Возможно, именно он и придал сил студентам в Колледже Вечнозеленого штата и в других местах. Но что поразительно в видеозаписях с места событий, так это то, что они отчетливо передают властные игры. Как бы ни были ис-

кренни некоторые из студентов, заметно и их неверие в то, что взрослых легко обратить в бегство. Это — и облегчение от того факта, что университет можно будет окончить путем не усердных занятий, а серьезных обвинений и необоснованных требований.

В своем послании, опубликованном после того, как буря улеглась, Кристакис пытался объяснить, каким должен быть университет и что обязанностью университета является «срезание комплексов совершенно не либеральных идей на корню». Это включало также его заявление о том, что «несогласие — это не угнетение. Довод — это не оскорбление. Слова — даже провокационные и отвратительные — это не насилие. Ответом на речь, которая нам не нравится, является другая речь»¹⁴².

Его размышления не снискали популярности. Год спустя после письма Кристакис в Ратгерском университете состоялся круглый стол на тему политики идентичности, в котором принимали участие профессор Марк Лилла и чернокожий предприниматель и либертарианский публицист Кмеле Фостер. В своих высказываях Фостер страстно отстаивал защиту свободы слова, объясняя собравшимся студентам, что в 1960-е годы группы меньшинств ссылались на защиту свободы слова, борясь за свои гражданские права, и что «для них было жизненно важно обеспечить эти права для того, чтобы их защищать». Фостер указал на то, что Мартин Лютер Кинг-младший написал свое письмо из Бирмингемской тюрьмы, поскольку находился в заключении за нарушение общественных правил речи. В этот момент часть публики в Ратгерском

университете повернулась к чернокожему оратору и начала скандировать: «Жизни чернокожих важны» («Black Lives Matter»). Один из зрителей, чернокожий, услышал от Фостера вопрос: «Важны ли факты?» Его собеседник крикнул в ответ: «Не говорите мне о фактах! Мне они не нужны». Он продолжил: «Колониализм — это проблема... Тот факт, что есть одна группа, контролирующая другую группу людей». Во время этой речи другой зритель начал размахивать плакатом с надписью «Проблема в белом супремасизме»¹⁴³. Наконец чернокожему оратору дали закончить.

То, что открыли эти и другие подобные реакции, является частью более глубокой системы мышления. Это идея, которая уже много лет бурлит в «политике чернокожих» и радикальной философии чернокожих — идея о том, что, поскольку все строится на структуре белой гегемонии, каждая составная часть этой структуры насквозь пропитана неявным или явным расизмом, и поэтому с каждым ее аспектом необходимо покончить. Если хоть какая-то часть существующей системы уцелеет, то расовая справедливость не будет достигнута. Именно этому журнал «The Root», выпускаемый сообществом чернокожих, опубликовал в 2018 году колонку, в которой Майкл Хэрриот критиковал белых людей, которые жалуются на недостаток «свободомыслия». «Вы должны дать его белым, — писал автор, — с этой их склонностью изображать жертв». Он продолжил: «Их белизна проявляется в немедленном отвержении любого объекта, который может представлять угрозу для сохранения первенства белых». Затем он подошел к своему главному заявлению, а именно —

идее того, что «свободомыслие» является всего лишь эвфемизмом «белому супремасизму»¹⁴⁴.

И так далее. В тот же год, когда Кмеле Фостеру сказали, что «факты не нужны», писательницу Хэзер Макдоналд пригласили выступить в Колледже Клермонт-Маккенна. Сама ее речь была перенесена в другую аудиторию и разослана в качестве ссылки на видео из-за угрожающего поведения со стороны студентов. Но перед мероприятием администрации университета было отправлено письмо, подписанное как «Мы, некоторые чернокожие студенты колледжа Помона и колледжей Клермонта». Подписанты утверждали, что приглашенная выступать женщина-консерватор — в случае, если она выступит — «будет говорить не просто о разнице во мнениях, но о самом праве чернокожих людей на существование». Они описывали Макдоналд как «фашистку, белую супремасистку, вояку, трансфоба, квинфоба, сторонницу классового угнетения», а также говорили, что она «невежественна в вопросе о пересекающихся системах доминирования, создающих смертельно опасные условия, при которых вынуждены жить угнетенные группы людей». Не стоит и говорить о том, что все это было неправдой. Очевидно, студенты слышали некоторые версии того, что Макдоналд писала в своей книге «Война против полицейских: Как новая атака на закон и порядок создает небезопасность для всех», но они, очевидно, не читали ее. Тем не менее, они продолжали в том же духе: по их мнению, предоставление Макдоналд площадки для выступления будет означать «потворство насилию по отношению к чернокожим» и будет «античерным».

Безумие толпы

Но именно кульминация в заключительной части послания студентов была самой красноречивой. Там они писали:

«Исторически господство белых почитало идею объективности и использовало дихотомию „субъективность vs. объективность“ как средство для того, чтобы заставить замолчать угнетенные группы людей. Идея того, что существует одна истина — „Истина“ — является конструктом европейского Запада, глубоко укорененным в Просвещении — движении, которое описывало темнокожих и чернокожих людей как недолудей, невосприимчивых к боли. Эта конструкция является мифом, а белый супремасизм, империализм, колонизация, капитализм и Соединенные Штаты Америки — все ее наследие. Идея о том, что истина — это сущность, которую мы должны искать, — в вопросах, ставящих под угрозу нашу способность существовать в открытом пространстве, — является попыткой заставить замолчать угнетенные группы людей»¹⁴⁵.

«Истина» — это конструкт европейского Запада. Сложно представить себе фразу, которая будет одновременно столь ошибочна и при этом столь опасна в своем подтексте. Если «Истина» (в устрашающих кавычках) — это вещь, свойственная белым, то в соответствии с чем должны жить и к чему должны стремиться другие? Воистину, тревожным в случаях, подобных этому, является не то, что молодые люди повторяют такие заявления. Пугает то, что их им научили.

Конечно, одна из странностей политики, создающейся в кампусах — включая университетский активизм — состоит в том, что от нее легко и за-

манчиво отмахнуться. Любой человек, достигший определенного возраста, может обернуться назад и сказать, что студенты всегда протестовали — игнорируя тот факт, что до 1960-х годов университет не был подходящим местом для того, чтобы начать карьеру политического активиста, или даже для того, чтобы разжечь локальную — не говоря уже о мировой — революцию. Но скорость, с которой наиболее странные из заявлений, сделанных в университетах, попали во внешний мир, теперь очевидна. Когда люди, учащиеся в безопасных гуманитарных колледжах в Америке, начали верить (или притворяться, что верят), что расизм постоянно присутствует везде, где его явно нет, тогда и во внешнем мире стала нормализована одержимость расой, а также возможность говорить расистские вещи ради заявленного стремления к антирасизму. Поэтому, как заметил Эндрю Салливан, измеряя царящее в университетах безумие с помощью опросов и сравнивая его с остальными сферами жизни общества, невозможно избежать вывода о том, что «мы все теперь живем в кампусе»¹⁴⁶.

Сумасшествие

Как и во многих других случаях, кое-что из происходящего берет свое начало в весьма резонных основаниях, например, в стремлении расплатиться за ошибки прошлого, которые невозможно отрицать. Но даже эти акты искупления часто выглядят не столько как исцеляющие, сколько как инфицирующие. К примеру, многие люди, скорее всего, не считают журнал «National Geographic» сколько-ни-

будь расистским. Но для всех, кто пропустил расизм, проявленный журналом в прошлом, «National Geographic» выпустил номер с редакционной статьей, состоящей из официальных извинений. Передовица целого выпуска, посвященного расовой проблеме, была озаглавлена так: «В течение десятилетий наши репортажи были расистскими. Для того, чтобы возвыситься над прошлым, мы должны это осознать». Извинения, принесенные журналом, который начал выпускаться в 1888 году, касались широкого круга тем. В своей колонке главный редактор Сюзан Голдберг написала, что попросила человека пересмотреть все архивные выпуски журнала и что «кое-что из того, что было найдено в архивах, способно лишить дара речи». Редколлегия журнала сочла архивные выпуски виновными во многих вещах. Она обнаружила, что до 1970-х годов журнал «практически игнорировал людей с темных цветом кожи, которые жили в Соединенных Штатах». В других частях света «туземцы» изображались как «экзотические, часто раздетые, счастливые охотники, благородные дикари — являли собой всевозможные клише». Если вкратце, то журнал «делал слишком мало для того, чтобы вывести читателей за рамки стереотипов, укорененных в американской культуре». Заметка из выпуска 1916 года, посвященная австралийским аборигенам, была сочтена особенно расистской¹⁴⁷. В качестве примера того, как сильно улучшился журнал, редактор сообщила читателям, что она является не только еврейкой, но и женщиной.

Помимо привлечения внимания к вещам, о которых уже никто не может помнить, было во всем

этом еще что-то странное. Почти каждому студенту, изучающему историю, знакома истина, воплощенная в первых строках романа Лесли Поулза Хартли «Посредник»: «Прошлое — это чужая страна; там все делается по-другому». Нужно быть достаточно наивным, чтобы считать, что опубликованная в 1916 году статья в журнале в точности удовлетворит социальные требования, актуальные в 2018 году. В 1916 году женщины в Великобритании и Америке не имели права голоса на выборах, за однополые отношения человека могли отправить на каторжные работы, а целое поколение молодых людей было отравлено газом, взорвано и обстреляно на полях Фландрии и Франции. В те времена все было по-другому.

Урок, который можно было извлечь из этой ситуации, заключается в том, что в любом случае извинения от «National Geographic» были неудовлетворительны. Историк Дэвид Олусога написал в «The Guardian», что извинение «было принесено с благими намерениями, но запоздало»¹⁴⁸. Пожалуй, неудивительно, что такое прочесывание прошлого приводит не к выработке полезного критического взгляда, а к невротическому страху насчет того, что сегодня можно говорить, а что — нельзя. Если люди так глубоко заблуждались в прошлом, как мы можем быть уверены в том, что ведем себя уместно сегодня?

Незадолго до принесения извинений журналом «National Geographic» на экраны вышел фильм «Черная пантера». Перед его релизом шло много разговоров о преимущественно чернокожем актерском составе фильма и о том, что он может

стать надеждой для афроамериканцев и других. От успеха фильма у критиков и от его коммерческого успеха зависело многое. Главный редактор организации под названием «Планетарное общество», Эмили Лакдавалла, попросила пользователей Twitter помочь ей найти ответ на искренний вопрос. В какой момент белой женщине вроде нее самой будет уместно пойти в кино на «Черную пантеру»? Очевидно, пойти на нее в кино в первую неделю после премьеры будет неуместно — в таком случае когда будет лучше пойти? 42-летняя Эмили написала в Twitter: «Итак, я специально не стала покупать билеты на первую неделю показа „Черной пантеры“, поскольку не хотела быть белой, которая своим присутствием высосет все удовольствие от фильма из кинотеатра. Когда будет уместно купить билеты? Следующие выходные подойдут?»¹⁴⁹ «Высасывание удовольствия» — звучное высказывание, предполагающее, что белые люди не только монстры и расисты — они еще и немного вампиры в придачу.

Опять же, идея о том, что само присутствие человека с определенным цветом кожи может «высосать» удовольствие и отнять его у другой группы людей, звучит безумно. Но, несмотря на то, что над твитом Лакдаваллы посмеялись, идеи, которые он в себе нес, были распространены всюду. Однажды она их впитала, и теперь она просто выпускает их обратно.

Как правило, День благодарения — это просто день, в который американцы собираются вместе со своими семьями и близкими людьми. Но даже он к 2018 году был превращен в расовый скандал. Вот

как журнал «The Root» решил проинструктировать своих читателей в День благодарения в 2018 году. «Дорогие белые люди, — поучала статья своих онлайн-читателей, — если вы празднуете День благодарения с чернокожими семьями, помните, что наш День благодарения не имеет ничего общего с колонизацией и геноцидом коренных американцев. Наш День благодарения — это полурелигиозный ритуал, основанный на приеме пищи, проведении времени с семьей и картофельном пироге»¹⁵⁰. Несколько недель спустя во время праздничного сезона «Vice» опубликовал видео о новом захватывающем виде отдыха. Сюжет был посвящен группе женщин, которым нужен был перерыв «от белых людей»¹⁵¹. Или, как назвал сам «Vice» это видео, когда публиковал его, «Каково это — делать перерыв от белых людей». Сама публикация и герои ее сюжета смогли рассказать об этом виде отдыха только хорошее. Герои ясно сказали, что для цветных женщин важно найти время, чтобы отстраниться от белых людей, что в этом нет ничего дурного и что только ужасный расист сделает исключение из такого отдыха.

А за северной границей выяснилось, что канадцы не могут даже умереть, не продемонстрировав системного расизма. В апреле 2018 года в Саскачеване произошла чудовищная автобусная авария, в которой 16 молодых людей погибли и 13 были ранены. Трагедия стала еще масштабнее, когда выяснилось, что в разбившемся автобусе ехала вся хоккейная команда «Humboldt Broncos». В стране, где так любят хоккей, смерть столь многих подростков стала источником беспрецедентной националь-

ной скорби. Канадцы выставляли свои хоккейные клюшки снаружи от входных дверей в качестве знака почтения, а кампания по сбору денег в память о молодых людях собрала рекордное количество пожертвований. Но даже эта трагедия не смогла избежать превращения в расовый вопрос. Сразу после трагедии писательница из Квебека и самопровозглашенная «активистка» Нора Лорето пожаловалась в социальных сетях на внимание, которое уделялось погибшим хоккеистам, заявив: «Принадлежность жертв к мужскому полу, их юность и их белизна... играют существенную роль».

К 2018 году стало казаться, что куда бы вы ни смотрели — назад или вперед, на комедию или на трагедию, смотреть нужно было всегда через одну призму — призму расы. Это был год, когда «Disney» выпустили ремейк своего классического мультфильма «Дамбо», главным героем которого был юный слоненок. Делая обзор даже не самого мультфильма, а трейлера его ремейка с участием живых актеров, «Vice» назвал оригинальный мультфильм 1940-го года «запросто одной из самых страшных вещей, которые когда-либо создавали „Disney“», потому что некоторые его персонажи были алкоголиками, были «жуткими» и «в целом расистами». Тем не менее, «несмотря ни на что, этот мультфильм все же смог полюбить зрители, и целые поколения детей любили и иногда боялись его». К счастью, все это было исправлено в новой версии. Посмотрев трейлер этого детского мультфильма, «Vice» счел себя вправе сообщить своим взрослым читателям, что ремейк «Дамбо» выглядит «милым, трогательным и, похоже, совсем не расистским и не жут-

ким»¹⁵². Что заставило их думать, что он мог быть таким? Что это за мир, в котором ремейк детского мультфильма о летающем слоне нуждается в таких предупреждениях? Ответ на этот вопрос таков: это мир, в котором все помешались на расе. И если теоретики из университетских кампусов являются смутными источниками некоторых из этих идей, нигде они не проявляются так явно, как в самых публичных из медиа, где сотни миллионов людей впитывают идею о том, что эта с недавних пор врожденная одержимость расой абсолютно нормальна.

Клеветнический кастинг

В феврале 2018 года «Netflix» выпустил свою адаптацию романа Ричарда Моргана «Видоизмененный углерод». Для любого, кто не является самым преданным поклонником научной фантастики, она была совершенно непонятна, пусть и была потрясающе и дорого снята. Если вкратце, то сюжет разворачивается в 2384 году и вращается вокруг персонажа по имени Такеши, который был убит и перерожден в другом теле («оболочке») — это легко можно будет делать в будущем.

Уже в тот момент, когда «Netflix» анонсировал актерский состав — даже до того, как сериал был запущен — решение относительно актеров, взятых на главные роли, было раскритиковано. Роль перерожденного Такеши была отдана Джоелу Киннаману, актеру из Швеции, который был знаменит благодаря своей роли политического оппонента Фрэнка Андервуда — его играл Кевин Спейси — в выполненной «Netflix» адаптации «Карточного домика».

В день выхода «Видоизмененного углерода» журнал «Time» — помимо других публикаций — напал прямо на свою жертву. Как было сказано в заголовке, «Действие «Видоизмененного углерода» происходит в будущем. Но оно далеко от прогрессивного».

В целом, как утверждалось в статье, сериал выглядел «совершенно ретроградным» из-за своего отношения к «расе, гендеру и классу». Центральной проблемой была роль шведа Киннамана. По словам «Time» (который, очевидно, забыл, что сам сериал относился к жанру научной фантастики), было неправильно нанимать «белого парня» на роль человека в возрожденном теле персонажа, который в предыдущей жизни был «мужчиной-азиатом». Признавая, что адаптация в точности следует тому сценарию, который был описан в книге, критик «Time» обнаружила — развернув свой излюбленный лексикон в стиле «социальной справедливости» — что, тем не менее, «на экране это является еще более проблематичным». По ее словам:

«Создатели могли бы с тем же успехом взять на эту роль актера-азиата, избегая тех разногласий, которые сопутствовали вышедшему в прошлом году «Призраку в доспехах». В той адаптации Скарлетт Йоханссон играла женщину-азиатку в теле белого андроида».

Что угодно, лишь бы избежать великих Войн Вокруг Сознания Скарлетт Йоханссон-Андроида. Очевидно, что если вы собираетесь выбрать в качестве времени действия вашей научно-фантастической драмы 2384 год, вы должны предполагать, что в 2384 году у людей будут те же ценности, какие были в 2018 году у кинокритика журнала «Time»¹⁵³.

Развлечения, предоставляемые сервисом «Netflix», являются одними из наиболее популярных и доступных, с которыми знаком каждый. «Netflix» дает возможность для самовыражения и свободного обмена идеями, о каких предыдущие поколения могли только мечтать. Однако даже этот сервис стал площадкой для теперь повсеместных призывов к вновь возрожденной одержимости расой. Несмотря на то, что такое отношение к вопросу расы выглядело расовой одержимостью — настолько сильной, какой она не была уже несколько десятилетий.

Вчера все было не так

Частью всего этого безумия является тот факт, что желанная цель была почти достигнута. В последние несколько десятилетий стало совершенно нормальным и приемлемым для людей любой расы играть главные роли в театрах и кино Запада. Этому должен был прийти конец. Прошло почти два десятилетия с тех пор, как актер Эдриан Лестер (чернокожий) сыграл Генри V в «Королевской шекспировской труппе». Театралы стекались на постановку точно так же, как они стекались бы на любую хорошую постановку с хорошей игрой актеров. С тех времен чернокожие актеры стали настолько заметны на сцене, в том числе в исторических постановках, что их включение в них едва замечается. Десятилетиями то же самое касалось мира музыки. В 1970-х годах обладательница прекрасного сопрано американка Кэтлин Бэттл исполняла произведения Штрауса, Верди и Гайдна. Ни одна из тех ролей, которые она исполняла, не была написана для тем-

нокожей певицы, но вопрос о ее пригодности для них даже не поднимался, как и не возникало никаких негативных комментариев об этом.

То же самое касалось Джесси Норман, обладательницы одного из величайших сопрано за последние десятилетия. Ричард Вагнер нигде не указывал, что Изольда должна быть чернокожей. Но когда Джесси Норман исполняла арии из «Тристана и Изольды» — оперы, которой дирижировал Герберт фон Караян в Венской филармонии — никто не думал игнорировать музыку или осуждать подбор актеров за расовую неуместность. Все к этому уже привыкли.

Но это было вчера. Сегодня стало совершенно приемлемо считать, что расовые особенности актера или исполнителя являются самыми важными при отборе на роль. Даже более важными, чем его способность исполнять роль. Расовые войны сейчас постоянно ведутся в мире искусства — как и везде¹⁵⁴.

В 2018 году, буквально недели спустя после того, как «Видоизмененный углерод» подвергся тесту на расовую чистоту, BBC обнаружил расписание своих Променадных концертов на ближайшее лето. Было объявлено, что одним из значимых событий будет выступление звезды Бродвея Сьерры Боггесс в концертной версии «Вестсайдской истории». Но, как только был анонсирован актерский состав, со стороны медиа началось осуждение. Боггесс была принята на роль Марии — вымышленного персонажа, пуэрториканки по национальности — в то время как сама была белой. Тот факт, что постановка является художественным вымыслом — причем вымыслом, слова и музыку к которому написали

два еврея — не удостоился внимания. Один пользователь Twitter писал: «Вы — белая женщина, а героиня — пуэрториканка. Непохоже, чтобы вы испытывали недостаток в вакансиях. Перестаньте отнимать роли у цветных актеров». Другой писал: «Мне нравится Сьерра Боггесс, но если серьезно, то Мария — одна из главных латиноамериканских героинь мюзиклов, поэтому не могли бы мы, пожалуйста, нанять на эту роль любую из множества талантливых латиноамериканок, которые были бы готовы УБИТЬ за такую возможность?»

Из-за утверждения Боггесс на роль Марии Променадные концерты ВВС были обвинены в «вайт-вошинге». К сожалению, Боггесс приняла критику близко к сердцу, а потому написала у себя на Facebook:

«После долгих размышлений я поняла, что если я приму участие в этом концерте, то отниму у латиноамериканок очередную возможность исполнить эту роль, как и буду своим участием отрицать ВАЖНОСТЬ того, что им важно увидеть репрезентацию себя на сцене».

Она написала, что это было бы «большой ошибкой»:

«С момента объявления этого концерта я разговаривала со многими людьми о том, почему сейчас — критически важное время, более важное, чем когда-либо, для того, чтобы избежать увековечивания этого неверного подбора актеров.

Я приношу извинения за то, что не поняла этого раньше, и как актриса я должна спрашивать себя о том, как я могу принести больше пользы этому миру. И в этом случае мой выбор яснее, чем когда-

либо: нужно отойти в сторону и предоставить возможность исправить ошибку, которая совершалась годами в случае с этой постановкой.

Таким образом, я сняла себя с участия в этом концерте и с нетерпением жду возможности продолжать быть голосом, выступающим за изменения в нашем обществе и в нашем мире!»¹⁵⁵

Впоследствии на роль был объявлен новый кастинг, и в конце концов ее исполнила Микаэла Беннетт, родившаяся в Оттаве, Канада, но у которой, как считалось, было более подходящее этническое происхождение.

Итак, с помощью всего нескольких твитов утвержденная роль может перестать быть таковой. Талантливую актрису запугали и заставили подчиниться. И во имя «прогресса» и «разнообразия» самая регрессивная и антиразнообразная идея вновь одержала победу.

В эпоху политизации и поляризации абсолютно всего, вымышленный мир и мир искусств — один из лучших разрушителей барьеров между людьми — также становится полем для сражений за расовую эксклюзивность и расовое исключение.

Возможно, те люди, которые пытаются продвигать такую повестку, однажды очнутся и осознают, что движутся по направлению к логической ошибке. Поскольку та же логика, по которой Боггесс сняли с роли в «Вестсайдской истории», может применяться для того, чтобы настаивать: все Фальстафы и Изольды в будущем должны быть белыми. Кастинг может быть либо «слепым к цвету», либо одержимым вопросом расы — но он не может быть и тем, и тем одновременно.

Точно такая же унылая фиксация влияет на все остальные сферы жизни. Теперь не существует безмятежного занятия или способа провести время, которые не способен был бы в любой миг охватить расовый скандал. И каждый раз, когда это случается, скандал распространяет метастазы, превращая один инцидент или одно утверждение в прародителя целого ряда последующих инцидентов и утверждений, которые он разжигает и которые затем выходят из-под контроля.

Рассмотрим скандал, возникший вокруг теннисистки Серены Уильямс в сентябре 2018 года. В течение Открытого чемпионата США по теннису ее обвинили в нарушении правил, а затем ей выдали штрафное очко за то, что она сломала ракетку. Уильямс взбесилась из-за судьи — такое случается, но все еще не одобряется в таком благородном виде спорта, как теннис. Но Уильямс действительно вышла из себя — она назвала судью, помимо прочего, «вором». Ее оштрафовали на 17 тысяч долларов, что, учитывая размер приза для победителя чемпионата (чуть менее четырех миллионов долларов) и размер приза для того, кто займет второе место (почти два миллиона долларов), для Уильямс было не так страшно. Но проблема на этом не разрешилась. Из-за того, что Уильямс — женщина, Женская теннисная ассоциация назвала судью «сексистом». А из-за того, что она чернокожая, проблема превратилась в полноценный расовый диспут.

Помимо прочих, BBC заявил, что критика Уильямс за ее приступ гнева на корте вписывается в многолетний расистский стереотип «взбешенная чернокожая женщина»¹⁵⁶. Никто не объяснил, как

чернокожая женщина может злиться, не подпадая под этот стереотип. Газета «The Guardian» решила придать проблеме еще большую значимость. По словам одного из авторов газеты, Кэрис Афоко, критика Сирены Уильямс несет в себе еще более важный урок — это может также расцениваться как пример того, «как сложно быть чернокожей женщиной на работе». По мнению Афоко, «чернокожим женщинам не позволено иметь плохого дня на работе. Или, если быть точнее, если у нас выдался плохой день, то мы обычно не можем выражать гнев или печаль по этому поводу. Очень многие из нас развивают в себе «рабочую личность», которая позволяет нам двигаться вперед в «белых» офисах». Это может указывать всего лишь на то, как сложно быть автором в «The Guardian». В любом случае, Афоко далее привела пример того, что она имела в виду и с чем ей приходилось мириться. «Пару лет назад я не согласилась с идеей моего коллеги мужского пола, и тогда он отвел меня в сторону, чтобы сказать, что я веду себя агрессивно. Когда я попыталась объяснить ему, что слово „агрессивный“ несет в себе расистский подтекст, он разразился слезами». Кто знает, почему ее коллега разразился слезами? Возможно, это был очередной пример расизма с его стороны. Возможно, причиной тому был страх, что обвинение в расизме положит конец его карьере. Или, возможно, он расклеился потому, что начал понимать: любое слово из всех им сказанных его коллега будет способна интерпретировать как расизм.

В любом случае, Афоко извлекла урок из того, что довела своего коллегу до слез. «Это укрепило

урок, который я усвоила еще когда мне было 20 с небольшим: в большинстве случаев не стоит даже пытаться указать на расизм или сексизм на работе. Просто засучите рукава и сделайте свою работу настолько хорошо, насколько это возможно». Затем, чтобы помочь тем читателям «The Guardian», которые еще были не в курсе, она добавила полезный указатель: «Если вы — не чернокожая женщина и сейчас не понимаете, о чем речь, вот двухминутное видео об интерсекциональности»¹⁵⁷. Это полезное видео, вообще говоря, называлось «Дети объясняют интерсекциональность», и в соответствии со своим названием оно демонстрировало нескольких детей младше 10 лет, объясняющих, насколько проста интерсекциональность. С минимальным вмешательством со стороны взрослых это видео простым, певучим языком разъясняло, что интерсекциональность — это всего лишь «концепт, позволяющий нам осознать, что люди живут, типа, многогранными жизнями». Несмотря на то, что ребенок-представитель индейцев Канады объяснил белому мальчику пяти-шести лет, что такое интерсекциональность, тот все еще выражал недоумение. В конце концов видео показало, как до него «доходит», после чего он объясняет добродушной чернокожей женщине, которая уже появлялась в начале видео, что «люди — это не одна картинка. Полная картина будет видна, когда все ваши части личности соберутся вместе, чтобы получились вы». За то, что он смог все изложить и преодолеть свое незнание, его поздравляют: «Спасибо, это очень круто». А затем в качестве награды ему дают пять¹⁵⁸.

Культурная апроприация

Одним из очевидных способов остановить это бесконечное ковыряние вопроса расы и расовых характеристик могло бы быть размытие границ, например, путем превращения тех аспектов расы, которые могут обсуждаться, в общий опыт для всех. Аспекты культуры одного человека или народа, которые вызывают восхищение у других, могли бы, например, стать предметом культурного обмена, который повел бы за собой более глубокое понимание друг друга, преодолевающее любые различия. Могло быть такое стремление. Однако, к сожалению, появилась одна теория — до того, как это стремление могло быть полностью реализовано. Эта теория тоже зародилась в академической среде, а затем выплеснулась в реальный мир. Она называется «культурная апроприация».

Она появилась в области «постколониальных исследований» и выросла из идеи о том, что колонизаторы не просто навязали свою культуру колонизованным странам, но и забрали часть культуры этих стран и присвоили себе. Благожелательная интерпретация этой идеи могла бы расценить это как подражание и самую искреннюю форму лестии. Но, чем бы еще ни были знамениты профессора в области «постколониальных исследований», они точно не знамениты благожелательными интерпретациями чего-либо. Вместо этого на сцену вышла наименее благожелательная интерпретация, согласно которой кража чужой культуры — это последнее оскорбление, нанесенное колониализмом, и, истощив природные ресурсы колонизиро-

ванной страны и подчинив ее население иностранному владычеству, колонизаторы не смогли даже оставить угнетенным народам их собственную культуру — оставить нетронутой и неосвоенной.

Возможно, то, что противники зародившейся в университетах «культурной апроприации» устраивали скандалы в городах, где находились университеты, было неизбежно. Ранняя волна обвинений в «культурной апроприации» была реакцией на неприемлемые праздничные костюмы — вроде тех, которые так ужасали студентов Йельского университета накануне Хэллоуина в 2015 году. Их страх состоял в возможности того, что люди, которые не являются коренными американцами, будут носить, к примеру, головные уборы индейцев Северной Америки. Это — используя их собственный жаргон — не нормально.

С некоторых пор Портленд, штат Орегон, начал выделяться как испытательный полигон для каждой сумасшедшей идеи. Особенно в последние годы этот город донимали случаи культурной апроприации. Это включало в себя превращение из — по словам одного местного писателя — «рая для гурмана» во что-то близкое к зоне боевых действий¹⁵⁹. В 2016 году одна местная женщина открыла здесь бистро под названием «Колониальный шафран». Взбешенные толпы стояли у дверей ее бистро, обвиняя ее в расизме и прославлении колониализма. Сайты с отзывами вроде «Yelp» заполнили люди, оставлявшие негативные комментарии об этом заведении, пока его владелица, наконец, не сдалась и не переименовала его. Ее обвинили в том, что она открыла заведение, призванное вернуть к жизни

империю — задним числом, посредством открытия ресторана в Портленде. Но можно было найти и более вопиющие случаи. Хуже всего, по мнению местных жителей, было то, что люди, работавшие в ресторане, не имели права готовить ту еду, которую они там готовили — потому что их набор ДНК был для этого неподходящим.

В 2017 году произошел инцидент с парой, которая начала торговать буррито из фургончика. В соответствии с новыми местными правилами, они были виновны в культурной апроприации — если говорить точнее, они «украли» мексиканскую культуру, так как продавали буррито, не будучи при этом мексиканцами. Владельцы фургончика в конце концов начали получать смертельные угрозы и были вынуждены закрыть все свои аккаунты в социальных сетях, а затем и свой бизнес. Сказать, что подобные победы ободряют людей — ничего не сказать. Последствием победы над фургончиком с буррито стал список, составленный и распространенный местными активистами из Орегона, под названием «Альтернативы ресторанам, которыми владеют белые апроприаторы, в Портленде». Вместо этих ресторанов были предложены рестораны, которыми «владеют цветные люди»¹⁶⁰.

Как и в случае с событиями, происходившими в университетах, можно было ожидать, что события, развернувшиеся в Портленде, останутся в Портленде. Но опять же, как и в случае с университетами, нарастает чувство, что в эту эпоху гиперкоммуникаций мы все рискуем оказаться «в Портленде». Летом 2018 года, пока большинство людей отдыхало в отпусках, в Великобритании разразили-

сь войны на почве культурной апроприации еды, когда член парламента Доун Батлер, чернокожая, осудила одного из самых знаменитых шеф-поваров на британском телевидении. Джейми Оливер незадолго до того выпустил новое блюдо — «острый рис с курицей джерк». Его моментально раскритиковали за отсутствие ингредиентов, которые традиционно используются в маринаде для приготовления курицы джерк. А от критики по поводу недостающих ингредиентов скандал моментально сместился к разговору о расе. Батлер написала в своем Twitter, что испытывает отвращение к шеф-повару. Она задавалась вопросом о том, знает ли Оливер, «что такое ямайский джерк? Это не просто слово, которое можно поставить в название продукта, который хочешь продать». Она продолжила: «Ваш рис с курицей джерк не нормален. Эта апроприация ямайской культуры должна прекратиться»¹⁶¹. К счастью, принадлежащая Джейми Оливеру сеть итальянских ресторанов «Jamie's Italian», многие из которых есть в десятках британских городов, похоже, не привлекли внимания Доун Батлер.

Но одной из особенностей подобных случаев является то, что обвинения, вызванные высокоморальным гневом, могут быть предъявлены и совершенно неизвестным людям — точно так же, как они предъявляются знаменитостям. В обычное время выпускной вечер в школе штата Юта не вызывает такого ужаса, как ссора члена парламента со знаменитым шеф-поваром. Но в 2018 году 18-летняя девушка по имени Кезайя опубликовала в Интернете фотографии платья, которое собира-

лась надеть на выпускной вечер. Она, очевидно, надеялась получить лайки от других пользователей за свое красное платье в китайском стиле. Однако вместо похвалы она получила гнев от пользователей по всему миру. «Тема твоего выпускного — обыкновенный расизм?» — спросили ее в Twitter. Другие пользователи присоединились, чтобы обвинить девушку неазиатского происхождения в культурной апроприации платья в китайском стиле¹⁶².

В разумном мире все произошедшее стало бы невероятным подарком для деятелей искусства, в том числе для сатириков. Однако даже критический взгляд на этот феномен вызывает шквал обвинений и еще больший рост числа жалоб и уровня чувствительности. В сентябре 2016 года писательница Лайонел Шрайвер подняла вопрос о «художественной прозе и политике идентичности» на Фестивале писателей в Брисбене. Шрайвер (перу которой, среди прочих, принадлежит роман «Цена нелюбви») использовала эту возможность, чтобы поговорить о «культурной апроприации». В течение нескольких недель, предшествующих лекции, этот термин не раз всплывал в различных контекстах. Он появлялся и тогда, когда обсуждалось право немексиканцев носить сомбреро, и тогда, когда речь шла о праве людей не из Тайланда готовить и есть тайскую еду.

Поскольку умение использовать воображение и проникать в мысли других людей и является, можно сказать, задачей писателя, Шрайвер решила, что активисты подошли чересчур близко к ее территории. Ее речь в Брисбене была посвящена

защите искусства и праву других писателей на то, чтобы писать обо всем, о чем они пожелают. Шрайвер заявила, что, задумывая нового персонажа для одного из своих романов, она может для начала придумать такой аспект его личности, как например, то, что он армянин. Но «просто быть армянином — это не то же самое, что иметь личность — в том смысле, в каком я ее понимаю». Она продолжила: «Быть азиатом — это не идентичность. Быть геем — это не идентичность. Быть глухим, слепым, пользоваться инвалидным креслом — это не идентичность, и быть экономически неуспешным — тоже не идентичность».

Ответ был предсказуем. Ловия Гьяркье, автор в журнале «New Republic», написала, что «Лайонел Шрайвер не должна писать о меньшинствах. Ее нетактичная речь 8 сентября в Брисбене доказывает, что она в этом ничего не понимает». У Гьяркье был и вопрос к Шрайвер. «Мой вопрос к Шрайвер таков: если эти ярлыки — не идентичности, если быть геем или иметь ограниченные возможности — это не часть того, кем мы являемся, тогда почему сотни людей подвергаются насилию, их стыдят и убивают каждый день именно из-за этого?.. Чего не понимает Шрайвер о культурной апроприации, так это ее неразрывной связи с властью»¹⁶³. Таким образом драматизация и Фуко слились в одном утверждении.

Однако гневное заявление Гьяркье было вытеснено Ясмин Абдель-Магид, которая присутствовала среди зрителей в Брисбене. Ее рассказ из первых рук был подхвачен и опубликован в «The Guardian». Абдель-Магид писала:

Безумие толпы

«Прошло 20 минут с начала речи, когда я повернулась к своей матери, сидевшей рядом со мной в первом ряду. „Мама, я не могу сидеть здесь, — сказала я, и уголки моих губ опустились. — Я не могу это узаконивать...“»

За этим последовал увлекательный, подробный рассказ о том, каково это — вставать и уходить.

Оказалось, что речь Шрайвер не совпадала с образом мышления Абдель-Магид. Настолько не совпадала, что едва ли походила на речь. Это скорее была «отравленная посылка, упакованная в высокомерие и доставленная со снисхождением». Абдель-Магин попыталась разъяснить опасность случаев, когда люди пишут от лица тех, кем не являются. В качестве примера она привела собственные взгляды:

«Я не могу говорить от лица сообщества ЛГБТ-КИА, от лица человека с неврологическими отличиями или от лица человека с ограниченными возможностями, но в этом тоже есть смысл. Я не говорю от их лица, и я должна дать возможность их голосам быть услышанными, а их опыту — быть легитимным».

Порассуждав какое-то время о колониализме, Абдель-Магид пришла к заключению:

«Неуважение к окружающим, заложенное в речи Лайонел Шрайвер, — это та же сила, которая заставляет людей голосовать за Полин Хэнсон. Это — та причина, по которой коренные народы борются за то, чтобы их признали, и это — та причина, по которой мы продолжаем терпеть офшорные иммиграционные тюрьмы. Именно такое отношение закладывает основу для предрассудков, ненависти и геноцида»¹⁶⁴.

К своей чести «The Guardian» опубликовал вслед за этим полный текст речи Шрайвер, чтобы читатели смогли сами решить, являлось ее ли выступление в Брисбене остроумной критикой модного поветрия или скорее было частью фундамента для построения фашизма.

Шрайвер пережила шквал нападок отчасти потому, что у нее уже была репутация человека, который говорит то, что думает. Но у тех, кто хотел объявить себя ее жертвами, все же был стимул. Если бы Абдель-Магид (позже покинувшая Австралию уже из-за скандала, связанного с ней самой) решила написать беспристрастную и вдумчивую критику позиции Шрайвер, она вряд ли бы стала привлекать к себе внимание и публиковать свой рассказ в крупной газете. Если бы она не почувствовала, как опускаются уголки ее рта, и не сказала бы своей матери, что одно лишь их присутствие в зале «узаконивает» ненависть, ее мнение было бы не более значимым (и публичным), чем любое другое. Это важный винтик в сводящем толпу с ума механизме: человек, который объявляет себя наиболее обиженным, получает больше всего внимания. Каждый, кого это не задевает, игнорируется. В эпоху привлечения внимания криками в социальных сетях механизм поощряет всплески ярости кровожадностью. Что до Шнайдер, то в течение нескольких лет после речи в Брисбене она была одной из немногих писателей, которые публично протестовали против введения издательствами практики решать, достойны ли книги публикации, на основании сексуальной ориентации и расовой принадлежности их авторов.

Центральная проблема

Центральной проблемой во всем этом является огромное смятение, происходящее не из недопонимания, а из того факта, что наше общество пытается запускать одновременно несколько программ. С одной стороны, есть программа, которая подразумевает, что мир — это место, в котором для счастливой жизни нужно научиться ценить все культуры, а также сделать их более доступными. С другой стороны, другая программа гласит, что культурные границы могут пересекаться только при определенных условиях. Эта вторая программа не только не была завершена — кто угодно, кто хотел бы дописать ее правила, вполне мог это сделать. Еще одна программа подразумевает, что раса и культура — не одно и то же. И в то же время еще одна — запущенная одновременно с предыдущей — говорит, что это практически одно и то же и что посягательство на чью-то культуру является актом расистской агрессии или «апроприации».

Под всем этим скрывается настолько взрывоопасное предположение, что неудивительно, что его прячут подальше. Это вопрос, который мы не задаем, поскольку знаем, какой ответ неверный. Этот вопрос — о том, является раса «врожденной» или «приобретенной» характеристикой. В прошлом, за которое «National Geographic» и другие компании испытывают довольно оправданный стыд, раса считалась «самой врожденной» из всех характеристик. То, к какой расе относился человек, его определяло. Зачастую — в ущерб всем остальным качествам. По мере того, как происхо-

дили изменения в XX веке, вырабатывалось все более просвещенное понимание этого — оно заключалось в том, что раса была важна, но не была несокрушима. Действительно, люди могли быть частью других культур или группы других людей сколько угодно, если сами того хотели и если погружались в эти культуры с благодарностью и любовью. Были и подводные камни: например, в XX веке стало понятно, что этот путь допускает движение только в одну сторону. Индеец мог стать заметно британизированным, однако белый британец не мог стать индийцем. Границы возможного и невозможного сдвигались понемногу, но беспрерывно. В последние десятилетия они двигались вокруг вопроса о межрасовом усыновлении детей и о том, было ли полезно и уместно родителям одного культурного происхождения растить детей другого культурного происхождения. Но проблема для нас заключается в том, что все начало двигаться вновь. И уже поступают ранние сигналы о том, что в этот раз границы не просто могут сдвинуться куда угодно — похоже, что они движутся в наихудшем из возможных направлений.

Черный — значит политический? Важна речь, а не оратор

В 2016 году, когда Питер Тиль одобрил Дональда Трампа на Республиканском национальном съезде в Кливленде, он моментально перестал быть геем в глазах самого значимого гей-журнала Америки. Превращение в правого — причем в смысле «правого как Дональд Трамп» — было настолько вопию-

щей виной, что «Advocate» отлучил Тиля от гей-церкви. Два года спустя практически та же самая сцена разыгралась среди афроамериканцев.

Спустя почти год молчания Канье Уэст вернулся в Twitter весной 2018 года. В соответствии со своим главным умением он сразу сделал из этого инфоповод. В апреле он выразил одобрение чернокожей консервативной публицистке и активистке Кэндес Оуэнс. Это произошло после того, как Оуэнс произнесла речь в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, в рамках которой она раскритиковала некоторых членов движения «Black Lives Matter», устраивавших протесты против нее, и сравнила их с чернокожими студентами, сидевшими в первых рядах в зале и слушавшими ее речь. В видео, ставшем популярным в Интернете, Оуэнс говорит:

«То, что происходит сейчас в сообществе чернокожих... Идет идеологическая гражданская война. Есть чернокожие, которые сосредоточились на своем прошлом и кричат о рабстве. И есть чернокожие, которые сосредоточены на своем будущем. То, что вы видите, — это мышление жертвы против мышления победителя».

Затем она обвинила протестующих в заикленности на «угнетении».

После просмотра этого видео Канье Уэст написал в Twitter: «Мне нравится образ мышления Кэндес Оуэнс». И на какой-то момент показалось, будто произошел сбой в матрице. Или, по меньшей мере, сбой во вселенной Twitter. За последние годы появлялись многие чернокожие консерваторы, включая судью Верховного суда и некоторых из наиболее выдающихся философов Америки. Но ни-

когда раньше звезда такой величины, как Канье Уэст, даже не намекала на существование какой-либо партии, кроме Демократической, к которой могли бы принадлежать афроамериканцы. И вот половина одной из — к лучшему и\или к худшему — самых знаменитых пар мира решается ступить на это минное поле.

Можно отметить, что некоторые обстоятельства позволяли Канье Уэсту начать этот путь. Во-первых, у него было столько денег, что он мог позволить себе вести себя как заблагорассудится. Даже если его интрижки в политике делали его токсичным для большей части его аудитории — и для чернокожих, и для белых — он всегда мог положиться на свои деньги и деньги своей жены. Во-вторых, было широко распространено убеждение, с которым он не брезговал позаигрывать — убеждение, что он немного не в себе. Похвала в адрес Кэндес Оуэнс скоро переросла в открытое одобрение Дональда Трампа. И вот в октябре 2018 года Канье Уэст присутствовал в Овальном кабинете на встрече на высшем уровне и на обеде, что было странно даже по относительным меркам. Во время встречи Уэст по большей части говорил сам, пока президент сидел на противоположном конце стола и сосредоточенно кивал. Уэст воспользовался шансом поговорить о сообществе чернокожих, о тюремной реформе, о том, что ношение бейсболки с надписью «Make America Great Again» заставляет его чувствовать себя «Суперменом», а также о наличии «альтернативных вселенных». Он пожаловался: «Если ты чернокожий, то люди ожидают, что ты — демократ». Затем он сказал, что любит Трампа.

Начиная с того момента, когда Канье Уэст пошел по этому пути, ответная реакция была предсказуема. Высказывание журналиста Та-Нехизи Коутса имело самые долгоиграющие последствия. В своем эссе в журнале «The Atlantic» он написал о своем детстве и о своей любви к Майклу Джексону. Он написал о, бесспорно, странной трансформации Джексона из чернокожего мальчика с прической в стиле афро в полупрозрачную восковую куклу, в которую тот превратился позже. А затем Коутс решил сравнить Канье с Майклом Джексонном.

«То, к чему стремится Канье, — это то, к чему стремился Майкл Джексон. Уэст называет свою борьбу правом на то, чтобы быть „вольнодумцем“, и он действительно преуспевает в достижении свободы определенного рода — белой свободы, свободы без последствий, свободы без критики, свободы быть гордым и невежественным». Заголовок статьи гласил: «Я не чернокожий — я Канье: Канье Уэст хочет свободы — белой свободы»¹⁶⁵. Канье споткнулся о то же препятствие, что и Тиль. В какой-то момент политические обиды меньшинств трансформировались в политический активизм, а затем стали просто политикой. Признание существования избирательных блоков среди групп меньшинств выгодно некоторым политикам, ищущим избирателей, и может быть на руку профессиональным посредникам, преподносящим себя как представителей сообществ — для того, чтобы им отдавали предпочтение. Но это исключительно опасная ситуация — к ней, в свою очередь, свелись все проблемы, связанные с правами.

Предполагается, что вы можете считаться членом группы меньшинств только в том случае, если вы принимаете конкретные претензии, политические требования и соответствующие электоральные платформы, которые другие люди разработали для вас. Стоит выйти за пределы этих рамок, вы перестаете быть обладателем прежних качеств и становитесь тем, кто думает не так, как предписывает думать норма. Ваше качество у вас отнято. Тиль — больше не гей, поскольку одобряет Трампа. Канье Уэйтс — больше не чернокожий, потому что делает то же самое. Из этого следует, что «черный» — это не цвет кожи и не раса, или, во всяком случае, не только это. Из этого следует, что «черный» — как и «гей» — это политическая идеология. Это предположение лежит настолько глубоко и упоминается настолько редко, что оно считается само собой разумеющимся.

Лондонская Школа Экономики называет себя одним из ведущих университетов мира в области гуманитарных наук: «Стремясь к международному глобальному охвату, ЛШЭ считает взаимодействие со всем миром основой своей миссии». На странице «Книжный обзор» на сайте ЛШЭ в мае 2012 года появился обзор на новую книгу Томаса Соуэлла. Книга «Интеллектуалы и общество» вышла двумя годами ранее, но в академическом мире интеллектуальные перестрелки часто происходят в более медленном темпе, чем в других сферах общества.

Автор обзора, Эйдан Бирн, был «главным лектором в области английской литературы\медиа\культурных исследований» в Вулверхэптонском уни-

верситете. В этом качестве, как сообщала нам его подпись, «он специализируется на концепции мужественности в межвоенной валлийской и политической литературе и преподает широкий круг предметов». Идеальный кандидат для вынесения суждения о книге Соуэлла в «Книжном обзоре» Лондонской школы экономики. Со своей стороны, Бирн «был раздосадован крайне пристрастным» характером книги. Итак, два года спустя после публикации книги Соуэлла Бирн прицелился и попытался сделать выстрел. Уже в первых строках он предупредил, что «книга «Интеллектуалы и общество» состоит из серии устаревших и часто нечестных уколов в адрес политических врагов Соуэлла». Среди других обвинений, которые содержал обзор Бирна, было утверждение, что одна строка у Соуэлла перекликалась с идеями «Движения чаепития» и представляет собой «тонко замаскированную атаку на расовую интеграцию».

Еще более странное обвинение в адрес Соуэлла прозвучало, когда Бирн предупредил читателей: упоминание Соуэллом расовых проблем едва ли включало в себя более чем «разрозненные и тревожные „собачьи свистки“». Схожим образом слова Соуэлла о наследии прошлого являлись «закодированной интервенцией». С нарастающим энтузиазмом Бирн писал, что «для него [Соуэлла] культурное наследие рабства означает, что оно не должно рассматриваться как моральная проблема, и не следует пытаться его окультурить». К этому обвинению Бирн присовокупил убийственную формулировку, которая потом оказалась актом невероятного саморазрушения¹⁶⁶.

К своей чести, ЛШЭ добавила «поправку» внизу этого текста на своем сайте. Это одно из величайших исправлений. В нем попросту говорится об удалении строки из оригинального текста. «В оригинале этот пост содержал строку „это легко сказать богатому белому человеку“, — признавалась ЛШЭ. — Эта строка была удалена, и мы приносим извинения за эту ошибку»¹⁶⁷. И правильно. Поскольку, каким бы ни был его доход, Томас Соуэлл не является белым человеком. Он — чернокожий человек. И очень известный чернокожий человек, о котором критик ЛШЭ подумал, будто тот белый — на основании его политических взглядов.

Это было предположение, которое прокралось в либеральные дебаты с едва заметным ропотом несогласия. И оно пришло из разных направлений. Рассмотрим, к примеру, реакцию на странный и вызывающий некоторую жалость случай Рэйчел Долезал. Эта женщина стала знаменитой практически на весь мир в 2015 году, когда, будучи главой Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, она вдруг объявила себя чернокожей. В течение знаменитого телеинтервью ее спрашивали, является ли она чернокожей. Она притворилась, будто не поняла вопроса. Когда ей продемонстрировали информацию о ее биологических родителях, интервью вошло в тупик. Поскольку родители Долезал были не просто белыми, а белыми с германо-чешскими корнями — а это было очень далеко от афроамериканской идентичности, которую приписывала себе Долезал. В конце концов, признав, что это действительно были ее родители, она стала настаивать на том, что, тем не

менее, она была чернокожей. Ее самоидентификация с чернокожим сообществом в Америке, похоже, возникла из-за ее близких отношений с ее усыновленными чернокожими братьями и сестрой. Несмотря на все это, ее брат сказал: «Она росла белым привилегированным человеком в штате Монтана». Ей удалось выдать себя за чернокожую лишь благодаря тщательному нанесению бронзатора на кожу и несколько стереотипному завиванию волос. Это — а также тот факт, что людям было слишком страшно спросить ее: «А разве ты не белая?» — означало, что Долезал не просто смогла «сойти» за чернокожую, но и стать главой местного отделения организации для чернокожих людей.

Случай Долезал вызвал практически бесконечный ряд вопросов, и как сами вопросы, так и ответы на них в некотором роде давали возможность проанализировать целый ряд аспектов современной культуры. Не в последнюю очередь среди них был раскол, возникший среди знаменитых чернокожих, спикеров и активистов.

В передаче «The View» на канале ABC-TV Вупи Голдберг вступилась за Долезал. «Если она хочет быть чернокожей, пусть будет чернокожей»¹⁶⁸, — сказала она. Казалось, что «почернение» не было главной проблемой в этой ситуации. Более интересной была реакция Майкла Эрика Дайсона, который примечательным образом встал на защиту Долезал. На канала MSN BC он описал Долезал: «Она принимает идеи, идентичности, проблемы. Она идентифицируется с ними. Готов поспорить, большее число чернокожих людей скорее поддержит Долезал, чем, скажем, Кларенса Томаса»¹⁶⁹. Все это

предполагало, что «чернота» не имела ничего общего ни с цветом кожи, ни с расой. Только с политикой. Настолько, что белая женщина, намазанная бронзатором, но придерживающаяся «правильных» взглядов, стала более черной, чем судья Верховного суда — в том случае, если чернокожий судья является консерватором.

Только оратор, а не его речь

Вот еще одна причина современного безумия толпы. Иногда, как это было в случае Рэйчел Долезал, Кэндейс Оуэнс и Томаса Соуэлла, можно увидеть определенное отношение. Оратор и его врожденные характеристики не важны. Что важно, так это речи, которые они произносят, а также идеи и чувства, которые они выражают. Затем, без предупреждения и без возможности ее предвидеть, возникает совершенно противоположная шкала ценностей. Внезапно содержание речи не представляет совершенно никакого интереса или в лучшем случае становится объектом третьестепенного интереса. В этих случаях внезапно появляется мнение, что только говорящий важен, а речь можно отбросить — мнение, идущее рука об руку с идеей о том, что речь важна, а произносящий ее не имеет значения.

Подобное развитие почти наверняка связано с одним из величайших подарков, которые нам принес век социальных медиа, а именно — возможность публиковать жестокие и неискренние интерпретации того, что сказали другие. Когда столько внимания сосредоточено на ком-то известном, медиа могли бы воспользоваться возможностью уде-

Безумие толпы

лить гораздо больше внимания честным и великодушным высказываниям. Результат этого можно увидеть в новостях. Заголовок может описывать, как кого-то известного «раскритиковали» за что-то, что этот человек сказал, только для того, чтобы оказалось — как станет ясно из текста ниже — что «критика» исходила от пары каких-то пользователей, которых журналист отыскал в Twitter. Это — та причина, по которой политики так пугаются, когда кто-то пытается завести их на скользкую дорожку. Не только потому, что цена произнесения мыслей вслух невероятно высока, и не из-за страха, что правила игры изменились с тех пор, как они освежали их в памяти, а потому, что даже один негативный ответ (от кого угодно в мире) может превратиться в бурю. Этот страх захлестнул практически всех публичных людей, поскольку, когда они думают, что искусно — или героически — дерзят, они могут отключить микрофон и обнаружить, что звон, стоящий в их ушах — это не аплодисменты, а звуки разрушения их карьеры.

В январе 2015 года актер Бенедикт Камбербетч давал интервью на шоу Тэвиса Смайли на канале PBS. Часть времени он посвятил возмущению против того, что его друзья-актеры из Великобритании, принадлежащие в группе этнических меньшинств, легче находили работу в США, чем у себя на родине. Из его слов было очевидно, что он стоит на стороне чернокожих актеров, а не на стороне, скажем, Ку-Клукс-Клана. Ни у кого не было особых причин подозревать Камбербетча в тайном расизме, который он непроизвольно открыл Тэвису Смайли. Тем не менее этот актер оступился не из-

за своих намерений, а — как это часто бывает за недостатком других доказательств — из-за «словесного преступления». В своей речи Камбербетч говорил об «актерах с темной кожей». Это термин, который часто используется в его родной стране без каких-либо негативных коннотаций. До недавнего времени он также был распространен в США. Но незадолго до интервью с Камбербетчем правила немного изменились. Новым правильным способом называть «людей с темным цветом кожи» стало словосочетание «цветные люди» (people of colour). С точки зрения лингвистики можно сказать, что здесь нет значительной разницы.

Тем не менее общественный протест был так велик, как если бы он сказал слово на букву «н». Действительно, актер был вынужден немедленно принести унижительные публичные извинения. В быстро опубликованном после шоу публичном заявлении он писал: «Я опустошен тем, что нанес оскорбление, используя устаревшую терминологию. Я приношу свои искренние извинения. Мне нет прощения за то, что я идиот, и я знаю, что уже навредил»¹⁷⁰. Несмотря на эти заголовки, СМИ писали, что актер был «под обстрелом» («The Guardian») и стал центром «расового скандала» («The Independent»). Во то время, когда разворачивались эти события, никто всерьез не утверждал, что Камбербетч — расист. И не было никакого реального способа интерпретировать ту или иную его ремарку как расистскую. Но его имя теперь было связано с «расовым скандалом». Если бы люди слушали то, что пытался сказать Камбербетч, возможно, это могло принести какую-то пользу, и для его друзей появились бы новые актер-

ские вакансии в Великобритании. Но более легкий путь, видимо, состоял в том, чтобы собрать несколько заявлений в социальных сетях, сделанных блюстителями нравственности языка, и превратить это в полномасштабный «скандал». Подобные ситуации для любых публичных людей становятся первым уроком. И большинство людей никогда не учтет добродетельность, исходящую из исполнения роли Шерлока Холмса и других популярных персонажей, которая могла бы помочь ему вынырнуть из этой пропасти.

Сложность в обсуждении расы и даже в ее упоминании в таком ключе, в каком о ней говорил Камбербетч, указывает на глубокую методологическую проблему, которую весь публичный дискурс затрудняется вынести на обсуждение. До сих пор любой политик, писатель или другой публичный человек мог вполне успешно продвигаться в своей карьере, следуя заранее оговоренной линии. Эта линия заключалась в том, что говорить, писать и даже думать вслух нужно так, чтобы ни один здравый человек не мог это неверно интерпретировать. Если кто-то необоснованно искажал смысл ваших слов, это говорило плохо о нем самом. Каждый, кто утверждал бы, что Бенедикт Камбербетч — опасный расист, раскрывший сам себя, мог бы ожидать, что его засмеют и не станут даже воспринимать всерьез.

Но в последние годы — неслучайно пересекающиеся с эпохой социальных медиа — это правило изменилось. Сейчас политик, писатель или другой публичный человек находится в том же положении, что и другие члены общества. Мы больше не можем

быть уверенными в том, что наши слушатели честны и преследуют те же цели. Всплеск неискренних заявлений от членов общества может проявляться с той же охотой, что и искренние мнения. И поэтому коллективное стремление публичных людей должно заключаться в том, чтобы писать, говорить и размышлять вслух таким образом, чтобы ни один нечестный критик не мог нечестно исказить их слова. Само собой разумеется, что это невозможное, безумное стремление. Это невозможно. Нельзя сделать это, не сойдя с ума.

Очевидным решением является исследование возможных вариантов. Один из них — это не говорить ничего, или ничего, во всяком случае, ничего значимого не говорить публично, и это выбор, который сделали многие политики — этот путь оставляет открытой дверь для тех, кто готов сказать абсолютно все что угодно. Другой вариант — это попробовать понять, что за игра здесь ведется. Для этого стоит сравнить случаи: случаи, когда ничего особенного не было сказано, но было заявлено о большом оскорблении, и случаи, когда говорились поистине ужасные вещи, жалобы на которые были проигнорированы. Хорошим примером здесь может послужить история с Сарой Джонг, случившаяся в августе 2018 года.

Сара Джонг

Именно тогда газета «The New York Times» объявила о включении 30-летней журналистки, специализирующейся на технических вопросах, в свою редколлегия. Как и все подобные назначения, повышение

Джонг до такой позиции в столь молодом возрасте привлекло к себе определенную долю внимания. А внимание в век Интернета, безусловно, означает прочесывание всего, что назначенный на новую должность человек когда-либо говорил. В случае Джонг это привело к обнаружению твитов определенной направленности, которая представляла собой продолжительное и довольно грубое оскорбление белых людей. Среди твитов Джонг были такие: «Являются ли белые люди генетически предрасположенными к тому, чтобы быстро сгорать на солнце, из чего логически следует, что им следует жить под землей, как пресмыкающимся гоблинам?», «Бросаю вам вызов: откройте «Википедию» и поищите там статью „Вещи, которые однозначно являются заслугой белых людей“ — это очень сложно», «Белые мужчины — говно», «Отмените БелыхЛюдей», а также цепочка твитов: «Вы когда-нибудь задумывались о том, что из того, что позволено делать белым людям, не является культурной апроприацией? Буквально ничего. Ну, может, катание на лыжах, ну, еще гольф... Должно быть, быть белым так скучно»¹⁷¹. Справедливо было бы сказать, что ее профиль в Twitter отражал одержимость этой темой. Она даже совершила распространенную ошибку — сравнила людей, которые ей не нравятся, с животными. «Тупые поганые белые люди пачкают Интернет как собаки, ссущие на пожарные гидранты»¹⁷². В другом твите она писала: «Ох, даже странно, сколько удовольствия я получаю, когда веду себя жестоко по отношению к белым старикам»¹⁷³.

Еще Джонг была большой любительницей фразы «Убейте всех мужчин». Но в тех обстоятельствах для

ее критиков это стало второстепенной проблемой. Именно непрекращающийся расизм по отношению к белым людям вызвал гнев на нее и на «The New York Times» — за то, что наняли ее. Со своей стороны, газета стояла на стороне своей новой сотрудницы. Никаких подачек ненасытным толпам в Интернете не делалось. Официальное заявление, которое опубликовала газета, гласило, что Джонг была нанята «за свою выдающуюся работу в Интернете». Сразу после этого было сказано: «Ее журналистская работа и тот факт, что она является молодой азиаткой, сделали ее предметом онлайн-харрасмента. В течение некоторого времени она отвечала на этот харрасмент, имитируя тех, кто ее оскорблял. Теперь она видит, что такой подход только добавляет масла в огонь, который разгорелся в социальных сетях. Она сожалеет об этом, и «The Times» не оправдывает это». Заметка заканчивалась словами о том, что получившая свой урок Джонг точно станет «важным голосом, способствующим дальнейшей работе редакции»¹⁷⁴.

В действительности «некоторое время», в течение которого Джонг вела свою противоречивую активность в Twitter, началась в 2014 году и закончилась всего за год до того, как «The New York Times» наняли ее. Но защита со стороны ее нового работодателя сработала. Упоминание ее пола, молодого возраста и расы в сочетании с модным сейчас указанием на ее положение жертвы позволили ей выйти сухой из воды. Опять же, если бы Джонг сказала, что ее никогда не оскорбляли онлайн, или что она не проверяла Twitter, не беспокоясь о том, что другие говорят о ней, или (самое неправдоподобное)

заявила, что оскорбления в Интернете ее не особенно беспокоили, ее алиби было бы менее действенным.

Но случай с Джонг позволил сделать одно потрясающее открытие. Журналист издания «Vox» по имени Зак Бошамп встал на защиту Джонг, написав в Twitter: «Сейчас многие люди в Интернете путают экспрессивные вещи, которые антирасисты и представители меньшинств говорят о „белых людях“, с реальной ненавистью к другим расам — по какой-то непостижимой причине»¹⁷⁵. Не было никакого разъяснения того, что является, а что не является «экспрессивным» в расовых эпитетах, как и не было никакой инструкции о том, как отличить «реальную ненависть к другим расам» от «экспрессивных» выражений. Но еще более интересная аргументация в защиту Джонг была выстроена другим журналистом «Vox». Эзра Кляйн начал свою защиту, сказав, что весь этот шум случился из-за того, что «настоящие расистские ультраправые тролли недобросовестно использовали старые твиты, чтобы азиатку уволили с работы». Это высказывание подняло тему не только расовой идентичности, о которой также говорила «The New York Times», но и предполагаемых политических мотивов любых (и, возможно, всех) людей, которые хоть как-то протестовали против ее твитов.

Но самое интересное в тексте Эзры Кляйна начинается здесь, потому что это в точности отражает аргумент Сальмы Эль-Урдани, который та привела в защиту людей, пишущих твиты «все мужчины — мусор», и аргумент, который привел Кляйн, сказав, что «#Убейтевсехмужчин» — это лишь другой спо-

соб сказать «было бы здорово, если бы для женщин все было не так хреново». В защиту Сары Джонг, которая неоднократно оскорбила белых людей, Кляйн схожим образом объяснил, что, когда Джонг использует термин «белые люди» в своих «шутках», это означает совсем не то. Как он выразился, «в Twitter'е социальной справедливости этот термин означает что-то более близкое к «доминирующая властная структура и культура», чем к реальным белым людям»¹⁷⁶.

Вот отличный толчок к безумию. Если Бенедикт Камбербетч и Сара Джонг оказались в центре «расовых скандалов», обычно это значило бы, что они были виновны в схожих провокациях. И тем не менее это было не так. Камбербетч оказался замешан в «расовом скандале», потому что употребил устаревший термин. Джонг оказалась в «расовом скандале», потому что в течение нескольких лет неоднократно использовала расовые эпитеты в уничижительном ключе и получала от этого удовольствие. Что еще хуже, мотив может приписываться без указания на жестокость слов. В то время как слово, невольно произнесенное человеком, может в некоторых случаях обратиться против него (Камбербетч), в других случаях вызывающие термины, которые люди употребляют осознанно, фактически не рассматриваются буквально. Этому дается объяснение, данное Кляйном, Эль-Урдани и другими. В то время как некоторые люди неосознанно используют неверный термин и могут подвергнуться за это бичеванию, другие люди используют совершенно ужасные и грубые слова и не клеймятся за это. По какой-то причине.

Безумие толпы

Может быть всего пара возможных причин для этого. Первая заключается в том, что все заявления о поле, расе и многом другом перемешались, а когда нужно вернуть все как было, никто не может этого сделать. Кляйн и Эль-Урдани, очевидно, могли бы, но неясно, как многие другие люди должны понять, какие слова были произнесены намеренно, а какие — нет. Должны ли мы всегда полагаться на чье-то мнение о значении тех или иных слов? Как именно это должно работать?

Другое объяснение этому состоит в том, что происходит гораздо более простое смешение. Это смешение не имеет ничего общего ни со словами, ни с намерениями, а лишь с врожденными характеристиками того или иного оратора. Камбербетч занимает наиболее небезопасную позицию. Он — белый гетеросексуальный мужчина. Должно быть, с его стороны хорошей идеей было предоставить доказательства своего антирасизма на шоу Трэвиса Смайли. С другой стороны, стоило бы ожидать, что кто-то, кто годами делал уничижительные высказывания в адрес другой этнической группы, нарвался бы на большие неприятности. Если только их идентичность не окажется «правильной». Если бы Камбербетч в течение нескольких лет писал в Twitter о том, что азиаты живут в норах, как гоблины, и о том, как ему нравится доводить азиатов до слез, он бы так просто не отделался. Джонг это удалось, но только благодаря ее расовой идентичности (хотя «азиатская привилегия» сейчас также взвешивается на весах социальной справедливости) и из-за того, какую расу она атаковала. Невозможно распутать клубок двойных стандартов, при-

меняемых к речи, потому что сама речь перестала иметь значение. Что имеет значение, так это расовая или иная идентичность говорящего. Его идентичность может как привести к его осуждению, так и отвести его от неприятностей. Это означает, что если слова и их смысл еще имеют значение, то уже очень второстепенное. Это также означает, что вместо того, чтобы научиться игнорировать расовые характеристики, мы проведем все обозримое будущее, будучи постоянно зацикленными на них — потому что только фокусируясь на расовой принадлежности людей, мы сможем понять, кого мы можем позволить себе слушать.

Возникновение риторики

Что-то из этого будет выражаться криком. Поскольку есть в том, что происходило в последние годы в дискуссии о расе, нечто невероятно похожее на сдвиг в феминизме, случившийся примерно в то же время. Аналогичное ускорение риторики и обвинений, похоже, возникло как раз в тот момент, который можно было расценить как победу. Как и в случае с феминизмом, нельзя сказать, что расовое неравенство или расистские мнения не существуют — нельзя сказать, что ни одной женщине не приходится испытывать трудности из-за ее пола. Но эта эпоха любопытна тем, что в тот момент, когда дела обстоят лучше, чем когда бы то ни было, все преподносится так, будто никогда не было времен хуже.

Движения, которые стали политическими или которые находятся в процессе превращения в политические, нуждаются в мыслителях, которые бу-

дут разжигать эти движения, а не представлять их. И точно так же, как Мэрилин Фрэнч и другими восхищались за радикальность их высказываний, так и в последние несколько лет премия за статус самого значимого автора, занимающегося расовыми вопросами, досталась не самому ободряющему или умиротворяющему деятелю, а писателю, который больше, чем кто-либо другой, представлял вопрос расы в Америке в частности как находящийся в стадии беспрецедентного упадка.

Многое можно предположить о культурных ожиданиях издателей, которые готовы опубликовать автора, чья первая книга — мемуары. Такой чести удостоился Та-Нехиси Коутс, первая книга которого, «Прекрасная борьба» (2008), с достойной восхищения честностью описывала не только детство автора в Балтиморе, но и его собственное отношение к каждому его аспекту. В своей книге он признается, что когда он видит белых людей на стадионе в Балтиморе, он смотрит на их бейсболки, одежду и фастфуд с презрением: «Мне казалось, они выглядят грязными, и это делало меня расистом — и гордым»¹⁷⁷. Он описывает, как его отец — член движения «Черные пантеры» — завел семерых детей от четырех разных женщин. Он жил в мире, полном насилия с применением огнестрельного оружия, враждующих группировок, состоящих из чернокожих, запугивающих других чернокожих. И в то время как Коутс признается, что на уроках латыни он болтал с друзьями и попросту упустил свой шанс получить образование, его мать рассказывала ему о рабстве и восстаниях рабов. Он описывает свое презрение к гражданскому национализ-

му — такое же, какое когда-то испытывал его отец. Та-Нехиси Коутс отвергает отца как человека «той эпохи, приверженца той своеобразной веры чернокожих, которая делает вас патриотами, несмотря на ярмо». Его отец боготворил Джона Кеннеди и увлекался старыми военными фильмами¹⁷⁸.

Позже отец «приходит в сознание». «Годы сна проходят», и Коутс-старший «присоединился к тем, кто смог понять, что наше состояние, худшее состояние из всех в этой стране — бедные, больные, необразованные, хромые, тупые — было не просто внутренней опухолью, а доказательством того, что все тело было одной сплошной опухолью, что Америка не была жертвой гниения, а была гнилью сама по себе»¹⁷⁹. У Коутса есть учитель английского («маленький человек с тихим голоском»), о котором он пишет: «Я относился к нему с почтением и сам ожидал в ответ почтения». Юный Коутс в один прекрасный день ввязывается в драку с этим учителем, потому что тот на него накричал, «и я не мог отступить», и все заканчивается тем, что Коутс «ударил учителя в лицо». Затем он без зазрения совести описывает свое участие в расистской атаке на белого мальчика¹⁸⁰. И все же только Коутс и члены его общины считаются обреченными.

«Я знаю, как мы умрем, — говорит он. — Мы — ходячая низшая ступень, и все, что стоит между нами и превращением в чудищ, между нами и зоопарком — это уважение, естественное уважение. Мы знаем, кто мы, что мы расхаживаем так, будто нам плевать на мир, которому плевать на нас»¹⁸¹. Книга обрела невероятный успех, получила высочайшие похвалы и была превосходно раскручена.

После этого Коутс получил грант за «гениальность» от фонда Макауртура и, ворвавшись с мемуарами, в 2015 написал свою вторую книгу («Между миром и мной») в форме письма к своему 15-летнему сыну. Две автобиографии до сорока лет.

В книге «Между миром и мной» Коутс описывает свою реакцию на события 11 сентября 2001 года. Коутс приехал в Нью-Йорк всего за пару месяцев до того, но он восхитительно честен насчет своей реакции на 9/11. Он пишет, что, когда он стоял вместе со своей семьей на крыше многоквартирного дома и смотрел на дым, вздымающийся над Манхэттеном, его «сердце было холодным». Он размышляет о том, что «никогда бы не назвал ни одного американца чистым. Я был не в ладах с городом». Годом ранее его одноклассник был убит офицером полиции штата Мэриленд, который ошибочно счел его — Принса Джоунса — наркодилером. То, к каким выводам о пожарных, рискующих и отдающих свои жизни за американцев всех рас и культур, это приводит Коутса, шокирует. «Они для меня не были людьми, — пишет Коутс. — Чернокожие, белые, неважно — они все были угрозой по своей природе; они были огнем»¹⁸².

Карьера Коутса была настолько безупречной, что даже малейшая критика в его адрес либо скрывалась, либо — если появлялась — вызывала шок. Когда «Между миром и мной» была опубликована, Тони Моррисон написала в своем кратком рекламном отзыве, что Коутс заполнил «интеллектуальную пустоту», которая тревожила ее со дня смерти Джеймса Болдуина. Как минимум один человек — доктор Корнел Уэст — возразил этому, хотя причины, по

которым он это сделал, были типичными и восхитительно своеобразными. «Болдуин был человеком огромного мужества, который говорил правду в лицо власти, — писал Уэст. — Коутс — умный автор с журналистским талантом, избегающий любой критики в адрес чернокожего президента, находящегося у власти»¹⁸³. Коутс негативно отреагировал на это, поскольку был уязвлен тем, что кто-то сказал, что он не равен Болдуину. Но, помимо привилегии, которую это демонстрирует, здесь также кроется полезное напоминание об одной вещи.

Поскольку, помимо того, что он являлся одним из великих писателей и нравственных сил конца XX века, Болдуин рос в то время, когда ярость по отношению к несправедливости в Америке была не только обоснованной, но и необходимой. Кроме того, что ужасная несправедливость царила в обществе, в котором он рос, он также испытал ее на себе. Как он пишет в своей книге «В следующий раз — пожар», его избили двое полицейских, когда ему было 10 лет. Его недовольство было даже преуменьшено. И все же он всегда писал с целью найти способ примирить различия, которые существовали в Америке, а не сделать пропасть между ними еще шире. Коутс, в противоположность ему, построил свою карьеру на преувеличении различий и раздражении ран¹⁸⁴. В делах больших и малых он готов выполнять эту задачу: готов требовать, чтобы Америка выплатила репарации, даже спустя столетия, чернокожим американцам; он всегда готов нацелить самое мощное оружие на самый маленький грех. В 2018 году, когда «Atlantic Magazine» (в котором Коутс работал «национальным корреспондентом»

том») объявил, что нанимает в свою редакцию консервативного журналиста Кевина Уильямсона, началось прочесывание старых статей Уильямсона. Оказалось, что он ярый противник аборт, что уже раздражало многих его критиков, но его статья, опубликованная в «National Review» и посвященная Иллинойсу, была несправедливо осуждена как содержащая в себе уничижительные слова в адрес чернокожего мальчика.

Уильямсон был освобожден от своей должности в «The Atlantic» менее чем через две недели после объявления о его приеме на работу. Но после приема на работу и увольнения состоялось собрание сотрудников, в рамках которого редактор — Джефф Голдберг — сидел на сцене с Коутсом. Хотя никто не требовал от Голдберга, чтобы тот контролировал движения своих рук, как это было в случае с ректором Колледжа Вечнозеленого штата, было очевидно, что он сражался за свою карьеру, а Коутс был его спасительной соломинкой. В какой-то момент Голдберг взмолился: «Послушайте, мне очень сложно отделить Та-Хениси-профессионала от Та-Хениси-человека, потому что... В смысле, вот что я хочу сказать. Я чувствую, что должен это сказать. Я хочу сказать, что он один из самых близких мне людей. Я готов был бы за него умереть». Многие журналисты сочли бы такую верность по отношению к себе достаточным основанием для того, чтобы стать дружелюбнее. Коутс не стал.

В рамках обсуждения Уильямсона Коутс умудрился сделать то, что делал во всех своих опубликованных к тому моменту мемуарах: посмотреть на ситуацию сквозь самую мрачную призму —

с высоты, на которую он сам себя возвел. Коутс использовал собрание для того, чтобы сказать, что он не ожидал от Уильямсона ничего, кроме цветастой прозы. Никаких ожиданий, кроме понимания, что Уильямсон — и вот тут он делает поразительное замечание — не способен «видеть меня или, честно говоря, многих из вас полноценными людьми»¹⁸⁵. Идея того, что Уильямсон не воспринимал Коутса — как не воспринимал любого другого чернокожего — как «полноценных людей», а также то, что это было печальной правдой, была ужасающим высказыванием со стороны Коутса и многое говорило о том, сколь многое сходило ему с рук за годы его карьеры. Джеймс Болдуин никогда не говорил о белых людях так, словно они были неисправимы. Также у него не было никакой необходимости преувеличивать оскорбления. Коутс же не только раздувает свою обиду, но и делает это, зная, что все вооружение на его стороне. На сцене находилось метафорическое заряженное ружье, но его держали в руках не белые люди, а он сам. Когда студенты, начинающие работать в университетах на всей территории Соединенных Штатов, задаются вопросом о том, принесет ли им выгоду произнесение неискренних заявлений и драматизация мелких событий, они могут взглянуть на Коутса и понять: принесет.

И в нынешний век информационных технологий обострение вопроса расы в одной стране этой самой страной не ограничивается. Успех Коутса в США был повторен Рени Эддо-Лодж в стране с совершенно иной историей межрасовых взаимоотношений. Когда ее книга «Почему я больше не раз-

Безумие толпы

говариваю с белыми людьми о расе» была впервые опубликована в 2017 году, она сразу же подняла не только те же вопросы, что и книга Коутса, но и получила сопоставимое количество похвал и наград. Эддо-Лодж ввела в британский публичный дискурс такие концепты, как «белая привилегия», но ей пришлось усерднее, чем Коутсу, искать поводы для жалоб. Книга Эддо-Лодж начинается с перечисления некоторого количества ужасных инцидентов из истории Великобритании, таких, как расистское убийство чернокожего моряка по имени Чарльз Вутон, которое произошло в доках Ливерпуля в 1919 году¹⁸⁶. Эддо-Лодж подробно рассказывает о подобных необычных событиях так, будто они не только являются символом страны, но и частью ее скрытой истории. Важно то, что эти истории ей приходится отыскивать, в промежутках между ними рассказывая о том, насколько прошлое было хуже, чем мы себе его представляли, и насколько в результате этого испорчены белые люди.

Как читатели должны реагировать на людей в настоящем после того, как вернулись из экскурса в прошлое с таким карательным настроением? Одним из следствий, по-видимому, является нормализация мстительности — той мстительности, которая в последние годы просачивалась в повседневный язык. Так, на «Женском марше» в Лондоне в январе 2018 года на одном из транспарантов, которым размахивала девушка с розовыми волосами, было написано: «Белым старикам здесь не место»¹⁸⁷. Ирония состоит в том, что на одном из плакатов, которые несли члены Социалистической рабочей партии рядом с ней, было написано «Нет

расизму». Печально было то, что девушка разместила своим транспарантом прямо рядом с памятником героям Первой мировой войны, который, как известно, увековечил множество белых мужчин — белых мужчин, которым никогда не довелось встретить старость.

В эту новую эру возмездия стало вполне приемлемым обвинять белых людей в целом — даже белых женщин в частности — в преступлениях, в которых другие люди не были виновны. Так, «The Guardian» считает уместным публиковать статью под названием «Как белые женщины намеренно используют слезы, чтобы избежать ответственности», в которой автор жалуется: «Часто, когда я пытаюсь поговорить или поспорить с белой женщиной о чем-то, что она сказала или сделала и что негативно на меня повлияло, она раздражается слезами и возмущенно обвиняет меня в том, что я делаю ей больно»¹⁸⁸. «СлезыБелых» — популярный хэштег. Также стало распространенным выражение «ветчина» — термин, считающийся приемлемым среди просветленных людей в Интернете, которые используют его по отношению к белокожим людям, способным краснеть. Термин вошел в обиход примерно в 2012 году и к 2018 году уже свободно использовался на телешоу и в Интернете, чтобы не только подчеркнуть забавный тон кожи белых людей и их свиноподобный вид, но и для того, чтобы намекнуть, что румянец маскирует некое едва подавляемое возмущение и, скорее всего, ксенофобию. Итак, вновь в стремлении к антирасизму антирасисты прибегают к расизму. Какие же негативные последствия могут быть у такого поведения?

IQ

Среди всех оснований, на которых строится разнообразное и цивилизованное общество, равенство людей должно быть наиболее важным. Равенство — это заявленная цель любого западного правительства, провозглашенная целью всех основных гражданских организаций и стремление каждого, кто хочет найти себе место в приличном обществе. Но за этим стремлением, предположением и надеждой скрывается самая болезненная неразорванная бомба из всех, а также одна из причин, по которым мы должны вести себя куда осмотрительнее в эпоху массового использования хэштегов в Twitter. Это вопрос о том, что означает равенство и существует ли оно в принципе.

Равенство в глазах Бога — основной завет христианской традиции. Но в эру секулярного гуманизма оно превратилось в равенство в глазах людей. И здесь есть проблема, и заключается она в том, что многие люди осознают, боятся и интуитивно чувствуют, что люди не совсем равны. Люди не в одинаковой степени красивы, не в одинаковой степени одарены, не одинаково сильны и не одинаково разумны. Они точно не одинаково богаты. Они даже не одинаково привлекательны. И в то время как приверженцы левых идей постоянно говорят о необходимости равенства и даже справедливости (заявляя, как это делает Эдуардо Бонилла-Сильва и другие, что равенство результатов не только желательно, но и достижимо), сторонники правых идей отвечают призывом к равенству возможностей, а не равенству результатов.

В действительности оба утверждения почти наверняка невозможно воплотить в жизнь на местном и национальном уровнях, не говоря уже о глобальном. Ребенок богатых родителей будет иметь возможности, которых не будет у ребенка бедных родителей, и это почти наверняка даст этому ребенку преимущества в начале его жизни, если вообще не на всю жизнь. Хотя многие могли бы учиться в хороших университетах, не все будут иметь возможность учиться в лучших, и, несмотря на то, что многие люди хотели бы поступить в Гарвард, не все люди в мире могут и впрямь сделать это. Около 40 тысяч человек в год пытаются поступить в Гарвард, но не все могут. Так получилось, что именно здесь была замечена самая свежая и самая разрушительная мина и что именно здесь она может взорваться.

Как мы узнали ранее, именно Гарвард дал миру тест на «скрытые предубеждения». Как было сказано в одном заголовке на интернет-портале, «Расист ли ты? Этот гарвардский тест покажет»¹⁸⁹. Если это так, то, похоже, старейшему университету США стоит самому пройти этот тест. И если бы тест на скрытые предубеждения был действительно точным, то он показал бы, что и сам Гарвард действительно очень расистский.

В 2014 году группа под названием «Студенты за честный прием» подала в суд на Гарвардский университет. Эта группа представляла интересы азиатско-американцев, которые утверждали, что правила приема в этот университет демонстрируют тенденцию к дискриминации, уходящую корнями в прошлое на десятилетия. В частности, они заявляли, что

Безумие толпы

во имя «позитивной дискриминации» Гарвард регулярно и систематически предвзято относился к абитуриентам азиато-американского происхождения. Университет отчаянно пытался предотвратить обнародование документов, содержащих в себе информацию о критериях, по которым оценивали абитуриентов, заявляя, что это является коммерческой тайной. Но все же университет, который утверждал, что не дискриминирует поступающих «из любой группы» в процессе приема, был вынужден раскрыть свой секрет¹⁹⁰. Неудивительно, что его пытались скрыть.

Поскольку Гарвард способен принимать только около 4,6% абитуриентов в год, возможно, некая форма отбора была неизбежна. Но та форма отбора, которую университет себе позволил, едва ли могла быть более неприятной. Как большинство других американских университетов (и распространяя эту традицию и дальше), Гарвард хотел искоренить идею расовой предвзятости в процессе отбора. Но оказалось, что, пытаясь искоренить расовую предвзятость, вы получите не полностью этнически репрезентативную иерархию, но иерархию, которая благоприятствует определенным группам. Люди из Гарварда, не будь дураками, поняли это и стали искать способ преодолеть эту проблему, в частности с целью увеличить число афроамериканцев в университете. И потому они решили переменить свою якобы «слепую к цвету» политику отбора и повернуть ее против тех групп, которые явно преобладали. Люди из Гарварда превратили процесс, который представлялся как намеренно «безразличный к расе», но который на самом деле

был создан, чтобы улучшить шансы для некоторых, в одержимый расой.

Несмотря на то, что университет отрицал эти обвинения в суде, его собственные записи показали, что в течение нескольких лет он регулярно понижал рейтинг студентов азиато-американского происхождения. В частности, он занижал их «оценки» по обладанию чертами характера, такими, как «позитивность», доброта и симпатичность. К несчастью для Гарварда, в процессе раскрытия этих данных выяснилось, что снижение рейтинга абитуриентов азиато-американского происхождения происходило без каких-либо собеседований или встреч с ними. Это выглядело как намеренная политика понижения рейтинга азиато-американцев на основании их личностных качеств — хотя никто из университета с ними даже не встречался. И зачем Гарварду или любому другому превосходному образовательному учреждению понадобилось делать это? По двум причинам.

Во-первых, Гарвард, как и все схожие элитные учебные заведения, взял на себя обязательство представить миру не просто лучших людей из всех возможных, но и лучших людей из всех возможных после того, как те пройдут через отборочный фильтр «разнообразия». Во-вторых, если бы Гарвард намеренно не ставил в невыгодное положение некоторые группы и не давал преимущество другим группам в соответствии со своей политикой «позитивной дискриминации» и критериям «разнообразия» в целом, то тогда выпускники Гарварда представляли бы собой настораживающе неразнообразную группу. Если быть точнее, то получилась

Безумие толпы

бы студенческая масса, которая непропорционально или даже в большинстве своем состояла бы не из белых американцев и не из афроамериканцев, а из американцев азиатского происхождения или евреев-ашкеназов. Здесь мы получаем представление о самой уродливой мине в мире.

Исследования в области IQ и генетики являются, пожалуй, самыми опасными и закрытыми темами. Когда Чарльз Мюррей и Ричард Дж. Херрнстайн опубликовали свою книгу «Колоколообразная кривая» в 1994 году, считалось, они приводят ту самую мину в действие. Хотя немногие из их критиков прочитали книгу, на исследования наследственного аспекта генетики, которые рассматривались в ней, совершалось множество нападок. В некоторых публикациях отмечалось, что тема настолько важна, что ее нужно хотя бы обсудить. Но в основном реакция на «Колоколообразную кривую» состояла из попыток закрыть эту тему и заставить автора замолчать («автора» в единственном числе, поскольку, к несчастью — или к своему счастью? — Херрнстайн умер незадолго до публикации книги). Практически все отзывы на книгу отмечали, что находки, описанные в ней, имели «взрывоопасный» характер¹⁹¹. Но большинство критиков приняло решение сделать с этими находками нечто особенное. А именно — спрятать их поглубже, присыпать большим количеством земли и притоптать поплотнее сверху. Один из радикальных — но не редких — отзывов на книгу, написанный другим академиком, назывался «Академический нацизм» и утверждал, что книга была «инструментом нацистской пропаганды, завернутым в обертку псев-

донаучной респектабельности — академическая версия «Моей борьбы» Адольфа Гитлера»¹⁹².

Критика «Колоколообразной кривой» показала, почему почти никто не хотел принимать подтверждения теории, гласящей, что результаты тестов на интеллект варьируются от одной этнической группы к другой и что, в то время как некоторые группы набирают большее количество баллов в этом тесте, другие набирают меньшее. Это, конечно, не означает, что каждый человек в некоей этнической группе таков. Как мучительно старались донести неоднократно Мюррей и Херрнстайн, разница внутри группы была тем больше, чем меньше была группа. Тем не менее, те, кто изучал академические труды в этой области, знают лучше, чем кто-либо другой, что эта область исследований — как сказал Джордан Питерсон — «этический кошмар»¹⁹³. И это был кошмар, от которого почти все, казалось, старались держаться подальше.

Они делали это разными способами. Первый заключался в том, чтобы попросту отмахнуться от авторов как от расистов, и, покрыв их достаточным слоем помоев, рассчитывать на то, что неприятный запах сделает всю остальную работу. Это сработало настолько хорошо, что в 2017 году, когда Чарльза Мюррея пригласили выступить и рассказать о другой книге в Миддлберийском колледже в штате Вермонт, студенты окружили его, не дали ему возможность выступить в зале и затем выгнали его из кампуса, в процессе ранив женщину-академика, которая пыталась вывести его из кампуса — она попала в больницу. Другие техники выталкивания противоречивых обсуждений «Колоколообразной

Безумие толпы

кривой» из дискурса включали в себя распространение сомнений в тестах, определяющих показатели IQ в целом, или утверждение, что они отдают предпочтение определенным расовым группам из-за встроенных предубеждений. Эти встречные утверждения сами по себе были убедительно опровергнуты, но спустя четверть века стало совершенно ясно, что споры о «Колоколообразной кривой» никогда не будут вестись на основе фактов. Эти факты слишком неудобны для того, чтобы позволять им легко витать в воздухе. И поэтому запасной вариант для отказа от принятия доказательств о различающихся показателях IQ — это говорить, что даже если факты и впрямь существуют, и даже если они довольно ясны, с точки зрения морали сомнительно всматриваться в них, и они в любом случае приведут нас к этическим и моральным проблемам настолько обширным и запутанным, что с ними уже совершенно ничего нельзя будет сделать.

Это смещение от позиции «факты неверны» к «факты бесполезны» стало знаковой переменной мнений перед лицом растущего количества трудов по этому вопросу. В 2018 году один из ведущих в мире специалистов в этой области — Дэвид Райх из Гарварда — опубликовал статью, приуроченную к его новой книге по генетике. Среди прочего он наметил путь, по которому позже распространится утверждение о том, что раса (как и пол) — всего лишь социальный конструкт без генетических оснований. Райх объяснил, как эта точка зрения стала ортоксальной и почему у нее нет шансов устоять против доказательств, захлестывающих ее сегодня. Райх знал подводные камни этой идеи

и признавал в своей статье, что он «глубоко разделяет беспокойство о том, что открытия в области генетики могут быть использованы в оправдании расизма». Но он также добавил: «Как специалист в области генетики, я также знаю, что больше уже попросту невозможно игнорировать средние генетические различия между расами»¹⁹⁴. Однако никакие предостережения не сработали, и дебаты об IQ вспыхнули снова. Типичными атаками на него были высказывания вроде «Неужели Райх не понимал, как расисты и сексисты могут исказить его мысли? Или, может, он сам в каком-то смысле разделяет их предрассудки?»¹⁹⁵

Что-то похожее произойдет и сегодня с тем, кто будет замечен в общении с Мюрреем. Ученый в области нейронауки Сэм Харрис, по его собственному признанию, избегал любого, даже незначительного, контакта с Мюрреем и его наиболее известной книгой из-за грязи, которая их окружает. После прочтения ее он сказал, что понял: Мюррей является «интеллектуалом, с которым обращались наиболее несправедливо, пожалуй, за всю мою жизнь»¹⁹⁶. Харрису достаточно было лишь пригласить его на свой подкаст и поучаствовать в уважительной и глубокой беседе (под названием «Запретное знание») с ним о его работе, чтобы различные медиа попытались точно так же очернить и Харриса. «Vox» объявил, что такое исследование является не «запретным знанием», а попросту «самым древним оправданием Америки для фанатизма и расового неравенства». Игнорируется — среди прочих тревожных вещей — возможность того, что это может быть и тем и другим.

На данный момент именно здесь исследования и дебаты относительно IQ зашли в тупик. Поскольку это знание может быть использовано людьми с недобрыми намерениями, исследования не могут продолжаться или должны отрицаться. Как сказал Мюррей в рамках своей беседы с Харрисом, для всей той ярости, которая окружает этот вопрос, есть одна возможная очевидная причина. Она заключается в том, что в верхушке правительства и практически в каждом из институтов нашего общества сегодня приверженность определенной идее «разнообразия» и «равенства» является всеохватывающей и всепоглощающей. Во всех трудовых законодательствах, во всех сводах правил приема на работу и во всех социальных правилах прописано, что все люди «выше шеи одинаковы». Действительно, эта идея распространена настолько широко, что любая вещь, которая может быть объявлена подрывающей или противоречащей ей, должна быть подавлена с такой силой, с какой церковь во времена пика своего могущества могла обрушить свой удар на любого, кто шел наперекор ее учению. Учение в наши дни заключается в том, что все люди равны, и в том, что раса и пол — не более чем социальные конструкты; что при правильном поощрении любой может быть тем, кем захочет; что жизнь состоит целиком из окружения, возможностей и привилегий. Поэтому, когда всплывает пусть даже крошечный фрагмент спора, как это было в случае с вопросом о приеме в Гарвард азиатско-американцев, это порождает невообразимую боль, смятение, отрицание и гнев. В целом отрицание носит системный характер, но иногда оно

сосредоточивается на конкретном объекте или человеке, и тогда все, что только может быть использовано против человека, который упомянул (или грозился упомянуть) эту ересь, будет использовано. Правда состоит в том, что существуют люди (и их число вполне может вырасти), которые приветствуют подобные исследования в этой области с глубоким злорадным ликованием¹⁹⁷. Нетрудно отличить тех, кто всматривается в эту темную область с беспокойством, от тех, кто заглядывает в нее с позитивным восторгом.

ИНТЕРЛЮДИЯ

О прощении

Наступление эпохи социальных медиа привело к возникновению вещей, которые мы едва начали понимать, и познакомило нас с проблемами, с которыми мы только начали бороться. Одной из них является исчезновение границы между приватным и публичным языком. Но более значимым событием, чем это (хотя отчасти из него оно и происходило), является наиболее глубокая проблема из всех: она состоит в том, что мы не создали никаких механизмов, которые помогли бы нам выбраться из ситуации, в которую нас загнала технология. Похоже, она создает катастрофы, а не устраняет их; ранит, а не лечит. Рассмотрим феномен, известный сегодня как «публичное порицание».

В феврале 2018 года, всего за несколько месяцев до назначения Сары Джонг в редакцию «The New York Times», газета объявила о еще одном найме в свою команду — речь шла о 44-летней

журналистке в области технологий по имени Кунинн Нортон. Интернет моментально взялся за дело и, как это позже будет в случае с Сарой Джонг, проанализировал ее записи в Twitter. И вновь были найдены твиты, которые, выражаясь языком поборников социальной справедливости, были «ненормальными». Среди всего прочего были найдены твиты, датированные 2013 годом, в которых Нортон использовала слово «педик». Например, «Смотри, педик», и (один раз в ходе ссоры с другим пользователем) «ты — говноед, гиперчувствительный маленький плакса-педик»¹⁹⁸. В другой раз — в 2009 году — Нортон, как оказалось, употребила самое неприемлемое слово из всех. Тогда в рамках спора с другим пользователем она ответила: «Если бы Бог хотел, чтобы ниггер разговаривал с нашими детьми-школьниками, он бы сделал его президентом. Ох, погодите-ка... Эм...»¹⁹⁹ Всего несколько часов спустя после того, как «The New York Times» заявил о ее назначении, редколлегия пошла на попятную, заявив, что Нортон не будет нанята.

В последующей за этим статье в «The Atlantic» Нортон объяснила, что, по ее мнению, произошло. Она осознала, что многие вещи, которые она писала в Twitter, были невежественными и постыдными. Она также объяснила, каково это, по ее словам, видеть, как ее «двойник» быстро возник из Интернета. Как и в случае с другими людьми, которых стыдили в Интернете, эта версия ее, против которой они выступали, была не ею самой, а отвратительной, упрощенной, вырванной из контекста версией ее личности.

Она сказала, что, как ей кажется, она стала жертвой «разрыва контекста». Это — другой термин для обозначения слова границы между приватным и публичным языком, в котором разговор, который предназначен для узкого круга, становится достоянием общественности — без учета изначального контекста дискуссии. Нортон сказала, что использование ею слова на букву «н» произошло в контексте спора, в рамках которого она «поддерживала [президента] Обаму». Поскольку Нортон участвовала как в дружеских, так и в недружественных спорах с различными белыми расистами, было возможно, что она использовала ругательство, чтобы «отзеркалить» слова человека, который также использовал ругательства. В другом месте ее связь с «анонами» (членами активистской коллективной общности «Anonymous») преподносилась как причина использования ею слова «педики»²⁰⁰. Подобный язык используется в таких группах, но не очень хорошо выглядит в мире «The New York Times». Эти два мира встретились, Нортон ушла в историю, и мир устремился дальше. Но такие случаи заслуживают некоторого осмысления. Во-первых, потому, что случаи с Нортон и Джонг вызывают вопрос: «Какова честная репрезентация человека в Интернете в эпоху Интернета?» Как можно честно описать кого-то? Нортон, к примеру, отныне могла бы называться «расистской, гомофобной журналисткой, уволенной из „The New York Times“». Сама она может считать, что более честной версией описания ее жизни была бы такая: «Писательница и мать». Но в то же время Джонг, предположительно, тоже не счи-

Безумие толпы

тает себя расисткой. Так кто же решает? Если решает толпа, то мы в опасности.

Действительно, только худшая версия чьей-то жизни содержит в себе информацию, которая заставит Интернет остановиться и обратить внимание. Это чистое золото для сети, пристрастившейся стыдить и злорадствовать. Мы все знакомы с радостью, испытываемой, когда кто-то впадает в грех; это чувство праведности, которое приходит одновременно с наказанием преступника. Даже (а возможно, особенно) если преступник виновен в грехе, который мы и сами совершали. И из работ антрополога и философа Рене Жирана мы знаем, что может получиться из нахождения такого козла отпущения. Все тяготеет к тому, чтобы выбрать тот взгляд на жизнь человека, который является наименее понимающим и наименее тонким: самый ужасный и самый негативный.

Здесь находится еще одна ловушка. Мало что можно сделать, когда по вашей жизни проходит журналистика старой школы. Но в Интернете даже нет никакого регулирующего органа, к которому можно было бы обратиться, если вашу жизнь перевернули таким образом. Тысячи — возможно, даже миллионы — людей были вовлечены в это, и нет никакого механизма, с помощью которого можно было бы связаться с ними и заставить их признать, что они нечестным образом перевернули вашу жизнь. Ни у кого нет на это времени, и мало кто считается достаточно важным человеком для этого. Есть и другие люди, которыми можно заняться. И в отличие от людей, которые могли быть растоптаны старыми средствами массовой информации, техно-

логии могут прицепиться почти к кому угодно на планете и закружить их, как торнадо.

Второй важный аспект в историях вроде тех, что случились с Нортон, Джонг и другими — это вопрос, с которым эпоха Интернета еще не начала разбираться: как, если это вообще возможно, в наше время можно прощать? Поскольку каждый человек ошибается в течение своей жизни, у любого здорового человека или общества должна быть возможность быть прощенным. Частью прощения является способность забывать. Но Интернет никогда не забывает. Все может быть раскопано и освежено в памяти новыми людьми. Будущий работодатель будет всегда иметь возможность увидеть то, как Нортон использовала слово на букву «н», и, отбросив контекст, задаться вопросом о том, тот ли она человек, которого он хочет нанять.

Спорные твиты, написанные Нортон и Джонг, были удалены с их страниц в Twitter, но они были увековечены в истории множеством других пользователей. Увидеть их онлайн — значит иметь возможность получить реакцию настолько бурную, как если бы они появились не несколько лет и не десятилетие назад, а вчера или сегодня.

До недавнего времени оплошность или ошибка, сделанная очень известным человеком, со временем стиралась бы. Есть некоторые вещи, которые ужасны настолько, что не могут быть прощены. Человек, которого предадут суду или помещают в тюрьму, помнит об этом. Но жизнь в мире, где непроступные поступки имеют тот же эффект, особенно безумна. В каком суде это может быть обжаловано? Особенно когда природа преступлений, или

Безумие толпы

того, что считается преступлением, меняется день ото дня. Как сегодня правильно называть транс-людей? Не использовали ли вы слово «транс» в качестве шутки или оскорбления? Как то, что мы делаем сейчас, будет смотреться через 20 лет? Кто будет следующей Джой Рейд, которая будет отвечать за свое «неправильное» мнение, высказанное в те времена, когда все высказывали «неправильное» мнение? Если мы не знаем ответов на эти вопросы, то мы должны постараться предсказать все изменения настроения толпы — и не просто на следующий год, но на весь остаток нашей жизни. Удачи нам в этом.

Совершенно не удивительно, что исследования показывают рост случаев тревожности, депрессии и психических заболеваний у современной молодежи. Это не столько демонстрация того, какие они «особенные снежинки», сколько совершенно понятная реакция на мир, сложность которого увеличилась за время их жизни. Вполне разумный ответ обществу, движимому инструментами, которые могут принести бесконечное количество проблем без решения. Тем не менее решения есть.

В ноябре 1964 года Ханна Арендт проводила лекцию в Университете Чикаго под названием «Труд, Работа, Действие», которая являлась частью конференции «Христианство и Экономический человек: моральные решения в богатом обществе». Главной темой ее лекции был вопрос о том, из чего состоит «активная» жизнь. Что мы делаем, когда мы «активны»? Однако ближе к концу лекции Арендт заговорила о некоторых последствиях активности в мире. Жизнь каждого человека может быть преподнесена в виде истории, поскольку у нее есть начало и ко-

нец. Но действия между этими двумя точками — то, что мы делаем, когда проявляем «активность» в мире — имеют безграничные последствия. «Хрупкость и ненадежность» человеческих дел означает, что мы постоянно действуем в «сети взаимоотношений», в которой «каждое действие запускает не просто реакцию, но цепную реакцию». Это означает, что «каждый процесс является причиной непредсказуемых новых процессов». Одно-единственное слово или один поступок могут изменить все. Как следствие, по словам Арендт, «мы никогда не можем в точности знать, что делаем».

По словам Арендт, «хрупкость и ненадежность человеческих поступков» делает хуже тот факт, что, «...хоть мы и не знаем, что мы делаем, когда действуем, у нас нет возможности отменить уже сделанное. Процессы действий не просто непредсказуемы — они также необратимы; нет такого автора или деятеля, который мог бы отменить все, что сделал, если сделанное ему не нравится или если последствия этого оказались ужасными».

Точно так же, как единственным способом защититься от непредсказуемости является способность давать и сдерживать обещания, так и, по словам Арендт, существует лишь один инструмент для того, чтобы нивелировать эффект необратимости наших действий. Это способность прощать. Эти понятия необязательно идут рука об руку — способность связывать друг друга обещанием и способность связывать друг друга прощением. О последнем Арендт говорит:

«Без того, чтобы быть прощенными, освобожденными от последствий нами содеянного, наша

Безумие толпы

способность действовать была бы, так сказать, ограничена одним-единственным поступком, от которого мы никогда не смогли бы оправиться; мы бы оставались жертвами последствий этого навечно, словно ученик чародея, который не знает заклинания, которое помогло бы ему снять с себя проклятие»²⁰¹.

Это высказывание было правдивым до появления Интернета, но с тех пор оно стало еще правдивее.

Один из ключей к этой проблеме лежит в историческом — а не в личном — забвении. И в историческом, а не в личном, прощении. Забвение — не то же самое, что прощение, но оно часто идет с ним рядом и всегда ему способствует. Ужасные вещи совершаются человеком или группой людей, но со временем воспоминание об этом стирается. Люди постепенно забывают точные детали или суть скандала. Туча окружает человека или поступок, а затем растворяется среди массы новых открытий и опытов. В случае ужаснейших исторических ошибок жертвы и виновные вымирают — те, кто нанесли оскорбление, и те, кому оно было нанесено. Некоторые потомки, возможно, будут помнить об этом какое-то время. Но по мере того, как оскорбление и обида растворяются все больше от поколения к поколению, те, кто цепляется за эту обиду, часто видятся не демонстрирующими чувствительность или достоинство, а проявляющими воинственность.

Интернет не только помогает людям помнить — он еще и позволяет им взглянуть на прошлое под странным, всеведущим углом. Это делает прошлое — как и все остальное — заложником любого археолога с жадной мщеницей. События, которые бы-

ли скандальными давно, но уже не являются таковыми в течение поколений, могут быть опять подняты на поверхность. Как мы могли забыть о преступлении, совершенном более сотни лет назад? Разве не все мы должны о нем знать? Разве мы не должны испытывать стыд? Что незнание об этом говорит о нас сейчас?

Даже то, что казалось определенным, может снова перестать быть таковым. В своей знаменитой поэме «Памяти У. Б. Йейтса» У. Х. Оден писал о литературной репутации и времени: «В своем странном снисхождении \ Кипплингу простит воззренья \ И Клоделю, под предлогом, \ тем, что пишет дивным слогом». Разве что теперь мы знаем, что если Кипплингу прощались его воззренья, то теперь это прощение может быть отменено. Наверное, к таким писателям это всегда было в какой-то степени применимо, однако сегодня это может быть сделано куда более серьезным образом, на большем расстоянии, быстрее и фанатичнее.

В июле 2018 года студенты Манчестерского университета закрасили краской граффити со словами стихотворения Кипплинга «Если» — стихотворения, за которое в прошлом население Великобритании проголосовало как за свое любимое. Но каким бы эмоционально сильным или вдохновляющим ни было это стихотворение для многих людей, эти студенты решить его стереть. Возможно, неизбежным было и то, что они написали поверх него стихотворение Майи Анжелу. Офицер «свободы и доступности» из университетского студенческого совета оправдал это действие, объяснив, что Кипплинг был виновен в том, что «пытался узаконить присутст-

Безумие толпы

вие Британской империи в Индии», а также в «обесчеловечивании цветных людей»²⁰².

До появления Интернета поступки людей могли быть запомнены в кругу их соседей и друзей. В те времена возможность начать новую жизнь где-то в другой точке мира хотя бы была реальной. Сегодня же за людьми может следовать везде, куда бы они ни отправились, их двойник. И даже после смерти продолжатся раскопки и расхищение могилы — не ради исследования и прощения, но ради возмездия и отмщения. В основе таких настроений лежит странный карательный инстинкт нашего времени по отношению к прошлому, который предполагает, что мы считаем себя лучше людей прошлого, поскольку мы знаем, как они себя вели, и знаем, что на их месте мы вели бы себя лучше. Это — большое заблуждение современности. Поскольку, конечно, люди уверены в том, что вели бы себя лучше в прошлом, потому что знают, к чему привела история. Люди прошлого не имели и не имеют подобной роскоши. Они совершали хорошие и плохие поступки в те времена и в тех местах, где они находились, и с учетом ситуаций, в которых они оказались. Смотреть на прошлое с некоторой степенью прощения — значит, помимо прочего, заранее просить о том, чтобы простили нас (или хотя бы поняли) взамен. Потому что не все из того, что мы делаем или намереваемся делать сейчас, обязательно переживет этот вихрь возмездия и осуждения. Может ли такое отношение к прощению быть применено на личностном уровне, как и на историческом по отношению к людям, которые идут сквозь историю бок о бок с нами?

В канун 2018 года британское правительство опубликовало новость о новом государственном назначении: журналист и основатель школ Тоби Янг был назначен членом правительственного консультационного совета по вопросам высшего образования, который был учрежден Министерством образования. В течение нескольких лет Янг был наиболее известен как видный сторонник государственной программы, учреждающей бесплатные школы, и посвятил свое время открытию школы в Лондоне, что привело к появлению Сети Новых Школ. Перед тем, как заняться этим, Янг, помимо прочего, являлся автором книги «Как потерять друзей и заставить всех себя ненавидеть» — мемуары (по мотивам которых позже был снят фильм), в котором рассказывается о его неудачах в Америке. Это была яркая, самокритичная и откровенная книга, и, как и многие из журналистских статей Янга, она в какой-то степени была рассчитана на то, чтобы шокировать читателя.

Возможно, радикальная смена одной фазы его жизни другой могла бы привести к прощению, но в течение какого-то времени Янг определенно старался усидеть на двух стульях сразу: смешной и провокационный журналист плюс человек, помогающий детям из бедных семей получить достойное образование. На перекрестке его и изловила толпа.

В часы и дни после объявления о его назначении аккаунт Янга в Twitter и его архивные статьи представляли собой настоящую сокровищницу для «археологов», разыскивающих причины для обид. Действительно, для любого, кто не был знаком с его

работами, должно быть, это было онлайн-эквивалентом обнаружения гробницы Тутанхамона.

Выяснилось, что в 2009 году Янг неоднократно выражал свой интерес к женской груди и был готов говорить об этом со своими читателями в Twitter. Он рассказывал об «огромных сиськах» одной своей подруги. Во время просмотра телеэфира с участием премьер-министра он спросил своих читателей в Twitter: «Глубокое декольте прямо за головой Эда Милибэнда. Кто-нибудь знает, кому оно принадлежит?»²⁰³ Как он сказал позже, ни один из этих комментариев не вызывал у него гордости за себя. Но раскопки не прекращались. В статье в издании «The Spectator», датированном 2001 годом, он писал о новой телепередаче под названием «Гламурная игра» на канале «Мужчины и моторы» — он сказал, что передача по сути своей являлась порнографией, и ему это нравилось. Младший редактор озаглавил эту статью «Признания порнозависимого». Почти два десятилетия спустя это стало одним из главных обвинений, предъявленных ему. Члены парламента — как лейбористы, так и консерваторы — критиковали его. Лондонская газета «The Times» назвала свою статью так: «Порнозависимый Тоби Янг борется за сохранение своей роли блюстителя закона и нравственности»²⁰⁴. Газета для чтения в метро «The Evening Standard» написала в одном из заголовков: «Новое давление на Терезу Мэй — от нее требуют уволить „порнозависимого“ Тоби Янга»²⁰⁵.

Выяснилось, что однажды он употребил выражение «странноватый гей» по отношению к одному знаменитому человеку, являвшемуся гомосексуалом,

а также однажды сидел на заднем ряду аудитории на конференции, посвященной теме IQ и генетики, которая проходила в Лондонском университете. Естественно, было обнаружено, что он надавил на каждую большую мозоль современности. Спустя девять дней после объявления о его назначении, когда казалось, что перебирание архивных статей Янга может продлиться еще целый год, он отказался от своей новой должности. В течение еще нескольких недель он потерял каждую из новых должностей и работ, на которых пытался удержаться, включая работу в качестве главы Сети Новых Школ — работу, которая являлась его главным источником дохода и страстью всей второй фазы его жизни.

Никто не стал бы защищать твиты Янга о женской груди. Многие люди подвергли бы сомнению суждение любого человека, который самоуверенно писал бы в Twitter шутки уровня второкурсника колледжа, будучи при этом взрослым человеком²⁰⁶. Но случай Янга, как и другие случаи публичного порицания, поднимает самый серьезный вопрос. Есть ли какой-то путь к прощению? Могут ли годы добровольческой работы Янга, связанной с помощью обездоленным детям, когда-либо искупить его грех публикации твитов о груди? Если да, то как много понадобится и того, и другого — как много детей, получивших помощь, способны искупить какое количество грудей? И какой промежуток времени между совершением ошибки и прощением является приличным? Кто-нибудь знает? Кто-нибудь хотел разрешить эту проблему?

Пришло время для того, чтобы хотя бы попытаться. В конце концов, мы вступили на самую опасную

территорию. Теперь у нас есть межпоколенческое порицание. В августе 2018 года отрасль американской фармацевтической компании «Eli Lilly and Company», которая занимается лечением диабета — «Lilly Diabetes» — объявила о разрыве спонсорского соглашения с профессиональным гонщиком Конором Дэли как раз перед тем, как 26-летний Дэли собирался дебютировать в автогонках NASCAR. В тот раз скандал случился не вокруг того, что сказал сам Дэли. Спонсоры отказались от сотрудничества, потому что всплыла история из 1980-х годов. В то десятилетие — еще до рождения Конора — его отец дал интервью на радио, в рамках которого употребил уничижительный термин по отношению к афроамериканцам. Дэли-старший сказал, что «сгорел от стыда», что этот термин имеет другое значение и коннотации в его родной Ирландии и что в то время он только-только переехал в США. Он дал понять, что ему стыдно, выразил свое сожаление и попросил прощения за нанесенное им оскорбление. Но его сын все же потерял свои спонсорские контракты²⁰⁷.

Каким-то образом, с которым мы еще не начали бороться, мы создали мир, в котором прощение стало практически невозможным, в котором грехи отца, безусловно, могут быть возложены на сына. И мы остаемся удивительно равнодушными к возможности создания механизмов или принятия консенсуса, которые помогли бы помочь решить возникшую головоломку.

На протяжении столетий единодушно считалось, что только Бог мог простить нам наши грехи. Но и на повседневном уровне христианская тради-

ция среди прочего подчеркивала желательность — если не необходимость — прощения. Часто даже бесконечного прощения. В качестве одного из последствий смерти Бога Фридрих Ницше предвидел, что люди смогут застрять в безвыходных циклах христианской теологии. В частности люди унаследуют концепции вины, греха и стыда, но будут лишены средств к искуплению, которое также предлагала христианская традиция. Сегодня мы живем в мире, где действия могут иметь такие последствия, какие мы никогда не могли себе вообразить, где вина и стыд ближе, чем когда бы то ни было, и где нет никаких средств к искуплению. Мы не знаем, кто мог бы его предложить, не знаем, кто мог бы его принять, а также то, является ли это желательным качеством по сравнению с бесконечным циклом яркой уверенности и осуждения.

Итак, мы живем в мире, где каждый рискует — как профессор Тим Хант — быть вынужденным прожить всю свою оставшуюся жизнь со своей самой неудачной шуткой. И где стимулы связаны не с тем, чтобы действовать в мире, а с тем, чтобы реагировать на других людей: особенно наниматься на роль жертвы или судьи в обмен на кусочек моральной добродетели, которая, как ошибочно полагают, выдается вместе со страданием. Мир, где никто не знает, кому позволено давать послабление за оскорбление, но где первая реакция для спасения репутации будет заключаться в том, чтобы ухватиться за него. Мир, в котором проявляется один из величайших видов власти — власти осуждать и потенциально разрушать жизнь других людей по причинам, которые могут быть, а могут и не быть искренними.

Безумие толпы

На сегодняшний день есть только два слабых, временных решения этой головоломки. Во-первых — прощать тех, кто нам нравится, или тех, кто сам похож на нас или чьи взгляды схожи с нашими собственными, или же, по крайней мере, раздражают наших врагов. Если Эзре Кляйну нравится Сара Джонг, он простит ее. Если вам не нравится Тоби Янг, вы не простите его. Это один из самых верных способов укоренить любые различия между «своими» и «чужими», которые уже существуют.

Второе временное решение было найдено в том пути, который недавно выбрал для себя другой автогонщик, Льюис Хэмилтон. На Рождество в 2017 году он выложил видео в своем аккаунте в Instagram. На этом видео был запечатлен сам Хэмилтон, который говорил: «Мне сейчас так грустно. Посмотрите на моего племянника». После чего перевел камеру телефона на своего племянника, одетого в розово-фиолетовое платье и машущего волшебной палочкой. «Почему на тебе надето платье принцессы? — спрашивает его Хэмилтон. — Мальчики не носят платьев принцесс». Мальчик в это время смеется.

Но все это обернулось крайне серьезными последствиями для Хэмилтона и его карьеры. Благотворительная организация по борьбе с издевательствами осудила его за использование социальной сети с целью «подорвать маленького ребенка». Весь Интернет критиковал Хэмилтона за трансфобию и распространение устаревших гендерных стереотипов. Медиа подхватили эту историю и превратили ее в материал для передовиц. Благотворительная организация по борьбе с насилием, которая

проводит кампании по помощи жертвам насилия, призвала лишить Хэмилтона Ордена Британской империи. Сам Хэмилтон быстро принес извинения в социальных сетях за свои «неуместные» комментарии и рассказал всем о том, как сильно любит своего племянника. «Мне нравится, что мой племянник чувствует себя вправе самовыражаться — и все мы тоже должны», — написал он в одном сообщении. В другом он написал: «Я всегда поддерживал тех, кто проживал свою жизнь так, как того хотел, и я надеюсь, что мне простят эту ошибку в суждении»²⁰⁸.

Этого явно было недостаточно. Несколько месяцев спустя, в августе 2018 года, читатели мужского журнала «GQ» увидели на обложке журнала фотографию Льюиса Хэмилтона, а внутри — его большое интервью и фотографии с фотосессии. На всех этих фотографиях — включая ту, что была на обложке — он был в юбке. Демонстрируя свой пресс и мышцы груди при помощи яркого открытого клетчатого топа, он также был одет в килтообразную юбку, состоящую из множества ярких кусочков и цветов. Заголовок на обложке, сопровождавший это изображение, гласил: «Я хочу загладить свою вину»²⁰⁹. Это — единственный альтернативный путь к прощению. Если вы достаточно богаты и достаточно известны, вы можете использовать пиарщиков и обложку мужского журнала, чтобы надеть юбку и пасть ниц перед быстро сменяющимися догмами нашего времени. Наверное, неудивительно, что число людей, уверенных в том, что им следует просто следовать этим догмам, растет. Вопросы задавать запрещено. И их никто не задает.

4. ТРАНС

В каждую эпоху, предшествующую нынешней, совершались поступки, которые сотрясали моральные устои. Поэтому, если только у нас нет причин думать, что мы более разумные, более нравственные или более мудрые, чем кто-либо в прошлом, разумно предположить, что на какие-то вещи из тех, которые мы делаем сейчас, подхлестываемые нравственной добродетелью, наши потомки будут смотреть, подняв брови, и говорить: «О чем они, черт побери, думали?» Стоит задуматься, каковы «слепые пятна» наших времен. Что мы такого делаем, что будет восприниматься последующими поколениями так же, как сейчас нами воспринимается работорговля и использование маленьких детей в качестве трубочистов в викторианскую эпоху?

Рассмотрим случай Натана Верхелста, умершего в Бельгии в сентябре 2013 года. Натан родился девочкой, и при рождении ей дали имя Нэнси. Она росла в семье среди мальчиков и всегда чувствовала, что ее родители любили сыновей больше, чем ее. У этой семьи, несомненно, было много странностей. После смерти Верхелста его мать да-

ла интервью местному изданию, в котором сказала: «Когда я увидела „Нэнси“ впервые, моя мечта разбилась вдребезги. Она была такой уродливой. Это была фантомная беременность. Ее смерть меня не беспокоит. Я не испытываю ни горя, ни сомнений, ни угрызений совести. Мы никогда не были близки»²¹⁰.

По причинам, которые очевидны благодаря этому и другим комментариям, Нэнси росла с чувством, что родители отвергают ее, и в какой-то момент пришла к мысли, что все могло бы быть лучше, будь она мужчиной. В 2009 году, когда ей было далеко за тридцать, она начала курс гормональной терапии. Вскоре после этого она подверглась операции двойной мастэктомии, а затем — ряду операций, направленных на создание пениса. В целом она перенесла три значительных операции по перемене пола в период с 2009 года по 2012 год. После завершения этого процесса «Натан», которым она теперь была, оценил полученный результат. «Я был готов отмечать свое второе рождение. Но глядя на себя в зеркало, я чувствовал отвращение. Моя новая грудь не соответствовала моим ожиданиям, и у моего пениса были симптомы отторжения». Все перенесенные Верхелстом операции оставили у него в душе глубокий шрам, и было заметно, что он глубоко недоволен своим новым телом. Сохранилась одна фотография Верхелста, который уже был «Натаном», сделанная на немногочисленном бельгийском пляже. На ней он щурится от солнечного света, глядя в камеру. Несмотря на татуировки, покрывающие часть его груди, шрамы от мастэктомии все так же заметны. На другом фото он запечатлен

лежащим на кровати в ботинках и костюме — видно, что ему некомфортно в собственном теле.

Жизнь, на которую так надеялся Натан, не сложилась, и вскоре у него развилась депрессия. В сентябре 2013 года в возрасте 44 лет — всего год спустя после последней операции по перемене пола — Верхелст подвергся эвтаназии, совершенной государством. В его родной стране эвтаназия законна, и соответствующие медицинские органы в Бельгии согласились с тем, что Верхелст может подвергнуться эвтаназии по причине «невыносимого психологического страдания». За неделю до своей смерти он организовал небольшую вечеринку для нескольких своих друзей. По слухам, гости танцевали, смеялись и поднимали бокалы, произнося тост: «За жизнь». Неделю спустя Верхелст отправился в университетскую больницу в Брюсселе и был убит при помощи смертельной инъекции. «Я не желаю быть монстром», — сказал он перед смертью²¹¹.

Нетрудно представить, как последующие поколения будут читать эту историю с изумлением. «Выходит, система здравоохранения Бельгии пыталась превратить женщину в мужчину, потерпела неудачу, а затем убила ее?» Труднее всего осмыслить тот факт, что это убийство, как и операции, предшествовавшие ему, совершалось не из злобы и жестокости, а исключительно из лучших побуждений.

Конечно, случай Верхелста необычен во всем. Но на него важно обратить внимание — именно потому, что некоторые уроки, которые он нам преподает, мало осмысляются. Что такое транс? Кто такой транс? Что делает кого-то трансом? Уверены ли мы, что такая категория существует? Если да, то

уверены ли мы, что осуществление физического превращения из одного пола в другой возможно? Или даже что это является лучшим способом справиться с головоломкой, которой все это является?

Среди всех тем, которые поднимаются в этой книге, и всех сложных проблем нашего времени ни одна не является настолько радикальной в смятении и домыслах, которые она вызывает, и столь опасной в требованиях, которые она выдвигает, как тема трансгендерности. Нет другой проблемы (не говоря уже о проблемах, касающихся относительно небольшого количества людей), которая так быстро достигла этапа, на котором целые страницы газет посвящаются новейшим достижениям в этой сфере и где постоянно выдвигается требование не просто изменить язык, но и создать науку вокруг этой темы²¹². Дебаты из-за прав геев для некоторых людей разворачивались слишком быстро, но все же потребовались десятилетия на то, чтобы от принятия того, что гомосексуальность существует и с ней можно жить, прийти к легализации однополых браков. Напротив, тема трансгендерности приблизилась к догматичности в рекордные сроки. Консервативные министры в британском правительстве проводят кампании в пользу того, чтобы облегчить для людей процесс изменения их свидетельств о рождении и перемены пола при рождении²¹³. Местные власти выпустили образовательные рекомендации, в которых говорится: для того, чтобы трансгендерные дети чувствовали себя более принятыми, учителя начальных школ должны объяснять детям, что «у всех гендеров», включая мальчиков, могут быть месячные²¹⁴. А в США в мае 2019 года был принят законо-

Безумие толпы

проект, который переопределил понятие «пола», чтобы включить в него «гендерную идентичность»²¹⁵. Во всех случаях возникает одно и то же чувство. Среди безумия толпы, через которое мы сейчас проходим, тема трансгендерности подобна тарану — как если бы она было последним орудием, необходимым для того, чтобы сломать некую великую патриархальную стену. Британская организация, защищающая права геев, — «Stonewall» — вернулась с новой версией старого слогана на своей футболке. На ней написано: «Некоторые люди — трансгендеры. Смиритесь с этим». Но так ли это? И должны ли мы мириться с этим?

Что не является странным

Нужно отметить, что ничего особенно странного в том, откуда появился феномен «трансгендерности», нет. Сейчас многие хорошие вещи объединены этим ярлыком. Словом «транс» стали — в последние десятилетия — называть целый ряд лиц, начиная с людей, которые время от времени одеваются как представители противоположного пола, и заканчивая теми, кто перенес полномасштабную операцию по смене пола. И лишь немного сбивает с толку тот факт, что некоторые аспекты трансгендерности куда более знакомы нам, чем другие.

Некоторые типы гендерной двусмысленности или гендерной флюидности не только существуют в большинстве культур — сложно даже представить себе такую культуру, которая не включала в себя или не допускала бы какого-нибудь вида гендерной двусмысленности. Она не является недавним

изобретением. Как мы уже убедились, Овидий описал человека, который перемещался между двумя полами, в истории о Тиресии. В Индии есть хиджры — класс интерсексуалов и трансвеститов — знание о которых и принятие которых существует столетиями. В Таиланде катой — это женственные мужчины, которые по общепринятым представлениям не являются ни мужчинами, ни женщинами. А на острове Самоа есть фаафафине — мужчины, которые живут и одеваются как женщины.

Даже в тех частях света, которые наиболее враждебно относятся к мужской гомосексуальности, допускается наличие некоторых категорий людей, которые либо не относятся ни к одному полу, либо переходят из одного пола в другой. В Афганистане существует традиция так называемых ба-ча пош — согласно ей родители, у которых нет наследника мужского пола, заставляют свою дочь стать мужчиной. В начале 1960-х, задолго до революции, аятолла Хомейни опубликовал постановление о разрешении на операции по смене пола. После революции 1979 года (и по причине ее) иранское государство стало — что не может не вызывать тревогу — лидером в своем регионе по количеству операций по смене пола — во многом потому, что ее прохождение для тех людей, о которых стало известно, что они геи, является одним из немногих способов избежать гораздо более жестоких наказаний.

Итак, знание о некоей размытости между двумя полами существует практически в каждой культуре и варьируется от трансвестизма (люди одеваются как представители противоположного пола) до

Безумие толпы

транссексуальности (люди проходят через широкий ряд процедур для того, чтобы «стать» представителями противоположного пола). Какие бы эволюционные факторы ни стояли за этим, в значительном числе культур укоренена идея о том, что некоторые люди могут родиться в одном теле, а заслуживать жить в другом.

Но кто эти люди и каковы различия не только между ними и другими людьми, но и внутри этой слабо организованной группы индивидов? Эта тема стала настолько эмоциональной и взрывоопасной, что для того, чтобы справиться с ней, требуется научный подход, хотя и он никогда не будет настолько точен, чтобы удовлетворить всех. Но нужно хоть где-то начинать. И, возможно, лучшим местом для этого послужит самая беспроблемная часть споров о трансгендерности. Поскольку, как только все будут согласны с наиболее определенными частями общественной дискуссии, наименее определенные — вокруг которых неслучайно ведутся самые кровопролитные бои — предстанут в более ясном свете.

Интерсекс

Мы можем довериться ученым, а не социологам, и согласиться с тем, что проще сказать, кем люди являются, а не кем они себя называют. Тогда наименее проблематичным аспектом спора о трансгендерности будет являться вопрос интерсексуальности.

Интерсексуальность — это природный феномен, известный медикам на протяжении столетий, но

непонятный всем остальным. Он связан с тем фактом, что небольшой процент людей рождается либо с такими гениталиями, по которым невозможно однозначно определить пол, либо с другими биологическими атрибутами (к примеру, с необычно большим клитором или с необычно маленьким пенисом), и из этого делается вывод, что человек находится где-то между двумя полами. Не все эти симптомы видны внешне. В редких случаях люди могут иметь внешние симптомы одного пола и при этом являться носителями скрытых следов органов другого пола. К примеру, синдром персистирующих мюллеровых протоков (СПМП) — это термин, относящийся к людям, которые родились с мужскими гениталиями, но которые также обладают органами женской репродуктивной системы — например, фаллопиевыми трубами и даже маткой.

Профессиональные медики знали об этом феномене веками, в то время как знания широкой общественности об этом явлении были весьма скудными и фокусировались преимущественно на странностях. В цирках показывали «бородатых женщин» как причуду природы, в то время как исторические упоминания «гермафродитов» указывали на знание того, что существовали люди, которые жили «между» двумя полами и не были при этом трансвеститами. Будучи отодвинутым за рамки дискуссии, все же всегда существовало понимание того, что биология порой бросает сложные и часто жестокие вызовы.

Однако даже сегодня понимания того, что интерсексуальность является относительно частым явлением, мало. Было выявлено, что на сегодняш-

Безумие толпы

ний день в Америке примерно один ребенок из двух тысяч рождается с неопределенными половыми органами, и примерно одному из трех сотен таких детей придется обратиться к специалисту²¹⁶. Конечно, чем более осведомленными об этом становились люди, тем сильнее становились споры о том, как поступать с теми, кто родился с такими дополнительными испытаниями в своей жизни. Во второй половине прошлого века Университет Джонса Хопкинса в Балтиморе разработал стандартную модель, согласно которой эксперты смогли бы обследовать направленного к ним ребенка, понять, какой пол является преобладающим (или к которому было бы легче приспособить ребенка), а затем лечить его в соответствии с этим — путем операций и приема гормональных препаратов.

После того, как было выявлено некоторое количество неверных практик, стал намечаться другой путь решения этой проблемы. В течение последних 30 лет одним из видных борцов за права интерсексуалов стала американская профессор биоэтики Элис Дрегер. Несмотря на то, что сама она не являлась интерсексуалом, она принадлежала к тому небольшому числу людей, которые выступали против ранней модели хирургии (которая часто применялась, чтобы удовлетворить желания родителей) и пропагандировали более глубокое понимание проблемы — как среди общественности, так и среди профессионалов. Свет, пролитый на эту проблему, безусловно мог бы помочь тем, кто с ней столкнулся. В своей книге, посвященной этому вопросу — «Средний палец Галилея» — Дрегер вспоминала одного старшего хирурга, который сказал ей в конце

1990-х, что она просто не понимает динамики этой пьесы. По его словам, родители детей с неопределенными гениталиями оказывались лицом к лицу с проблемой, с которой попросту не могли справиться. «Мать плачет, отец напивается, — сказал он ей. — Если вы позволите ребенку с неопределенными гениталиями расти без хирургического вмешательства... ребенок покончит с собой в период полового созревания»²¹⁷.

Но начиная с середины 1990-х и с изобретением Интернета все изменилось. Как заметила Дрегер, случилось что-то, что «доктора викторианских времен никогда не смогли бы себе представить: люди, которые родились с различными половыми аномалиями, стали находить друг друга и организовывать движения за права их идентичности»²¹⁸. Общество интерсексуалов Северной Америки (ISNA) было основано в 1993 году, и со временем стали появляться похожие группы. Роман-бестселлер «Средний пол», написанный Джефффри Евгенидисом в 2002 году, привлек этой теме внимание более широкой аудитории. Несколько храбрых людей сделало себя и свои истории достоянием общественности. Но вопрос о том, какое медицинское вмешательство может быть уместным и в какой момент, а также вопрос о том, что является наилучшей практикой, все еще остаются предметами серьезных споров.

Тем не менее, благодаря таким группам, как ISNA, некоторые вещи стали понятнее. Одной из них является то, что интерсексуалы существуют и что они не могут нести ответственность за то, над чем не имеют совершенно никакого контроля. К тому, кто родился интерсексуалом, можно испы-

Безумие толпы

тывать значительное количество сочувствия и понимания. Что еще должны чувствовать люди по отношению к тем, чей «набор карт» является, мягко говоря, неоптимальным? Если что-то в мире и является однозначно врожденным свойством, то именно это.

Интерсексуальность — это совершенно легитимный и разумный вопрос для того, чтобы им заниматься. Действительно, им следует заняться каждому, кого беспокоит тема прав человека. Однако поразительно то, как редко вопрос интерсексуальности поднимается сам по себе и как редко — даже сегодня, когда тема трансгендерности появляется в ежедневных новостях — затрагивается эта тема. Причина, кажется, состоит в том, что интерсексуальность привлекла к себе внимание общественности в тот же момент, когда возник целый ряд внешне схожих, но на самом деле совершенно других проблем.

Транссексуальность

В послевоенный период в Европе и Америке появилось небольшое число известных случаев попыток смены пола. Переход из мужчины в женщину Роберты (в прошлом — Роберта) Коуэлл в Великобритании и Кристин (в прошлом — Джорджа) Йоргенсен в США попал во все заголовки мировых СМИ. Еще живы те люди, которые помнят, как их родители прятали газеты с репортажами об этих первых «сменах пола». Поскольку эти истории были не только непристойными и были написаны крайне сексуализированным языком, но и, казалось, пора-

жали самые базовые социальные нормы. Может ли человек сменить пол? Если да, то означает ли это, что это может сделать любой человек? Означает ли это, что, возможно, — если поощрить это, — все сделали бы это?

Оглядываясь назад, несложно понять, почему эти самые ранние случаи вызывали более глубокое смятение. После Первой мировой войны образ женственных мужчин и мужественных женщин стал чем-то вроде навязчивой идеи для людей, которые критиковали более молодое поколение. Текст одной популярной в 1920-е годы песни гласил: «Маскулинные женщины! Феминные мужчины! Кто из них петушок? Кто из них курочка? Их сегодня сложно различить»²¹⁹.

В то время гомосексуальность и трансвестизм, казалось, по меньшей мере были весьма связанными явлениями: возможно, то было особо преданные трансвеститы или очень женственные геи. Однако первые публичные трансгендерные люди опровергли любые ожидания. В начале своей карьеры Коуэлл была летчиком-истребителем, а после этого стала известной автогонщицей. Если этот аргумент и не является решающим, то он точно делает утверждение об ультраразвитой форме женственности менее состоятельным — если оно вообще остается состоятельным. Также были утверждения, которые делались самими людьми. К примеру, Коуэлл хотела, чтобы люди думали, будто она родилась интерсексуалкой и что ее вагинопластика и другие процедуры, через которые она прошла, все лишь исправляли врожденный сбой. Поэтому чем более видимым становились все эти категории — гомо-

Безумие толпы

сексуальность, интерсексуальность, трансвестизм, транссексуальность, — тем больше они переплетались между собой.

Потребовалось время, некоторая личная смелость и описательные навыки, чтобы просто начать вычленять их этой смеси то, что нам сейчас известно как «транссексуальность». Каждому, кто сомневается в том, существует ли такая категория людей, следует ознакомиться с работами трансгендерных авторов, которые не только размышляли, но и осмысленно выражали свое мнение по этому вопросу. Одна из наиболее успешных попыток передать то, что многие трансгендерные люди считают непередаваемым, была сделана британской писательницей Джен (в прошлом — Джеймсом) Моррис. Как и в случае с Робертой Коуэлл, история Моррис привнесла много смятения и любопытства, которые по сей день не дают покоя многим.

Моррис служил в армии в последние дни Второй мировой войны. После этого он работал журналистом в «The Times» и «The Guardian». Как и его служба на войне, работа Морриса в качестве зарубежного корреспондента на Среднем Востоке, в Африке и по ту сторону железного занавеса не умещалась в рамки существующих представлений о том, каким должен быть мужчина, который хочет быть женщиной — так же, как и тот факт, что он жил в счастливом браке с женщиной и имел пятерых детей.

Переход из Джеймса в Джен начался в 1960-х и достиг кульминации в операции по смене пола в 1972 году. Уже известную в качестве писателя, это сделало ее одной из самых известных транссексуалок в мире. Мемуары Моррис об этом про-

цессе перехода — «Загадка» (1974) — убедительно и талантливо объясняют, почему некоторые люди испытывают потребность в смене пола. Действительно, сложно читать книгу Моррис и при этом думать, что явление вроде трансгендерности не существует или что оно является просто игрой воображения. Моррис описывает свои ранние воспоминания о том, как, будучи мальчиком, сидела под пианино своей матери — в возрасте трех или четырех лет — и осознавала, что «родилась не в том теле»²²⁰. В последующие годы, прошедшая через военную службу, брак и отцовство, это убежденность никогда не покидала его. И только на встрече со знаменитым нью-йоркским эндокринологом доктором Гарри Бенджамином представилось какое-то решение проблемы. Это были самые ранние попытки понять природу трансгендерности. Некоторые врачи, такие, как Бенджамин, убедились на примере своих исследований, что определенное меньшинство людей чувствует, будто родилось в теле не того пола. Тем не менее, вопрос о том, что с этим делать, по-прежнему был открытым. Некоторые профессионалы вроде Бенджамина пришли к выводу, что что-то можно было сделать. Как он однажды выразился, «Я спрашиваю себя — из милосердия или из здравого смысла — о том, что если мы не можем изменить убеждение так, чтобы оно соответствовало телу, не должны ли мы — при определенных обстоятельствах — изменить тело так, чтобы оно соответствовало убеждению?» Изменить тело, или, как выразилась Моррис, «избавиться от этих излишеств... очистить себя от этой ошибки, начать все заново» — было не

просто тем, чем он хотел, но тем, о чем он мечтал и даже о чем молился²²¹.

В «Загадке» Моррис описывает то, как желание стать женщиной становилось с каждым годом все сильнее. Каждый год его мужское тело, «казалось, твердеет вокруг меня». Моррис подвергался определенной форме гормонотерапии с 1954 по 1972 год и смог в точности описать странные эффекты — ощущение омоложения и смягчения, — которые испытывают на себе мужчины, которые принимают гормоны. Гормоны не просто сорвали с него слои мужественности, которые, как ему казалось, накапливались вокруг него, но и избавили его от «невидимого слоя накопленной упругости, которая работает как щит вокруг самца и в то же время притупляет чувствительность тела». Результатом этого со временем стало то, что Моррис стал «несколько двусмысленной» фигурой. Некоторые считали, что он был мужчиной-гомосексуалом, другие — что он был кем-то, находящимся между двумя полами. Иногда мужчины открывали перед ним двери и принимали его за женщину. Все это происходило до операции.

В те дни очень немногие хирурги в Европе и Америке были готовы проводить такие процедуры, которые еще находились на экспериментальной стадии. Но точно так же никто не был уверен в том, что именно вело некоторых людей к желанию сменить пол. Было ли это симптомом психического расстройства? Если не всегда, то могло ли это и впрямь быть так в некоторых случаях? И если да, то как могут люди различить эти два состояния ума? Как желание человека избавиться от части

своего тела можно отличить от тех пациентов, которые говорили доктору, что считают себя адмиралом Нельсоном и в стремлении жить в соответствии с этим убеждением хотели бы, чтобы им ампутировали правую руку? Может ли человек, желающий, чтобы ему удалили пенис, быть более здравомыслящим?

В 1960-х и 1970-х те немногие хирурги, которые были готовы проводить такие процедуры, нуждались в ряде гарантий. Одна из них заключалась в том, что пациент не должен быть психически нездоровым. Вторая — в том, что после перемены пола пациент не должен оставлять тех людей, которые зависели от него в то время, когда он пребывал в своем первоначальном поле. Третья — в том, что пациент должен был подвергаться гормональной терапии в течение длительного времени. И, наконец, пациент должен был прожить в роли представителя того пола, в который он переходил, в течение нескольких лет. Эти базовые принципы не слишком изменились в последующие десятилетия.

В конце концов, пройдя гормональную терапию, Моррис решил отправиться ради своей операции в Марокко вместе с доктором Жоржем Буру (его в своей книге «Загадка» он обозначил как «Доктора Б.»). Этот врач уже провел операцию по перемене пола другому известному британскому транссексуалу, который из мужчины стал женщиной — Эйприл Эшли — и, хотя он держался в тени, к этому моменту уже стал известным в определенных кругах. Настолько, что выражение «поехать в Касабланку» стало довольно распространенным эвфемизмом для операции по смене пола. Для па-

циентов доктора Буру посещение его центра хирургии и реабилитации на задворках Касабланки было, как выразился Моррис, «сродни походу к волшебнику»²²².

Каждый, кто сомневается в том, что существуют люди, полностью уверенные в необходимости смены своего пола, должен ознакомиться с описанием Морриса того, через что он был готов пройти. Две медсестры вошли в его палату в клинику доктора Буру — одна француженка, другая арабка. Джеймсу сказали, что позже его прооперируют, но нужно, чтобы он побрил свои гениталии. У него есть с собой бритва, и поэтому он бреется, в то время как обе медсестры сидят на столе и качают ногами. Он использует холодную воду и марокканское мыло для бритья своего лобка, а затем возвращается на койку для того, чтобы ему ввели инъекцию. Медсестры говорят ему, чтобы он засыпал — операция начнется позже. Однако Моррис трогательно описывает то, что произошло дальше. После того, как медсестры вышли из палаты, он слез с койки, довольно неуверенно, потому что инъекция начала действовать, и «пошел попрощаться с собой в зеркале. Мы уже никогда больше не встретимся, и я хотел в последний раз пристально посмотреть тому — другому — себе в глаза и подмигнуть на удачу»²²³.

Моррис провел две недели в клинике, завернутый и перевязанный, и описал чувство, которое испытал после операции, как чувство «восхитительной чистоты. Выпуклости, которые я ненавидел все сильнее и сильнее, были стерты с меня. Я стал, по моему собственному представлению, нормаль-

ным»²²⁴. Моррис описал период времени, последовавший за операцией, включая возвращение домой, как опыт постоянного ощущения «эйфории». Это сопровождалось абсолютной уверенностью в том, что он «поступил правильно». Не исчезло также и чувство счастья. На момент написания «Загадки» Моррис осознавала, что то, что случилось в процессе превращения из Джеймса в Джен было «одним из самых потрясающих переживаний, которые когда-либо выпадали на долю человека»²²⁵. В этом мало кто может сомневаться.

Этот Тиресий обладал знанием не только об опыте перемещения между двумя полами, но и о том, как общество смотрит — или, во всяком случае, смотрело — на мужчин и женщин. Водитель такси, который бочком подходит к ней и оставляет на ее губах желанный поцелуй. Вещи, которые люди говорят мужчинам, а не женщинам. И еще больший секрет: не то, какими видит мир мужчин и женщин, а то, каким мужчины и женщины видят мир. Мало что из этого понравилось бы современным феминисткам.

К примеру, Моррис описала фундаментально различные точки зрения и мнения обоих полов. Итак, будучи мужчиной, Джеймс больше интересовался «великими делами» своего времени, в то время как, будучи женщиной, Джен приобрела озабоченность «малыми делами». После того, как она стала женщиной, пишет Джен, «мой масштаб видения, казалось, сократился, и я смотрела в меньшей степени на грандиозный размах, нежели на красноречивые детали. Акцент в моем творчестве сместился от мест к людям»²²⁶.

Она готова рассказать, с какими проблемами столкнулась. В некотором смысле это было трагедией, которая, безусловно, возложила серьезный груз на тех, кто ее окружал. До перенесенной ею операции в 1972 году она вынуждена была развестись со своей женой, Элизабет, хотя она впоследствии женилась на ней вновь в 2008 году после легализации однополых браков в Великобритании. Четверо оставшихся в живых детей, конечно, с трудом адаптировались к изменению обстоятельств, хотя они, похоже, приспособивались настолько активно, насколько это было возможно. Но, по ее собственному признанию, вся процедура вызвала недоумение у многих и достигла кульминации в процессе «деформирования прекрасного тела химическими веществами и изрезано ножом в далеком городе!» Все это — для того, чтобы достичь того, что она назвала обретением своей «Идентичности» с большой буквы «И»²²⁷. По ее словам, «конечно, никто не станет делать этого ради забавы, и, конечно, если бы у меня был шанс прожить жизнь без таких осложнений, я бы им воспользовалась»²²⁸. Ничто, по ее словам, не могло пошатнуть ее убеждения в том, что человек, рожденный в качестве мужчины, был на самом деле женщиной. И в поисках способов осуществления этого, по ее словам, не было абсолютно ничего, на что она не готова была бы пойти. Если бы она вновь была заточена в эту клетку, пишет она, «ничто бы не удержало меня перед достижением моей цели... Я бы обыскала весь мир в поисках хирургов, я бы подкупила парикмахеров или акушеров-гинекологов, я бы взяла нож и сдела-

ла это сама — без страха, без угрызений совести, без раздумий»²²⁹.

Легко признать, что есть люди, которые рождаются интерсексуалами. После чтения рассказов таких людей, как Моррис, возможно понять, что могут быть люди, которые родились с одним полом и при этом искренне верят, что должны быть в теле другого пола. Что является исключительно трудным — и для познания чего у нас в настоящее время есть мало средств — это работа с пробелом, лежащим между биологией и откровением. Интерсексуальность доказуема с точки зрения биологии. Трансгендерность может в последующие годы оказаться доказуемой с точки зрения психологии или биологии. Но у нас почти нет никакого понимания того, к какой области науки это должно будет относиться. И если это кажется чересчур придирчивым взглядом на то, что является для некоторых людей полноценным чувством «идентичности», рассмотрим сложность всего лишь одной части этого деликатного вопроса.

Аутогинефилия

Если мы будем исходить из того факта, что на одном краю спектра находятся люди, рожденные интерсексуалами, и если примем то, что интерсексуальность является одним из наиболее «врожденных» свойств, то все остальные части трансгендерного вопроса, очевидно, будут находиться на все более и более отдаленных точках спектра. От людей, у которых есть видимое, биологическое обоснование для того, чтобы их называли людьми «меж

Безумие толпы

двух полов», до тех, у которых нет ни доказательств, ни признаков, не считая их собственных признаков. Там, где заканчивается доказуемая «встроенная» часть трансгендерности и начинается «приобретенная», находится поле для самых опасных и спекулятивных измышлений. Итак, начнем.

Где-то в рамках этого спектра, в начальной точке которого находятся люди, рожденные интерсексуалами, есть те, кто родился с конвенциональными XX или XY-хромосомами, с соответствующими им гениталиями и другими признаками, но верит — по причинам, которые нам все еще совершенно неясны — что они живут не в том теле. Мозг сообщает, что он мужчина, но его тело — тело женщины. Или наоборот. Точно так же, как мы не знаем того, почему это происходит, у нас есть относительно мало сведений о том, насколько это распространенное явление. Никаких значительных физиологических различий между трансгендерными людьми и нетрансгендерными не обнаружено. И несмотря на то, что проводились некоторые исследования о различиях в мозговой деятельности, на сегодняшний день не обнаружено никаких очевидно «врожденных» причин того, почему некоторые люди хотят сменить пол.

Однако есть попытки — как это было и в случае с гомосексуальностью — переместить это явление из категории «приобретенных» в категорию «врожденных». В мире трансгендерности эти попытки сосредоточены в ряде областей. Одна из них происходит из очевидной для всех, кто хочет сменить пол, причины: для сексуального возбуждения. Мужчине может нравиться носить женское белье

или даже полностью перевоплощаться в женщину, потому что это дает ему перформативный «толчок»: чулки; ощущение кружевной ткани на коже; перевоплощение; озорство. Все это уже давно известно как сексуальный фетиш, удовлетворить который стремятся некоторые люди. Среди технических названий для этого инстинкта есть такое неприятное слово, как «аутогинефилия».

Аутогинефилия — это возбуждение, возникающее при воображении себя в роли человека противоположного пола. Но — никто не удивится, узнав это — даже в этом «сообществе» есть внутренние разделения, переживания и споры по поводу того, какой тип аутогинефилии «лучше». Это происходит потому, что различные типы аутогинефилии могут варьироваться от возбуждения мужчины при мысли о том, чтобы надеть женское белье, до возбуждения при мысли о том, чтобы иметь женское тело.

Одной из самых поразительных особенностей в споре о трансгендерности, которые появились в последние несколько лет, является то, что в последние годы аутогинефилия сильно не в почете. Или, иначе говоря, предположение о том, что некоторые люди, идентифицирующие себя как трансгендерные персоны, в общем-то, просто проходят через фазу чрезвычайно сильного влияния сексуального фетиша на них, стало насколько грубым по отношению к трансгендерным людям, что теперь является одной из вещей, которые считаются «разжигающими ненависть».

В 2003 году Дж. Майкл Бэйли, профессор психологии в Северо-Западном университете, опубликовал свою книгу, основанную на многолетних

исследованиях — «Человек, который хотел быть королевой: наука гендерной гибкости и транссексуализма». В ней Бэйли описал другой взгляд на транссексуальность, противоположный идее, гласящей, что у транссексуала мозг одного пола заперт в теле другого пола. В частности, он рассматривал возможность того, что трансгендерность может быть вызвана объектом и природой желаний. Основываясь на работе Рэя Бланшара из Канадского центра зависимостей и психического здоровья, он утверждал, что желание сменить пол может быть особенно распространено среди определенного типа женственных мужчин-гомосексуалов. Будучи биологическими мужчинами, которых привлекают другие биологические мужчины, некоторые гомосексуалы, которые не могут привлечь гетеросексуалов (поскольку являются мужчинами) или других гомосексуалов (поскольку являются слишком женственными), логичным образом стараются походить на женщин, что открывает для них больший спектр возможностей привлечь тех мужчин, которые и являются объектом их интереса. Для описания этой категории людей Бланшар использовал термин «гомосексуальные транссексуалы».

В своей книге Бэйли также исследовал другой тип людей, идентифицирующих себя как трансгендерных личностей. Это те мужчины, которые всегда были гетеросексуалами и, возможно, даже женились и завели детей: это мужчины, которые, когда они заявляют, что хотели бы стать женщиной, шокируют всех окружающих их людей. Хотя они могли никогда не проявлять ни намека на женственность в своей социальной жизни, эти люди в своей част-

ной жизни могли обнаружить, что возбуждаются, представляя себе женщиной, или от идеи о том, чтобы по-настоящему ею стать. Бэйли приводит значительное количество доказательств, чтобы продемонстрировать, что из двух описанных им типов трансгендерности первый является наиболее распространенным в мире. Во многих культурах это было своего рода «ответом» на загадки, которые из себя представляли очень женственные — и чаще всего гомосексуальные — мужчины. И хотя Бэйли, как и Бланшар, признает разницу между такими людьми и людьми, которыми движут аутогинефильные импульсы, ни в коем случае не осуждает и не критикует ни одну из групп. Они оба выступают за абсолютно равные права, заботу и поддержку. Тем не менее Бэйли сидел на пороховой бочке.

В годы, предшествовавшие выходу книги Бэйли, трансгендерные люди предпринимали некие согласованные усилия по десексуализации своей проблемы. Это было одной из причин смены термина «транссексуал» на слово «трансгендер». Как писала Элис Дрегер в своей книге, посвященной этому вопросу: «До Бэйли многие защитники трансгендерных людей потратили много времени, стараясь десексуализировать и депатологизировать свои публичные образы в попытке уменьшить объем стигматизации, сделать медицинскую помощь доступнее и утвердить за трансгендерными людьми основные права человека»²³⁰. Дрегер сравнивает это с успешной попыткой активистов за права гомосексуалов достичь равных прав, смещая фокус от того, чем занимаются геи в спальне, к тому, чем они занимаются в других комнатах.

Книга Бэйли рисковала отбросить эту кампанию назад, и поэтому развернулась кампания, направленная против нее, когда ученые-коллеги Бэйли и активисты в защиту прав трансгендерных людей немедленно стали пытаться не только критиковать и отвергать его работу, но и стараться сместить его с его должности в Северо-Западном университете. Среди самых его отчаянных критиков была трансгендерная женщина-консультант из Лос-Анджелеса — Андреа Джеймс. Она решила отомстить Бэйли, опубликовав фотографии его детей (сделанные в то время, когда те учились в начальной и средней школе) на своем сайте и добавив к ним откровенно сексуализирующие подписи²³¹. В других кажущихся скоординированными атаках некоторые люди выступали с заявлениями о том, что их неверно изобразили в книге — только для того, чтобы выяснилось, что они вообще в ней не упоминались. Номинация книги на премию от литературной гей-организации LA MBDA была быстро отозвана. По словам одного друга Бэйли, он был настолько «в ужасе» от столь экстраемальной реакции на его книгу, что стал практически другим человеком после ее публикации²³².

Все это случилось попросту из-за того, что Бэйли провел детальное исследование с целью отыскать истоки важного вопроса и привел ответ, который на так давно стал непопулярным. Все из-за того, что на протяжении больше части этого века идея о том, что трансгендерность хоть как-то связана с сексуальным удовольствием, становилась оскорбительной и сексуализирующей клеветой.

«Правильное» мнение на сегодняшний день заключается в том, что трансгендерные люди не ис-

пытывают никакого сексуального возбуждения от мысли о трансгендерности. Они буквально ненавидят его. Ничто не может быть скучнее. И так, в ноябре 2018 года Андреа Лонг Чу написала в «The New York Times» о следующей стадии своей операции по смене пола. Как говорилось в заголовке статьи, написанной бруклинской «эссеисткой и критиком»: «Моя новая вагина не сделает меня счастливой. И не должна». Как подчеркивает Чу: «В следующий четверг у меня будет вагина. Операция будет длиться шесть часов, и я буду восстанавливаться по меньшей мере три месяца. До самой моей смерти мое тело будет воспринимать вагину как рану; в результате этого ей потребуется постоянное, повышенное внимание. Это то, чего я хочу, но нет никакой гарантии, что это сделает меня счастливой. На самом деле я этого не жду. Это должно лишать меня права получить ее»²³³.

Несмотря на то, что в работе Энн А. Лоуренс — самопровозглашенной аутогинефилки — и некоторых других содержалось несогласие с этой позицией, идея о том, что транссексуальность каким-либо образом стимулируется аутогинефилией²³⁴, вызвала злость активистов за права трансгендерных людей. Причина этого резкого разворота на 180 градусов очевидна. И она вновь приводит нас к вопросу о «врожденных» и «приобретенных» свойствах. Если у людей есть некий сексуальный фетиш, это может быть связано либо с врожденным, либо с приобретенным свойством. Но сложно убедить общество в том, что оно должно изменить практически все свои социальные и лингвистические нормы ради того, чтобы приспособиться

Безумие толпы

к этим сексуальным фетишам. Общество может толерантно относиться к вам. Оно может желать вам добра. Но ваше желание носить женские трусы не является причиной для того, чтобы заставлять всех использовать совершенно новые местоимения. Или менять каждый общественный туалет. Или растить детей, вкладывая в них веру в то, что нет никакой разницы между полами и что гендер — это социальный конструкт.

Если трансгендерность является во многом, преимущественно или исключительно связанной с эротическим возбуждением, то она не должна более быть причиной для изменения каких-либо социальных основ общества — точно так же, как ею бы не были люди, получающие сексуальное возбуждение из-за ношения латексных костюмов. Аутогинефилия — это риск преподнести трансгендерность как приобретенное свойство. И в этом состоит причина того, что люди настроены против нее. Поскольку — как и в случае с гомосексуалами — существует стремление доказать, что трансгендерные люди «родились такими».

Что делает этот вопрос еще более сложным, так это тот факт, что в действиях многих трансгендерных людей заложено нечто, что, без сомнения, демонстрирует (как в случае с Джен Моррис), что их желание жить в теле противоположного пола однозначно не может быть просто сексуальной фантазией или фетишем. В конце концов, сложно представить себе что-либо, что требовало бы от человека большей приверженности, чем его решение перенести необратимую операцию, навсегда изменяющую его тело. Едва ли можно сказать, что

мужчина, желающий, чтобы ему отрезали пенис, содрали кожу, а затем вывернули наизнанку, подходит к делу легкомысленно. Подобная процедура представляет собой полную противоположность хобби или выбору образа жизни. Однако даже это не «доказывает», что трансгендерность — это врожденное свойство. Поскольку почти нет таких крайностей, на которые люди не пошли бы, чтобы воплотить то, во что они верят, в жизнь. Возникает вопрос о том, должно ли то, что один человек или даже множество людей считает истинным о себе, быть принято другими.

Транспрорыв

Отсутствие доказательств является одной из причин того, почему люди верят, что вся проблема трансгендерности иллюзорна. И это подводное течение, состоящее из подозрений, существует даже тогда, когда в обществе в целом поощряется принятие заявлений трансгендерных людей на их собственных условиях.

В апреле 2015 года бывший олимпийский атлет и звезда реалити-шоу Брюс Дженнер заявил, что он трансгендерная личность, и представил обществу свою новую идентичность — Кейтлин Дженнер. Она моментально стала, пожалуй, самой знаменитой транс-женщиной в мире. Уже спустя несколько недель она оказалась на обложке журнала «Vanity Fair» с заголовком «Зовите меня Кейтлин». Фотосессия, сделанная Энни Лейбовиц, продемонстрировала Дженнер в обтягивающем корсете, обнажающем верхнюю часть ее груди, в то время

Безумие толпы

как нижняя прикрывала то, что, как стало известно, было ее еще не удаленными мужскими гениталиями. Фотосессия Лейбовиц ловко обошла все самые заметные мужские части анатомии Дженнер. Она сидела не только положив ногу на ногу, что решало проблему выпуклости, но и с руками, спрятанными за спиной, чтобы скрыть плечи и бицепсы бывшего олимпийца. Годом спустя журнал «Time» поместил трансгендерную актрису Лаверн Кокс на обложку с заголовком «Трансгендерный переломный момент: следующий фронт в сфере гражданских прав Америки». Это чувство — ощущение того, что появился новый фронт, который необходимо было преодолеть — витало в воздухе. Как заявила Рут Хант из благотворительной организации «Stonewall», когда к ее работе добавилась и кампания по защите прав трансгендерных людей: «Теперь их очередь»²³⁵. С геями все было решено. И всем, казалось, были понятны очертания прогресса в области расы и женского вопроса. Некоторые люди — возможно, в особенности старые журналы со снижающимися тиражами — казалось, созрели для новой битвы за гражданские права. Это было идеальное время для Кейтлин Дженнер.

2015 год был годом, когда права транссексуалов, вопрос их видимости и их требования стали повсеместными, и Дженнер была повсюду. Если не считать вездесущих фотографий Лейбовиц, бывали месяцы, когда казалось, что Дженнер прошла по всем церемониям награждения в Америке. Журнал «Glamour» назвал ее одной из «женщин года». На церемонии вручения премии ESPY Дженнер вручили Награду за Смелость, а полный стадион

спортсменов и спортсменок рукоплескал ей стоя. Как и все остальное в вопросе о трансгендерных персонах, каждый фрагмент и осколок потенциально мог уничтожить любого, кто замешкался перед этим забегом. Или перед овацией.

Во время и после церемонии ESPY игрок в американский футбол, квотербек Бретт Фарв был раскритикован сначала в социальных сетях, а затем — во всех остальных медиа за то, что аплодировал Дженнер недостаточно активно. Несмотря на то, что Фарв присоединился к аплодисментам стоя, он (скандално) вновь занял свое место до того, как сели на места все остальные присутствующие, и это было заснято на камеру. За такое поведение «New York Post» осудила недостаточный энтузиазм преступника, выпустив статью с заголовком «Бретт Фарв делает ESPY некомфортной для всех»²³⁶. Никто не был в точности уверен в том, сколько конкретно секунд должна длиться стоячая овация, которой приветствуют транссексуальную женщину, получающую Награду за Смелость. Возможно, за уроком по этикету стоило бы обратиться к советскому политбюро. Единственный урок, который нужно было из этого вынести, заключался в том, что, если все аплодируют, вы должны убедиться, что садитесь на свое место последним.

Другие осколки скандала, связанного с Дженнер, поражали с такой же непредсказуемой регулярностью. В июле 2015 года тогда 31-летний консервативный комментатор Бен Шапиро оказался в числе гостей, приглашенных на шоу «Доктор Дрю по вызову» на канале HLN для обсуждения Награды за Смелость, присужденной Дженнер. Одной из других

гостей, которые сидели рядом с Шапиро в студии, была Зои Тур, которую представили как «трансгендерную журналистку». В какой-то момент в рамках дискуссии доктор Дрю спросил Тур, была ли Дженнер действительно «смелой». Тур выразила свое мнение, сказав, что «быть смелым — значит быть собой» и что быть трансгендером — «пожалуй, самый смелый поступок, который можно совершить».

В этот момент Шапиро сказал, что, восторгаясь Дженнер, люди «популяризуют иллюзию». «Почему вы называете это „иллюзией“?» — в гневе спросила другая гостья. Шапиро продолжил и мимоходом употребил по отношению к Дженнер местоимение «он», а не «она». Несмотря на то, что Дженнер был Брюсом в течение 66 лет и лишь в течение трех месяцев идентифицировал себя как Кейтлин, все остальные присутствующие в студии моментально набросились на Шапиро, критикуя его за грубость. «Это она, — настаивала все та же взбешенная женщина. — Вы невежливы по отношению к местоимениям. Это неуважительно».

Игнорируя то, как можно быть вежливым или невежливым по отношению к местоимениям, Шапиро продолжал. «Забудьте о неуважении, — сказал он. — Фактам нет дела до ваших чувств. Оказывается, каждая хромосома, каждая клетка в теле Кейтлин Дженнер — мужская, не считая некоторых его сперматозоидов. Оказывается, у него сохранились все его мужские органы. То, как он ощущает себя внутри, не имеет никакого отношения к его биологической природе». В этот момент другой гость, который выразил мягкую критику по отношению к получению Дженнер ее награды (на основании

того, что Дженнер была богатой и белой и в прошлом недостаточно много высказывалась о проблемах ЛГБТ-сообщества), быстро заявил, что он «не согласен» с тем, что было только что сказано. Возможно, отстраниться от Шапиро было необходимо — учитывая то, что последовало дальше.

Ведущий попытался утихомирить присутствующих и попросил Тур рассказать всем о научных обоснованиях гендерной дисфории. Тур заявила: «Мы оба знаем, что хромосомы необязательно означают, что вы мужчина или женщина». После этого она покровительственно положила руку на плечо Шапиро и сказала ему: «Так что вы не понимаете, о чем говорите. Вы не разбираетесь в генетике». Шапиро попытался спросить, можно ли им обсуждать генетику, но его вновь прервали. И тогда он спросил Тур: «Какая у вас генетика, сэр?» В этот момент Тур положила руку сзади на шею Шапиро и угрожающе сказала: «Прекрати сейчас же, или домой поедешь в машине скорой помощи».

«Это звучит немного неуместно для политической дискуссии», — совершенно невозмутимо сказал Шапиро. И, хотя в обычной ситуации можно было бы ожидать, что угроза насилием вызовет неодобрение у гостей в студии, динамика там была такова, что вместо этого все набросились на Шапиро. «Но если честно, то это вы, вообще-то, ведете себя несколько грубо, и это нечестно», — заявил один из гостей. Другой осудил Шапиро, сказав, что ему следовало бы знать, что говорить «сэр» — это «вопиющее оскорбление. После всего этого Тур позволили свободно сказать Шапиро: «Вы охвачены ненавистью. Вот какой вы. Вы — крошечный человек».

Шапиро во время всех этих событий не потерял самообладания. Он не «троллил» Тур. После того, как она угрожала ему отправить его домой на машине скорой помощи, он не сказал: «Вы ведете себя не как подобает леди». Он не стал ждать, пока она его ударит, чтобы потом сказать ей: «Боже, ты бьешь как мужик». Он даже не подчеркнул, как странно со стороны человека, который сделал со своим телом то, что сделала Тур, пытаться оскорбить его как мужчину, принизив его рост. Шапиро просто придерживался точки зрения о важности биологии, которая вызвала бы споры еще несколькими годами ранее, но которая теперь настолько широко не одобрялась со стороны медиа и знаменитостей, что они скорее бы встали на защиту того, кто грозился применить физическое насилие, чем того, кто был «невежлив по отношению к местопомещениям».

Стремительность и почти полная согласованность совместного этого «бега» в одном направлении может иметь несколько причин. Одна из них (на примере обложки журнала «Time») заключалась в страхе, подозрении или надежде на то, что права трансгендеров — это «новые права геев», или права женщин, или гражданские права, и что любой, кто будет замечен на «неверной» стороне дискуссии о трансгендерности в это десятилетие, будет оглядываться назад на прошлое с таким сожалением — и на него будут смотреть так негативно — как общество смотрит на тех, кто протестовал против этих движений за права. И в каком-то смысле сходство есть. Если геи генетически ничем не отличаются от остальных, то единственное, что указывает

на их отличие — это их поведение. Геи являются геями, когда заявляют, что они геи, и когда ведут себя как геи. Аналогичным образом, возможно, люди являются трансгендерами, когда они себя таковыми называют, и никакой внешний или биологический для этого признак не нужен — не более, чем это ожидается (или требуется) от геев.

Но есть одно существенное отличие. Если лесбиянка влюбится в мужчину или гей внезапно влюбится в женщину, или если гетеросексуальный мужчина или гетеросексуальная женщина вдруг влюбятся в людей своего пола, их существующая биологическая «прошивка» будет все еще в них «встроена». Гей, который становится гетеросексуалом, или гетеросексуал, который становится геем, не делают ничего, что является перманентным или необратимым. В то время как конечной целью сторонников трансгендерности является нечто необратимое и изменяющее жизнь. Люди, выражающие беспокойство или призывающие к осторожности по отношению к трансгендерности, возможно, не «отрицают существование трансгендеров», или не утверждают, что те должны восприниматься как люди второго сорта, не говоря уже о том, чтобы (самое драматизирующее утверждение) подталкивать трансгендеров к самоубийству. Они могут просто призывать к осторожности относительно того, что не было еще даже отдаленно разработано — и что является необратимым.

Беспокойство, которое многие люди подавляют на публике, произрастает из этой озабоченности необратимостью. Новости о возрастании числа детей, которые утверждают, что имеют гендерную

Безумие толпы

дисфорию, и растущее количество свидетельств об «эффekte кластера», появляющегося, когда начинают делаться такие заявления (то есть когда некоторое число детей в школе заявляет, что живет в чужом теле, количество похожих заявлений начинает экспоненциально расти), означает, что родители и другие люди не так уж неправы, когда задаются вопросом и беспокоятся о том, к чему все это ведет. Вопросы о возрасте, в котором людям, уверенным, что они живут в «неправильном» теле, можно предоставлять доступ к лекарствам и операциям, стоят того, чтобы их глубоко оспаривать. Не в последнюю очередь потому, что растет осведомленность о детях, которые могли думать, что у них гендерная дисфория, но которые ее переросли — многие из них становятся гомосексуалами. Одна проблема нагромождается на другую проблему. Никому не нравится вспоминать те времена, когда геям говорили, что это «просто такой период», но что, если трансгендерность — даже иногда — является просто таким периодом в жизни? И что, если этот факт осознается слишком поздно? Эти вопросы не столько «трансфобны», сколько ориентируются на детей, и попытки демонизировать подобное беспокойство сделало эту дискуссию более неприглядной, чем она должна быть.

История одного молодого человека

Естественно, это деликатная тема, и поэтому я изменю имя человека, которого собираюсь описать. Давайте назовем его Джеймс. Но этот человек реален, его случай не редок, и он относится к тому ти-

пу людей, чья история должна быть по меньшей мере включена в общественную дискуссию, которая ведется сейчас.

Двадцатилетний на сегодняшний день, Джеймс родился и вырос в Великобритании. В подростковом возрасте он обнаружил, что испытывает интерес к гей-сцене и — в частности — к драг-сцене. У него было много друзей-геев, и начиная примерно с 16 лет он начал много времени проводить в драг-клубах. Ему нравилась публика там, ему нравились выступления и их близость. Люди, которых он там встретил, казались ему почти «потерянным поколением людей», которые сбились в кучу в этом мире, поскольку боялись, что их родители от них откажутся, если узнают, что те являются геями или любят переодеваться в женскую одежду. В результате эти люди не просто весело проводили время вместе — они стали «чем-то вроде семьи». В конце концов Джеймс и сам начал понемногу носить женскую одежду. Примерно в это время у него появился очень близкий друг — человек чуть за 20, который сделал трансгендерный переход из мужчины в женщину — человек, который казался Джеймсу совершенно неотразимым.

Примерно в 18 лет Джеймс отправился к своему семейному врачу и набрался смелости, чтобы сказать ему: «Я думаю, что нахожусь не в том теле. Я думаю, что я, возможно, женщина». В течение полутора лет после этого он обходил различных докторов в попытках найти того, кто лучше, чем его семейный доктор, поймет, через что проходит Джеймс. Наконец, в 19 лет он получил направление в психосексуальную службу в Манчестере и три

Безумие толпы

с половиной часа просидел на сеансе психоанализа. Его спрашивали о его сексуальной жизни, об отношениях с родителями и о многом другом. На самом деле он был слегка озадачен тем, насколько личными были эти вопросы. Но заключение врача в Манчестере было однозначным. «Вы — трансгендер», — сказали ему. И тогда его направили в клинику гендерной идентичности на улице Чаринг-Кросс в Лондоне.

В приемной собралась самая разнообразная публика — там были разные люди, начиная от «очень женственных мужчин и заканчивая Бобом-строителем в парике». Спустя шесть месяцев примерно 20 человек из присутствующих были собраны в одну группу. Консультант ознакомил их с информацией, предоставленной Национальной службой здравоохранения, о том, что привело их туда. Им сказали (как доктор Бенждамин сказал Моррис): «Мы знаем, что эта проблема связана с мозгом. Мы не можем проводить операции на мозге, поэтому мы делаем все для того, чтобы тело соответствовало мозгу». И тогда пришла очередь Национальной службы здравоохранения заниматься проблемой Джеймса и других. Спустя полгода после этого группового занятия у него состоялась первая консультация один-на-один — с довольно глубоким погружением в детали. Задавались вопросы об отношениях и о работе. Очевидно, была важна всесторонняя стабильность человека. Джеймс посетил эндокринолога и проверил уровень тестостерона. Тот факт, что проверка однажды показала низкий уровень (во время других проверок он различался), было воспринято как доказательство

того, что его проблема и впрямь была связана с трансгендерностью. Оглядываясь в прошлое, Джеймс поражается нескольким вещам. Одна из них — это то, что ему никогда не предлагали посетить психологическую консультацию. То, как он сказал, что чувствует, по его мнению, было просто принято. Было еще кое-что. «Все это было слишком мило», — говорит он теперь. Не было «никакого давления». Никакого «уговаривания».

Два года жизни в качестве человека противоположного пола воспринимались как доказательство того, что человек может перейти на следующий этап. И, поскольку встречи в клинике проводились с разницей в полгода, Джеймс пришел к своей отметке в два года уже спустя несколько таких встреч. На этом этапе поднялся вопрос о гормонально-заместительной терапии. По словам Джеймса, «если вы терпеливы и играете в эту игру, то получить гормоны до нелепого легко. Нужно просто приходить два раза в год и ждать». И, конечно, люди в группе, а также друзья в драг-клубе обмениваются историями о том, как перейти на следующий этап.

Джеймс начал принимать эстроген, что включало в себя ежедневное принятие лекарств и уколы. Рассказы, которыми делятся он и другие люди о том, что это за процесс, поражают — среди прочего — самую суть заявлений о том, что не существует никаких существенных различий между полами. Если бы Джеймс описал эффекты, которые на его тело оказал эстроген, эти описания назвали бы поверхностными и сексистскими. Опыт Джеймса был во многом схож с опытом других людей, которые принимали эстроген и антиандрогены (блокаторы

тестостерона). Среди прочих вещей, которые случились с ним, было то, что он стал более эмоциональным, чем прежде. «Я много плакал». Его кожа начала становиться мягче, и жир в его теле начал перераспределяться. Но он замечал и другие вещи. Его вкусы в кино и даже в музыке начали меняться — как и предпочтения в постели.

Джеймс принимал эстроген более года. Он начал развиваться поздно, и ходили слухи о том, что он не до конца прошел половое созревание к тому моменту, как начал принимать гормоны. Он также побывал на двух встречах — одна по Скайпу, вторая вживую — посвященных возможности перехода на следующий этап. Он знал, что накопившееся количество подобных случаев означало, что Национальная служба здравоохранения не сможет быстро перейти к этой части процесса, но, по его словам, он поднял с ними вопрос о поездке за границу на операцию по смене пола в частном порядке. Несколько человек порекомендовало ему одну клинику в Марбелье, регион Коста-дель-Соль, и он сказал, что НСЗ не пыталась ни одобрить это решение, ни остановить его, когда он говорил им, что думает о таком варианте. Он нашел информацию о стоимости процедуры, лекарств и даже авиабилетов. «Я очень близко подошел к тому, чтобы сделать это, — сказал он. — Теперь я очень рад тому, что не сделал этого».

Даже в то время, когда он принимал гормоны и раздумывал о переходе на следующий этап смены пола, его начали занимать некоторые другие вещи. До сих пор Джеймс по-настоящему слышал лишь одну точку зрения по этому вопросу. Его дру-

зья в трансгендерностью показали ему путь, по которому и он мог пройти. А НСЗ не подвергала серьезному сомнению разумность такого выбора. Они относились к нему, как к человеку с заболеванием, которое нужно вылечить. Но в Интернете Джеймс искал — и нашел — противоположные мнения. С помощью медиа он нашел видеоблогеров и других, кто ставил под сомнение правильность этого решения, включая более молодых людей, чем он ожидал. Он также испытывал кризис веры. Воспитанный как либеральный христианин, он ходил вокруг да около вопросов о Боге и Замысле. С одной стороны, думал он, «если Бога не существует, то мое тело не является частью Замысла». Но он также думал, что люди, которые говорили, что родились не в том теле, очень эгоцентрично смотрели на мир, как если бы это было «ниспосланное им испытание». Если вся Вселенная — результат совпадения, то «зачем делать так много и так резко для того, чтобы поменять себя?» Он начал задаваться вопросом о том, не лежит ли ответ на некоторые из этих вопросов в психологии, а не в области хирургии. В частности, он начал думать о том, «что мне нужно для того, чтобы быть довольным своим телом, а не менять его». Из всех специалистов, с которыми он консультировался, ни один не задал ему подобных вопросов. «Мне никогда не предлагали глубоко задуматься об этом».

Было еще кое-что, что заставило Джеймса задуматься о том, действительно ли он этого хотел. Как было хорошо известно ему и другим членам его круга, каждый, кто будет принимать гормоны в течение нескольких лет, со временем заметит не-

обратимые эффекты. Они проявляются примерно спустя два года антиандрогенов. И когда Джеймс достиг второго года принятия антиандрогенов, он начал нервничать. НСЗ не назначала ему экстренных встреч для того, чтобы он мог проконсультироваться с врачом, поскольку была перегружена количеством пациентов, приходящих на консультации о смене пола. Ему пришлось бы подождать еще шесть месяцев. Но Джеймс понимал, что не сможет ждать так долго. Он столкнулся не только с физическими изменениями, которые могли стать перманентными, но и с биологическими фактами. Спустя более чем два года принятия антиандрогенов большинство мужчин становятся бесплодными и уже никогда впоследствии не смогут стать отцами. Джеймс задумывался не только о том, действительно ли он хочет стать женщиной, но и о том, не захочется ли ему однажды стать отцом. У него был бойфренд, и его бойфренд не был убежден в том, что Джеймс и впрямь является женщиной. Он думал, что Джеймс — просто такой же гей, как и он. Джеймс и сам ощущал, что гормоны приближают его к «точке невозврата».

И вот, обдумав все это самостоятельно, без поддержки кого-либо из врачей, прописавших ему гормоны, Джеймс решил отказаться от их принятия. Он описал процесс отказа от них как «очень тяжелый». Изменения, которые их принятие повлекло за собой, были «гораздо более серьезными», чем когда он начал их принимать. Он страдал от резких перепадов настроения. И в то время как эстроген заставлял его плакать и менял его предпочтения в области кино, тестостерон, вернувшись в его тело,

принес с собой настолько же «сексистские» эффекты. Он заметил множество знакомых ему видов поведения. Он стал более злым, более агрессивным, и — да-да — гораздо более возбужденным.

На сегодняшний день прошло уже более двух лет с тех пор, как он отказался от гормональной терапии. Но эффекты того периода, когда он совершал «переход» из одного пола в другой, сохранились в нем. Он думает, что с ним может быть все «почти в порядке», но он также может быть необратимо бесплодным. Более заметным является тот факт, что у него все еще есть грудь — или, как он ее называет, «грудная ткань». Когда его спрашивают о ней, он смущенно оттягивает в сторону верх своей футболки. Под ней видна лямка. Это — компрессионный жилет, который он носит постоянно для того, чтобы скрыть тот факт, что у него есть «грудная ткань». Его одежда явно мешковатая, и заметно, что он избегает любых обтягивающих вещей. Он считает, что ему, наверное, придется прибегнуть к операции, чтобы избавиться от остатков груди.

Получив со временем возможность взглянуть на все прошедшее объективно, он может поразмышлять об изменениях, которые произошли с ним за последние годы. «Я верю, что трансгендерность существует», — говорит он. Огромное количество людей, которые сегодня движутся в этом направлении — вот одна из причин, которые приводят его к такому выводу. Но он говорит, что вся эта область не рассматривалась и не осмыслялась достаточно тщательно. И вся эта область основывается на поверхностных вещах, как он выражается, вроде вопросов «Так вам не нравится регби? Интересно».

Когда он сказал психоаналитику в Манчестере, что не ладил с мальчиками в начальной школе, тот ответил: «Ага». То же самое он сказал в ответ на слова Джеймса о том, что в детстве тот порой наряжался в платье Покахонтас, принадлежавшее его сестре.

«Мне всегда казалось странным, что НСЗ не рассматривала более широкий спектр вариантов», — говорит он. И начиная с того момента, как он начал консультироваться со специалистами, он «ощущал себя как на конвейерной ленте». НСЗ была переполнена — в ее распоряжении были лишь два доктора в Великобритании, которые проводили операции по смене пола: один работал полный день, другой — на полставки. Но доктора всегда утверждали, что, в то время как примерно 3000 человек уже находились на лечении и еще 5000, по их словам, находились в списке ожидания в Великобритании, НСЗ активно обучала большее количество специалистов, чтобы они смогли справиться с числом заявок. Возможно, некоторые пациенты начнут колебаться, как Джеймс, когда конвейерная лента подвезет их к операции. Но даже тогда, как свидетельствует мешковатая одежда Джеймса, процесс совсем не пройдет бесследно.

Джеймс — гей, «очень гей», как он говорит о себе в драг-клубе. И он считает, что всегда был «немного хамелеоном в общении. Возможно, люди, с которыми я проводил время, возымели на меня воздействие». Но он также говорит: «Я не хочу быть одним из тех людей, кто говорит, что трансгендеры привлекают за собой появление еще большего числа трансгендеров». Это слишком похоже, по его мнению, на старую присказку о том, что гомосексуалы порождают

большее количество гомосексуалов. «Но что-то в этом есть, — добавляет он. — Что-то вроде „Мой очень классный друг-транс“». Он сбит с толку в своем мнении, как и все вокруг, о том, чем является и чем не является трансгендерность. «Во всяком случае, нам нужно просто знать больше», — говорит он. К примеру, почему количество самоубийств одинаково как для трансгендерных людей, не перенесших операцию, так и для тех, кто через нее прошел? «Мы движемся слишком быстро, — говорит он. — Это как рефлекс. Мы страшно боимся оказаться на неверной стороне истории». Но он знает, что все могло быть хуже. Оглядываясь в прошлое на то, как близок он был к операции, Джеймс размышляет: «Страшно подумать, в каком положении я оказался бы сейчас. Я не знаю, был ли бы я здесь сейчас».

Когда я слушаю историю Джеймса, похожую на множество других, мне среди прочего бросается в глаза одна вещь: то, как многое мы притворяемся, будто знаем, но как мало мы знаем на самом деле. Как часто мы, похоже, находим решения для вопросов, на которые мы еще не ответили. Но еще одна вещь, которая выделяется, это то, как проблема трансгендерности продолжает вторгаться во многие другие спорные вопросы нашего времени.

Борцы за права гомосексуалов годами утверждали, что любой человек может быть гомосексуален и что историческое представление о том, что гомосексуалы — это женственные мужчины и мужественные женщины, не только устарело и является невежественным, но и предвзято и гомофобно. А затем появляется другое требование о правах, которое является настолько близким к нему, что

даже стоит рядом с «геями» в аббревиатуре ЛГБТ. Но оно предполагает нечто значительно более разрушительное, чем идея о том, что некоторые поведенческие характеристики типичны для гомосексуальных людей. Идея трансгендерности предполагает, что женственные мужчины или мужчины, которые не любят «правильные» виды спорта, не просто являются геями, но и теоретически живут в «неправильных» телах и фактически являются женщинами внутри себя — и наоборот. Учитывая количество коннотаций, удивительно, что такое малое количество геев и лесбиянок протестовало против заявлений, укорененных в транс-движении. Гей-сообщества в целом согласились с тем, что права трансгендеров существуют в рамках их «орбиты», занимая часть того же континуума и той же аббревиатуры. Однако многие заявления, которые делаются трансгендерными людьми, не просто идут вразрез с убеждениями гей-движения: они глубоко подрывают их. «Некоторые люди гомосексуальны. Или, возможно, трансгендерны. Или наоборот. Смиритесь».

Но трансгендерность идет вразрез не только с гомосексуальностью. Вместо того, снимать напряжение, о которых говорят сторонники теории интерсекциональности, трансгендерные люди создают целое нагромождение логических противоречий.

В колледже Уэллсли в 2014 году произошел удивительный случай, когда в женский колледж прибыла студентка, объявившая, что она — «маскулиная гендерквир-персона», которая хотела бы, чтобы ее называли «Тимоти» и использовали по отноше-

нию к ней мужские местоимения. Несмотря на то, что она поступила в этот колледж — альма-матер Хиллари Клинтон — в качестве девушки, другие студентки, как сообщается, не испытывали никаких проблем со своим сверстником-мужчиной. Так было до тех пор, пока Тимоти не объявил, что хочет баллотироваться на роль координатора по вопросам мультикультурализма: целью этого движения было продвижение «культуры разнообразия» в колледже. Наверное, можно предположить, что «маскулинная гендерквир-персона» по всем параметрам подходила бы на эту должность. Однако студентки колледжа Уэллсли, как сообщается, решили, что назначение Тимоти на такую должность будет способствовать насаждению патриархата в колледже. Началась кампания за бойкотирование выборов. Одна студентка, сторонница бойкота, сказала: «Я думаю, он бы отлично справился с этой работой, но просто казалось неправильным нанять на нее белого мужчину»²³⁷.

В каком-то смысле Тимоти прошел весь цикл угнетения. Из женщины в трансгендера, из трансгендера в белого мужчину, а оттуда — в воплощение белой патриархальности. Из меньшинства — в угнетатели. Там, где трансгендеры, меняющие пол с женского на мужской, строят свое нагромождение, трансгендеры, меняющие пол с мужского на женский, возводят свое — очевидным образом, среди людей, рожденных женщинами. И в этом случае, в отличие от геев, не все женщины, почувствовавшие, что их территория попирается, промолчали. Именно в этой части нового альянса за интерсекциональные права все быстрее всего пошло наперекосьяк.

Подножка для феминисток

У женщин, которые спотыкались о проблему трансгендерности в последние несколько лет, есть кое-что общее, и одной из таких общих черт является то, что они все были на передовой борьбы за решение любой из женских проблем. И это действительно логично. Поскольку, если значительная часть современного активизма за права основана на желании людей доказать, что их проблема относится к категории «врожденных», то проблема трансгендерности вынуждает все остальные движения идти в совершенно противоположном направлении. Активисты за права трансгендерных людей, стремящиеся доказать, что трансгендерность — это врожденное свойство, могут доказать свою правоту только в том случае, если убедят, что существование в качестве женщины — это «приобретенное» свойство. И не все феминистки готовы с этим согласиться.

Британская журналистка Джули Биндел была одной из самых последовательных и упорных феминисток как в Британии, так и где-либо еще во всем мире. Как одна из организаторов «Справедливости для женщин», она занималась активизмом с 1991 года с целью помочь женщинам, которых посадили в тюрьму или которые находились под угрозой тюремного заключения за убийство своих жестоких партнеров-мужчин. Будучи открытой лесбиянкой и феминисткой в течение большей части своей жизни — еще до «третьей» и «четвертой волны» феминизма — Биндел никогда не скрывала своих взглядов. И в начале этого века она стала замечать, что люди, которые роди-

лись мужчинами, а теперь требовали, чтобы их воспринимали и к ним относились как к женщинам (как уже перенесшие операцию, так и не перенесшие), заняли ее территорию.

В 2002 году Биндел была особенно возмущена новостями из Канады, где ванкуверский Трибунал по правам человека постановил, что трансгендер по имени Кимберли Никсон, сменивший пол с мужского на женский, может работать в качестве психолога-консультанта с женщинами, подвергшимися насилию. Действительно, трибунал постановил, что отказ ванкуверской Организации помощи жертвам изнасилования допустить обучение Никсон для работы на этой должности нарушил ее права. Трибунал присудил Никсон \$7500 в качестве компенсации ущерба ее «достоинству» — это была самая большая компенсация из всех подобных. Это решение было позднее отменено Верховным судом Британской Колумбии в Ванкувере. Но для феминистки, относящейся к тому же поколению, что и Биндел, сама идея о том, что женщина даже на психологической консультации, посвященной изнасилованию, не может быть уверена в том, что помогающая ей женщина и впрямь является женщиной, была Рубиконом, который нельзя было пересекать. На страницах «The Guardian» Биндел выразила свой гнев, защищая работниц Организации помощи жертвам изнасилования, которые «не верят, что хирургическим образом сконструированная вагина и выращенная при помощи гормонов грудь делают вас женщиной». Она продолжала: «Во всяком случае, сейчас закон гласит, что для того, чтобы подвергаться дискриминации как женщина,

Безумие толпы

вы должны быть, э-э, женщиной». Возможно, Биндел осознала, в какой мир боли она погружалась, а может, и нет. Но в начале 2000-х наступить на эту мину было легче, чем это стало потом. В любом случае, она завершила свою тираду цветистым росчерком. «У меня нет никаких проблем с мужчинами, которые избавляются от своих гениталий, но это не делает их женщинами — точно так же, как засовывание куска шланга в джинсы не сделает вас мужчиной»²³⁸.

За эту конкретную фразу и за эту статью в целом Биндел будет страдать всю свою оставшуюся жизнь. Сначала газету наводнили письма с жалобами. Сама Биндел быстро принесла извинения за тон своей статьи. Но в последующие годы она обнаружила, что ей сложно говорить на публике, не сталкиваясь при этом с попытками запретить ее речи и выступления. Когда ей разрешалось высказаться, для того, чтобы остановить ее, организовывались агрессивные акции протеста и пикеты. Даже спустя десятилетие ее вынудили отменить свое выступление в Университете Манчестера после того, как в полицию поступили десятки угроз изнасилования и убийства в ее адрес.

Биндел могла быть одной из первых феминисток левого крыла, споткнувшихся о проблему трансгендерности и пострадавших от последствий этого, но она точно не была последней. В январе 2013 года Сюзанна Мур напечатала колонку, которая была посвящена силе женской злости, в левом журнале «New Statesman». В колонке говорилось о многих несправедливостях по отношению к женщинам, которые наблюдала Мур, — начиная от снис-

ходительного отношения к женщинам-членам парламента и заканчивая отношением к абортам и ее утверждением о том, что 65% сокращений в государственном секторе затрагивают женщин. К несчастью для Мур, в число своих замечаний она также включила утверждение о самих женщинах: «Мы злы на себя за то, что мы не так счастливы, что нас любят недостаточно и что у нас нет идеальных тел — тел, как у бразильских трансгендеров»²³⁹. Если бы над журнальными статьями мог клубиться дым, он бы витал над статьей Мур.

Было очевидно, что Мур сделала серьезную ошибку. Среди наиболее распространенных обвинений в ее адрес было обвинение в «трансфобии». Мур не помогла делу, ответив, помимо прочего, что ей не нравится это слово. Люди, привыкшие побивать женщин при помощи этого слова, разъярились еще больше из-за того, что их оружие не сработало. Тем не менее, ответная реакция была настолько громогласной и яростной, что уже спустя несколько часов Мур пришлось «объяснить» свои взгляды и уверить читателей в том, что она не была «полным ненависти» человеком, каким ее теперь называли²⁴⁰. Днем ранее она была прогрессивной феминисткой левого крыла. Теперь же она была реакционеркой, полной ненависти правой гомофобкой. После того, как ее атаковали трансгендеры и другие люди, обвиняя ее в самой низменной гомофобии, Мур объявила, что во избежание «хулиганов» и «троллей» она покидает социальные сети.

Одной из тех, кто воспринял все это хуже всех, была Джули Берчилл. *Enfant terrible* от журналистики 1980-х, она построила свою репутацию не толь-

Безумие толпы

ко в качестве литературного мастера, но и литературного боксера. По ее собственным словам, один лишь вид того, как травят ее подругу Сюзанну Мур, рискующую потерять свою работу и средства к существованию из-за мимолетной ссылки на трансгендеров, был для нее чересчур.

По мнению Берчилл, Мур была не просто ее подругой, но и одной из немногих женщин, как и она, вышедших из рабочего класса, которые смогли пробиться в журналистику. Берчилл не собиралась позволить своей подруге погибнуть без того, чтобы за нее бился кто-то еще более злобный. Итак, в воскресном выпуске «Observer» Берчилл попыталась скрыть клуб дыма, повисший над статьей Мур, за ядерным взрывом.

Помимо прочего, Берчилл нападала на тех, кто критиковал Мур, за то, что они критиковали женщину. По словам Берчилл, женщины вроде нее и Мур вынуждены были прожить всю свою жизнь женщинами. Они терпели менструальные боли, отбивались от сексуальных домогательств со стороны незнакомых мужчин, проходили через роды, встречались с менопаузой лицом к лицу и теперь наслаждались прелестями гормональной заместительной терапии. Женщины вроде нее и Мур не были бы собой, если бы их стали отчитывать и обзывать «мужики в бабской одежде» и «куча обоссанцев в плохих париках».

Ответ последовал мгновенно. Министр внутренних дел Великобритании, отвечающая за равенство — Линн Фезерстоун — незамедлительно объявила, что «выпад Берчилл против трансгендерного сообщества» был не только «отвратительным»

и «гомофобской отрыжкой», но и тем, «за что «Observer» должен ее уволить». Она также призвала к увольнению редактора этой газеты. Сильно напуганное, издание «Observer» опубликовало свои извинения за эту колонку и быстро удалило ее со своего сайта. В тексте извинения, опубликованном редактором, объясняющем, почему газета решила «отозвать» статью после публикации, Джон Малхолланд писал: «Мы сделали ошибку, и в свете причиненной статьей обиды я приношу свои извинения и принимаю решение отозвать статью». Это было нечто почти неслыханное для британской журналистики. Пятью годами позднее сама Берчилл называла этот эпизод одной из причин того, почему ее карьера в журналистике, по ее словам, далее шла «против течения»²⁴¹. Между тем, хотя женщина, которая требовала ее увольнения — Линн Фезерстоун — вскоре потеряла свое место в парламенте, ей сразу же дали пожизненную должность в Палате лордов.

Другим человеком, который пошел против того же течения, что и Биндел и Берчилл, была, пожалуй, самая знаменитая современная феминистка. Автор книги «Женщина-евнух» лишь раз сталкивалась с проблемой трансгендерности во всей полноте за всю свою карьеру. В своей книге 1999 года «Женщина целиком» Джермейн Грир посвятила десятистраничную главу («Пантомима на дам») высказыванию мнения, что людей, которые родились мужчинами, нельзя назвать женщинами. Несмотря на то, что это не было ее основной мыслью, она мимоходом упомянула «калечащие операции», на которые «соглашаются трансгендеры». Она осуждала

Безумие толпы

тот факт, что многие трансгендеры, которые меняли пол с мужского на женский, выбирали «глубоко консервативные» формы тела, которые, по ее мнению, подкрепляли стереотипы. И она прекрасно осознавала, что ни одна из тех хирургических процедур, о которых часто говорилось с такой беспечностью, даже отдаленно не была простой. В 1977 году гендерная клиника при Стэнфордском университете заявила, что проводимая ею двухступенчатая процедура по смене пола в действительности требовала трех с половиной операций и что по меньшей мере 50% перенесших ее пациентов сталкивались с различными формами осложнений, часто превращая общение с врачами с пожизненную необходимость²⁴². Грир также указала на то, что замечали очень немногие люди, но о чем вскоре начали беспокоиться родители детей, которые утверждали, что страдают гендерной дисфорией: это был тот факт, что трансгендер «идентифицируется как трансгендер исключительно на основе его или ее ощущений, которые могут быть усвоены, как и любой другой вид гендерного поведения, и подредактированы в той же мере, как это часто бывает с автобиографиями»²⁴³.

В последующие годы Грир не касалась этой темы. Однако потребовалось всего пятнадцать лет для того, чтобы ее взгляды оказались за рамками приемлемой нормы. Ближе к концу 2015 года Грир должна была выступить с лекцией на тему «Женщины и власть: уроки XX века» в Университете Кардиффа. Однако значительное количество студентов не захотело слушать самую значимую феминистку конца XX века. Вместо этого они оказы-

вали давление на университет, используя слова, с которыми в наше время отлучают от общественной нормы.

По их словам, взгляды Грир на вопрос трансгендерности были «проблематичными». Она «вновь и вновь демонстрировала свои женоненавистнические взгляды по отношению к транс-женщинам». Всего несколько лет назад было бы безумием отвергать Грир как женоненавистницу. И все же они были здесь, с девушкой, организовавшей петицию против Грир и описавшей себя как сторонницу «левой квир-феминистской политики». Эти студенты утверждали, что среди преступлений, совершенных Грир, были «постоянный мисгендеринг транс-женщин и в целом отрицание существования трансфобии». Понимая, что «дискуссия в университете должна поощряться», подписанты в то же время предупреждали, что «принятие лектора с такими проблематичными и ненавистническими взглядами на маргинализированные и уязвимые группы опасно»²⁴⁴.

В последующем интервью для BBC, посвященном этому скандалу, Грир сказала: «Похоже, люди решили, что, раз я не считаю, что мужчины, перенесшие операцию, являются женщинами, мне нельзя говорить. Я не говорю, что людям не должно быть разрешено проходить через эту процедуру. Я говорю лишь, что это не делает их женщинами. Это мнение, а не запрет». Более того, объяснила Грир, проблемы трансгендерности не были одной из тем, которые она часто поднимала бы. «Они — не моя проблема. Я не писала ничего о трансгендерах многие годы». Но из-за того, что она все же затронула

Безумие толпы

эту тему, она сказала: «В меня бросались разными заявлениями, меня обвиняли в том, чего я никогда не делала и не говорила, люди, похоже, не беспокоятся ни о доказательствах, ни даже о понятии клеветы». Когда ее спросили о том, появится ли она все же в Университете Кардиффа, она ответила: «Я становлюсь старовата для этого. Мне 76 лет. Я не хочу идти туда, чтобы на меня кричали и в меня бросались предметами. К черту это. Это не настолько интересно и не принесет никакой пользы»²⁴⁵.

Однако оскорбление Грир и в целом отлучение ее от наиболее современной версии феминизма стало обрядом посвящения для поколения женщин, которые — знали они об этом или нет — извлекли выгоду из ее новаторства. В журнале «Varsity», издаваемым Кембриджским университетом (в котором в 1960-х училась и сама Грир) Ив Хогстон опубликовала статью под заголовком «Джермейн Грир больше нельзя назвать феминисткой». По словам автора этой статьи, «Грир сейчас — просто старая белая женщина, которая сама себя отправила в изгнание. Ее комментарии наносят непоправимый ущерб и отражают полное отсутствие уважения к жизням трансгендерных людей. Пока она думает так, она не может больше быть значимой феминисткой. Она больше не стоит за те же вещи, за которые стоим мы»²⁴⁶. Точно так же, как Питер Тиль больше не был геем, а Канье Уэст больше не был чернокожим, Джермейн Грир больше не была феминисткой.

С годами стало ясно, что презрительное отношение студентов к своим предшественникам не ограничивалось университетами — оно распространилось повсюду. И предположение о том, что фемин-

нисток, принадлежащих к тому же поколению, что и Грир, следует поносить за их отношение к трансдерным людям, стало нормой. В сентябре 2018 года домохозяйка из Англии по имени Келли-Джей Кин-Миншалл заплатила £700 за размещение своего плаката на билборде в Ливерпуле. На этом плакате было написано всего лишь определение из словаря. Там было написано: «Женщина: женщины, существительное, человек женского пола». Кин-Миншалл сказала, что заплатила за размещение этого плаката из-за своего беспокойства, что слово «женщина» было словом, которое «присваивали для того, чтобы оно обозначало что угодно». Но определение из словаря недолго провисело на билборде. Ученый и самопровозглашенный «союзник трансгендерного сообщества» по имени доктор Эдриан Хэрроп пожаловался в полицию о том, что билборде был «символом, который заставляет трансгендеров чувствовать себя не в безопасности»²⁴⁷. В последовавшей за этим дискуссией на телевидении ведущий передачи «Sky» обвинил Кин-Миншалл в «трансфобии» из-за этого плаката. И после того, как Хэрроп отчитал Кин-Миншалл за то, что та не использовала по отношению к нему звание «доктор», он сказал, что исключение транс-женщин из определения слова «женщины» было «неприемлемым в современном и прогрессивном обществе»²⁴⁸. Даже правые и консервативные новостные сайты писали о появлении на телевидении Кин-Миншалл, в заголовках к которым говорилось, что она «была клеймена зрителями как «опозорившаяся»» — за то, что «настаивала» на том, что транс-женщина — это не то же самое, что женщины²⁴⁹.

Женщины, которые пытались сохранить понятие женственности за женщинами, везде встречали одну и ту же язвительную реакцию. На «лондонском прайде» 2018 года группа активисток-лесбиянок испортила ЛГБТ-вечеринку, протестуя против того, что им показалось захватом праздника трансгендерами. Британская гей-пресса обвинила этих женщин («ТЭРФ») в гомофобии и разжигании ненависти, а несколько недель спустя на «прайде» в Манчестере, по слухам, раздавались «громкие выкрики одобрения», когда диджей, гомосексуал, объявил, что протестующих в Лондоне должны были оттащить за их «отвисшие сиськи»²⁵⁰.

Среди угроз, затыкания и отказов в выступлениях, один вопрос, который редко задается, заключается в том, почему феминистки определенного течения не должны протестовать против элементов — по меньшей мере — возникающего транс-дискурса. Чем больше женщин прогоняют с этой территории, тем яснее становится суть этого спора. Такие феминистки, как Биндел, Грир и Берчилл вышли из тех школ феминизма, которые по-прежнему озабочены проблемами женских репродуктивных прав, прав женщин на то, чтобы покинуть жестокие и абьюзивные отношения, и многими другими. Они также являются женщинами, которые верили, что необходимо сломать стереотипы о том, чем женщина должна быть или могла быть. Пожалуй, самым очевидным моментом их расхождения с транс-движением является то, что во многом трансгендерность не просто не ставит под вопрос социальные стереотипы о гендере — она усиливает их.

Рассмотрим знаменитую YouTube-блогершу, транс-сексуалку, сменившую пол с мужского на женский — Блэр Уайт, которая, став женщиной (до объявления о своем обратном переходе в конце 2018 года с целью стать отцом детей), сделала свое тело похожим на пин-ап фантазию мальчика-подростка о женщине: выдающаяся грудь, откиннутые назад волосы, надутые губы. Или посмотрим на другой конец спектра женских архетипов. В декабре 2015 года Джули Биндел наконец позволили выступать в университете Манчестера, где она появилась в рамках «круглого стола» вместе с писательницей-транс-сексуалкой и активисткой Джейн Фэй. В то время, когда Биндел произносила речь, а также в другие моменты Фэй сидела и вязала какой-то пурпурно-розовый предмет одежды. Она взяла с собой свои принадлежности для вязания. Или посмотрим на Эйприл Эшли, которая в документальном фильме, посвященном празднованию ее 80-летия в 2015 году, возвращалась в свои детские воспоминания в Ливерпуле, где ей вручали ключи от города. В течение всего фильма невозможно было избавиться от чувства, что Эшли пытается пройти кастинг на роль двойника королевы Елизаветы II²⁵¹. Несмотря на поношения, которые выпали на долю определенного поколения феминисток за то, что те не поддержали транс-дискурс, никто никогда не объяснял, почему они должны это сделать. Речи обвинителей могут быть красочными, когда они атакуют эту цель (так же, как они атакуют и другие цели), но обвинения феминисток в том, что те полны ненависти, опасны, поощряют насилие и даже являются феминистками обходят важные вопросы,

Безумие толпы

которые те поднимают. Почему некоторые феминистки должны спокойно относиться к мужчинами, которые становятся женщинами только для того, чтобы выставлять напоказ свою идеальную грудь, подражать членам королевской семьи или заниматься вязанием?

Родители

Покойный Роберт Конквест однажды сформулировал три правила политики, первое из которых гласило: «Каждый консервативен в том, что знает лучше всего». А родители, можно сказать, лучше всего знают своих детей. Одним из объяснений недавнего всплеска критических вопросов о природе трансгендерности является то, что родители в таких странах, как Америка и Великобритания, начали беспокоиться о том, чему учат молодое поколение. Они также беспокоятся о том, что в некоторых случаях уже происходит.

Родители беспокоятся, когда слышат слова психолога из Сан-Франциско, специализирующегося на детском развитии — Дианы Эренсафт — о том, что ребенок с «приписанным при рождении мужским полом»²⁵², которому исполнился год и который расстегивает пижаму и размахивает ею определенным образом, на самом деле подает «невербальные сигналы о своем гендере». В отличие определенного сегмента медиа, родители не радуются, когда девятилетней дрэг-квин предлагают модельный контракт в ЛГБТ-фэшн-компании и когда та говорит другим детям в популярном YouTube-видео: «Если ты хочешь быть дрэг-квин, а твои родители тебе за-

прещают, то тебе нужны новые родители». И они беспокоятся, когда школы, в которых учатся их дети, позволяют любому ребенку, утверждающему, что он является представителем противоположного пола, быть признанным и называться таковым. Одна мать из северной части Англии недавно описывала, как ее дочь сначала объявила о своей гомосексуальности, а затем — о трансгендерности. Когда ее мать и отец посетили родительское собрание, они узнали, что в школе уже начали использовать мужское имя по отношению к их дочери, которое та сама выбрала, и использовали мужские местоимения, говоря о ней. Школа была «полностью принимающей»²⁵³.

Шотландское правительство советует школам не сообщать родителям ребенка, что тот желает сменить пол. В другом месте документ под названием «В поддержку трансгендерной молодежи», созданный шотландским правительством, утверждает, что ученики должны иметь возможность заниматься спортом в качестве представителя того гендера, в каком им комфортно пребывать, и что родителей не нужно уведомлять о том, что их ребенок хочет жить в одной комнате вместе с представителями противоположного пола во время школьных поездок. В других частях Великобритании родители рассказали о посещении родительских собраний, на которых учитель говорил об их ребенке в «неправильном» роде, а затем просто спрашивал их: «О, а вы не знали? Ваш сын/дочь идентифицирует себя как девочку/мальчика». Это происходит в школах, в которых ребенку необходимо разрешение родителей на то, чтобы ему выписали аспирин во время учебного дня.

Родители также узнают о таком явлении, как «кластеринг». Например, в 2018 году «информационный отчет о равенстве» в одной школе в Брайтоне, знаменитой своими «либеральными настроениями», отчитался о 40 учениках от 11 до 16 лет, которые «не идентифицируют себя с полом, который был присвоен им при рождении». Еще 36 учеников сказали, что они были «гендерфлюидами» — это означает, что они «не всегда» идентифицируют себя с полом, приписанным им при рождении. Результатом этого стало то, что в Великобритании за пять лет на 700% возросло количество обращений детей в гендерные клиники²⁵⁴.

Конечно, активисты за права трансгендерных людей, такие, как группа «Русалки», заявляют, что «кластеринг» и рост числа обращений в гендерные клиники возникают потому, что некоторые люди попросту лучше осознают, что они трансгендерны — лучше, чем они могли бы это осознавать несколько лет назад. Но возможны и другие причины. Одной из них является то, как трансгендерность изображается в популярной культуре, особенно онлайн. Другая заключается в том, что растет количество уступок требованиям транс-активистов со стороны властей.

В интернет-культуре уже совсем не удивляет тот факт, что прием гормонов превратился в до нелепого простое и свободное от последствий занятие. На YouTube, в Instagram и на других платформах есть бесконечное множество людей, которые утверждают, что являются трансгендерами, и популяризируют идею о том, что таковыми можете быть и вы. Одно-единственное видео Джейд Боггесс (транссексуала, совершившего переход из женского

пола в мужской) под названием «Один год на тестостероне» набрало более полумиллиона просмотров только на YouTube. Другое видео от блогера Райана Джейкобса Флореса на ту же тему набрало более трех миллионов просмотров. В таких видео инъекции тестостерона называют «Т» или «мужским соком». Некоторые из этих людей, которые совершают переход в режиме реального времени, становятся знаменитостями. Это не люди более старшего возраста, такие, как Кейтлин Дженнер, а яркие, общительные новые YouTube-звезды вроде Джазз Дженнингс.

Родившаяся мальчиком в 2000 году, Дженнингс начала появляться в СМИ и рассказывать о своей трансгендерности в возрасте шести лет. Когда ей было семь, она дала интервью Барбаре Уолтерс, которая, помимо других вопросов, спросила ее о том, кто ее привлекает. Продвижение Дженнингс не ослабевало. Когда ей было 11 лет, кабельный канал, основанный Опрой Уинфри, транслировал документальный сериал о ней под названием «Я — Джазз». Будучи тинейджером, Дженнингс получила множество медианаград и была включена в список «Наиболее Влиятельных Людей». Она также заключала рекламные контракты и получала другие выгоды от своей славы. Документальный сериал «Я — Джазз» на канале TLC на данный момент длится уже пять сезонов и продолжает делать ее, ее родителей и членов семьи (которые также появляются в шоу) богатыми и знаменитыми. В пятом сезоне этого сериала Джазз исполняется 18, и она проходит через «операцию по конфирмации пола». Сидя на каталке, она дерзко щелкает пальцами и гово-

Безумие толпы

рит: «Сделаем это!» Даже отрывки из этого телешоу на YouTube набрали миллионы просмотров.

Но здесь, вероятно, сказывается не только элемент массовой культуры. Присутствует также добровольное согласие медицинских работников. Когда мы смотрим такие телешоу, как «Я — Джазз», нам становится ясно, что существуют профессиональные медики, которые рады сделать все для того, чтобы помочь человеку, который родился мальчиком, стать девочкой. Все это является частью принятия, которое привело Национальную службу здравоохранения к подписанию договора о том, что врачи НСЗ никогда не будут «подавлять выражение индивидом его гендерной идентичности»²⁵⁵. Но несмотря на то, что некоторые медработники предупреждают о возможности «гипердиагностики и чрезмерного лечения», предположения продолжают двигаться в одном направлении.

История одной семьи

Это опыт лишь одного американского родителя, семья которого была вынуждена пройти транссексуальный путь в последние несколько лет. Для того, чтобы защитить личность ребенка, о котором пойдет речь, я намеренно завуалирую упоминания о местах и некоторые детали. Но его семья жила в одном из больших американских городов и только недавно переехала в сельскую местность. Там они и жили в тот момент, когда я разговаривал с матерью ребенка, которую я буду называть Сара.

Сара — во всех отношениях среднестатистическая мать, представительница среднего класса. Она

заботится о своих детях и, как и ее муж, работает, чтобы их прокормить. Она описывает свои политические взгляды как «немного левее центра». Четыре года назад, когда ее дочери было 13 лет, та заявила, что является трансгендером и на самом деле ощущает себя мальчиком. Этой девочке уже диагностировали легкую форму аутизма, и некоторые сверстники ее не принимали. Ей было сложно улавливать эмоции других людей во время разговора. Приглашения поиграть не были взаимными, и ее выбор в одежде не вызывал одобрения среди ее сверстников. Со временем дочь Сары заметила, что мальчики, которые учились с ней в одной школе, были к ней более благосклонны, чем девочки. Но даже тогда она не получала столько общественного одобрения с их стороны, сколько хотела бы иметь. «Почему я никому не нравлюсь?» — время от времени спрашивала она свою мать. Пытаясь понять, почему она, в частности, «не вписывалась» в компанию девочек, она в то же время пыталась найти причины, по которым ее не принимали сверстники в целом.

А затем она объявила своей матери, что на самом деле является мальчиком и что в этом была причина ее проблем. Сара спросила ее, почему она считает, что является трансгендером. В конце концов, для ее семьи все это было очень неожиданно. Ее дочь сказала, что ей пришла в голову эта идея после просмотра презентации в школе. В тот момент выяснилось, что около 5% детей в этой школе идентифицируют себя как трансгендеров. Эта группа детей включала в себя круг удивительно похожих детей, в том числе тех, которым диагностиро-

Безумие толпы

вали различные формы аутизма, а также тех, которые были непопулярны среди сверстников и с трудом находили с ними общий язык. Конечно, ее мать хотела узнать больше. Если бы в ее школе не было других детей, которые идентифицировали бы себя как трансгендеры, решила ли бы она, что является мальчиком? Дочь Сары ответила, что нет, она бы не решила так, потому что «не знала бы, что есть такой вариант». Дело было не в том, что она думала, что является мальчиком; она *была* мальчиком. Более того, ее мать не была способна понять это, поскольку она была «цис». Сара никогда прежде не слышала слова «цис», не говоря уже о том, что это слово никогда не применялось по отношению к ней. Дочь Сары неоднократно сказала ей, что «транс-дети знают, кто они такие».

Но Сара поддержала свою дочь. Она согласилась называть ее новым мужским именем, которое та выбрала для себя, и начала обращаться к ней, используя мужские местоимения. Она даже представила дочь своим друзьям как сына. Стараясь оказать ей как можно больше поддержки, мать отправилась вместе с дочерью на марш гордости и танцевала под песню Леди Гаги «Born This Way». Сара поддерживала ее настолько, что купила ей ее первую утяжку, которая нужна была ее дочери, чтобы скрыть развивающуюся грудь. Трудно представить себе, что еще могла бы сделать мать.

В то же самое время, что было довольно понятно, Сара начала искать информацию о транссексуальности онлайн. Это было чем-то новым для ее семьи, и она хотела ознакомиться с различными мнениями по этому вопросу, чтобы составить свое

собственное. По собственному признанию Сары, ее первые впечатления об онлайн-спорах были не лучшими. Многие из того, что она прочитала онлайн, по ее мнению, было отмечено следом «анти-ЛГБТ-взглядов». Люди, которые писали нечто подобное, по ее словам, часто казались «гомофобами или религиозными». Она никогда еще не изучала вопрос настолько глубоко. Она была «просто обеспокоена тем, что происходило с ее дочерью». Наконец Сара отправилась проконсультироваться с профессионалами, начиная с врачей, занимавшихся вопросами гендера.

Сначала она услышала нечто, что уже слышали многие люди, попавшие в схожее положение. Врач сказал ей, что «поддержка со стороны родителей является первым шагом к предотвращению суицида». Как и для любого другого родителя, то было угрозой воплощения в жизнь самого страшного кошмара. Этот врач также сказал Саре, что, поскольку ее дочь была «настойчивой, упорствующей и последовательной» в своих утверждениях, это означало, что она и впрямь была мальчиком. Сара была обеспокоена не только словами медиков, но и тем, что говорила ее дочь. Каждый раз, когда ее дочь описывала свои ощущения, порожденные гендерной дисфорией, Сара замечала, что ее слова звучали «разученным текстом». И сказать, что текст был манипулятивным, — значит не сказать ничего. В какой-то момент дочь предъявила список требований, и она готова была использовать шантаж и угрозы на случай, если требования не будут выполнены.

Дочери Сары было 13 лет, когда она объявила, что является трансгендером. В 14 с половиной лет

она отправилась к терапевту. А в 15 ей сказали, что ей нужно начать принимать блокатор гормонов «Люпрон». На каждом этапе подчеркивалось, что со стороны матери было «оскорбительно» подвергать сомнению чувства дочери и что это касалось как ее трансгендерности, так и аутизма: «Люди с аутизмом знают, какие они», — говорилось ей. Даже сомнение по этому поводу было «эйблизмом». Мать и дочь посетили ряд других терапевтов, прежде чем вернуться к первому. Когда Сара выразила некоторое беспокойство по поводу вариантов, которые были предложены ее дочери медиками, в частности, блокаторы гормонов, ей сказали: «Вы можете выбрать между блокаторами гормонов и больницей». Итак, в возрасте 17 с половиной лет дочь Сары объявила, что хочет пройти через операцию.

Конечно, Сара спросила свою дочь, действительно ли та хочет сделать это. Она подчеркнула необратимость пути, по которому собиралась пройти ее дочь. Еще более необратимой, чем прием гормонов, была хирургическая операция. Сара спрашивала свою дочь о том, что, если после того, как она пройдет через операцию, она захочет вернуться к своему первоначальному полу? Что, если, претерпев операцию, она поймет, что не хотела того, что получилось? Ответ ее дочери был: «Ну тогда я покончу с собой». Хотя ни один родитель не должен относиться к подобной угрозе легкомысленно, здесь есть некая закономерность, как об этом ранее говорила Джермейн Грир. И не только со стороны молодежи, но и со стороны профессиональных медиков, которые продвигают эту тему.

К примеру, в 2015 году доктор Мишель Форсье, профессор в медицинской школе Брауновского университета и директор по вопросам гендерного и сексуального здоровья в объединении врачей «Lifespan» в Провиденсе, штат Род-Айленд, давала интервью на канале NBC. Когда ее спросили, могут ли дети в возрасте трех или четырех лет понимать, чего они хотят, Форсье ответила: «Говорить, что трех- или четырехлетние дети не понимают концепцию гендера, означает недооценивать их». Когда ее спросили, будет ли какой-то вред от того, чтобы подождать перед операцией по смене пола, она ответила: «Бездействие нанесет самый большой вред». «Но чем человек рискует, ожидая?» — спросили ее. Она ответила: «Ожидание подвергает риску самоубийства. Ожидание подвергает риску побега. Ожидание подвергает риску алкоголизма или злоупотребления наркотиками. Ожидание подвергает риску травмы и насилия. Ожидание подвергает риску депрессии и тревоги»²⁵⁶. Джоэл Баум, который является главным директором в активистской группе «Гендерный спектр», сформулировал это еще более резко. Родителям, обеспокоенным тем, что их дети будут принимать гормоны, он сказал: «У вас либо могут быть внуки, либо может не стать ребенка — или из-за того, что он решит прекратить общение с вами, или потому, что выберет более опасный путь в жизни»²⁵⁷.

Проблема того, что выбор между вариантами развития событий представлен таким образом — в самом катастрофичном свете — заключается в том, что не остается пространства для обсуждения или для несогласия. Вместо этого в тот момент,

Безумие толпы

когда ребенок говорит, что он, как ему кажется, может быть представителем противоположного пола, это нужно принять с пониманием, а после этого — с совершением меняющих жизнь шагов, которые все большее количество профессиональных врачей, видимо, хочет поощрить с наименьшим сопротивлением.

Однако истории, похожие на те, которые случились с Джеймсом и дочерью Сары, полны поворотов, заставляющих задуматься. Точно так же, как Джеймс, по его словам, возможно, никогда бы не задумался о том, чтобы стать женщиной, если бы не попал в среду, в которой было множество драг-квин и трансгендеров, так и дочь Сары признает, что она, возможно, никогда бы не задумалась о том, не является ли она мальчиком, если бы не оказалось, что в ее школе есть и другие ученики, которые делают такие же заявления. Все это подводит нас к сути вопроса. Даже если существуют люди, которые действительно страдают от гендерной дисфории, и даже если для некоторых из них необратимая операция является наилучшим из возможных вариантов, как их можно отличить от тех людей, которые впитали подобные идеи, но которые позднее поймут, что совершили неверный поступок?

Одной из наиболее жестких, но вероятных причин для замедления стремительного развития событий в области трансгендерности является растущая вероятность появления лавины судебных исков. Хотя Великобритания и в частности Национальная служба здравоохранения открыты для этой возможности, потенциал Великобритании в области выигранных в будущем судебных исков не

сравнится с потенциалом США. В то время как система здравоохранения Великобритании едва справляется с количеством заявок на операцию по смене пола, в США существует не только движение за осуществление этой возможности — у этого есть также финансовый стимул. Одним из признаков того, что трансгендерность является той областью, в которой общественные требования начали привлекать возможности для бизнеса, является то, с какой легкостью транс-активисты — включая некоторых хирургов — сейчас говорят о необратимой операции по смене пола. Для этого нужно быть не слишком впечатлительным.

Профессия

Рассмотрим пример доктора Джоанны Олсон-Кеннеди. Признанный лидер в своей области, сейчас она является директором по медицинской части Центра здоровья и развития трансгендерной молодежи в Детской больнице в Лос-Анджелесе. Это самая крупная клиника для трансгендерной молодежи в США и один из четырех получателей гранта от Национального института здоровья, который поддерживается на деньги налогоплательщиков: этот грант направлен на пятилетнее изучение влияния блокаторов гормонов и гормональных препаратов на детей. Это исследование, в котором нет контрольной группы.

За время своей карьеры доктор Олсон-Кеннеди, по ее собственному признанию, регулярно выписывала гормональные препараты детям от 12 лет. В статье, опубликованной в «Журнале Американ-

Безумие толпы

ской медицинской ассоциации» и озаглавленной «Реконструкция груди и дисфория груди у транс-маскулинный детей и подростков: сравнение неоперированных и постоперированных групп», она пишет, что ряд девочек, которым было всего 13 лет, начали принимать гормоны противоположного пола менее чем за 6 месяцев до того, как перенесли операцию по перемене пола. Это означает, что девочкам, которым было всего по 12 лет, выписывали гормональные препараты с необратимым эффектом. Кроме того, отчеты о ходе работы показывают, что по состоянию на 2017 год дети, которым было всего по восемь лет, получили право подвергаться такому лечению.

Публичные заявления доктора Олсон-Кеннеди примечательны своей настойчивостью, уверенностью и даже догматизмом. Она публично критиковала идею о проверке психического здоровья детей, которые заявляли, что хотят сменить пол. Сравнивая детей, которые хотят сменить пол, с детьми, страдающими от диабета, она однажды в прошлом сказала: «Я не посылаю их к психотерапевту перед тем, как ввести им инсулин». Она является главным сторонником идеи о том, что оспаривание решения, к которому пришел ребенок, рискует поставить под угрозу отношения между врачом и пациентом. Она писала: «Создание терапевтических отношений подразумевает честность и чувство безопасности, которое может оказаться под угрозой, если молодые люди поймут, что в том, в чем они нуждаются и чего заслуживают (потенциально — блокаторы гормонов, гормональные препараты или хирургическая операция),

им может быть отказано на основании информации, которой они поделятся с психотерапевтом»²⁵⁸. Олсон-Кеннеди скептически относится к идее того, что 12- и 13-летние дети, возможно, не в состоянии принять осознанное и необратимое решение. Она сказала: «У меня никогда не было пациента, который после принятия блокаторов гормонов не захотел бы позднее продолжить лечение с помощью принятия гормональных препаратов». Говоря об этом, она подчеркнула:

«Когда мы принимаем решение перейти к хирургическому вмешательству или к приему средств, подавляющих половое созревание, или к приему гормональных препаратов, человек, чье мнение является решающим — это ребенок. Существуют медицинские центры, которые используют более техническое, психометрическое тестирование, которое анализирует различные и разнообразные факторы в психическом развитии ребенка. В нашей клинике мы это не практикуем».

Однако в другом месте она сказала, что ей доводилось встречать небольшое число пациентов, которые прекратили лечение или позже стали жалеть о смене пола, но при этом добавила, что это не должно влиять на мнение людей, которые хотели бы совершить переход. Одна из проблем, по ее мнению, заключается в том, что такие важные решения порой принимаются «врачами (чаще всего трансгендерными), которые решают, готовы дети к этому или нет». Олсон-Кеннеди считает, что это «неработоспособная модель»²⁵⁹.

Несмотря на тот факт, что руководство Общества эндокринологии (самой старой и самой главной

Безумие толпы

организации в мире в области эндокринологии и исследований метаболизма) утверждает, что существует «минимальный опубликованный опыт» по гормональному лечению «детей от 13 с половинной до 14 лет»²⁶⁰, Олсон-Кеннеди и другие ее коллеги выглядят необычайно уверенными в том, что они делают, например, в ее невероятно упорном игнорировании не только ее оппонентов, но и необратимости действий, к совершению которых она поощряет детей. Во время одной из презентаций, снятой тайком, она говорит о чем-то, что, по ее словам, она «просто должна сказать». Это был ответ любимым критикам, которые считают, что дети не способны принимать такие фундаментальные и необратимые решения. Размахивая руками и выходя из себя из-за этих неприемлемых точек зрения, Олсон-Кеннеди заявила, что люди, которым нет и 20 лет, вступают в брак, выбирают колледжи, в которые будут поступать, и что есть и другие «меняющие жизнь решения», принятые в молодости, которые завершаются успехом. Мы слишком много внимания уделяем негативу, говорит она. «Мы знаем, что подростки способны принимать обоснованные логические решения». Пока что это бесспорно. Но та небрежность, с которой она делает следующее замечание, являются несколько шокирующей. «Вот в чем состоит особенность операции на груди, — говорит она. — Если позже в жизни вы захотите вновь иметь грудь, вы можете пойти и получить ее»²⁶¹.

Правда? Где? Как? Разве люди — это конструктор «Lego», в который новые кусочки можно вставлять, вынимать и заменять по желанию? Разве хирурги-

ческая операция является настолько безболезненной, бескровной, бесшовной и не страшной в наши дни, что людей человек может попросту приклеить себе грудь в любой момент и счастливо жить дальше, наслаждаясь своими новыми приобретениями? Типичная операция по смене мужского пола на женский включает в себя не только операции на гениталиях и груди, но и операции по уменьшению подбородка, носа и лба, которые включают в себя снятие кожи с лица. Также нужна пересадка волос, логопедия и многое другое. Женщина, которая хочет стать мужчиной, должна перенести конструирование чего-то, что будет похоже на пенис, созданного из кожи с других участков тела. Часто кожу берут с рук пациента — хотя успех и не гарантирован. И все это ценой в десятки — а часто и сотни — тысяч долларов. Назвать это все полным безумием было бы неверно.

Потому что все еще хуже. В феврале 2017 года организация под названием WPATH провела свою первую конференцию USPATH в Лос-Анджелесе. WPATH расшифровывается как «Мировая профессиональная ассоциация по вопросам здоровья трансгендеров». А конференция называлась «Первая американская научная конференция профессиональной ассоциации по вопросам здоровья трансгендеров». Одна секция этого симпозиума называлась «Вне бинарности: забота о небинарных подростках и молодежи». Во время нее доктор Олсон-Кеннеди обратилась к полной аудитории людей, уже, очевидно, согласных с ней. Однако наряду с тем, что прозвучали слова, с которыми ее зрители согласились, стало очевидно, насколько

молоды эти «подростки и молодежь», о которых шла речь в названии секции.

К примеру, Олсон-Кеннеди описала, как однажды работала с восьмилетним ребенком, которому (что, очевидно, показалось ей до смешного нелепым) «при рождении приписали женский пол». По словам Олсон-Кеннеди, «и вот этот ребенок пришел ко мне на прием», и родители ребенка в замешательстве. Их дочь «полностью выглядела как мальчик», что означало «короткие волосы, мужская одежда. Но этот ребенок посещал очень религиозную школу. И в туалетной комнате для девочек, которую посещал этот ребенок, все говорили: «Почему этот мальчик приходит в женский туалет? Это проблема». И этот ребенок решил: «Видимо, у меня все складывается не очень, мне надо разобраться в себе, типа, я хочу посещать школу в качестве мальчика»». Олсон-Кеннеди продолжает рассказывать эту историю так, будто это какой-то анекдот, и изображает озадаченные лица родителей и нелепые мнения людей из круга, которые, видимо, не понимают то, что для доктора и ее аудитории является самоочевидным. Некоторые «дети», которые приходят к ней на консультацию, похоже, имеют превосходную «ясность» и «великолепную артикуляцию» их истинного гендера и просто «принимают его». Этот «ребенок», похоже, не «собрался с мыслями или не думал обо всех этих других возможностях». Хотя Олсон-Кеннеди рассказала историю о трехлетней девочке, сказавшей своей матери, что она ощущала себя мальчиком — теперь доктор утверждает, что ребенок этого не говорил — присутствующие понимающе смеются, слушая эту историю.

В какой-то момент Олсон-Кеннеди вспоминает, как, когда спросила «ребенка» (из предыдущего примера) о том, мальчиком он был или девочкой, и увидела «замешательство» на лице ребенка, этот ребенок ответил: «Я — девочка, потому что у меня тело девочки». Олсон-Кеннеди добавляет к этому: «Это то, как ребенок научился говорить о своем гендере — основываясь на виде своего тела». Затем она рассказывает о своей блестящей идее — «выдуманной прямо тогда, сходу, кстати говоря». Она спросила ребенка, любит ли тот печенье «Pop Tarts». Ребенок ответил утвердительно. И тогда Олсон-Кеннеди спросила его о том, что он бы стал делать, если бы ему попало клубничное печенье в коробке, полной печенья со вкусом корицы. Это клубничное печенье или печенье с корицей? «Ребенок такой: «Ну конечно, это клубничное печенье». И я ему такая: «И-и-и?..» В этот момент аудитория понимающе смеется и начинает аплодировать. Олсон-Кеннеди продолжает: «И тогда ребенок повернулся к своей маме и сказал: „Я думаю, что я мальчик в оболочке девочки“». В этот момент зрители начинают умиленно ворковать, восхищаясь этим моментом. Олсон-Кеннеди подводит итог: «Лучшим во всем этом было то, что мать ребенка растрогалась, встала с места и крепко обняла ребенка. Это был потрясающий опыт». Прежде чем другие зрители в аудитории встали для того, чтобы рассказать свои собственные душераздирающие истории, она продолжила: «Я переживаю за те моменты, когда мы говорим „Я являюсь“ против „Я бы хотел быть“, потому что я думаю, что вокруг людей происходит много чего, что способствует их осознанию и арти-

куляции гендера. Так что я не думаю, что это я сделала этого ребенка мальчиком». В этот момент зрители смеются над самой этой идеей. «Я думаю, что предоставление этому ребенку языковых инструментов для того, чтобы он описал свой гендер, было по-настоящему важным»²⁶².

Одной из странных вещей во всем этом, судя по реакции зрителей на конференции USPATH, было то, что Олсон-Кеннеди произносила речь не на встрече «профессионалов», а на религиозном собрании. Обсуждался строго определенный набор идей. Одобрялся строго определенный набор ценностей. И строго определенный набор предположений выдвигался, вызывал смех или отторгался. Эти зрители не сидят, слушая и задавая вопросы, как на академической или профессиональной конференции. Они издают звуки одобрения, смеются, фыркают и аплодируют в такой манере, которая более, чем на что-либо другое, походит на собрание союза «Христианское возрождение».

Или на какой-то комедийный вечер. Следующего человека, подошедшего к микрофону, Олсон-Кеннеди спросила: «Вы медицинский работник?» Ответ на это был: «Ага». «Окей, — сказала она, очевидно, не желая расставаться с микрофоном, — вот кое-что, чему я научилась, будучи в браке с человеком, который занимается вопросами психического здоровья». В этот момент медицинский работник сказал низким голосом: «Вы хотите об этом поговорить?» Раздаются бурные аплодисменты, возгласы и одобрительный смех над тем, что является, видимо, невероятно смешной сценкой. После того, как все наконец утихло, медицинский работник

(который, как оказалось, приехал из штата Айова) сказал: «Итак, то, о чем я хотел рассказать, это то, что я делаю всегда, когда встречаю нового пациента в рамках своей практики — я говорю ему: если бы у тебя волшебная палочка или та штука из «Стар Трека», которая позволяет делать то, что захочешь, что бы ты хотел, чтобы случилось? Что я могу сделать? Таким образом я узнаю, в каком направлении этот пациент хочет двигаться и какие для этого могут быть инструменты». Обычно, если ребенок говорит, что хотел бы взмахнуть волшебной палочкой и изменить что-то, он затем открывает глаза и понимает, что ни волшебная палочка, ни заклинание, которое он произнес, не работают. Только в мире транс-идеологии взрослые говорят детям, что можно помахать волшебной палочкой, что желания могут быть исполнены, и что если они чего-то достаточно сильно хотят, взрослые смогут заставить чудеса произойти.

Как оказалось, та шутка, которую озвучили медицинский работник вместе с доктором Олсон-Кеннеди, не настолько смешная, как показалось тогда участникам конференции USPATH. Поскольку у человека, «занимающегося вопросами психического здоровья», за которым она замужем, была своя довольно необычная врачебная практика.

Эйден Олсон-Кеннеди работает в Гендерном центре Лос-Анджелеса. В его биографии указывается, что, помимо того, что он является «дипломированным клиническим социальным работником», «профессионалом в области психического здоровья» и человеком, вовлеченным в «пропагандистскую работу», Эйден Олсон-Кеннеди и сам прошел

через смену пола. Как пишет Гендерный центр, он «предоставляет уникальный взгляд в своей карьере, будучи трансгендерным человеком, который однажды тоже нуждался в похожих психологических и медицинских услугах». В такой ситуации вопрос о том, где пересекаются медицина, уход, социальная работа и пропаганда, является очень актуальным.

В качестве части процесса превращения в мужчину Эйдену пришлось подвергнуться двойной мастэктомии — операции, которая в очень редких случаях не оставляет никаких шрамов. Но, возможно, его решение пройти через эту операцию является одной из причин, почему он рад порекомендовать ее другим. Среди известных случаев — случай 14-летней девочки, у которой в прошлом были психологические проблемы. Еще более шокирующим был разве что случай с одним американским ребенком, который страдал от синдрома Дауна. Девочка, известная под именем Мелисса, страдала от целого ряда физических и ментальных проблем, а также, по слухам, болела лейкемией. По разным сложным причинам мать ребенка, похоже, стремилась набрать полную «корзинку» других диагнозов для своей дочери. Один вывод, к которому она пришла — с чужой помощью — заключался в том, что ее дочь в действительности была трансгендером. Среди тех, кто поддерживал это утверждение и последовавший за ним призыв к тому, чтобы девочка подверглась смене пола, был Эйден Олсон-Кеннеди. Действительно, он просил других трансгендеров пожертвовать деньги на двойную мастэктомию для ребенка с синдромом Дауна. Как будто все это не

могло быть еще сложнее, оба Олсон-Кеннеди являются зарегистрированными консультантами в компании «Endo Pharmaceuticals», которая, помимо прочего, является производителем тестостерона.

Куда все это ведет?

Если буквы «Л», «Г» и «Б» — неопределенные элементы в алфавите ЛГБТ, то последняя буква в этой аббревиатуре является еще более неопределенной и наиболее дестабилизирующей. Если с геями, лесбиянками и бисексуалами не все понятно, то трансгендеры остаются более всего окутаны тайной, причем тайной, способной иметь наиболее серьезные последствия. Дело тут не в требованиях равных прав — мало кто считает, что кому-либо должно быть отказано в равных правах. Вместо этого предубеждения и предположения являются причиной проблем. Утверждение, гласящее, что все должны согласиться использовать новые местоимения и привыкнуть к присутствию членов противоположного пола в туалетных комнатах, находится на относительно легкомысленном конце спектра требований. Гораздо более серьезным является требование того, чтобы детей поощряли к медицинскому вмешательству из-за вопроса, который все еще далек от своего разрешения — и возраст, в котором детей будут поощрять к этому, будет только понижаться. В конце 2018 года частный врач в области гендера в Уэльсе была осуждена за нелегальное предоставление медицинских услуг. Ее клиника выписывала гормональные препараты, предназначенные для смены пола, детям, которым было всего 12 лет²⁶³.

Более того, почему бы этому возрасту не понижаться, когда утверждения подкрепляются столь угрожающей риторикой, шантажом и драматизацией? Любой, кто упоминает о недостатках или опасениях по поводу смены пола, объявляется разжигателем ненависти или тем, кто поощряет насилие по отношению к трансгендерам и поощряет причинение ими вреда по отношению к самим себе. Из этого следует, что единственное, что могут делать не трансгендерные люди — это молчать о проблеме и никогда не заговаривать о ней, если только они не хотят сказать что-то одобрительное. Эта позиция уже привела к появлению новых концепций, которые вытекают из некоторых частей феминистского и транс-движений — например, идея того, что некоторые люди «небинарны» и «гендерфлюидны». Фильм от BBC под названием «Вещи, которые не стоит говорить небинарному человеку» включает в себя мнения нескольких молодых людей, которые говорят, насколько «ограничивающей» и примитивной является идея о том, чтобы быть мужчиной или женщиной. Как говорит один из них: «В смысле, что вообще такое мужчина и женщина?»²⁶⁴ Преобладающее чувство, которое возникает при виде этих молодых людей в фильме, а также других, кто делает такие заявления, заключается в том, что кажется, будто они в действительности пытаются привлечь к себе внимание.

Так ли это в случае с молодыми людьми, заявляющими о своей трансгендерности? Почти наверняка. Однако нет никакого очевидного способа понять, к кому это относится, а к кому нет — в каком случае человека стоит поощрить к хирургическому

вмешательству в его тело, а кого стоит настоятельно призывать держаться от этого подальше. Даже Джоанна Олсон-Кеннеди признала, что большинство людей, идентифицирующих себя как трансгендеров, не имеет нарушений полового развития.

Попытка представить ответы на вопросы о гормонах и хирургии в откровенно упрощенном свете однозначно убедит некоторое число людей в том, что проблемы в их жизни легко могут быть разрешены при помощи устранения этой фундаментальной ошибки. Это могло сработать для Джазз Дженнингс, и это могло сработать для Кейтлин Дженнер. Но это не помогло разрешить проблем Натана Верхелста — если что-то вообще могло. Современная проблема заключается не в неравенстве, а в уверенности — ложной уверенности, при помощи которой одна из самых загадочных проблем преподносится как одна из самых ясных и понятных вещей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поборники социальной справедливости, политики идентичности и интерсекциональности утверждают, что мы живем в расистском, сексистском, гомофобном и трансфобном обществе. Они утверждают, что эти виды угнетения взаимосвязаны, и что если мы сможем разглядеть эти паутины и устранить ее, мы наконец сможем избавиться от переплетенных видов угнетения нашего времени. После этого случится нечто. Что именно произойдет, остается неясно. Возможно, социальная справедливость — это то состояние, которое, однажды будучи достигнутым, остается неизменным. Возможно, ему требуется постоянное внимание. Вряд ли мы сможем узнать.

Во-первых, потому что взаимосвязанные виды угнетения не плотно сцепляются одно с другим, но отвратительно и шумно скрежещут как друг о друга, так и внутри себя. Они скорее порождают трение, чем уменьшают его, и больше повышают тревожность и безумие толп, чем приводят к душевному покою. В этой книге были рассмотрены четыре наиболее часто поднимаемых в нашем обществе проблемы: проблемы, которые стали не просто штам-

пом в ежедневных новостях, но и основой новой общественной морали. Упоминание о бедственном положении женщин, геев, людей различного расового происхождения и трансгендеров стало не только способом проявить сострадание, но и демонстрацией формы нравственности. Вопрос в том, как практиковать эту новую религию. «Борьба» за эти вещи и превознесение их стали способами показать, что вы — хороший человек.

Конечно, в этом что-то есть. Позволять людям жить так, как они этого хотят — это идея, которая открывает одни из самых ценных достижений нашего общества, достижений, которые во всем мире все еще невероятно редки. В мире все еще есть 73 страны, в которых быть геем незаконно, и в восьми из них гомосексуальность карается смертью²⁶⁵. В странах на Среднем Востоке и в Африке женщинам отказывают в самых элементарных правах. Вспышки межрасового насилия случаются то в одной стране, то в другой. В 2008 году 20 000 человек бежали из ЮАР в Мозамбик после восстаний южноафриканцев против жителей Мозамбика в поселениях чернокожих — десятки людей были убиты, тысячи остались без крова. Нигде в мире права трансгендеров на то, чтобы жить той жизнью, которую они для себя хотят, не защищены законом так, как на развитом Западе. И все эти вещи воспринимаются как достижения, ставшие возможными благодаря законодательной системе и правовой культуре. Вот здесь кроется парадокс: страны, которые являются наиболее развитыми с точки зрения этих достижений, представлены в наше время как одни из худших. Возможно, это просто версия изречения

Безумие толпы

Дэниэла Патрика Мойнихэна о правах человека: заявления о нарушениях прав человека происходят в точности обратно пропорционально отношению к количеству случаев нарушения прав человека в этих странах. Заявлений о нарушении прав нельзя услышать в несвободных странах. Только очень свободное общество могло бы позволить — и даже поощрить — подобные бесконечные заявления о собственном беззаконии. Аналогично, кто-то может представить гуманитарный колледж в Америке или ресторан в Портленде как находящийся на грани фашизма, если люди, которые жалуются на них, настолько далеки от фашистской системы, насколько это возможно.

Но этот дух обвинений, притязаний и недовольства распространился с удивительной быстротой. И это связано не только с появлением новых технологий, хотя прошло лишь одно десятилетие с начала эпохи смартфонов и Twitter. Даже до этого в определениях прав человека и практике либерализма что-то пошло не так. Выглядит так, будто один из аспектов либерализма, позволяющий задавать вопросы, был в какой-то момент заменен либеральным догматизмом — догматизмом, который настаивает на том, что нерешенные вопросы решены, что неизвестное известно и что у нас есть прекрасное понимание того, как строить общество вдоль неверно начерченных линий. Вот почему достижения борьбы за права теперь преподносятся как основы прав, несмотря на то, что эти основы представляют собой нечто нестабильное. Если бы только либерализм мог допустить некоторое количество смирения там, где преобладает уверенность! Ибо эта форма догматич-

ного, мстительного либерализма может, среди прочего, в какой-то момент привести к подрыву и разрушению всей либеральной эпохи. В конце концов, неясно, будет ли большинство людей принимать утверждения, которые им велят принять, и продолжать бояться ругательств, которые будут сыпаться на них, если они откажутся.

Недостатки этой теории — и причины — требуют идентификации, потому что боль, которая будет продолжать причиняться, если этот поезд интерсекциональности поедет и дальше, неизмерима. Метафизика, которую новое поколение выпитывает и которой насильственно пичкают всех остальных, имеет множество неустойчивых точек и основана на желании выразить уверенность по поводу вещей, о которых мы ничего не знаем, и отнестись пренебрежительно и преподнести как относительные те вещи, которые мы знаем хорошо. Основания ее таковы: кто угодно может стать гомосексуалом, женщины, возможно, лучше мужчин, люди могут стать белыми, но не чернокожими, и каждый может сменить пол. Любой, кто не вписывается в эту парадигму, является угнетателем. И все вокруг должно политизироваться.

Противоречий и путаницы хватит на всю жизнь. Не только в определенных моментах, но в самом основании. Что могут сказать гомосексуальные или гетеросексуальные мужчины и женщины о заявлениях тех, кто наделяет детей другим полом — вместо того, который был приписан им при рождении? Почему молодая девушка, ведущая себя неженственно, должна восприниматься как еще не прошедший операцию трансгендер, меняющий пол с женского

Безумие толпы

на мужской? Почему маленький мальчик, которому нравится надевать платье принцессы, должен казаться ожидающим смены пола трансгендером, меняющим пол с мужского на женский? Утверждения гендерных экспертов о том, кто является «печеньем, попавшим не в ту коробку», могут касаться тех, кто и сам не умеет прочесть описание на коробке с печеньем. Было установлено, что примерно 80% детей, которым диагностировали то, что сейчас называется гендерной дисфорией, обнаруживают, что эта проблема разрешается сама собой в период полового созревания. Это означает, что они будут комфортно себя чувствовать, будучи того биологического пола, который обнаружился у них при рождении. Большая часть этих детей, повзрослев, станет геями или лесбиянками. Как должны женщины-лесбиянки и мужчины-геи относиться к тому факту, что, спустя десятилетия после того, как они приняли себя такими, какие они есть, целому новому поколению детей, которые могли бы стать геями или лесбиянками, внушают, что женственные черты делают их женщинами, а мужественные черты — мужчинами? А что должны об этом думать феминистки? Каково это — после того, как они утвердили свои женские права, слышать, в чем их права заключаются — включая право голоса — от людей, рожденных мужчинами?

Эти утверждения не пересекаются — они сводят с ума

Вопреки заявлениям сторонников социальной справедливости, эти категории не так хорошо взаимодействуют друг с другом. Матрица угнетения —

это не гигантский кубик Рубика, ожидающий, пока ученые в области социальных наук выстроят его цветные стороны в линию. Она состоит из требований, которые не сочетаются одно с другим — во всяком случае, не в этой тональности.

В 2008 году журнал «Advocate» выступал против «Предложения №8», которое должно было отменить возможность однополых браков в штате Калифорния. В своем стремлении продолжать кампанию за легализацию однополых браков передовица ноябрьского номера самого значимого гей-журнала в Америке гласила: «Гомосексуальный — это новый черный». Это заявление не было тепло воспринято чернокожими американцами. Не более чем подзаголовок статьи на первой полосе: «Последняя великая борьба за гражданские права». Даже добавленная к этому заявлению старая журналистская уловка — вопросительный знак — не уменьшила количество критики. Как выразился один критик, слова о том, что «гомосексуальный — это новый черный», были оскорбительны из-за — среди множества прочих перечисленных им причин — «полного отсутствия связи между однополыми браками и законами против смешанных браков». Каждый раз, когда кажется, будто подобные противоречия и сравнения могут быть преодолены, а все требования прав и достижения могут сосуществовать друг с другом в гармонии, случаются такие скандалы.

Порой это происходит из-за того, что кто-то задает неправильный вопрос. После случая с Рейчел Долезал феминистский философский журнал «Nuptia» опубликовал статью, написанную ученой, не имеющей постоянного места в университете —

Безумие толпы

Ребеккой Тувел. Она подняла самый интересный вопрос. Сравнивая отношение к Рейчел Долезал с отношением к Кейтлин Дженнер, она спросила, можем ли мы, если «принимаем решение трансгендерных людей о смене пола, принимать также решение трансрасовых людей на смену расы». Эти слова не были тепло приняты. С точки зрения логики Тувел сделала важное замечание: если у людей есть право на самоопределение, то почему это право должно прекратиться там, где начинается территория расы, но не там, где начинается территория пола? Но с точки зрения современной этики она не могла оказаться в еще более затруднительном положении. Активисты за права чернокожих, среди прочих, мобилизовались против этой статьи. Против Тувел была создана петиция, было подписано открытое письмо, и один из помощников редакции журнала «Nurpatia» был среди тех, кто ее критиковал. Публикация обвинялась в том, что позволяла «белым цис-ученым» принимать участие в спорах, которые усугубляют «трансфобию и расизм».

Последствия публикации в этом малоизвестном феминистском журнале были таковы, что в кратчайшие сроки «Nurpatia» принесла извинения за публикацию этой статьи, редактор ушел в отставку, а директора журнала были заменены. Сама Тувел клялась, что она написала эту статью «с намерением поддержать людей с нетрадиционными идентичностями, а также выразить разочарование по поводу того, что людей с такими идентичностями так часто оскорбляют, стыдят за их тела и затыкают им рты»²⁶⁶. Но «расширению границ мышления», которое, как она утверждала, было ее единственной це-

лю, были, очевидно, не рады. Если бы Тувел видела Рейчел Долезал на ток-шоу «The Real» в 2015 году, она получила бы ответ на свой вопрос. Чернокожие женщины на этом ток-шоу ясно дали понять Долезал, что трансрасовость неприемлема, поскольку человек, который рос белым, не может понять, каково это — быть человеком, который рос чернокожим. У них не могло быть похожего опыта. Это то, что феминистки второй волны говорили в то же время о трансгендерах. Но то, что сработало в случае с расой, не сработало для женщин. Иногда проблема возникает, потому что кто-то задает неправильный или неловкий вопрос. А в других случаях бывает так, что человек, который должен был все упорядочить, оказывается запутавшимся и сложным.

В октябре 2017 года британский журнал «Gay Times» анонсировал прием на работу редактора по вопросам «чернокожих и этнических меньшинств», Джоша Риверса (это было то время, когда «чернокожие и этнические меньшинства» (БЭМ) еще не было заменено более длинным, более приемлемым акронимом — БАЭМ («чернокожие, азиаты и этнические меньшинства»)). Риверс продержался на этой должности три недели. Вскоре после объявления о его найме «Buzzfeed» решил исследовать историю его твитов и обнаружил совсем другого человека, за которым тянулся след из неразумных высказываний. В период с 2010 по 2015 год Риверс сделал ряд заявлений на свою двухтысячную аудиторию фолловеров, и эти заявления, по словам «Buzzfeed», «могли шокировать многих читателей».

Риверс не был таким уж антирасистом. На самом деле у него, похоже, были некоторые предубежде-

ния против евреев, и ему не сильно нравились азиаты. Другие же — включая африканцев и, в частности, египтян — вызывали у него еще более неприятные чувства. Он называл египтян «жирными, вонючими, волосатыми, тупоголовыми анальными насильниками». Ему не нравились толстые люди, люди, принадлежащие к рабочему классу, а также те, кого он называл «отсталыми». Лесбиянки были другим объектом его немалого гнева. И его взгляды на транссексуалов были особенно непрощенными. В 2010 году он сказал одному человеку: «Слушай сюда, транс: 1) ты выглядишь как наркоман, 2) ТЫ ТРАНС и 3) твой парик не заслуживает упоминания. Отведи глаза, дорогуша». Этот твит предварялся предупреждением от другого гей-издания, которое безрадостно писало о произошедшем. Этот твит был, как они предупреждали читателей, «особенно ужасен»²⁶⁷.

Издание «Gay Times» провело собственное оперативное «расследование» и в течение 24 часов объявило, что их первый редактор по вопросам «чернокожих и этнических меньшинств» был немедленно уволен и что все его предыдущие статьи были удалены с сайта. Журнал, по словам редколлегии, «не приемлет таких взглядов и будет стремиться уважать и продвигать инклюзивность». Несколько недель спустя Риверс извинился за содержание своих старых твитов и рассказал о своем собственном видении этих событий в интервью. Реакция на его твиты, по его словам, была «расово мотивированная». Он продолжил: «Ответы от белых были такие: ха-ха! Ха! Ага! Вот и все — все было решено. Черно-белая ситуация как она есть!» По его мнению, кри-

тика его расистских твитов сама по себе являлась расизмом.

Подобные разочарования нарастают повсеместно. Когда транссексуалам, сменившим пол с мужского на женский, разрешают участвовать в женских видах спорта, результаты часто идут вразрез с идеей равенства полов. В октябре 2018 года состоялось женское состязание в рамках Чемпионата мира по трековому велоспорту в Калифорнии, в котором победила транссексуалка, совершившая переход из мужского пола в женский — Рейчел Маккиннон. Женщина, которая заняла третье место, Джен Уогнер-Ассали, назвала победу Маккиннон «нечестной» и потребовала изменения правил у международного органа управления велогонками. Но идея того, что транссексуалы, сменившие пол с мужского на женский, каким-либо образом ставили под угрозу участие женщин в спорте, была отвергнута победительницей как «трансфобная»²⁶⁸.

Скандалы продолжались. Когда у Ханны Маунси возникли проблемы с тем, чтобы присоединиться к австралийской женской гандбольной команде, она сказала, что это транслирует женщинам и девочкам «ужасное мнение» об их телах. По словам Маунси, мнение было такое: «Если ты слишком толстая, ты не можешь играть. Это невероятно опасная и отсталая идея». Маунси была единственной трансгендерной женщиной в команде, и ее отличие в размере не было столь незначительным. Групповое фото команды, на котором была запечатлена и Маунси, выглядело так, словно на нем была изображена команда гандболисток и один крупный мужчина-игрок в регби, стоящий позади

Безумие толпы

них. Это тоже осуждение ее тела? Заметить это — значит быть отсталым? А комментировать преимущество кого-то, кто был рожден мужчиной — как, например, Лорел (имя при рождении — Гэвин) Хаббард — в женских соревнованиях по тяжелой атлетике, где нужно поднимать тяжести весом более 90 килограммов?

В 2018 году 18-летний Мак Беггс победил в те-хасском соревновании по реслингу для девочек второй год подряд. Беггс находился в процессе перехода из женщины в мужчину и принимал тестостерон. Репортажи прессы о победах Беггс, как правило, фокусировались на недовольстве зрителей в те моменты, когда он побеждал очередную соперницу-женщину — как будто главной проблемой в этом являлись гомофобия и ограниченность. В конце концов, в мире спорта принято, что если человека поймают за приемом тестостерона, то это может привести к дисквалификации — если, конечно, этот человек не находится в процессе смены пола. В этом случае чувствительность берет верх над наукой. Как и всегда, все становится еще хуже.

Одна из заповедей не только феминизма, но и любого приличного, цивилизованного общества состоит в том, что мужчины не должны бить или избивать женщин. И все же мир предпочитает не замечать того факта, что во многих контактных видах спорта люди, которые родились мужчинами, теперь регулярно избивают женщин. В смешанных единоборствах (ММА) спор об этом ведется уже несколько лет. Случай Фэллона Фокса — самый известный. Родившись мужчиной, женившись, став отцом и отслужив в военно-морском флоте, Фокс

объявила о своей трансгендерности в 2013 году, как раз в начале своей карьеры в единоборствах в качестве женщины. Как объяснила сертифицированный врач-эндокринолог Рамона Круцик, преимущества Фокс включали в себя плотность костей, которая накопилась у Фокс за время ее жизни в качестве мужчины, а также мышечная масса и тестостероновый отпечаток в мозге, который не исчезает после использования андрогенов или после операции. Все это дает Фокс не только физическое преимущество, но и большую агрессивность²⁶⁹.

Как заметил эксперт в ММА и ведущий подкаста Джо Роган, «существует большая разница между той силой, которую может сгенерировать мужчина, и той силой, которую может сгенерировать женщина... Есть разница в размере бедер, размере плеч, плотности костей, размере кулаков». Это спорт, в которой, как выразился Роган, цель очень проста: «Выбить весь дух их человека, стоящего напротив вас на ринге». Однако даже вопрос о том, стоит ли позволять человеку, который имеет все преимущества от того, что родился мужчиной, бить женщину перед глазами живой аудитории, порождает сильнейшие протесты. Как позже сказал Роган: «Люди обрушились на меня сильнее, чем мне когда-либо приходилось выносить в жизни. Никогда в жизни я не думал, что однажды окажусь в ситуации, когда я сказал бы: „Эй, я не считаю, что парень может отрезать себе пенис и лупить женщин“, а люди бы сказали: „Ты переходишь черту!“ Но это как раз то, что произошло»²⁷⁰.

Если растущее осознание различий между людьми должно было открыть некую великую систему

справедливости или позволить взаимосвязанным предрассудкам освободить всех, то тогда даже на этом довольно раннем этапе этот процесс породил больше проблем, чем решений, и больше обострений, чем исцелений. Кастинговые войны продолжают ставить идею «слепоты к цвету» с ног на голову и превращать людей в одержимых цветом кожи, в то время как игнорирование других характеристик стало частью проблемы. Повсюду распространяется обычай, согласно которому люди не имеют права играть роли тех, кем они не являются. Пережив атаки за исполнение роли сознания женщины-азиатки внутри белокожего андроида в «Призраке в доспехах» (2017), Скарлетт Йоханссон, к своему несчастью, спустя год была взята на роль криминального босса эпохи 1970-х в фильме «Rub & Tug». Но исторический персонаж, которого она должна была сыграть, был транссексуальной женщиной, а актриса Йоханссон всего лишь изображала бы транс-женщину, так что после критики в свой адрес она отказалась от роли. Даже те, кто поднимал вопрос, куда все это движется, оказывались на линии огня. Сайт, посвященный новостям в области экономики — «Business Insider» — изначально опубликовал статью, в которой защищал Йоханссон от «несправедливой критики за то, что она делала свою работу», но быстро отозвал статью, как только развернулась критика в адрес Йоханссон. В тот же год звучали призывы к бойкотированию фильма с участием актера-гея по имени Мэтт Бомер. Эти призывы исходили не от какой-то маргинальной группы, но от людей, которые жаловались, что «цисгендерный белый актер» — даже гей, как Бомер, — играю-

щий роль транссексуальной женщины, наносил «оскорбление достоинству транс-женщин»²⁷¹.

В то время как в некоторых случаях об оскорблении было заявлено, в других случаях оно было подавлено, хотя вполне могло быть и озвучено. В феврале 2018 года, когда премьер-министр Канады Джастин Трюдо обращался к студентам и отвечал на их вопросы в университете Макьюна в Эдмонтоне, молодая девушка вежливо задала ему вопрос, в котором мимоходом упомянула «человечество» (mankind). Премьер-министр прервал ее, сделав жест рукой. «Мы предпочитаем слово „people-kind“, а не „mankind“, потому что оно более инклюзивное», — объяснил он и получил в ответ взрыв аплодисментов от зрителей. Но никто впоследствии не спросил, почему обладающий властью белый мужчина, ставящий молодую девушку в неловкое положение таким образом, не занимается «мэнсплейнингом».

Группы, основанные на идентичности, которые образуют некоторые люди, не работают даже внутри самих себя. В 2017 году группа студентов в Корнеллском университете, которые называли себя «Объединенные чернокожие студенты», решили озадачить администрацию университета списком требований. Он включал в себя очевидные требования, к примеру, то, что членов педагогического состава следует научить «системам власти и привилегии» и что чернокожие студенты, которые были «напрямую затронуты холокостом по отношению к афроамериканцам в Америке и американским фашизмом», должны получать большую финансовую поддержку. Но одним из требований было то,

Безумие толпы

что университет должен уделять больше внимания «чернокожим американцам, семьи которых несколько поколений (более двух) жили в этой стране». Это было нужно для того, чтобы отделить их от студентов-мигрантов в первом поколении — студентов из Африки или с островов Карибского бассейна. Позже группа «Объединенные чернокожие студенты» под давлением извинилась за это требование. Но смысл их слов был ясен. Даже внутри каждой идентифицируемой группы существует иерархия угнетения и жертвенности. Неясны не только правила — неясны порой и предубеждения, которые скрываются за ними и прорываются наружу в самых неожиданных местах и самыми неожиданными способами.

Проблема невозможности

Наша культура вступила в зону, начиненную минами «проблем невозможности». Мы слышали от одних из самых знаменитых женщин планеты утверждение о том, что у женщин есть право быть сексуальными без того, чтобы их сексуализировали. Одни из самых значимых деятелей культуры в мире показали, что для того, чтобы противостоять расизму, мы должны стать немного расистами. Теперь целый ряд похожих невозможностей требуют в такой же несогласованной манере.

На передаче «This Week», вышедшей на BBC в октябре 2017 года, был хороший этому пример, когда художник и писатель, известный под псевдонимом Scottee, появился на шоу для обсуждения короткометражного фильма на политическую тему, кото-

рый он снял. Будучи, по его словам, «большим жирным квир-феминистом», он пожаловался на то, что был «в какой-то степени жертвой маскулинности по причине агрессии, которую ему приходится терпеть ежедневно». Хотя у него не было идей о том, как решить эту проблему, он настаивал на том, что «квир-ы, трансгендеры, небинарные люди» не должны быть теми, кто отменит «токсичную маскулинность». Это должно, по его словам, произойти изнутри. Мужчины «должны осознать свои привилегии, и я хочу, чтобы они сложили с себя власть, я хочу, чтобы они уступили некую платформу. Я был бы рад попробовать пожить при матриархате. Мы много лет жили при патриархате. Получилось не очень». Если на время оставить без внимания взрывное предположение о том, что «получилось не очень», мы увидим еще более важный факт, который лежит прямо перед нами. Он заключается в том, что одна из главных жалоб, имеющихся у этого стильно одетого самопровозглашенного «большого жирного квир-феминиста», на то общество, в котором он живет — это жалоба на то, что его часто высмеивали. Вот другое парадоксальное, невозможное требование. Человек, который предпочитает быть нелепым, но при этом не быть осмеянным.

Другие невозможные требования могут быть обнаружены повсюду — как, например, те, что прозвучали в Колледже Вечнозеленого штата и в Йельском университете и были подчеркнуты Марком Лилла в Ратгерском университете (в котором один из присутствующих настаивал на том, что Кмеле Фостеру «не нужны были факты»). В тот день Лилла пролил свет на одну из главных загадок нашего

Безумие толпы

времени. Он сказал: «Вы не можете говорить людям одновременно „ты должен понять меня“ и „ты не можешь понять меня“». Очевидно, многие люди могут заявлять это одновременно. Но они не должны; а если они будут это делать, то они должны понять, что их противоречивые требования не могут быть удовлетворены.

Кроме того, конечно, есть и вопрос о том, как иерархия угнетения должна быть упорядочена и как в ней должны быть расставлены приоритеты. Лейт Эшли — один из самых знаменитых транссексуальных моделей современности. Об этом транссексуале, совершившем смену пола с женского на мужской, довольно часто пишут, и он принимал участие в престижных фотосъемках для ведущих брендов и журналов. В интервью 2016 года, которое он давал репортеру «Channel 4» Кэти Ньюман, его спросили, сталкивался ли он с какой-либо дискриминацией в течение тех двух лет, когда он находился в процессе смены пола. Эшли сказал, что не подвергался, но затем компенсировал разочарование интервьюера, добавив, что транс-активисты и другие его знакомые, связанные с движением за права трансгендеров, «сказали» ему, что он получил некоторые мужские привилегии. Стараясь донести свою мысль до зрителей, он сказал: «Я получил некоторые мужские привилегии. И хотя я являюсь человеком с более темной кожей, я достаточно светлокож, и я в некотором смысле соответствую стандартам красоты, принятым в нашем обществе. И поэтому я не особенно часто сталкивался с дискриминацией». Итак, он сделал пару шагов вверх в иерархии, став мужчиной, затем — пару шагов назад, будучи чернокожим,

но еще шаг вперед — будучи светлокожим чернокожим. А затем он подчеркнул негативность своей привлекательности. Как сможет кто-либо понять, где он должен находиться в системе угнетателей и угнетенных, если в его биографии есть столько конкурирующих друг с другом привилегий? Неудивительно, что Эшли выглядел таким озабоченным и смущенным, озвучивая этот список. Такого самоанализа будет достаточно для того, чтобы поколебать чью угодно уверенность. Но некая форма этого невозможного самоанализа сегодня предлагается многим людям, хотя, в сущности, невозможно узнать, как можно честно оценить таким образом другого человека, не говоря уже о себе. В чем смысл задачи, которая не может быть выполнена?

И куда дальше? Одно из удовольствий последних лет — наблюдать за людьми, которые считали себя порядочными хранителями границ либерализма, а затем обнаружили, что одна их нога загнулась о подножку. Одним субботним вечером 2018 года журналист «Vox» Дэвид Робертс отлично проводил время, активно демонстрируя свою добродетель в Twitter. В одном из твитов он написал: «Иногда я думаю о малоподвижных, страдающих сердечными заболеваниями, поглощающих фастфуд, зависимых от машин жителей пригородов Америки, сидящих и смотрящих телевизор в своих пригородных дворцах, небрежно высказывающих суждения о беженцах, которые прошли тысячи миль для того, чтобы избежать угнетения, и... ну, это меня злит». Публикуя это, он, должно быть, думал: «Звучит неплохо. Нападать на американцев, защищать мигрантов — что может пойти не так?»

Безумие толпы

Более осторожный пользователь социальных сетей, возможно, задался бы вопросом о том, разумно ли так пренебрежительно высказываться о людях, живущих в пригороде. В действительности же вовсе не пригородофобия Робертса заставила его провести весь остаток субботнего вечера в отчаянных попытках спасти свою карьеру от ответных твитов. Той вещью, которая спровоцировала мгновенную реакцию со стороны той самой аудитории, которую он стремился впечатлить, было то, что он занимался «фэтшеймингом», и это было «ненормально».

На момент публикации своего семнадцатого твита, нацеленного на то, чтобы замять его преступление, Робертс перешел к мольбам: «Фэтшейминг существует, он повсюду, это несправедливо и жестоко, и я не хочу принимать в нем участие». Вскоре он искренне извинялся за то, что был лишь «наполовину осозанным» и винил в этом свое воспитание. Потенциал для обвинений в оскорблении, обвинений в «шейминге» и новые позиции в иерархии недовольств, основанные на постоянно изменяющихся критериях, бесконечен. Но как это будет устроено? Равен ли толстый белый человек худому чернокожему человеку? Или существуют различные шкалы угнетения, которые должны быть известны всем, даже если никто никогда не объяснял, по каким правилам они работают, потому что эти правила были придуманы не рациональными людьми, а безумствующей толпой?

Возможно, вместо того, чтобы сводить себя с ума попытками решить эту нерешаемую головоломку, нам следует попробовать найти выход из этого невозможного лабиринта.

Что, если люди не угнетены?

Возможно, вместо того, чтобы искать угнетение и видеть его повсюду, мы можем начать двигаться к выходу из лабиринта, обращая внимание различные «группы жертв», которые не являются угнетенными и которые могут даже иметь преимущества. К примеру, исследования показали, что геи и лесбиянки стабильно зарабатывают в среднем больше, чем их гетеросексуальные коллеги. Существует множество возможных причин, и не в последнюю очередь — тот факт, что у большинства из них нет детей, и они могут провести несколько дополнительных часов в офисе, что идет на пользу и им, и их работодателю. Является ли это преимуществом именно для геев? На каком этапе гетеросексуалы могут сказать, что их несправедливо ущемляют на рабочем месте? Должны ли геи «сделать шаг в сторону», чтобы позволить своим гетеросексуальным современникам получить лучшие карьерные возможности?

В последние годы неравенство в оплате труда между различными расовыми группами постоянно усиливается. Хотя часто утверждается, что средний уровень дохода латиноамериканцев ниже, чем у афроамериканцев, а уровень дохода афроамериканцев — ниже, чем у белых американцев, никто не обращает внимания на группу, которая зарабатывает больше всех. Средний уровень дохода мужчин-азиатов в Америке неизменно выше, чем у любой другой группы, включая белых американцев. Нужно ли попытаться как-то выровнять эту цифру, понизив зарплаты азиатам на несколько процентов?

Безумие толпы

Возможно, мы сможем избавиться от этой одержимости, если начнем видеть людей как личностей, основываясь на их способностях и не пытаясь навязать «позитивную дискриминацию» каждой компании и учреждению?

Поскольку самые экстремальные заявления продолжают звучать, люди склонны верить им и худшим вариантам развития событий. Например, в рамках опроса, проведенном «Sky» в 2018 году, было обнаружено, что большинство британцев (семь из десяти) уверены, что женщинам платят меньше, чем мужчинам, за ту же работу. «Гендерный разрыв в оплате труда», который существует на самом деле, происходит из среднего заработка в течение всей жизни и принимает во внимание различия в выборе карьеры, воспитании детей и стиле жизни мужчин и женщин. Но «гендерный разрыв» стал таким штампом в новостях и социальных медиа, что большинство людей приняли повсеместные разговоры о нем за свидетельство его существования и поверили в него. В Великобритании платить женщинам меньше за ту же работу, что и мужчине, незаконно с 1970 года, а в США — с 1963 года. Одним из результатов этого ошибочного суждения было то, что, хотя семь из десяти людей, участвовавших в опросе, думали, что женщинам платят меньше, чем мужчинам за ту же работу, почти такая же часть опрошенных (67%) считали, что феминизм либо зашел слишком далеко, либо зашел так далеко, как должен быть зайти. Эта находка — воплощение замешательства нашего времени. Мы видим угнетение там, где его нет, и понятия не имеем о том, как реагировать на это.

Важные темы, которых мы избегаем

Одним из негативных последствий представления жизни как игры с нулевой суммой между различными группами, соперничающими за статус угнетенной, заключается в том, что оно отнимает у нас время и энергию для разговоров и размышлений о том, что нам нужно делать. Например, почему спустя все эти десятилетия феминистки не смогли более полно рассмотреть роль материнства в феминизме? Как всегда довольно честно признавала феминистка Камилла Палия, вопрос материнства является одним из нерешенных вопросов для феминисток. И это не такая уж маленькая тема, которую можно пропустить. Как писала сама Палия, «Феминистская идеология никогда честно не рассматривала роль матери в жизни человека. Изображение ею истории как мужского угнетения и женской жертвенности является ужасным искажением фактов»²⁷².

Когда ее попросили назвать трех женщин-героинь XX века, Палия сказала, что выбрала бы Амелию Эрхарт, Кэтрин Хепберн и Джермейн Грир: три женщины, которые, по ее словам, «символизировали бы новую женщину XX века». Однако, как она отмечает, «все эти женщины были бездетны. Вот одна из великих дилемм, с которыми сталкиваются женщины в конце XX века. Риторика феминизма второй волны полностью переложила всю вину за положение женщин на мужчин, в частности на „патриархат“... Фокус феминизма был сосредоточен исключительно на внешнем социальном механизме, который должен был быть уничтожен или реформирован.

Безумие толпы

Он не учел сложной связи женщин с природой, то есть с деторождением». Или почему «в эту эпоху женщин-карьеристок произошло очернение и обесценивание роли материнства»²⁷³.

Несправедливость, которая продолжается в связи с этим, приводит к тому, что предположения нагромождаются на несправедливость, а уродливые, человеконенавистнические представления о предназначении женщины укореняются в культуре. В январе 2019-го канал CNBC показывал сюжет, помеченный таким заголовком: «Вы сможете сэкономить полмиллиона долларов, если не заведете детей»²⁷⁴. И далее: «Возможно, ваши друзья скажут вам, что их дети сделали их более счастливыми. Скорее всего, они врут»²⁷⁵. Далее сюжет ссылался на проблемы «лишних обязанностей, работы по дому и, конечно, дороговизны всего этого». Или вот как недавно «The Economist» решил написать о том, что назвал «источником гендерного разрыва в оплате труда» — разрыва, который, по мнению этого журнала, берет свое начало в детстве. Одним из факторов, который лежит в основе того, что женщины в среднем получают меньше мужчин в течение своей карьеры, является тот факт, что именно женщины вынашивают детей. Как было написано в «The Economist», «наличие детей понижает размер зарплаты женщины в течение жизни — это результат, который известен как «расплата за ребенка»²⁷⁶. Сложно представить себе того, кто мог бы прочитать эту фразу — не говоря уже о том, чтобы написать ее — без содрогания. Если предполагается, что главная цель в жизни — это заработать так много денег, насколько это возможно,

то, действительно, возможно, что наличие ребенка у женщины повлечет за собой «расплату» и таким образом не позволит ей иметь бóльшую сумму на счету в банке к моменту ее смерти. С другой стороны, если она выбирает «расплату», то ей может повезти и принять участие в выполнении самой важной и наполняющей жизнь смыслом роли, на какую только способен человек.

В этой точке зрения от «The Economist» есть что-то, что широко распространено и что распространялось десятилетиями. С одной стороны, женщин освободили — во многом — от необходимости иметь детей, если они их не хотели, чтобы иметь больше возможностей для того, чтобы осуществить свои собственные цели в жизни. Но для такой переориентации цели нетрудно сделать вид, будто изначальный, основополагающий смысл жизни человека не является смыслом вовсе. Американский писатель Уэнделл Берри указал на это еще 40 лет назад, когда уже были, как он выразился, «плохие времена для материнства». Вся концепция материнства стала восприниматься в негативном ключе: «Своего рода биологическая рутина, как сказали бы некоторые, использующая женщин, в то время как они могли бы делать вещи более полезные». Но затем Берри попал в самую суть:

«Нас всех как-то в чем-то подвергают эксплуатации. И хотя мне никогда не бывать матерью, я рад быть использованным для материнства и для того, к чему оно приводит, как и — большую часть времени — я с радостью принадлежу своей жене, своим детям, своему рогатому скоту, своим овцам и лошадям. Есть ли лучший способ быть использованным?»

Безумие толпы

Разве это не более приятный способ думать о материнстве и о жизни? В духе любви и прощения, а не бесконечного списка обид и жадности?

Что происходит на самом деле

И все же, если бы отсутствия серьезного обсуждения и изначальных противоречий было бы достаточно для того, чтобы остановить рост новой религии социальной справедливости, она вряд ли бы началась. Люди, которые ждут, что это движение заглухнет из-за внутренних противоречий, будут ждать еще долго. Во-первых, потому что они игнорируют марксистскую подоплеку во многом из всего этого, а также изначальную готовность двигаться навстречу противоречиям — вместо того, чтобы заметить все эти кошмарные несостыковки и задаться вопросом о том, не расскажут ли они чего-нибудь об этом выборе жизненного пути.

Но другой причиной того, почему противоречий недостаточно, заключается в том, что ничто из движения интерсекциональности и социальной справедливости не говорит о том, что оно и впрямь заинтересовано в решении каких-либо проблем, которые его интересуют. Первое доказательство этому можно найти в неполном, необъективном, нерепрезентативном и нечестном описании нашего общества. Немногие люди считают, что страна не может быть улучшена, но представлять ее как пронизанную фобиями, ненавистью и угнетением — это в лучшем случае частичная, а в худшем — откровенно враждебная призма, через которую можно смотреть на общество. Это анализ, приводи-

мый не критиком, стремящимся улучшить ситуацию, а человеком, стремящимся к уничтожению своего врага. Признаки этого стремления можно обнаружить повсеместно.

Рассмотрим пример трансгендерности. Была причина для того, чтобы задержаться на сложной и редко обсуждаемой теме людей, которые родились интерсексуалами. Это было сделано не из чрезмерного интереса, но для того, чтобы кое-что доказать. Как заметил Эрик Вайнштейн, каждый, кто искренне заинтересован в обсуждении стигматизации и несчастья людей, которые находятся «не в тех» телах, должны сперва принять во внимание проблему интерсексуальности. Они бы увидели, что это является наиболее «врожденной» проблемой — проблемой, которая, как ни прискорбно, является мало представленной. Это увеличило бы знание о ситуации, в которой находятся такие люди, уделило бы им достаточно внимания, а также объяснило бы, как справляться с этой проблемой, пациенты с которой и правда нуждаются в медицинской и психологической поддержке. Активисты за социальную справедливость могли бы заняться этим.

Но они не сделали этого. Вместо этого они решили энергично надавить на аспект трансгендерности: выбрали самую сложную часть этого вопроса («Я — тот, кем я себя называю, и вы не можете доказать обратное») и заговорить о ней: «Жизни трансгендеров важны», «Некоторые люди — трансгендеров. Смиритесь с этим». Везде — с утомительной предсказуемостью — люди, которые всегда жалуются на каждый аспект патриархального, гегемонного, цис-супремасистского, гомофобного, полного

Безумие толпы

институционального расизма, сексистского государства, решили поднять проблему трансгендерности. Она особо подчеркивали, что если мужчина сказал, что является женщиной и ничего с этим не сделал, то да, он и является женщиной, и утверждать обратное — трансфобно. Картина ясна. Почему во время своих первых недель в Конгрессе Александрия Окасио-Кортес начала сбор денег для британской организации по защите прав трансгендеров «Mermaids», которая выступает за доступ к гормональной терапии для детей? Почему эти люди готовы защищать, организовываться и отстаивать самую сложную часть этой проблемы?

В 2018 году в Палате общин прошли дебаты о проблеме трансгендерности. Обсуждалось дело Карен Уайт. Это был мужчина, который уже был осужден за изнасилование, но который теперь идентифицировал себя как женщина. Несмотря на то, что он не прошел через хирургическую операцию по смене пола, его по его просьбе поместили в женскую тюрьму, где он, пользуясь своим мужским телом, изнасиловал четырех своих сокамерниц. Во время этих дебатов член парламента, либеральная демократка Лейла Моран, превосходно дала характеристику крайностям мышления в духе защиты трансгендерности. Когда ее спросили о том, была бы она рада переодеваться в одной раздевалке с человеком, у которого мужское тело, Моран ответила: «Если этот человек — трансгендерная женщина, то, конечно, да. Я просто не вижу здесь никакой проблемы. Что касается того, есть ли у нее борода [этот вопрос также поднимался во время дебатов], осмелюсь сказать, что у некоторых жен-

щин есть бороды. Существуют множество причин того, почему наши тела реагируют по-разному на гормоны. Существует множество форм человеческого тела. Я вижу душу человека и его личность. Мне, в сущности, все равно, мужское ли тело у этого человека»²⁷⁷.

Ни один разумный человек или движение, которые хотели бы собрать коалицию для создания жизнеспособного движения за права трансгендерных людей, не сделали бы такого заявления. Они бы не стали попросту утверждать, что трансгендеры — трансгендеры просто потому, что они так говорят. Они не сказали бы, что бородатый мужчина в раздевалке — не проблема для них, потому что «осмелюсь сказать, что у некоторых женщин есть бороды». И они не стали бы утверждать, что могут заглянуть в душу человека и понять, является ли он женщиной или мужчиной. Это сумасшедшие заявления и — как и многие заявления, звучащие в дебатах о трансгендерности — они продолжают сводить с ума каждого, кто их слушает, не говоря уже о тех, кого принуждают с ними соглашаться или говорить об их истинности.

Движение, которое стремилось бы улучшить положение трансгендеров, начало бы с интерсексуалов и затем с величайшей осторожностью начало бы двигаться вдоль спектра, при этом анализируя утверждения о трансгендерности с научной точностью. Оно бы не нацелилось сразу же на самую сложную часть этой проблемы и не стало бы настаивать на ее истинности, а также на том, что все остальные должны также признать ее истинность. Это не то, что вам стоит делать, если вы хотите со-

Безумие толпы

здать коалицию или движение. Это то, что вам стоит делать, если вы не хотите добиться консенсуса. Это то, что вам стоит делать, если вы хотите посеять раздор.

Как только вы распознаете эту контринтуитивную игру, вы сможете увидеть ее и любой другой проблеме. Например, некоторая разница в оплате труда существует. Существует, например, как заметил Джордан Питерсон, разница в оплате труда между людьми, которые миролюбивы, и людьми, которые конфликтны. С такой разницей в оплате труда сталкиваются и мужчины, и женщины. Склонная к конфликтам женщина будет получать больше, чем неконфликтный мужчина. И наоборот. Так что если кого-то беспокоит проблема неравной оплаты труда, почему бы не обратить внимание на это? Почему бы не затеять бесконечную кампанию, призывающую к тому, чтобы неконфликтным людям платили больше за их работу, а неконфликтные бы отступили? Потому что это не соответствует цели, которая заключается не в том, чтобы улучшить положение женщин и уровень их дохода, а в том, чтобы использовать их как инструмент для чего-то другого.

В случае с каждой из проблем, освещенных в этой книге, целью борцов за социальную справедливость было брать каждую из них — проблему геев, женщин, расовую проблему, проблему трансгендерности — и представлять как ущемление в правах и разжигать каждое из них как можно сильнее. Их желание состоит не в том, чтобы излечить, а в том, чтобы разделить, не успокоить, но разжечь, не погасить, а испепелить. В этом, опять же, можно

увидеть последнюю часть марксистской подоплеки. Если вы не можете управлять обществом — или притворяться, будто управляете, или попытаться управлять им, а затем все разрушить — вы можете попробовать что-то еще. В обществе, которое живет со своими недостатками, хотя неидеальное и остается лучшим вариантом, чем что-либо другое, вы сеете сомнение, раздор, враждебность и страх. Наиболее эффективно вы можете заставить людей сомневаться абсолютно во всем. Заставить их сомневаться в том, хорошо ли вообще общество, в котором они живут. Заставить их сомневаться в том, справедливо ли они относятся к другим людям. Заставить их сомневаться в существовании таких групп, как мужчины и женщины. Заставить их сомневаться почти во всем. А затем представить все так, будто у вас есть ответы: грандиозный, всеобъемлющий, взаимосвязанный набор ответов, которые приведут всех к лучшей жизни, подробности которой можно будет узнать позже.

Возможно, они добьются своего. Возможно, сторонники новой религии используют гомосексуалов, женщин, людей с различными цветами кожи и трансгендеров в качестве инструментов для того, чтобы настроить людей против того общества, в котором они росли. Возможно, они преуспеют в том, чтобы настроить всех против «цис-белого мужского патриархата», и они будут это делать до тех пор, пока все их взаимосвязанные «группы угнетенных» не разорвут друг друга на части. Это возможно. Но каждый, кто заинтересован в том, чтобы предотвратить этот кошмарный сценарий, должен искать решение этой проблемы.

Решение проблемы

Многие люди уже нашли свои собственные способы справиться с нынешней ситуацией и выработали более или менее умные способы ориентироваться в ней. Для людей здесь открыты возможности. Во время написания этой книги я узнал о поведении одного вида каракатицы, которая маскирует свои намерения, тем самым делая брачную игру более сложной, чем она уже есть. Среди прочих существ каракатица наиболее искусна в сексуальной мимикрии. Гигантская австралийская каракатица, *Sepia arata*, имеет сложное соотношение мужского и женского полов, которое достигает количества одиннадцати самцов на одну самку. Поскольку самка каракатицы отвергает 70% самцов, конкуренция между самцами особенно высока и усиливается благодаря тенденции к охране партнеров для спаривания — «супругов». Самцы-супруги совершают примерно 64% от числа спариваний. По этой причине другие самцы выработали ряд стратегий, нацеленных на то, чтобы получить хоть один шанс оплодотворить самку, и один из них состоит в том, чтобы мимикрировать под самку. Меньшие по размеру самцы каракатицы прячут свое четвертое щупальце, предназначенное для спаривания, принимают окраску, схожую с той, которой обладает потенциальная партнерша, и даже двигают щупальцами, имитируя позу самки, откладывающей яйца. Эта стратегия показала себя невероятно эффективной. В одном из описанных случаев лишь один из пяти самцов, которые использовали этот метод, был отвергнут. Другой был

обнаружен самцом-супругом. Но остальные три самца получили то, что хотели.

История каракатицы вызвала во мне чувство узнавания — особенно в связи со многими мужчинами, использующими похожую тактику. На следующий день после инаугурации президента Трампа в январе 2017 года в Вашингтоне, округ Колумбия, и в других городах проходили крупные демонстрации. Этот «Женский марш» был сфокусирован на комментариях, которые президент отпускал прошлым по отношению к женщинам, и включал в себя большое количество протестующих, которые носили розовые «шапки-вагины». На транспарантах были написаны ставшие легендарными фразы вроде «Не ДИКтуйте моей вагине». На одной из вечеринок, последовавших за маршем в Вашингтоне, коллега-журналистка обратила внимание на поведение некоторых мужчин, которые там присутствовали. Среди растяжек, пива и пластиковых стаканчиков стояли девушки и возбужденно обсуждали «Женский марш» и свою роль в нем. Молодые мужчины, которые присутствовали при этом, всячески подчеркивали, что поддерживают марш и говорили, что они — тоже феминисты. Один молодой человек «серьезно кивнул», когда одна привлекательная девушка произнесла все «правильные» убеждения современной феминистки. После того, как она ненадолго ушла, он повернулся к своему другу и прошептал: «Чувак, это круто! Все эти пьяные, эмоциональные девчонки — все в одном городе!» Сработала ли эта тактика в этом случае, неизвестно. Но он не может быть единственным молодым человеком, следующим стратегии кара-

Безумие толпы

катицы для того, чтобы преодолеть те обстоятельства, в которых оказался. Однако стратегии карака-тицы, среди прочих, являются способом выжить в жестокой природной среде. Лучшей целью была бы попытка изменить эту среду.

Спросите: «По сравнению с чем?»

Для начала можно было бы более регулярно и усердно задавать вопрос «По сравнению с чем?» Когда люди пытаются представить наше общество сегодня как чудовищную, расистскую, сексистскую, го-мофобную, трансфобную патриархальную систему, этот вопрос должен быть задан. Если эта система не работала или не работает, то какая система срабо-тала или работает? Спрашивать это не означает го-ворить, что элементы нашего общества не могут быть исправлены или что мы не должны обращать внимание на несправедливость и нечестность, если они происходят у нас на глазах. Но для того, чтобы говорить о нашем обществе во враждебном тоне судьи, присяжного и палача, требуется задать не-сколько вопросов обвинителю.

Очень часто анализ падения нашего общества опирается на предположение об эпохе «невинно-сти»: эпохе, предшествующей изобретению меха-низмов, пара и рынка. Эти предположения укоренены глубоко и начинаются с идеи о том, что мы все рождаемся в состоянии благодетельности, из которого мир несправедливым образом нас выры-вает. Жан-Жак Руссо выразил эту идею в таких пас-сажах из книги «Эмиль, или О воспитании» (опубли-кована на английском языке в 1763-м), где он пишет:

«Примем за неоспоримое правило, что первые природные движения всегда правдивы: в сердце человеческом нет исконной испорченности; в нем не находится ли одного порока, о котором нельзя было бы сказать, как и откуда он туда проник. Единственная страсть, прирожденная человеку, — это любовь к самому себе, или самолюбие, в обширном смысле слова. Это самолюбие само по себе, т. е. по отношению к нам самим, хорошо и полезно».

Люди, которые верят в подобные идеи, должны найти того, кто виноват в их собственных неудачах и неудачах всех вокруг, ведь они родились в таком благородном состоянии. Неизбежным образом подобный образ мышления перетекает в убежденность в том, что более простые, древние и ранние общества каким-то образом представляют собой пример того, к чему стоит вернуться.

Итак, не считая причин, происходящих из исторической вины, многие западные люди сегодня впитывают мысль о том, что у «примитивных» сообществ было некое состояние благодати, которого нам не хватает сегодня — как если бы в более простые времена было бы больше женского доминирования, больше мира, меньше гомофобии, расизма и трансфобии. Среди этих верований очень много неподтвержденных предположений. Действительно, трудно подсчитать, какое количество гомофобии или расизма можно было наблюдать в различных племенах. И, возможно, там было больше гармонии, а у трансгендеров было больше прав, чем мы могли бы ожидать. Но факты часто говорят об обратном. В своей книге «Война до ци-

Безумие толпы

визации: Миф о мирном дикаре» Л. Х. Кили приводит процент мужской смертности в результате конфликтов в ряде племен Южной Америки и Новой Гвинеи. Эти жестокие смерти приходится на от 10% до 60% от числа мужчин. Для контраста: процент мужчин, убитых в главном военном конфликте XX века, представляет собой однозначное число. Если существует доказательство того, что общества прошлого были значительно более толерантными по отношению к сексуальным и биологическим отличиям, чем современные западные общества, то обязанность предоставить такое доказательство лежит на том, кто это утверждает.

Конечно, может быть, что сравнение проводится не с каким-либо обществом в истории, а с другим современным обществом. Существуют люди, которые выступают в качестве апологетов революционного режима в Тегеране, которые любят ссылаться на уровень трансгендерности в этой стране как на доказательство прогрессивности режима. Для этого, конечно, нужно, чтобы слушатель не знал о том, что в этой стране по сей день — на момент 2019 года — мужчин, обвиненных в гомосексуализме, публично казнили через повешение — часто их вешали на кранах, чтобы максимальное количество людей могло увидеть казнь. В каких еще странах сегодня права человека находятся на более развитом уровне, чем в Великобритании и Америке? Если они существуют, то не будет никакого вреда — только польза — если мы узнаем о них. Возможно, причиной того, почему люди — особенно нео-марксисты — часто стесняются прямых сравнений, которые они делают, заключается в том, что эти при-

меры для сравнения (Венесуэла, Куба, Россия) показывают темную сторону их идеологии и истинные причины антипатии к этим странам со стороны Запада.

Но чаще всего вопрос «По сравнению с чем?» лишь подчеркнет тот факт, что утопия, с которой сравнивается наше общество, еще не существует. Если все действительно так, и утверждения о чудовищности нашего общества произносятся в сравнении с обществом, которое еще не было построено, то может потребоваться некоторое количество смирения и большое количество задаваемых вопросов. Те, кто утверждают, что нашему обществу свойственна гомофобия, но считают, что знают, как излечить все общественные недуги, должны лучше убедиться в том, что их карты с маршрутами верны. Если это не так, то у всех остальных есть все основания с подозрением относиться к проекту, который на своих ранних этапах преподносится как строгая наука, хотя на самом деле больше походит на пропаганду магии.

**Жертва не всегда права,
не всегда является хорошим человеком,
не заслуживает похвалы и может
в действительности не быть жертвой**

В биографии Франклина Делано Рузвельта (2000) Х. У. Брэндс вскользь упоминает о полиомиелите, которым страдал 32-й президент. От мужчин поколения Рузвельта, писал он, «ожидалось, что они встретят несчастье с плотно сжатыми губами. Судьба была тогда более капризной. Когда каждый был

Безумие толпы

жертвой в той или иной степени, никто не завоевывал сочувствия, нося свою жертвенность как отличительный знак». Такие размышления говорят о возможности того, что экстраординарное количество утверждений о положении жертвы в последние годы может на самом деле не указывать на то, на что, как кажется сторонникам интерсекциональности и социальной справедливости, они указывают. Вместо того, чтобы демонстрировать избыток угнетения в наших обществах, обилие таких утверждений может в действительности говорить о недостатке угнетения. Если бы люди были так угнетены, разве у них было бы время или желание слушать каждого, кто почувствовал необходимость объявить, что речь писателя на литературном фестивале расстроила его, или что недопустимо продавать буррито, будучи «неправильной» национальности?

Положение жертвы, а не стоицизм и не героизм, стали чем-то отчаянно рекламируемым, даже востребованным в нашей культуре. Быть жертвой — значит в каком-то смысле победить или по меньшей мере получить фору в великой гонке угнетения. В основе этого любопытного явления лежит одно из самых важных и ошибочных суждений движений за социальную справедливость: что угнетенные люди (или люди, которые утверждают, что они угнетены) в чем-то лучше других, что есть некоторая порядочность, чистота или доброта, которые происходят из того, чтобы быть частью такой группы. В действительности же страдание само по себе не делает человека лучше. Гомосексуал, женщина, чернокожий человек или трансгендер могут быть

такими же нечестными, лживыми и грубыми, как и любой другой человек.

В движении за социальную справедливость существует предположение, что, когда интерсекциональность сделает свое дело, и матрица конкурирующих иерархий наконец будет уничтожена, наступит эра всеобщего братства. Но более вероятным объяснением человеческих мотивов в будущем станет то, что люди продолжат свободно вести себя точно так же, как они это делали в течение всей истории, что они продолжат проявлять те же импульсы, слабости, страхи и зависть, которые двигали нашим родом до сих пор. Например, нет причин полагать, что если все общественные несправедливости будут сглажены, и все работодатели наймут правильное количество «разнообразных» людей в свои компании (в разбивке по гендеру, сексуальной ориентации и расе), то все сотрудники отдела кадров откажутся от своих должностей. Кажется по крайней мере возможным то, что шестизначные зарплаты будут настолько же труднодостижимыми, насколько и сейчас, и что те, кто сумел получить их, представив враждебную интерпретацию общества, не откажутся от своих зарплат, когда их работа будет завершена. Более вероятно то, что класс наемных работников знает, что эта задача неразрешима и что они обеспечили себя работой на всю жизнь. Они будут оставаться на этих должностях столько, сколько смогут, до тех пор, пока не будет признано, что их решение проблем общества не предлагает никакого решения вообще — только приглашение к безумию, широкому и дорогостоящему как для отдельного человека, так и для общества в целом.

Можем ли мы склониться к великодушию?

Объясняя использование словосочетаний «Убейте всех мужчин» и «белые люди» в уничижительном смысле, Эзра Кляйн сказал, что, читая эти слова, он почувствовал, что «склоняется... к великодушию». Это означает, что он смог интерпретировать слова «Убейте всех мужчин» как фразу «было бы здорово, если бы мир не был таким ужасным для женщин», а слова «Отмените белых людей» как критику «доминирующей властной структуры и культуры». Почему он склонялся к великодушию в этих случаях? Кажется — как мы видели это на примере «говорящего, но не его слов» — что сильно политизированные люди готовы интерпретировать даже экстремальные слова от своих политических единомышленников в великодушном и снисходительном свете, а читая слова тех, кто относится к противоположному лагерю — видеть их в настолько негативном и враждебном свете, насколько это возможно.

Может ли дух великодушия распространиться шире? Если бы люди могли ощутить некоторую долю великодушия при интерпретации слов других, даже тех, кто принадлежит к противоположной стороне, возможно было бы некоторое ослабление вражды. Проблема состоит в том, что социальные медиа этого не поощряют. Они поощряют в точности противоположное. Не имея возможности встретиться, а также не имея никакой необходимости в том, чтобы встретиться, люди усиливают свое возмущение. Когда вы находитесь лицом к лицу с человеком, его гораздо сложнее

свести к одной-единственной фразе, которую он произнес, и отнять у него все характеристики за исключением одной.

Во время своих путешествий по Америке в 1830-е годы Алексис де Токвилль обратил внимание на важность собраний в Соединенных Штатах — в частности, на то, что личные встречи граждан позволяли им решать проблемы часто еще до того, как для этого понадобился бы представитель власти. В книге «Демократия в Америке» он приписывает огромную силу этой способности собираться и замечает, что что спор лицом к лицу — это не только лучший способ выработать решение проблемы, но и что в таких взаимодействиях «мнения разворачиваются с такой силой и таким жаром, какого никогда не сможет достичь письменная речь». Хотя все, что связано с развитием социальных медиа, уводит людей от встреч лицом к лицу, они остаются лучшей площадкой для укрепления доверия к другим. Для того, чтобы склониться к великодушию, вы должны изначально предполагать, что вашим великодушием не будут злоупотреблять, и лучшим — если не единственным — способом решить эту проблему является личное общение. Без него жизнь будет все больше напоминать каталог легко поддающихся поиску и постоянно возрождаемых исторических обид. Так что склонность к великодушию не только по отношению к союзникам, но и к мнимым противникам может быть первым шагом на пути к освобождению от безумия. Мне не очень нравятся мысли доктора Майкла Дэвидсона о гомосексуальности, но если бы я решил, что он и его «Голоса заглушенных» должны рассматри-

Безумие толпы

ваться исключительно в самом негативном свете, то мне просто не нужно было бы его слушать. Я бы не хотел жить в одном обществе вместе с ним. Однако мы живем в одном обществе, и нам нужно найти способ как-то ужиться друг с другом. Это единственный вариант поведения, который у нас есть, потому что в другом случае, если мы придем к выводу, что бесполезно говорить и слушать друг друга уважительно, единственным доступным инструментом для нас останется насилие.

Понять, куда мы движемся

В 1967 году, всего за год до своей смерти, Мартин Лютер Кинг-младший произнес одну из самых великих своих речей в Атланте, штат Джорджия. Озаглавленная «Куда мы идем отсюда», она содержала в себе замечательную просьбу. «Пусть мы будем довольны до того дня, когда никто не закричит: „Власть белым!“ , никто не закричит: „Власть чернокожим!“ , но все будут говорить о могуществе Бога и о могуществе человека». Среди множества удручающих аспектов последних лет, пожалуй, самым тревожным является та легкость, с которой раса превратилась в проблему — передаваемая из уст в уста людьми, которые или не могут осознать опасность игры, в которую они играют, или не знают, в какой игре они участвуют, что является непростительным. Некоторые из неизбежных финалов этого процесса уже наметились и должны были дать самые ясные сигналы предупреждения.

Например, кто бы мог подумать еще одно поколение назад, что для либерального журнала будет

допустимо задать вопрос: «Евреи — белые?» Речь идет не о журнале «National Geographic» век назад, но о журнале «The Atlantic» в 2016 году. Этот вопрос возник из-за спора о том, где в иерархии угнетения, которая сейчас описывается, находятся евреи. Следует ли рассматривать евреев как сильно угнетаемых или же как получающих некие собственные привилегии? Получают ли они привилегии за свою белокожесть? Как только такие вопросы начинают задаваться, разве удивительно, что некоторые люди приводят на них ужасающие ответы? В Иллинойском университете в Урбана в 2017 году на территории кампуса появились листовки, которые предлагали свой собственный ответ. Они представляли иерархическую пирамиду, в основе которой находились «99%» людей, якобы угнетаемых 1% людей. На листовках спрашивалось, были ли эти принадлежащие к 1% люди «гетеросексуальными белыми мужчинами» — или же «1% составляли евреи?» Авторы, похоже, знали ответ на этот вопрос и писали, что евреи являлись изначальными обладателями «привилегии», а в заключении обозначили, что «уничтожение белой привилегии начинается с искоренения еврейской привилегии». Абсолютно ли уверены те, кто занимаются бесконечными утверждениями о «привилегиях», что их движение и анализ не пойдут по такому пути? Уверены ли они в том, что после того, как они не отпустили обиду, но поощрили ее, такое естественное для человека чувство не выйдет из-под контроля? Каковы их защитные барьеры для того, чтобы предотвратить это? Если нет никакого хорошего плана на этот случай, то, возможно, нам

Безумие толпы

стоит вернуться к тому, как это видел Мартин Лютер Кинг. Возможно, мы могли бы убрать расовый аспект из всех споров и дискуссий и вернуть нашу растущую одержимость цветом кожи обратно в стремление к «слепоте к цвету».

Деполитизация жизни

Цель политики идентичности, по-видимому, состоит в том, чтобы политизировать абсолютно все. В том, чтобы превратить любой аспект человеческих взаимоотношений в вопрос политики. В том, чтобы интерпретировать любое действие и любые отношения в нашей жизни как выстроенные вдоль линий, продиктованных политическими действиями. Призывы к тому, чтобы тратить свое время на поиск своего места и мест других людей в иерархии угнетения — это приглашение не просто к началу эпохи самокопания, но к превращению любых человеческих взаимоотношений в сравнение политических сил. Новая метафизика включает в себя призыв найти смысл в этой игре: бороться, сражаться, вести кампанию и «объединяться» с людьми с целью достичь земли обетованной. В эпоху, когда жизнь не имеет цели, а у Вселенной нет явного смысла, этот призыв к политизации всего и к борьбе за это имеет свою неоспоримую привлекательность. Он наполняет жизнь своего рода смыслом.

Но из всего, в чем люди могут найти смысл для своих жизней, политика — не говоря уже о политике таких масштабов, — это один из самых удручающих вариантов. Политика может быть важным

аспектом нашей жизни, но в качестве источника личного смысла она губительна. Не только потому, что амбиции, к которым она стремится, почти всегда недостижимы, но и потому, что поиск личного смысла в политике часто наделяет политику страстью — включая ярость — которая искажает все. Если два человека в чем-то не согласны друг с другом, то они могут не соглашаться сколько душе угодно, если целью их спора является поиск истины или компромисса. Но если одна из сторон весь смысл своей жизни сводит к какому-то аспекту этого спора, то шансы на дружелюбный спор исчезают, а вероятность нахождения истины понижается.

Один из способов дистанцироваться от безумия нашего времени — сохранить интерес к политике, но не полагаться на нее как на смысл жизни. Нужно призывать людей делать их собственные жизни проще, а не вводить себя в заблуждение, посвящая свои жизни теории, которая не отвечает ни на какие вопросы, ничего не предсказывает и является легко фальсифицируемой. Смысл может быть найден в самых разных вещах. Для большинства людей он может быть найден в любви к людям и местам вокруг них: в друзьях, в семье и близких, в культуре, окружающем мире и его чудесах. Ощущение наличия смысла в жизни можно достичь, поняв, что является важным в нашей жизни, а затем, со временем, двигаясь все ближе по направлению к этому. Расходовать себя на политику идентичности, социальную справедливость (в этом ее проявлении) и интерсекциональность — пустая трата жизни.

Безумие толпы

Мы, конечно, можем стремиться жить в обществе, в котором персональные характеристики, доставшиеся нам случайно, никого не должны ограничивать от того, чем ему заниматься. Если у кого-то есть способность и желание делать что-то, то ничто, связанное с их расой, полом или сексуальной ориентацией, не должно быть этому помехой. Но минимизировать различия — не значит притворяться, будто различий не существует. Предполагать, будто пол, сексуальная ориентация и цвет кожи ничего не значат, нелепо. Но и предполагать, будто они означают все, — губительно.

БЛАГОДАРНОСТИ

Это вторая книга, которую я издаю с помощью издательства «Bloomsbury», и мне снова невероятно приятно работать с его командой. В частности, мне очень помогли поддержка, советы и редакторское руководство Робина Бэйрда-Смита, а также Джейми Биркетта, среди прочих, из лондонского отделения. Я бы хотел особо поблагодарить моего агента, Мэтью Гамильтона из «The Hamilton Agency».

Название этой книги позаимствовано из названия работы шотландского журналиста Чарльза Макэя «Необычайно популярные заблуждения и безумие толпы». Я надеюсь, он бы позволил мне украсть его, учитывая досадную распространенность явления, которое он описал 180 лет назад.

Еще несколько книг назад я научился с опаской относиться к выражению благодарности любому человеку, не говоря уже обо всех, который внес хоть какой-то вклад в мою работу. Не потому, что я не благодарен им, а потому, что мне не хочется составлять список людей, которых впоследствии могли бы обвинить в соучастии. В особенности это касается этой книги. Тем не менее я был бесконечно

Безумие толпы

благодарен за огромное количество бесед, которые я вел с людьми на четырех континентах в процессе поиска материала и написания этой книги. И я бы хотел очень искренне поблагодарить всех членов моей семьи и друзей.

Однако одного человека я все же назову, поскольку, помимо того, что он несколько раз появлялся в этой книге, некоторые из представленных в ней идей были лучше всего отточены путем тестирования на его экстраординарном уме. Из всех людей, которые были мне полезны во время обсуждения этих вещей, никто не расширял границы моего разума так часто, как Эрик Вайнштейн. Я счастлив приписать наилучшие из моих идей и наблюдений его авторству, настаивая при этом, что наилучшие из них — мои собственные.

*Дуглас Мюррей
Июль 2019*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Культурные войны, как и все войны, могут утихнуть и вновь вспыхнуть в течение нескольких дней. Когда книга «Безумие толпы» была опубликована в сентябре 2019 года, я ожидал немедленного отлучения от любого приличного общества, какое еще существовало. Однако упреков не последовало. Как и в случае с книгой-предшественницей — «Странная смерть Европы» — я прошагал по одной из самых взрывных проблем нашего времени — только для того, чтобы обнаружить, что я еще здесь.

И не просто живой. Эта книга, как и ее предшественница, моментально стала бестселлером, и даже отзывы были в основном справедливыми. Конечно, соблюдалась некоторая осторожность, как если бы нужно было поддерживать некий уровень критики. Но в целом книга была встречена тепло, и к аргументам, изложенным в ней, отнеслись серьезно.

Все это наталкивает на мысль о том, что ответная реакция на перегибы в «прогрессивной» идеологии уже начала появляться. А также, возможно, о том, что течение, в которое человек вступает, когда критикует эту идеологию, не так уж холодно, как

Безумие толпы

мы себе представляем. Конечно, оно может быть холодным, но, возможно, резкое понижение температуры в нем все же преувеличено? Люди сегодня так много говорят об «отмене» чего-либо, что, возможно, мы слишком редко спрашиваем: «Что самое плохое, что может случиться?», или попросту: «И что тогда?»

Однако легко быть беспечным. Для многих людей ответ на этот вопрос звучит так: «Много чего». Способность говорить правду и выживать, по-видимому, зависит — помимо прочего — от того, в каком духе делается ваша работа. «Культура отмены» однозначно существует. И к настоящему моменту стало понятно, как она работает. Она действует наиболее эффективно, когда может распознать иерархию, стоящую над человеком, которая сама по себе является шаткой, непрочной или в чем-то уязвимой к давлению толпы. Университеты стали главным тому примером. Увольнение Кембриджским университетом Ноа Карла и профессора Джордана Питерсона (последнего отстранили от временного преподавания) в 2019 году наглядно продемонстрировало, как толпы плохо информированных активистов могут заставить древнее учреждение пойти против единственных принципов, которые оправдывают его существование. В конце концов, если университет будет поощрять непрофессионалов судить профессионалов и будет отдавать предпочтение людям, которые не читают, вместо тех, которые читают, то какой тогда смысл в университете?

Конечно, проблема шире. В Великобритании мы наблюдали случаи вроде того, когда работник супермаркета ASDA Брайан Лич, которого уволили

с работы (хотя впоследствии его восстановили — после негативной реакции общественности) за то, что тот опубликовал видео с Билли Коннолли. Когда Билли Коннолли рассказывает неприличную шутку, он укрепляет свой статус национального достоинства. Но когда работник супермаркета публикует ту же шутку в соцсетях, он может внезапно оказаться без работы. Пока мы пытаемся в точности понять, каковы правила, неудивительно, что многие люди чувствуют себя вынужденными молчать.

Тот же эффект можно наблюдать в случае с Гарри Миллером, бывшим полицейским, которому пришлось потратить год своей жизни на судебные тяжбы после того, как британская полиция появилась на его рабочем месте, чтобы сказать ему, что некоторые оставленные им комментарии и ретвиты о трансгендерах образовали так называемый «непреступный инцидент ненависти». После того, как Миллер успешно подал в суд на полицию, выяснилось, что за последние несколько лет они зарегистрировали 120 000 таких «непреступных инцидентов ненависти», что такие «не-преступления» могли появиться во время проверки данных о человеке во время приема на работу и помешать ему получить работу. Далее выяснилось, что совет от полицейской коллегии состоял в том, что любое действие, которое, как покажется, может быть мотивировано враждебностью к религии человека, его расе или идентичности, должно быть зарегистрировано «вне зависимости от того, есть ли доказательства, помогающие выявить элемент ненависти».

Есть люди, которые утверждают, что масштаб «прогрессивной» идеологии преувеличен, но труд-

Безумие толпы

но переоценить проблемы, ожидающие общество, в котором полиция стала полицией мысли, а отсутствие доказательств воспринимается как не имеющее значения при регистрации преступления. В течение последнего года мне регулярно присылали сообщения, и ко мне регулярно после окончания мероприятий подходили люди, работающие в государственном секторе, в Национальной системе здравоохранения, частных и государственных компаниях — они рассказывали о том, как их отделы кадров пытались навязывать нынешнюю ортодоксию и как они сами ловко скрывали свои собственные взгляды, в то время как идеология нашей эпохи проходила мимо. Но надежда есть, и, возможно, случай Миллера и другие обнажат перегиб, остро нуждающийся в исправлении.

Среди наиболее интересных событий, случившихся с момента первого издания этой книги, было воплощение догмы, о которой я рассказывал в конце. В главе, посвященной трансгендерности, я упомянул о подножке для феминисток — о месте, где некоторое количество храбрых женщин сознательно или не очень наткнулись на проблему трансгендерности. Число этих женщин значительно выросло за последний год. И их ряды значительно пополнились благодаря вежливому, но твердому заявлению Дж. К. Роулинг, что женщины существуют, что они не должны быть стерты и что их не должны называть (как это сделал автор статьи, которой возмутилась Роулинг) «людьми, которые менструируют». Сегодня есть значительное число людей во все более организованных группах, которые настаивают, что биологический пол нельзя игнорировать и что он не

является нематериальным. В этом и в других отношениях, несомненно, началась общественная реакция на крайние проявления транс-идеологии. Если читатель простит меня за то, что я отмечу свою собственную «привилегию», именно в прошлом году для меня становилось все более очевидно, что в деятельности наиболее неприятных транс-активистов есть закономерность. Поскольку именно феминистки — те люди, кто не готов соглашаться с каждым заявлением транс-идеологии и против кого теперь, что возмутительно, больше всех протестуют, кого лишают присутствия на платформах и всячески оскорбляют.

Ранее в этом году около пятой части от общего числа сотрудников «The Guardian» подписали петицию, обращенную к их главному редактору, которая направлена против права Сюзанны Мур вести колонку в этой газете. Преступление Мур заключалось в том, что она вернулась к дискуссии о транс-сексуальности, описанной в этой книге, что было достойно восхищения, и, как и многие из героических феминисток, упомянутых в книге, по-прежнему не желала мирно предать биологию. Аналогичным образом преследование Дж. К. Роулинг за ее бесспорные комментарии было настолько непропорционально большим, что мне стало ясно, что происходит что-то особенное. В ее случае не только развернулась кампания со стороны обычных активистов — также против нее ополчилась гей-пресса, большинство актеров, которые с ее помощью стали миллионерами, по очереди осудили ее, и была угроза забастовки среди работников издательства, в котором она публиковалась, — Hachette.

Чем больше я думал об этом, тем яснее понимал, что может быть пара причин тому, почему критикующие транс-повестку феминистки испытывали проблемы, которых не испытал я. Первая — это возможность того, что я выразил свои мысли более осторожно, с сочувствием относясь к некоторым аспектам проблемы трансгендерности, хотя ни в коем случае не ко всем. Вторая заключается в том, что вне зависимости от того, что я пишу, экстремисты интуитивно чувствуют (и совершенно правильно), что негодование, направленное на меня, меня ни капли не беспокоит. Но я подозреваю, что третья причина является возможной причиной тому, что происходит на самом деле. Как я сказал писательнице Лайонел Шрайвер на большом мероприятии, организованном изданием «The Spectator» пару месяцев спустя после публикации книги, я не могу перестать думать, что за желанием транс-активистов протестовать против других мероприятий, на которых выступают женщины, стоит целый набор очень некрасивых и, да, возможно, женоненавистнических убеждений. Они включают в себя идею того, что женщин легче травить, чем мужчин (в этом случае они уделяют слишком мало внимания характеру и стойкости этих женщин). Или что транс-активисты воспринимают женщин, критикующих транс-движение, как особенно опасных для себя (это взгляд, который, как я заметил, был присущ исламистам в другом контексте по отношению к своим критикам женского пола, таким, как Айнаан Хирси Али). Или, возможно, нацеливаясь на женщин, транс-активисты в действительности дают волю коктейлю из

эмоций, который включает зависть, хотя и не ограничивается ею.

Как и предсказывалось в этой книге, число судебных дел, направленных против сторонников идеи о «транс-детях» и тех, кто призывает к медицинскому и хирургическому вмешательству, уже начало расти. В Великобритании один молодой человек, которого в пути к смене пола сопровождала знаменитая Тавистокская клиника, теперь получил разрешение подать в суд на это учреждение. Рассказы о тревогах, высказанных некоторыми сотрудниками клиники, в частности, напоминают об одной из истин, которые пытается подчеркнуть эта книга: наша эпоха делает некоторые вещи, которые мы бы не стали делать, если бы позволили себе продолжать думать.

Еще один аспект транс-дискурса, в котором что-то изменилось с момента публикации книги, — это раскол внутри ЛГБТ-сообщества, или «алфавитных людей», как назвал их Дэйв Чаппель в комедийной передаче на «Netflix», которая вышла примерно в то же время, что и «Безумие толпы». Чаппель заметил, что воображаемая машина, в которой ехали «ЛГБ», похоже, замедлилась или отклонилась от курса, когда в нее сели представители группы «Т». В этом и других профессиональных вмешательствах я заметил нарастающее осознание того, что, хотя трансгендеры, безусловно, заслуживают того же достоинства и понимания, что и другие люди, у «Т» мало чего общего с «Л», «Г» и «Б».

Поскольку, как я пытался здесь показать, виды борьбы за права не одинаковы, и к настоящему моменту должно быть ясно, что споры о «Т» не следу-

ют пути развития споров о «Л», «Г», «Б». Если выразить разницу между «ЛГБ» и «Т» кратко, то вот что мы получим: активисты движения за права геев никогда не говорили: «Мы существуем, мы квиры, а это значит, что нет такой вещи, как биологический пол». Или: «Мы существуем, мы квиры, а это значит, что мы считаем, что пенисы и вагины — это навязанные социальные конструкты». Они делали заявления о правах, но не требовали от остального общества коренным образом изменить свое представление о биологии, например, для того, чтобы эти права получить. Таковы утверждения транс-экстремистов сегодня, и что еще более тревожно — это то, что они успешно убедили податливую часть населения согласиться с ними. До недавнего времени никто не призывал к использованию фразы вроде «гендер, приписанный при рождении» вместо слова «пол». Но просто обратите внимание на то, какая совершается работа в связи с этой часто используемой фразой — она предполагает, что ребенок мог бы успешно родиться с тем гендером, который ему хочется иметь, если бы ему не помешали фанатичные, гетеронормативные врачи родильного отделения.

Тот факт, что такие сводящие с ума идеи больше не таятся в каком-то темном идеологическом углу, можно увидеть по их принятию в политический мейнстрим. В октябре 2019 года кандидаты от демократов на пост президента США приняли участие в «ЛГБТ-Таунхолле» — событии, которое, по крайней мере для наблюдателя, больше было похоже на побег из психиатрической клиники. Дело было даже не в том, что чернокожая транс-активистка

запретила (чернокожему и гомосексуальному) ведущему Дону Лемону говорить просто потому, что она победила его в соревновании по количеству обид в области идентичности, но в том, что Элизабет Уоррен (среди прочих) реагировала только при помощи возгласа «ура» и аплодисментов каждый раз, когда появлялся некий родитель с «транс-ребенком». В Великобритании дела обстояли не лучше. В феврале 2020 года член парламента от лейбористской партии и теневой госсекретарь по делам женщин и равноправия, Доун Батлер, заявила в рамках студийной дискуссии, что «ребенок рождается без пола». Прежде чем отругать своего интервьюера за упоминание анатомии, Батлер устало сказала: «Разговоры о пенисах и вагинах не помогут дискуссии». Как если бы это было устаревшим, прошлым веком.

Я испытал на себе прикосновение этого безумия в ту неделю, когда книга была опубликована. Так совпало, что это произошло на той же неделе, когда певец Сэм Смит объявил себя «небинарным». Это случилось уже после того, как он объявил себя геем (в 2014 году) и «гендерквиром» (в 2017 году). До сих пор я не получил объяснений тому, что означает слово «небинарный», не считая настойчивых слов о том, что это человек, который не идентифицирует себя исключительно как мужчина или женщина. Как и не нашел я никаких объяснений разницы между «гендерквиром» и «небинарностью». На самом деле я все еще готов предложить денежное вознаграждение тому, кто доходчиво объяснит мне разницу между тем, чтобы объявить себя «небинарным» человеком, и тем, чтобы попросту сказать

Безумие толпы

«обрати на меня внимание». Но опять же, интерес из себя представляли не действия Смита, а реакция людей и медиа. Сайт BBC, к примеру, немедленно уступил требованию Смита о том, чтобы к нему отныне обращались при помощи местоимения «они» (множественное число) и моментально начали терзать язык, обращаясь к нему как к «ним». В течение моего появления на программе «Today» на BBC я упомянул, что это была не слишком желательная уступка. Другая гостья отругала меня за то, что я не выполнил требование Сэма Смита, хотя, к моему удовольствию, она позже продемонстрировала сложность выполнения этого требования, когда неоднократно называла Смита «он».

Этот эпизод вызвал всплеск интереса ко мне, в рамках которого еще сохранившиеся гей-издания в США и Великобритании незамедлительно опубликовали статьи о моем появлении на BBC, описав меня соответственно как «правого британского писателя» и «консервативного журналиста». Оба издания утверждали, что я был «эпически научен уму-разуму», был повинен в «мисгендеринге» и был «мастерски заткнут». Ни одна из этих кликбейтных статей не вызвала у меня и малейшего интереса. Что меня интересовало вместо этого, так это то, что обе публикации скрывали от своих читателей тот факт, что я гей. При этом я был рад быть включенным в список людей, которых я цитирую в этой книге, чьи черты характера были стерты из-за того, что они придерживались «неправильных» взглядов.

Теперь стало довольно очевидно, почему дискуссия о трансгендерности оказалась столь острой.

Помимо того, что существовали профессионалы, которым нужно было новое дело, эта дискуссия явно подпитывается общим страхом, что мы будем заблуждаться по отношению к трансгендерам — точно так же, как наше общество однажды слишком долго распознавало расизм, сексизм и гомофобию. В этом смысле он вписывается в более широкий контекст, который я описывал как «сверхкомпенсацию»: что безумие, во времена которого мы живем, является чрезмерной реакцией на тот факт, что в прошлом против людей существовало предубеждение и что самый быстрый и самый лучший способ справиться с этим — это гиперкомпенсация в течение какого-то времени для того, чтобы быстрее достичь равенства. На самом деле это привело к тому, что некоторым группам общества попросту было сказано, что они менее ценны, чем другие группы: мужчины не так умны, как женщины, белые люди более достойны пренебрежения, чем чернокожие, и гетеросексуальность — это попросту скучно, постыдно.

Опубликовав эту книгу и поспорив о ней с самыми разными людьми, я прояснил для себя еще одну мысль. В эпоху профессионального политического разделения я не очень-то заинтересован в поиске аргументов, которые еще больше разобщат людей. Но мне стало очень интересно, о каких условиях и принципах мы, можно сказать, договорились. Мне кажется, что о подавляющем проценте населения можно сказать, что он имеет одно общее стремление: что ни один человек, способный сделать что-либо, не должен встречать препятствий на пути к достижению этого из-за своей характери-

Безумие толпы

стики, над которой он не имеют власти. Поэтому ни одной девушке, ни одному чернокожему человеку или негетеросексуальному человеку не должны мешать войти в профессию или добиться в ней успеха только из-за их пола, расы и сексуальной ориентации. Это — то стремление, с которым согласно большинство людей по обе стороны от политического «водораздела». Хотя для краткосрочной политической выгоды некоторые люди делают вид, что это не так, единственные вопросы, которые остаются нерешенными, связаны с тем, каковы будут наилучшие пути для того, чтобы обеспечить воплощение и поддержание этого стремления.

Для какой-то части политических левых, среди прочих, ответ заключается в квотах, мстительной охоте на тех, кто не согласен с новой ортодоксией, и в принятии утверждений о человеческой природе, которые, как можно доказать, ложны. Некоторым из нас эта методология кажется не только неспособной достичь воплощения нашего общего стремления, но и с большей вероятностью способной породить еще большую разрозненность и — со временем — жесткую ответную реакцию. Тем не менее, политические правые нуждаются в собственном объяснении того, как это стремление может быть достигнуто и, как только оно будет достигнуто, поддержано. Консервативный нарратив, как правило, в этом и других вопросах утверждает, что ответ находится в человеке. Сторонник этого нарратива мог бы указать на то, например, что нынешний президент США назначил открытых гомосексуалов на более высокие посты, чем любой другой из предшествующих президентов-

республиканцев и президентов-демократов. Кроме того, он мог бы указать на то, что нынешний британский кабинет министров является самым этнически разнообразным кабинетом министров за всю историю Великобритании. Но все это влечет за собой свои проблемы, не в последнюю очередь привлекая внимание и всячески увековечивая именно то одержимое цветом кожи, полом и сексуальной ориентацией общество, которое подобные люди, должно быть, надеются оставить позади. Каким может быть консервативное предложение по поводу того, как справляться с оставшимися преградами на пути к раскрытию потенциала человека, остается в какой-то степени неясным и может и дальше оставаться таковым. Однако в течение прошлого года стало ясно, что надо срочно найти решение проблемы ультра-раскола, который в нашем обществе создала политика идентичности. В начале этого года, когда разразился кризис, связанный с вирусом COVID-19, некоторое число людей — включая меня — задавались вопросом о том, не пришла ли политика идентичности к своему естественному концу. В конце концов, когда весь мир оказался на грани настоящей катастрофы и у каждого были настоящие проблемы, желание слушать людей, у которых были преувеличенные или выдуманнные проблемы, могло бы уменьшиться. В самом начале этого кризиса Сэм Смит опубликовал в соцсетях фотографии, на которых он плакал в своем особняке, сидя на локдауне. Ответ на это был менее благосклонным, чем тот, который он, очевидно, надеялся получить. Хотя какой-то острослов

Безумие толпы

в Интернете и заметил, что «им» хотя бы «они» могли составить компанию. Но, по большому счету, эти и другие попытки продолжить продвигать проблемы непервостепенной важности перед лицом глобальной пандемии отступили.

Но ненадолго. Во-первых, совершались последовательные попытки радикализировать вирус COVID-19, когда журналисты и политики в Великобритании и США постоянно указывали на более высокий уровень смертности среди этнических меньшинств. Конечно, для этого могло быть множество других причин, включая скрытые (и генетические) проблемы со здоровьем. Но все эти статистические данные были представлены так, как если бы они являлись еще одним доказательством расизма в этих обществах. В то же самое время, как существовал полуофициальный запрет на то, чтобы называть вирус «китайским» или «уханьским», казалось, разворачивалась согласованная попытка представить западные демократические общества настолько расистскими, что мы не можем получить из-за границы вирус, не превратив его в расистский. В других местах были попытки протолкнуть идею, что вирус атакует непропорционально большое количество женщин. Когда статистика показала, что среди погибших больше мужчин, те же самые комментаторы поспешили сказать, что, хотя мужчины чаще умирали, женщины каким-то образом больше страдали. В таких примерах можно обнаружить лежащие в основе наших свободных обществ болезни: невозможность противостоять пандемии, не глядя на нее сквозь привычные, разделяющие общество очки.

Тем не менее, я пришел к выводу, что, пока активисты и истинные фанатики, у которых для взгляда на мир есть лишь одна линза, могут удвоить уверенность в своих убеждениях, терпимость широкой общественности к таким активистам уменьшится. Никто не мог ожидать, какое сильное извержение произойдет на самом деле.

На третьем месяце всемирного локдауна появилось видео, на котором полицейский из Миннесоты задерживает и убивает безоружного чернокожего мужчину по имени Джордж Флойд. Миннесота взорвалась гневом, как и другие города в Америке, а затем и во всем мире. Страны, в которых было все еще незаконно собираться толпами, внезапно решили тысячам людей протестовать — и во многих случаях бунтовать, грабить и нападать на полицию — все во имя расовой справедливости. Из этого эпизода можно было извлечь большое количество уроков. Скорость, с которой проблема, свойственная одной стране — в данном случае проблема полицейского насилия в США, — может выплеснуться и накрыть собой политическую и социальную ситуацию в любой другой стране, огромна. Так что, хотя многие протестующие движения «Black Lives Matter» намеревались выразить свое мнение мирным путем, их протесты неизменно приводили к насилию, причем протесты даже в таких далеких городах, как Стокгольм и Брюссель, перерастали в беспорядки и грабежи.

Другим уроком, заслуживающим внимания, было то, как легко было правому делу (противодействию поступку полицейского из Миннесоты) быть пропущенным сквозь разделяющую призму, опи-

Безумие толпы

санную в главе «Раса» в этой книге, а затем быть эффективно завязанным целым обществом. В дни, последовавшие за убийством Джорджа Флойда, случались атаки на памятники и монументы по всей Великобритании, включая свержение статуи рабовладельца и местного филантропа Эдварда Колстона в Бристоле — толпой, которая затем начала прыгать на статуе. В Лондоне Кенотаф, посвященный памяти погибшим во время Первой мировой войны, был разрушен, а статую Уинстона Черчилля в конечном итоге упаковали в коробку для сохранности. В США случились многочисленные атаки на статуи Отцов-основателей. В одночасье книги Робин Ди-Анджело (известной своей книгой «Белая хрупкость») и других, кто был описан в этой книге, не просто стали мейнстримом, но и стали предлагаться в качестве обязательного чтения. Словосочетания вроде «белая вина» внезапно получили наибольший толчок за все время своего существования и из окраин американского академического сообщества попали в самую культуру. Внезапно политиков и других публичных деятелей по всему Западу стали просить «преклонить колена». Корпорации сбивались с ног, стремясь продемонстрировать свою верность движению «Black Lives Matter» и подчеркнуть или вновь обратить внимание на их приверженность повестке «равенства» и «разнообразия». Компании, начиная от «Patreon» и заканчивая фирмой по производству мороженого «Ben and Jerry's», вдруг начали предполагать, что их главной целью в жизни была борьба с расизмом, которая представлялась таким насущным и серьезным риском для общественного здо-

ровья, что он даже превзошел страх распространения вируса COVID-19. В этот момент стало очевидно, что из себя теперь представляют истинные священные темы в нашем обществе. Вскоре старые, а иногда и совсем недавние, фильмы и телевизионные комедии начали исчезать из стриминговых сервисов, члены правительств, такие, как мэр Лондона, объявили о ревизии всех общественных скульптур, а требования того, чтобы Великобритания и западные страны работали над искуплением своего колониального прошлого, стали совершенно мейнстримными.

Последствия всего этого еще не наступили. Но ответ движению «Black Lives Matter» и тому, в чем оно перегибало палку, все еще может повлечь за собой возвращение белой политики идентичности как раз того типа, о каком я и другие предупреждали. Смерть Джорджа Флойда оказалась не только основой для требования реформирования американской полицейской системы, но и нападением на то, что называлось «белой культурой» в целом.

Для некоторых из нас это очень зловещий поворот событий. Мы возложили надежду на то, что всеобщая культура восторжествует и будет доступной для всех. Если заставить большинство населения чувствовать, что почти все в их культуре и истории подвергается не просто критике, но атаке, то вместо уменьшения расовой политики в последующие годы они, возможно, получат величайший ее рост. Я беспокоюсь об этом сейчас больше, чем о чем-либо другом. То, как призывы к справедливости превратились в призывы к исторической мести; то, как призывы к исчезновению расы как проблемы пере-

Безумие толпы

шли в превращение «антирасистами» расы в центральную тему, посредством которой нужно понимать общество; и то, как (как я пишу в книге) содержание чьей-то речи стало второстепенным и в конечном счете почти совсем не важным по сравнению с идентичностью говорящего.

Мое поколение было воспитано с идеей о том, что цвет кожи человека не имеет значения. Теперь нам говорят, что отсутствие постоянного внимания к расе делает нас расистами. Мне это не кажется прогрессом. Но посмотрим. Я начал этот год в надежде, что разделяющие людей утверждения от политики идентичности, «социальной справедливости», интерсекциональности и им подобных начали отступать под тяжестью собственных противоречий и последствий их собственных перегибов. Кажется, надежда была напрасной. Оказывается, какой бы неудачной и несостоятельной ни была такая философская школа, эту повестку попытаются развернуть во всем западном мире — с невероятной силой, энергией и решимостью. И все это — ради свершения большого возмездия. Этой книги, возможно, будет недостаточно для того, чтобы это предотвратить, но, по крайней мере, я могу похвастаться тем, что она рассказывает историю происхождения мира, в который мы, похоже, несемся сломя голову.

Дуглас Мюррей
Июль 2020

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 See Jean-Francois Lyotard (trans. Geoff Bennington and Brian Massumi), *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*, Manchester University Press, 1984, pp. xxiv and 37.
- 2 Jaron Lanier, *Ten Arguments for Deleting your Social Media Accounts Right Now*, Henry Holt, 2018, p. 26.
- 3 Coleman Hughes in conversation with Dave Rubin, *The Rubin Report*, YouTube, 12 October 2018.
- 4 'Hunger strikers died for gay rights, claims Sinn Fein senator Fintan Warfi eld', *Belfast Telegraph*, 15 August 2016.
- 5 См. <https://twitter.com/EricRWeinstein/status/1066934424804057088>
- 6 See Greg Lukianoff and Jonathan Haidt, *The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas are Setting up a Generation for Failure*, Allen Lane, 2018, pp. 5 — 7ff.
- 7 APA Guidelines for psychological practice with men and boys, August 2018: <https://www.apa.org/about/policy/boys-men-practice-guidelines.pdf>

Безумие толпы

- 8 See 'Views of racism as a major problem increase sharply, especially among Democrats', Samantha Neal, Pew Research Center, 29 August 2017.
- 9 Ekow N. Yankah, *The New York Times*, 11 November 2017.
- 10 Helen Pidd, 'Women shun cycling because of safety, not helmet hair', *The Guardian*, 13 June 2018.
- 11 Tim Hunt interview by Robin McKie, 'I've been hung out to dry', *The Observer*, 13 June 2015. What got him into trouble were these words: 'Let me tell you about my trouble with girls. Three things happen when they are in the lab. You fall in love with them, they fall in love with you, and when you criticise them, they cry.'
- 12 See the exchange between Senator Katy Gallagher and Senator Mitch Fifield in the Australian Senate on 11 February 2016.
- 13 See for instance this thread: <https://twitter.com/HarryTheOwl/status/1088144870991114241>
- 14 CNN interview with Rep Debbie Dingell, 17 November 2017.
- 15 Kenneth Minogue, *The Liberal Mind*, Liberty Fund, Indianapolis edn, 2000, p. 1.
- 16 *Good Morning Britain*, ITV, 5 September 2017.
- 17 John Stuart Mill, *On Liberty*, Penguin, 2006, pp. 60 – 1.
- 18 'Nicky Morgan says homophobia may be sign of extremism', BBC News, 30 June 2015.
- 19 Robert Samuels, *Washington Post*, 29 August 2016.
- 20 'Desert Island Discs: Tom Daley felt "inferior" over sexuality', BBC News website, 30 September 2018.

- 21 'Made in Chelsea's Ollie Locke to become Ollie Locke-Locke', BBC News website, 1 October 2018.
- 22 *The New York Times* (International Edition), 16 October 2017, pp. 15 — 17.
- 23 See for instance Russell T. Davies, 'A Rose by any other name', *The Observer*, 2 September 2001.
- 24 See 'Generation Z — beyond binary: new insights into the next generation', Ipsos Mori, 6 July 2018.
- 25 These are: B. S. Mustanski, M. G. Dupree, C. M. Nievergelt et al., 'A genome-wide scan of male sexual orientation', *Human Genetics*, 116 (2005), pp. 272 — 8; R. Blanchard, J. M. Cantor, A. F. Bogaert et al., 'Interaction of fraternal birth order and handedness in the development of male homosexuality', *Hormones and Behavior*, 49 (2006), pp. 405 — 14; J. M. Bailey, M. P. Dunne and N. G. Martin, 'Genetic and environmental influences on sexual orientation and its correlates in an Australian twin sample', *Journal of Personality and Social Psychology*, 78 (2000), pp. 524 — 36.
- 26 Royal College of Psychiatrists' statement on sexual orientation, Position Statement PS02/2014, April 2014 (https://www.rcpsych.ac.uk/pdf/PS02_2014.pdf).
- 27 Ibid.
- 28 Website of the American Psychological Association, 'Sexual Orientation & Homosexuality' (<http://www.apa.org/topics/lgbt/orientation.aspx>) accessed August 2018.
- 29 Bruce Bawer, *A Place at the Table: The Gay Individual in American Society*, Touchstone, 1994, p. 82.

- 30 Seth Stephens-Davidowitz, *Everybody Lies: What the Internet Can Tell Us About Who We Really Are*, Bloomsbury, 2017, pp. 112 – 16.
- 31 This is why straight men watch porn’, *Pink News*, 19 March 2018.
- 32 ‘Majority in U. S. Now Say Gays and Lesbians Born, Not Made’, *Gallup*, 20 May 2015.
- 33 See the discussion of this episode in Alice Dreger, *Galileo’s Middle Finger: Heretics, Activists, and One Scholar’s Search for Justice*, Penguin, 2016, pp. 182 – 3.
- 34 ‘Attitudes towards homosexuals and evolutionary theory’, in *Ethology and Sociobiology* . There is a useful summary of the Gallup – Archer exchange by Jesse Bering in *Scientific American*, 9 March 2011.
- 35 Aristotle, *Nicomachean Ethics*, Book 7, chs 5 – 6. Incidentally among recent translations, the Cambridge University Press edition (2014) goes with ‘sodomy’ while the Oxford University Press edition (2009) goes with ‘paederasty’ .
- 36 See for instance ‘What are the most cited publications in the social sciences (according to Google Scholar)?’, Elliott Green, LSE blogs, 12 May 2016.
- 37 Michael Foucault, *The History of Sexuality, Volume 1 – The Will to Knowledge*, trans. Robert Hurley, Penguin, 1998, p. 43.
- 38 David Halperin, ‘Historicising the sexual body: sexual preferences and erotic identities in the pseudo-Lucianic *Erotes*’, in Domna C. Stanton (ed.), *Discourses of Sexuality: From Aristotle to AIDS*, University of Michigan Press, 1992, p. 261.

- See also Andrew Sullivan, *Virtually Normal: An Argument about Homosexuality*, Picador, 1996.
- 39 Foucault, *The History of Sexuality*, p. 156.
- 40 Hunter Madsen and Marshall Kirk, *Aft er the Ball: How America Will Conquer its Fear and Hatred of Gays in the '90s*, Doubleday, 1989.
- 41 See Paul Berman, *A Tale of Two Utopias: The Political Journey of the Generation of 1968*, W. W. Norton & Company Ltd, 1996, pp. 154 – 5.
- 42 Bawer, *A Place at the Table*, p. 191
- 43 *Ibid.*, p. 193.
- 44 *Ibid.*, pp. 220 – 1.
- 45 Andrew Sullivan, *Virtually Normal: An Argument about Homosexuality*, Picador, 1996, p. 204.
- 46 Berman, *A Tale of Two Utopias*, pp. 160 – 1.
- 47 @Th eEllenShow, Twitter, 25 October 2017, 5.53 p. m.
- 48 *Daily Telegraph*, 14 February 2018.
- 49 Stop Funding Hate, Twitter, 16 February 2018.
- 50 'Children of same-sex couples happier and healthier than peers, research shows', *Washington Post*, 7 July 2014.
- 51 *Sunday Morning Live*, BBC 1, 27 October 2010.
- 52 'Study identifies predictors of relationship dissolution among same-sex and heterosexual couples', The Williams Institute, UCLA School of Law, 1 March 2018.
- 53 *Pink News*, 25 March 2018.
- 54 Bawer, *A Place at the Table*, p. 188.
- 55 Sir Ian McKellen: Brexit makes no sense if you're gay', *Daily Telegraph*, 10 June 2016.
- 56 Jim Downs, 'Peter Thiel shows us there s a difference between gay sex and gay', *Advocate*, 14 October 2016.

Безумие толпы

- 57 Организация запрещена в России по решению Верховного суда. — примеч. пер.
- 58 'Bret Easton Ellis goes on Twitter rampage after GLAAD media awards ban', *Entertainment Weekly*, 22 April 2013.
- 59 'How straight people should behave in gay bars', *Pink News*, 30 November 2018.
- 60 'In the reign of the magical gay elves', Bret Easton Ellis, *Out*, 13 May 2013.
- 61 Ovid, *Metamorphoses*, trans. A. D. Melville, Oxford University Press, 1998, pp. 60 — 1.
- 62 Daniel Mendelsohn, *The Elusive Embrace: Desire and the Riddle of Identity*, Alfred A. Knopf, 1999, pp. 73 — 5.
- 63 'The social and political views of American professors', a working paper by Neil Gross (Harvard) and Solon Simmons (George Mason), 24 September 2007.
- 64 See <https://www.racialequitytools.org/resourcefiles/mcintosh.pdf>
- 65 Ernesto Laclau and Chantal Mouffe, 'Socialist strategy: Where next?', *Marxism Today*, January 1981.
- 66 Ernesto Laclau and Chantal Mouffe, *Hegemony and Socialist Strategy* (second edition), Verso, 2001, p. 133.
- 67 Ibid., p. 141.
- 68 Ibid.
- 69 Ibid., pp. 159 — 60.
- 70 Laclau and Mouffe, 'Socialist strategy: Where next?'
- 71 Laclau and Mouffe, *Hegemony and Socialist Strategy*, p. 1.

- 72 ‘What happens to #MeToo when a feminist is the accused?’, *The New York Times*, 13 August 2018.
- 73 Steven Pinker, *The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature*, Penguin, 2003, p. x.
- 74 Judith Butler, ‘Further reflections on conversations of our time’, *Diacritics*, vol. 27, no. 1, Spring 1997.
- 75 Consider, for instance, Sheldon Lee Glashow, ‘The standard mode’, *Inference: International Review of Science*, vol. 4, no. 1, Spring 2018.
- 76 https://www.skeptic.com/reading_room/conceptual-penis-socialconstruct-sokal-style-hoax-on-gender-studies
- 77 ‘Hoaxers slip breasteraurants and dog-park sex into journals’, *The New York Times*, 4 October 2018.
- 78 ‘American Psychological Association guidelines for psychological practicewith boys and men’, APA, August 2018, p. 10.
- 79 Steven Pinker, *The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature*, Penguin, 2003, pp. 346 — 50.
- 80 *Ibid.*, p. 350.
- 81 AccessOnline.com video, ‘Rosario Dawson talks grabbing Paul Rudd’s “package” onstage at the 2011 Independent Spirit Awards’, 27 February 2011.
- 82 *The Late Late Show with Stephen Colbert*, CBS, 20 March 2018.
- 83 *Huffington Post*, 11 May 2007.
- 84 RSA Conference, 28 February 2014.
- 85 Mayim Bialik, ‘Being a feminist in Harvey Weinstein’s world’, *The New York Times*, 13 October 2017.
- 86 *The Late Late Show with James Corden*, CBS, 8 February 2016.

Безумие толпы

- 87 See 'Loud and proud! Brand releases sets of \$9.99 plastic stick-on NIPPLES that are sold in two sizes — " cold " and " freezing "', *Mail Online (FeMail)*, 4 April 2017.
- 88 'The hottest new trend is camel toe underwear and we're all over it', *Metro*, 24 February 2017.
- 89 *VICE News* interview with Dr Jordan Peterson, 7 February 2018.
- 90 Christine Lagarde, 'Ten years after Lehman — lessons learned and challenges ahead', IMF blog, 5 September 2018.
- 91 BBC *Question Time*, 19 March 2009.
- 92 'When women thrive' report, Mercer, October 2016.
- 93 'Wall Street rule for the MeToo era: avoid women at all costs', *Bloomberg*, 3 December 2018.
- 94 United States Office of Personnel Management, 'Government-wide Inclusive Diversity Strategic Plan', July 2016.
- 95 See <https://implicit.harvard.edu/implicit>.
- 96 See 'Can we really measure implicit bias? Maybe not', *Chronicle of Higher Education*, 5 January 2017; 'Unconscious bias: what is it and can it be eliminated?', *The Guardian*, 2 December 2018.
- 97 See, for instance, Odette Chalaby, 'Your company's plan to close the gender pay gap probably won't work', *Apolitical*, 22 May 2018.
- 98 'Smaller firms should publish gender pay gap, say MPs', *BBC News*, 2 August 2018.
- 99 Susan Faludi, *Backlash: The Undeclared War Against Women*, Vintage, 1992, pp. 16 — 17.
- 100 Marilyn French, *The War Against Women*, Hamish Hamilton, 1992, pp. 1 — 2.

- 101 Ibid., pp. 5 – 6.
- 102 Ibid., p. 7.
- 103 Ibid., p. 9.
- 104 Ibid., p. 14.
- 105 Ibid., pp. 159 ff.
- 106 Ibid., pp. 210 – 11. Incidentally the ‘women as the embodiment of peace’ theme has a significant lineage. See for instance Olive Schreiner’s *Woman and Labour* (1911).
- 107 See, for instance, Christina Hoff Sommers, *Who Stole Feminism? How Women Have Betrayed Women*, Simon & Schuster, 1995, pp. 11 – 12.
- 108 Laurie Penny (@PennyRed) on Twitter, 6 February 2018: <https://twitter.com/PennyRed/status/960777342275768320>
- 109 Sama El-Wardany, ‘What women mean when we say “men are trash”’, *Huffington Post*, 2 May 2018.
- 110 Ezra Klein, ‘The problem with Twitter, as shown by the Sarah Jeong fracas’, *Vox*, 8 August 2018.
- 111 Georgia Aspinall, ‘Here are the countries where it’s still really difficult for women to vote’, *Grazia*, 6 February 2018.
- 112 *GQ* magazine foreword by Dylan Jones, December 2018.
- 113 ‘APA issues first ever guidelines for practice with men and boys’, American Psychological Association, January 2019.
- 114 ‘We are a nation of hidden feminists’, Fawcett Society press release, 15 January 2016.
- 115 Only 7 per cent of Britons consider themselves feminists’ *The Telegraph*, 15 January 2016.
- 116 YouGov/*Huffington Post*, Omnibus Poll, conducted 11 – 12 April 2013.

Безумие толпы

- 117 'Men with muscles and money are more attractive to straight women and gay men — showing gender roles aren't progressing', *Newsweek*, 20 November 2017.
- 118 James Thurber, *My Life and Hard Times* (1933), reprinted Prion Books Ltd, 2000, pp. 33 — 44.
- 119 See the case of the Covington Catholic High School boys in January 2019.
- 120 Jon Ronson, *So You've Been Publicly Shamed*, Riverhead Books, 2015.
- 121 Barrett Wilson (pseudonym), 'I was the mob until the mob came for me', *Quillette*, 14 July 2018.
- 122 Tess Townsend, 'Google is still mostly white and male', *Recode*, 29 June 2017.
- 123 Private account of discussions involving a major tech company in Brussels, 5 February 2019.
- 124 See 'Twitter "bans women against trans ideology", say feminists', BBC News, 30 May 2018.
- 125 Meghan Murphy, 'Twitter's trans-activist decree', *Quillette*, 28 November 2018.
- 126 'Twitter has banned misgendering or "deadnaming" transgender people', *The Verge*, 27 November 2018.
- 127 Jack Conte interviewed by Dave Rubin on 'The Rubin Report', YouTube, 31 July 2017.
- 128 Google video at <https://developers.google.com/machine-learning/fairnessoverview>.
- 129 Anne Helen Petersen, 'Ten long years of trying to make Armie Hammer happen', *Buzzfeed*, 26 November 2017.
- 130 'Call Me By Your Name star Armie Hammer leaves Twitter after "bitter" *Buzzfeed* article', *Pink News*, 28 November 2017.

- 131 Ashley Lee, ‘Why Luca Guadagnino didn’t include gay actors or explicit sex scenes in “Call Me By Your Name” (Q&A)’, *The Hollywood Reporter*, 8 February 2017.
- 132 “White privilege” lessons for lecturers’, *The Sunday Times*, 11 March 2018.
- 133 See footage on YouTube at <https://www.youtube.com/watch?v=LTnDpoQLNaY>.
- 134 See ‘Campus argument goes viral as Evergreen State is caught in racial turmoil’, *Vice News*, 16 June 2017; <https://www.youtube.com/watch?v=2cMYfxOFBBM>
- 135 See footage on YouTube at <https://www.youtube.com/watch?v=BzrPMetGtJQ>
- 136 See footage on YouTube at <https://www.youtube.com/watch?v=RZtuDqbfO5w>
- 137 See footage on YouTube at <https://www.youtube.com/watch?v=Pf5fAiXYr08&t=1941s>
- 138 Evergreen State College, Board of Trustees meeting, 12 July 2017, on YouTube at <https://www.youtube.com/watch?v=yL54iN8dxuo>
- 139 *Vice News*, 16 June 2017.
- 140 See full video at YouTube https://www.youtube.com/watch?v=hiMVx2C5_Wg
- 141 See video on YouTube at <https://www.youtube.com/watch?v=V6ZVEVufWFI>
- 142 Nicholas A. Christakis, ‘Teaching inclusion in a divided world’, *The New York Times*, 22 June 2016.
- 143 ‘Identity politics: the new radicalism on campus?’, panel at Rutgers University, published on YouTube, 13 October 2017; <https://www.youtube.com/watch?v=2ijFQFiCgoE>

Безумие толпы

- 144 Michael Harriot, “Diversity of thought ” is just a euphemism for “white supremacy”, *The Root*, 12 April 2018.
- 145 The letter of 17 April 2017 can be viewed here: <http://archive.is/Dm2DN>
- 146 Andrew Sullivan, ‘We all live on campus now’, *New York* magazine, 9 February 2018.
- 147 *National Geographic*, April 2018.
- 148 David Olusoga, ‘National Geographic’s righting of its racist wrongs is well meant but slow in coming’, *The Guardian*, 1 April 2018.
- 149 Emily Lakdawalla, Twitter, 13 February 2018.
- 150 *The Root*, Twitter feed, 22 November 2018.
- 151 *Vice*, Twitter, 6 December 2018.
- 152 *Vice* review of *Dumbo*, 13 June 2018. Incidentally the online version of this was changed after wide online ridicule.
- 153 Eliana Dockterman, ‘Altered Carbon takes place in the future. But it’s far from progressive’, *Time*, 2 February 2018.
- 154 Mathieu Murphy-Perron, ‘Let Nora Loreto have her say’, *National Observer*, 11 April 2018.
- 155 ‘Sierra Boggess pulls out of BBC West Side Story Prom over “whitewashing”’, BBC News website, 25 April 2018.
- 156 Ritu Prasad, ‘Serena Williams and the trope of the “angry black woman”’, *BBC News* online, 11 September 2018.
- 157 Carys Afoko, ‘Serena Williams’s treatment shows how hard it is to be a black woman at work’, *The Guardian*, 10 September 2018.
- 158 The video (one of a series) is available on YouTube, produced by Soyheat (posted 23 September 2016).

- 159 See Andy Ngo, 'Would you like some strife with your meal?', *Wall Street Journal*, 31 May 2018.
- 160 Robby Soave, 'White-owned restaurants shamed for serving ethnic food: it's cultural appropriation', *Reason*, 23 May 2017.
- 161 Dawn Butler Twitter, 18 August 2018.
- 162 'Teenager's prom dress sparks cultural appropriation debate', *Independent*, 30 April 2018.
- 163 Lovia Gyarke, 'Lionel Shriver shouldn't write about minorities', *New Republic* blog, September 2016.
- 164 Yassmin Abdel-Magied, 'As Lionel Shriver made light of identity, I had no choice but to walk out', *The Guardian*, 10 September 2016.
- 165 *The Atlantic*, 7 May 2018.
- 166 The original article is captured online here: http://eprints.lse.ac.uk/44655/1/_Libfile_repository_Content_LSE%20Review%20of%20Books_May%202012_week%204_blogs.lse.ac.uk-Intellectuals_versus_society_ignorance_and_wisdom.pdf
- 167 Aidan Byrne, 'Book Review: Intellectuals and Society by Thomas Sowell', LSE Review of Books, 26 May 2012.
- 168 *The View*, ABC, 15 June 2015.
- 169 MSNBC, 17 June 2015.
- 170 'Benedict Cumberbatch apologises after calling black actors "coloured"', *The Guardian*, 26 January 2015.
- 171 Sarah Jeong tweets from 23 December 2014; 25 November 2015; 31 December 2014; 18 November 2014; 1 April 2014.
- 172 Sarah Jeong tweets from 28 November 2014.
- 173 Sarah Jeong tweet from 24 July 2014.

Безумие толпы

- 174 Statement from *The New York Times*, 2 August 2018.
- 175 Quoted in Zack Beauchamp, 'In defence of Sarah Jeong', *Vox*, 3 August 2018.
- 176 Ezra Klein, 'The problem with Twitter, as shown by the Sarah Jeong fracas', *Vox*, 8 August 2018.
- 177 Ta-Nehisi Coates, *The Beautiful Struggle: A Memoir*, Spiegel & Grau, 2008, p. 6.
- 178 *Ibid.*, p. 70.
- 179 *Ibid.*, pp. 74 – 5.
- 180 *Ibid.*, p. 168.
- 181 *Ibid.*, p. 177.
- 182 Ta-Nehisi Coates, *Between the World and Me*, The Text Publishing Company, 2015, pp. 86 – 7.
- 183 Dr Cornel West on Facebook, captured at <https://www.alternet.org/2017/12/cornel-west-ta-nehisi-coates-spat-last-thing-we-need-right-now/>
- 184 For some chapter and verse examples of this see Kyle Smith, 'The hard untruths of Ta-Nehisi Coates', *Commentary*, October 2015.
- 185 'Leak: The Atlantic had a meeting about Kevin Williamson. It was a liberal self-reckoning', *Huffington Post*, 5 July 2018.
- 186 Reni Eddo-Lodge, *Why I'm no Longer Talking to White People about Race*, Bloomsbury, 2017, pp. 14 – 15.
- 187 Photo via Martin Daubney on Twitter, 21 January 2018.
- 188 This piece was later retitled 'How white women use strategic tears to silence women of colour', 7 May 2018.
- 189 See *The Tab*, n.d. 2016.

- 190 See 'Asian Americans suing Harvard say admissions files show discrimination', *The New York Times*, 4 April 2018.
- 191 See Malcolm W. Browne, 'What is intelligence, and who has it', *The New York Times*, 16 October 1994.
- 192 Steven J. Rosenthal review of *The Bell Curve* at <https://msuweb.montclair.edu/~furrgr/steverb.html>
- 193 Douglas Murray in conversation with Jordan Peterson, *UnHerd*, YouTube, 4 September 2018.
- 194 David Reich, 'How genetics is changing our understanding of race', *The New York Times*, 23 March 2018.
- 195 Pete Shanks, 'Race and IQ yet again', Center for Genetics and Society, 13 April 2018.
- 196 Sam Harris, 'Waking up' podcast, with Charles Murray, 23 April 2017.
- 197 Ezra Klein, 'Sam Harris, Charles Murray and the allure of race science', *Vox*, 27 March 2018.
- 198 Quinn Norton on Twitter, 27 July 2013.
- 199 *Ibid.*, 4 September 2009.
- 200 Quinn Norton, 'The New York Times fired my Doppelganger', *The Atlantic*, 27 February 2018.
- 201 'Labour, Work, Action', in *The Portable Hannah Arendt*, Penguin, 2000, pp. 180 – 1.
- 202 Manchester University students paint over Rudyard Kipling mural', *The Guardian*, 19 July 2018.
- 203 See 'Toby Young quotes on breasts, eugenics, and working-class people', *The Guardian*, 3 January 2018.
- 204 Toby Young, 'Confessions of a porn addict', *The Spectator*, 10 November 2001.
- 205 *The Times*, 6 January 2018.

Безумие толпы

- 206 See Toby Young, 'The public humiliation diet', *Quillette*, 23 July 2018.
- 207 'Conor Daly loses Lilly Diabetes sponsorship over remark his father made over 30 years ago', Associated Press, 25 August 2018.
- 208 'Lewis Hamilton apologises for "boys don't wear dresses" remark', BBC News, 26 December 2017.
- 209 *GQ*, August 2018.
- 210 'Moeder van Nathan spreekt: "Zijn dood doet me niks"', *Het Laatste Nieuws*, 2 October 2013.
- 211 Mother of sex change Belgian: "I don't care about his euthanasia death", *Daily Telegraph*, 2 October 2013.
- 212 For instance, see *The Sunday Times*, 25 November 2018, p. 23.
- 213 In relation to the public consultation on the Gender Recognition Act (2018).
- 214 See 'Schools tell pupils boys can have periods too in new guidelines on transgender issues', *Daily Mirror*, 18 December 2018.
- 215 <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/1006>
- 216 Alice Dreger, *Galileo's Middle Finger: Heretics, Activists, and One Scholar's Search for Justice*, Penguin, 2016, p. 21.
- 217 *Ibid.*, p. 20.
- 218 *Ibid.*, p. 6.
- 219 'Masculine Women, Feminine Men', lyrics by Edgar Leslie, music by James V. Monaco, 1926.
- 220 Jan Morris, *Conundrum*, Faber and Faber, 2002, p. 1.
- 221 *Ibid.*, p. 42.
- 222 *Ibid.*, p. 119.
- 223 *Ibid.*, p. 122.

- 224 Ibid., p. 123.
- 225 Ibid., p. 127.
- 226 Ibid., p. 134.
- 227 Ibid., p. 138.
- 228 Ibid., p. 128.
- 229 Ibid., p. 143.
- 230 Dreger, *Galileo's Middle Finger*, p. 63.
- 231 'Criticism of a gender theory, and a scientist under siege', *The New York Times*, 21 August 2007.
- 232 Dreger, *Galileo's Middle Finger*, p. 69.
- 233 Andrea Long Chu, 'My new vagina won't make me happy', *The New York Times*, 24 November 2018.
- 234 See Anne A. Lawrence, *Men Trapped in Men's Bodies: Narratives of Autogynephilic Transsexualism*, Springer, 2013.
- 235 'Stonewall to start campaigning for trans equality', *The Guardian*, 16 February 2015.
- 236 *New York Post*, 16 July 2015.
- 237 When women become men at Wellesley', *The New York Times*, 15 October 2014.
- 238 Julie Bindel, 'Gender benders, beware', *The Guardian*, 31 January 2004.
- 239 Suzanne Moore, 'Seeing red: the power of female anger', *The New Statesman*, 8 January 2013.
- 240 See Suzanne Moore, 'I don't care if you were born a woman or became one', *The Guardian*, 9 January 2013.
- 241 Julie Burchill, 'The lost joy of swearing', *The Spectator*, 3 November 2018.
- 242 Germaine Greer, *The Whole Woman*, Doubleday, 1999, p. 66.
- 243 Ibid., p. 74.

Безумие толпы

- 244 'Germaine Greer defends views on transgender issues amid calls for cancellation of feminism lecture', ABC News, 25 October 2015.
- 245 Ibid.
- 246 Eve Hodgson, 'Germaine Greer can no longer be called a feminist', *Varsity*, 26 October 2017.
- 247 Woman billboard removed after transphobia row', BBC News website, 26 September 2018.
- 248 Debate between Kellie-Jay Keen-Minshull and Adrian Harrop, *Sky News*, 26 September 2018.
- 249 Blogger accused of transphobia for erecting a billboard defining "woman" as "adult human female" is branded "disgraceful" by This Morning viewers — as she insists trans women do not fit the criteria', *Mail Online*, 28 September 2018.
- 250 Julie Bindel, 'Why woke keyboard warriors should respect their elders', *UnHerd*, 24 October 2018.
- 251 See 'April Ashley at 80', Homotopia festival. On YouTube at <https://www.youtube.com/watch?v=wX-NhWb47sc>
- 252 See video from 2 mins in here: <https://vimeo.com/185149379>
- 253 'The school was already calling her "him"', *The Sunday Times*, 25 November 2018.
- 254 Trans groups under fire for 700% rise in child referrals', *The Sunday Times*, 25 November 2018.
- 255 Ibid.
- 256 Michelle Forcier interview on NBC, 21 April 2015: <https://www.nbcnews.com/nightly-news/video/one-doctor-explains-the-journey-for-kidswho-are-transitioning-431478851632?v=railb&>
- 257 <https://vimeo.com/185183788>

- 258 Johanna Olson-Kennedy, MD, 'Mental health disparities among transgender youth: rethinking the role of professionals', *JAMA*, May 2016.
- 259 Singal, 'When children say they're Trans'.
- 260 Wylie C. Hembree, Peggy T. Cohen-Kettenis, Louis Gooren, Sabine E. Hannema, Walter J. Meyer, M. Hassan Murad, Stephen M. Rosenthal, Joshua D. Safer, Vin Tangpricha, Guy G. T' Sjoen, 'Endocrine treatment of gender-dysphoric/gender-incongruent persons: An Endocrine Society clinical practice guideline', *The Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism*, vol. 102, no. 11, 1 November 2017.
- 261 Video at <https://archive.org/details/olson-kennedy-breasts-go-and-get-them>
- 262 Audio available here: <https://vimeo.com/226658454>
- 263 GP convicted of running transgender clinic for children without licence', *The Telegraph*, 3 December 2018.
- 264 'Things not to say to a non-binary person', BBC Th ree, 27 June 2017.
- 265 Figures from the World Economic Forum, June 2018.
- 266 'Philosopher's article on transracialism sparks controversy (updated with response from author)', *Daily Nous*, 1 May 2017.
- 267 *Gay Times* fires "Jews are gross" editor who sent vile tweets', *Pink News*, 16 November 2017.
- 268 'Transgender women in sport: Are they really a 'threat' to female sport?', BBC Sport, 18 December 2018.
- 269 Stephie Haynes, 'Dr. Ramona Krutzik, M. D. discusses possible advantages Fallon Fox may have', *Bloody Elbow*, 20 March 2013.

Безумие толпы

- 270 Joe Rogan conversation with Maajid Nawaz and Sam Harris, *Joe Rogan Experience* 1107, YouTube, 18 April 2018.
- 271 Trans activists call for boycott of film starring Matt Bomer as transgender sex worker', *Pink News*, 15 April 2018.
- 272 Camille Paglia, *Free Women, Free Men: Sex, Gender, Feminism*, Canongate, 2018, p. 133.
- 273 Ibid., pp. 131 – 2.
- 274 CNBC on Twitter, 24 January 2019.
- 275 Here's how much you save when you don't have kids', CNBC, 17 August 2017.
- 276 *The Economist*, Twitter feed, 17 November 2018.
- 277 House of Commons, Hansard, 21 November 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
1. Геи	24
2. Женщины	112
3. Раса	208
4. Транс	312
Заключение	394
Благодарности	439
Послесловие	441
Примечания	459

Научно-популярное издание

Дуглас Мюррей

Безумие толпы
Как мир сошел с ума от толерантности
и попыток угодить всем

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Шеф-редактор *Павел Костюк*
Ведущий редактор *Никита Алексеев*
Дизайнер обложки *Андрей Сауков*
Младший дизайнер *Ольга Смирнова*
Верстальщик *Антон Дятлов*
Корректор *Екатерина Ершова*

В оформлении обложки использованы материалы
по лицензии агентства *Shutterstock, Inc.*

18+

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ*

Подписано в печать 07.09.2021 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «PTSerif».
Усл. п. л. 25,2
Заказ №

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, д. 13